

МОМЕНТ БУРИ

ЗАРУБЕЖНАЯ

НАУЧНАЯ

ФАНАСТИКА

МОМЕНТ БУРИ

ЗАРУБЕЖНАЯ
НАУЧНАЯ
ФАНТАСТИКА

ПЕРЕВОД
С АНГЛИЙСКОГО

Москва
«Мысль»
1991

ББК 83.33
М76

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ГЕОГРАФИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Составитель В. С. Кондратьев

ISBN 5-244-00224-4

Все произведения, включенные в данный **сборник**,
опубликованы на языке оригинала до 1973 г.

© Составление, В. С. Кондратьев, 1991

© Оформление, Издательство «Мысль», 1991

МОМЕНТ БУРИ

Однажды на Земле наш старый профессор философии, войдя в аудиторию, с полминуты молча изучал шестнадцать своих жертв (вероятно, засунул куда-нибудь конспект лекции). Удовлетворенный наконец создавшейся атмосферой, он спросил:

— Что есть Человек?

Он совершенно точно знал, что делает, — в его распоряжении было полтора часа свободного времени.

Один из нас дал чисто биологическое определение. Профессор (помнится, фамилия его была Макнитт) кивнул и спросил:

— Это все?

И начал занятие.

Я узнал, что Человек — это разумное животное, что Человек — это нечто выше зверей, но ниже ангелов, что Человек — это тот, кто любит, смеется, использует орудия труда, хоронит своих усопших, изобретает религии, тот, кто пытается определить себя (слова Поля Шварца, с которым я дружил и делил комнату. Интересно, что с ним стало?).

Мне до сих пор кажется, что мое определение было самым точным; я имел возможность проверить его на Терре-дель-Сигнис, Земле Лебеда...

Оно гласило: «Человек есть полная сумма всех его свершений, надежд на будущее и сожалений о прошлом».

На минуту отвлекитесь и подумайте. Это всеобъемлющее определение. Оно включает в себя и вдохновение, и любовь, и смех, и культуру... Но оно и вполне конкретно. Разве к устрице подходит последняя его часть?

Терра-дель-Сигнис, Земля Лебеда... Чудесное название. И чудесное место для меня. По крайней мере оно было таким долгое время...

Именно там я увидел, как определения Человека одно за другим стирались и исчезали с гигантской черной доски, пока не осталось лишь одно.

...Приемник трещал чуть сильнее обычного.

И в этот ясный весенний день мои сто тридцать Глаз наблюдали за Бетти. Солнце ласкало зеленые и бурые почки на деревьях вдоль дороги, золотило поля, врывалось в дома, нагревало улочки, высушивало асфальт. Его лучи багряными и фиолетовыми полосами легли на гряды Святого Стефана, что в тридцати милях от города, и затопили лес у ее подножия морем из миллиона красок.

Я любовался Бетти и не замечал предвестников грядущей бури. Лишь, повторяю, шумы чуть громче сопровождали музыку, звучащую из моего карманного приемника.

Удивительно, как мы порой одухотворяем вещи. Ракета у нас часто женщина, «добрая верная старушка». «Она быстра, как ласточка», — говорим мы, поглаживая теплый кожух и восхищаясь женственностью плавных изгибов корпуса. Мы можем любовно похлопать капот автомобиля и сказать: «До чего же здорово берет с места, паршивец!..»

Сначала появилась на свет Станция Бета. Через два десятилетия уже официально, по решению городского Совета, она стала именоваться Бетти. Почему? И тогда мне казалось (лет девяносто назад), и сейчас, что ответ прост: уж такой она была — местом ремонта и отдыха, где после долгого прыжка сквозь ночь можно ощутить под ногами твердую почву, насладиться уютом и солнцем. Когда после тьмы, холода и молчания выходишь на свет, тепло и музыку — перед тобой Женщина. Я почувствовал это сразу, как только увидел Станцию Бета — Бетти.

Я ее Патрульный.

...Когда шесть или семь из ста тридцати Глаз мигнули, а радио выплеснуло волну разрядов, — только тогда я ощутил беспокойство.

Я вызвал Бюро прогнозов, и записанный на пленку девичий голос сообщил, что начало сезонных дождей ожидается в полдень или под вечер.

Мои Глаза показывали прямые, ухоженные улицы Бетти, маленький космопорт, желто-бурые поля с редкими проблесками зелени, яркие разноцветные домики с блестящими крышами и высокими стержнями громоторводов, темные стены Аварийного Центра на верхнем этаже ратуши.

Приемник подавился разрядами и трещал, пока я его не выключил. Глаза, легко скользящие по магнитным линиям, начали мигать.

Я послал один Глаз на полной скорости к гряде Святого Стефана — минут двадцать ожидания, — включил автоматику и встал с кресла.

Я вошел в приемную мэра, подмигнул секретарше Лотти и взглянул на внутреннюю дверь.

— У себя?

Лотти, полная девушка неопределенного возраста, на миг оторвалась от бумаг на столе и одарила меня мимолетной улыбкой.

— Да.

Я подошел к двери и постучал.

— Кто? — раздался голос мэра.

— Годфри Джастин Холмс, — ответил я, входя в кабинет. — Ищу компанию на чашечку кофе.

Она повернулась на вращающемся кресле. Ее короткие светлые волосы всколыхнулись, как золотой песок от внезапного порыва ветра.

Она улыбнулась и сказала:

— Я занята.

«Маленькие ушки, зеленые глаза, чудесный подбородок — я люблю тебя», — из неуклюжего стишка, посланного мною к Валентинову дню два месяца назад.

— Ну уж ладно, сейчас приготовлю.

Я взял из открытой пачки на столе сигарету и заметил:

— Похоже, собирается дождь.

— Ага, — отозвалась она.

— Нет, серьезно. У Стефана, по-моему, бродит настоящий ураган. Скоро узнаю точно.

— Да, старичок, — сказала она, подавая мне кофе. — Вы, ветераны, со всеми вашими болями и ломотами порой чувствуете погоду лучше, чем Бюро прогнозов, это установленный факт. Я не спорю.

Она улыбнулась, нахмурилась, затем снова улыбнулась.

Неуловимые, мгновенные смены выражения ее живого лица... Никак не скажешь, что ей скоро сорок. Но я точно знал, о чем она думала. Она всегда подшучивает над моим возрастом, когда ее беспокоят такие же мысли.

Понимаете, на самом деле мне тридцать пять, то есть я даже немного младше ее, но она еще ребенком слушала рассказы своего дедушки обо мне. Я два года был мэром Бетти после смерти Уитта, ее первого мэра.

Я родился на Земле пятьсот девяносто семь лет назад. Около пятисот шестидесяти двух из них провел во сне, в долгих странствиях меж звезд. На моем счету таких путешествий, пожалуй, больше, чем у других; следовательно, я анахронизм. Часто людям, особенно женщинам средних лет, кажется, будто мне каким-то образом удалось обмануть время...

— Элеонора,— сказал я.— Твой срок истекает в ноябре. Ты снова собираешься баллотироваться?

Она сняла узкие очки в изящной оправе и потеряла веки.

— Еще не решила,— ответила она, отпив глоток кофе.

— Я спрашиваю не для освещения данной темы в печати,— подчеркнул я,— а исключительно в личных интересах.

— Я действительно не решила. Не знаю... В субботу, как всегда, обедаем вместе?— добавила она после некоторой паузы.

— Разумеется.

— Тогда тебе и скажу.

— Отлично.

— Серьезная буря?— спросила Элеонора, внезапно улыбнувшись.

— О да. Чувствую по своим костям.

Я допил кофе и вымыл чашку.

— Дай мне знать, когда уточнишь.

— Непременно. Спасибо.

Лотти напряженно трудилась и даже не подняла головы, когда я уходил.

Один мой Глаз забрался в самую высь и показывал бурлящие адскими вихрями облака по ту сторону гряды. Другой тоже даром времени не терял. Не успел я выкурить и половины сигареты, как увидел...

...На нас надвигалась гигантская серая стена.

Терра-дель-Сигнис, Земля Лебеда — прекрасное имя. Оно относится и к самой планете, и к ее единственному континенту.

Как кратко описать целый мир? Чуть меньше Земли и более богатый водой. Что касается материка... Приложите зеркало к Южной Америке так, чтобы шишка оказалась не справа, а слева, затем поверните изображение на девяносто градусов против часовой стрелки и переместите в северное полушарие. Сделали? Теперь ухватите за хвост и тащите. Вытяните еще на шесть или семь сотен миль. Разбейте Австралию на восемь частей. Разбросайте их по северному полушарию и окрестите соответственно первыми восемью буквами греческого алфавита. Насыпьте на полюса по полной ложке ванили и не забудьте перед уходом наклонить ось глобуса на восемнадцать градусов. Спасибо.

...Прошел метеорологический спутник и подтвердил мои опасения. По ту сторону гряды кипел ураган. Ураганы не редкость у нас — внезапные и быстротечные. Но бывают и затяжные, низвергающие больше воды и обрушивающие больше молний, чем любой их земной собрат.

Центр города, в котором сосредоточено девять десятых двухсоттысячного населения Бетти, расположен на берегу залива примерно в трех милях от главной реки Нобль; пригороды тянутся до самых ее берегов. Близость к экватору, океану и большой реке и послужили причиной основания Станции Бета. На континенте есть еще девять городов, все моложе и меньше. Мы являемся потенциальной столицей потенциального государства.

Наша колония — это Полустанок, мастерская, заправочный пункт, место отдыха физического и духовного на пути к другим, более освоенным мирам. Землю Лебеда открыли много позже других планет — так уж получилось, — и мы начинали позже. Большинство колонистов стремилось к более развитым планетам. Мы до сих пор отстаем и, несмотря на посильную помощь Земли, практически ведем натуральное хозяйство.

На востоке сверкнули молнии, загредел гром. Вскоре вся гряда Святого Стефана казалась балконом, полным чудовищ, которые, стуча хвостами и извергая

пламя, переваливались через перила. Стена медленно начала опрокидываться.

Я подошел к окну. Густая серая пелена затянула небо. Налетел ветер; я увидел, как деревья внезапно содрогнулись и прижались к земле. Затем по подоконнику застучали капли, потекли ручейки. Пики Святого Стефана вспороли брюхо нависшей туче, под невероятный грохот посыпались искры, и ручейки на окне превратились в реки.

Я вернулся к экранам. Десятки Глаз показывали одну и ту же картину: людей, стремглав бегущих к укрытиям. Самые предусмотрительные захватили зонтики и плащи, но таких было совсем мало. Люди редко прислушиваются к прогнозам погоды; по-моему, эта черта нашей психологии берет начало от древнего недоверия к шаману. Мы хотим, чтобы он оказался не прав. Уж лучше промокнуть, чем убедиться в его превосходстве...

Тут я вспомнил, что не взял ни зонта, ни плаща, ни галош. Ведь утро обещало чудесный день...

Я закурил сигарету и сел в свое большое кресло. Ни одна буря в мире не страшна моим Глазам.

Я сидел и смотрел, как идет дождь...

Пять часов спустя все так же лило и громыхало.

Я надеялся, что к концу работы немного просветлеет, но, когда пришел Чак Фулер, не было никаких надежд на улучшение. Чак должен был меня сменить; сегодня он был ночным Патрульным.

— Что-то ты рановато,— заметил я.— Часок посидишь бесплатно.

— Лучше сидеть здесь, чем дома.

— Крыша течет?

— Теща. Снова гостит.

Я кивнул.

Он сцепил руки за головой и откинулся в кресле, уставившись в окно. Я чувствовал, что приближается одна из его вспышек.

— Знаешь, сколько мне лет?—немного погодя спросил он.

— Нет,—солгал я. Ему было двадцать девять.

— Двадцать семь,—сказал он,—скоро будет двадцать восемь. А знаешь, где я был?

— Нет.

— Нигде! Здесь ро́лся и вырос. Здесь женился — и никогда нигде не был! Раньше не мог, теперь семья...

Он резко подался вперед, закрыл лицо руками, как ребенок спрятал локти в коленях. Чак и в пятьдесят будет похож на ребенка — светловолосый, курносый, сухопарый. Может быть, он и вести себя будет как ребенок. Мне никогда этого не узнать.

Я промолчал, потому что никаких слов от меня не требовалось.

После долгой паузы он произнес:

— Ты-то везде побывал...

А через минуту добавил:

— Ты родился на Земле! На Земле! Еще до моего рождения ты повидал планет больше, чем я знаю. А для меня Земля — только название и картинки. И другие планеты — картинки и названия...

Устав от затянувшегося молчания, я проговорил:

— «Минивер Чиви...»

— Что это значит?

— Это начало старинной поэмы. То есть старинной теперь, а когда я был мальчишкой, она была просто старой. У меня были друзья, родственники, жена. Сейчас от них даже костей не осталось. Одна пыль. Настоящая пыль, без всяких метафор. Путешествуя среди звезд, ты автоматически хоронишь прошлое. Покинутый тобой мир будет полон незнакомцев, если ты когда-нибудь вернешься, или карикатур на твоих друзей, родственников, на тебя самого. Не мудро в шестьдесят стать дедушкой, в восемьдесят — прадедушкой, но исчезни на три столетия, а потом вернись и повстречай своего пра-пра-пра-пра-правнука, который окажется лет на двадцать тебя старше. Представляешь себе, какое это одиночество? Ты как бездомная пылинка, затерянная в космосе.

— Это недорогая цена.

Я рассмеялся. Я выслушивал его излияния раз в полтора-два месяца на протяжении вот уже почти двух лет, однако раньше меня они не трогали. Не знаю, что случилось сегодня. Вероятно, тут виноваты и дождь, и конец недели, и мои недавние визиты в библиотеку...

Вынести его последнюю реплику я был уже не в силах. «Недорогая цена»! Что тут сказать?

Я рассмеялся.

Он моментально побагровел.

— Ты смеешься надо мной!

— Нет,— ответил я.— Над собой. Казалось бы — почему меня должны задевать твои слова? Значит...

— Продолжай.

— Значит, с возрастом я становлюсь сентиментальным, а это смешно.

— А! — Он подошел к окну, засунул руки в карманы, затем резко повернулся и произнес, внимательно глядя на меня: — Разве ты не счастлив? У тебя есть деньги и нет никаких оков. Стоит только захотеть, и ты улетишь на первом же корабле куда тебе вздумается.

— Конечно, я счастлив. Не слушай меня.

Он снова повернулся к окну. Лицо его осветила сверкнувшая молния, и сказанные им слова совпали с раскатом грома.

— Прости,— услышал я как будто издалека.— Мне показалось, что ты — один из самых счастливых среди нас.

— Так и есть. Мерзкая погода... Она всем нам портит настроение, и тебе тоже.

— Да, ты прав. Уж сколько не было дождя.

— Зато сегодня отольется сполна.

Он улыбнулся.

— Пойду-ка я перекушу. Тебе чего-нибудь принести?

— Нет, спасибо.

Чак, посвистывая, ушел. И настроение у него менялось тоже как у ребенка — вверх-вниз, вверх-вниз... А он — Патрульный. Пожалуй, самая неподходящая для него работа, требующая постоянного внимания и терпения. Мы патрулируем город и прилежащие окрестности.

Нам нет нужды насаждать закон. На Земле Лебедя почти отсутствует преступность. Слишком хорошо все знают друг друга, да и скрыться преступнику негде. Практически мы просто контролируем дорожное движение.

Но каждый из ста тридцати моих Глаз имеет по шесть «ресничек» сорок пятого калибра — и тому есть причина.

Например, маленькая симпатичная кукольная панда — о, всего трех футов высотой, когда она сидит на задних лапах, — как игрушечный медвежонок, с крупными ушами, пушистым мехом, большими влажными

карими глазами, розовым язычком, носом-пуговкой и с острыми белыми ядовитыми зубами.

Или резохват — оперенная рептилия с тремя рогами на покрытой броней голове, с длинным мощным хвостом и когтистыми лапами.

Или огромные океанские амебы, которые иногда поднимаются по реке и во время бурь и разливов выходят на сушу. Но о них и говорить неприятно.

Поэтому Патрульная служба существует не только у нас, но и на многих других пограничных мирах. Я работал на некоторых из них и убедился, что опытный Патрульный всегда может устроиться. Это такая же профессия, как чиновник Там-на-Земле.

Чак пришел позже, чем я ожидал. Собственно, он вернулся, когда я формально был уже свободен. Но он выглядел настолько довольным, что я не стал ему ничего говорить. Просто кивнул, стараясь не замечать его блуждающей улыбки и отпечатавшейся на воротнике рубашки бледной губной помады, взял свою трость и направился к выходу, под струи гигантской поливочной машины.

Идти под таким ливнем было невозможно. Пришлось вызвать такси и ждать минут пятнадцать. Элеонора уехала сразу после ленча, остальных в связи с непогодой отпустили еще час назад. Здание ратуши опустело и зияло темными окнами. А дождь барабанил в стены, звенел по лужам, лупил по асфальту и с громким журчанием сбегал к водосточным решеткам.

Я собирался провести вечер в библиотеке, но погода вынудила меня изменить планы — пойду завтра или послезавтра. Этот вечер предназначен для доброй еды, бренди, чтения в уютном кресле — и пораньше в постель. Уж по крайней мере в такую погоду хорошо спать.

К двери подъехало такси. Я побежал.

На следующее утро дождь сделал на час передышку; затем снова заморосило, и уже без остановок. К полудню мелкий дождик превратился в мощный ливень.

Я жил в сущности на окраине, возле реки. Нобль набух и раздулся, канализационные решетки захлебывались; вода текла по улицам. Дождь лил упорно, расширяя лужи и озерца под барабанный

аккомпанемент небес и падение слепящих огней. Мертвые птицы плыли в потоках воды и застревали в сливных решетках. По Городской площади разгуливала шаровая молния; огни Святого Эльма льнули к флагу, обзорной башне и большой статуе Уитта, пытающегося сохранить геройский вид.

Я направлялся в центр, к библиотеке, медленно ведя машину через бесчисленные пузырящиеся лужи. Сотрясатели небес, видимо, в профсоюз не входили, потому что работали без перекуров. Наконец я добрался и, с трудом найдя место для машины, побежал к библиотеке.

В последние годы я превратился, наверное, в книжного червя. Нельзя сказать, что меня так сильно мучит жажда знаний; просто я изголодался по новостям.

Конечно, существуют скорости выше световой. Например, фазовые скорости радиоволн в ионной плазме, но... Скорость света, как близко к ней ни подходи, не превзойти, когда речь идет о перемещении вещества.

А вот жизнь можно продлить достаточно просто. Поэтому я так одинок. Каждая маленькая смерть в начале полета означала воскресение в ином краю и в ином времени. У меня же их было несколько,—и так я стал книжным червем. Новости идут медленно, как корабли. Купите перед отлетом газету и проспите лет пятьдесят—в пункте вашего назначения она все еще будет свежей. Но там, где вы ее купили, это исторический документ. Отправьте письмо на Землю, и внук вашего корреспондента, вероятно, ответит вашему праправнуку, если и тот, и другой проживут достаточно долго.

В каждой малюсенькой библиотеке Здесь-у-Нас есть редкие книги—первоиздания популярных романов, которые люди частенько покупают перед отлетом Куда-нибудь, а потом, прочитав, приносят.

Мы живем сами по себе и всегда отстаем от времени, потому что эту пропасть не преодолеть. Земля руководит нами в такой же мере, в какой мальчик управляет воздушным змеем, дергая за порванную нить.

Вряд ли Йитс представлял себе что-нибудь подобное, создавая прекрасные строки: «Все распадается, не держит сердцевина». Вряд ли. Но я все равно должен ходить в библиотеку, чтобы узнавать новости.

День продолжался.

Слова газет и журналов текли по экрану в моей кабинке, а с небес и гор Бетти текла вода — заливая поля и леса, окружая дома, всюду просачиваясь и неся с собой грязь.

В библиотечном кафетерии я перекусил и узнал от милой девушки в желтой юбке, что улицы уже перегородили мешками с песком, и движение от центра к западным районам прекращено.

Я натянул непромокаемый плащ, сапоги и вышел.

На Главной улице высилась стена мешков с песком, но вода все равно доставала до лодыжек и постоянно прибывала.

Я посмотрел на статую дружища Уитта. Ореол величия осознал свою ошибку и покинул его. Герой держал в левой руке очки и глядел на меня сверху вниз с некоторым опасением: не расскажу ли я о нем, не разрушу ли это тяжелое, мокрое и позеленевшее великолепие?

Пожалуй, я единственный человек, кто действительно помнит его. Он в буквальном смысле хотел стать отцом своей новой необъятной страны и старался, не жалея сил. Три месяца был он первым мэром, а в оставшийся двухлетний срок его обязанности исполнял я. В свидетельстве о смерти сказано: «Сердечная недостаточность», но ничего не говорится о кусочке свинца, который ее вызвал. Их уже нет в живых, тех, кто был замешан в этой истории. Все давно лежат в земле: испуганная жена, разъяренный муж, патологоанатом... Все, кроме меня. А я не расскажу никому, потому что Уитт — герой, а Здесь-у-Нас статуи героев нужнее, чем даже сами герои.

Я подмигнул своему бывшему шефу; с его носа сорвалась капля воды и упала в лужу у моих ног.

Внезапно небо разверзлось. Мне показалось, что я попал под водопад. Я кинулся к ближайшей подворотне, поскользнулся и едва удержался на ногах.

Минут десять непогода бушевала как никогда в моей жизни. Потом, когда я снова обрел зрение и слух, я увидел, что улица — Вторая авеню — превратилась в реку. Неся мусор, грязь, бумаги, шляпы, палки, она катилась мимо моего убежища с противным бульканьем. Похоже, что уровень воды поднялся выше моих сапог... Я решил переждать.

Но вода не спадала.

Я попробовал сделать бросок, но с полными сапогами не очень-то разбежишься.

Как можно чем-нибудь заниматься с мокрыми ногами? Я с трудом добрался до машины и поехал домой, чувствуя себя капитаном дальнего плавания, который всю жизнь мечтал быть погонщиком верблюдов.

Когда я подъехал к своему сырому, но незатопленному гаражу, на улице царил полумрак. А в переулке, по которому я шел к дому, казалось, наступила ночь. Траурно-черное небо, уже три дня скрывавшее солнце (удивительно, как можно по нему соскучиться!), обволокло тьмой кирпичные стены переулка, но никогда еще не видел я их такими чистыми.

Я держался левой стороны, пытаюсь хоть как-то укрыться от косых струй. Молнии освещали дорогу, выдавая расположение луж. Мечтая о сухих носках и сухом мартини, я завернул за угол.

И тут на меня бросился орг.

Половина его чешуйчатого тела под углом в сорок пять градусов приподнялась над тротуаром, вознося плоскую широкую голову вровень с дорожным знаком «СТОП». Он катился ко мне, быстро семеня бледными лапками, грозно ощерив острые смертоносные зубы.

Я прерву свое повествование и расскажу о детстве, которое, как живое, встало в этот миг перед моими глазами.

Родился и вырос я на Земле. Учась в колледже, первые два года работал летом на скотном дворе; помню его запахи и шумы. И помню запахи и шумы университета: формальдегид в биологических лабораториях, искаженные до неузнаваемости французские глаголы, всеподавляющий аромат кофе, смешанный с табачным дымом, дребезжание звонка, тщетно призывавшего в классы, запах свежескошенной травы (черный великан Энди катит свою тарахтящую газонокосилку, бейсбольная кепка надвинута на брови, на губе висит потухшая сигарета) и, конечно, звон клинков. Четыре семестра физическое воспитание было обязательным предметом. Единственное спасение — заняться спортом. Я выбрал фехтование, потому что теннис, баскетбол, бокс, борьба — все эти виды, казалось, требовали слишком много сил, а на клюшки для гольфа у меня не было денег. Я и не подозревал, что последует за этим выбором. Я полюбил фехтование

и занимался им гораздо дольше четырех обязательных семестров.

Попав сюда, я сделал себе трость. Внешне она напоминает рапиру. Только больше одного укола ею делать не приходится.

Свыше восьмисот вольт, если нажать неприметную кнопку на рукоятке...

Моя рука рванулась вперед и вверх, а пальцы при этом нажали неприметную кнопку.

И оргу настал конец.

Я с брезгливой осторожностью обошел труп. Подобные создания иногда выходят из раздувшейся утробы реки. Помню еще, что оглянулся на него раза три, а затем включил трость и не разжимал пальцев до тех пор, пока не запер за собой дверь дома и не зажег свет.

Да будут ваши улицы чисты от оргов!

Суббота.

Дождь. Кругом сырость.

Вся западная часть города огорожена мешками с песком. Они еще сдерживают воду, но кое-где уже текут песочные реки.

К тому времени из-за дождя уже погибло шесть человек.

К тому времени уже были пожары, вызванные молниями, несчастные случаи в воде, болезни от сырости и холода.

К тому времени мы уже не могли точно подсчитать материальный ущерб.

Хотя у меня был выходной, я пошел на работу. Я сидел вместе с Элеонорой, в ее кабинете. На столе лежала громадная карта спасательных работ. Шесть Глаз постоянно висели над аварийными точками и передавали изображение на вынесенные в кабинет экраны. На круглом столике стояло несколько новых телефонов и большой приемник.

Буря трясла не только нас. Сильно пострадал город Батлера выше по реке, Лаури медленно уходил под воду. Вся округа дрожала и кипела.

Несмотря на прямую связь, в то утро мы трижды вылетали на места происшествий: когда снесло мост через Ланс; когда было затоплено вайлвудское кладбище; и, наконец, когда на восточной окраине смыло

три дома с людьми. Вести маленький, подвластный всем ветрам флайер Элеоноры приходилось по приборам. Я три раза принимал душ и дважды переодевался в то утро.

После полудня дождь как будто стал утихать. И хотя тучи не рассеялись, мы уже могли более или менее успешно бороться со стихией. Слабые стены удалось укрепить, эвакуированных накормить и обсушить, убрать нанесенный мусор.

...И все патрульные Глаза бросили на защиту от оргов.

Давали о себе знать и обитатели затопленных лесов. Семь резохватов и целая орда кукольных панду были убиты в тот день, не говоря уже о ползучих тварях, порождениях бурных вод Нобля, земных угрях, острохвостых крысах и прочей гадости...

В 19.00, казалось, все застыло в мертвой точке. Мы с Элеонорой сели в флайер и взмыли в небо.

Нас окружала ночь. Мерцающий свет приборов освещал усталое лицо Элеоноры. Слабая улыбка лежала на ее губах, глаза блестели. Непокорная прядь волос закрывала бровь.

— Куда ты меня везешь? — спросила она.

— Вверх, — сказал я. — Хочу подняться над бурей.

— Зачем?

— Мы давно не видели чистого неба.

— Верно... — Она наклонилась вперед, прикуривая сигарету.

Мы вышли из облаков.

Темным было небо, безлунным. Звезды сияли как бриллианты. Тучи струились внизу потоком лавы.

Я «заякорил» флайер и закурил сам.

— Ты старше меня, — наконец произнесла Элеонора. — Ты знаешь?

— Нет.

— Как будто какая-то мудрость, какая-то сила, какой-то дух времени впитываются в человека, летящего меж звезд. Я ощущаю это, когда нахожусь рядом с тобой.

Я молчал.

— Вероятно, это людская вера в силу веков... Ты спрашивал, собираюсь ли я оставаться мэром на следующий срок. Нет. Я собираюсь устроить свою личную жизнь.

— Есть кто-нибудь на примете?

— Да,—сказала она и улыбнулась мне, и я ее поцеловал.

Мы плыли над невидимым городом, под небом без луны.

Я хочу рассказать о Полустанке и об Остановке в Пути.

Зачем прерывать полуторавековой полет? Во-первых, никто не спит постоянно. На корабле масса мелких устройств, требующих неослабного внимания человека. Команда и пассажиры по очереди несут вахту. После нескольких таких смен вас начинает мучить клаустрофобия, резко падает настроение. Следовательно, нужна Остановка. Между прочим, Остановки обогащают жизнь и экономику перевалочных миров. На планетах с маленьким населением каждая Остановка — праздник с танцами и песнями. На больших планетах устраивают пресс-конференции и парады. Вероятно, нечто похожее происходит и на Земле. Мне известно, что одна неудавшаяся юная звезда по имени Мэрилин Остин провела три месяца Здесь-у-Нас и вернулась на Землю. Она пару раз появилась на экранах, порассуждала о культуре колонистов, продемонстрировала свои белые зубы и получила великолепный контракт, третьего мужа и первую главную роль. Это тоже свидетельствует о значении Остановок в Пути.

Я посадил флайер на крышу «Геликса», самого большого в Бетти гостиничного комплекса, где Элеонора занимала двухкомнатный номер.

Элеонора приготовила бифштекс, печеную картошку, пиво — все, что я люблю. Я был сыт, счастлив и засиделся до полуночи, строя планы на будущее. Потом поймал такси и доехал до Городской площади, решив зайти в Аварийный Центр и узнать, как идут дела.

Лифт был слишком тихий. Лифт не должен еле слышно вздыхать и бесшумно открывать двери. Ничем не нарушив тишину, я завернул за угол коридора Аварийного Центра.

Над такой позой, наверное, с удовольствием поработал бы Роден. Мне еще повезло, что я зашел именно сейчас, а не минут на десять позже.

Чак Фулер и Лотти, секретарша Элеоноры, практиковали «искусственное дыхание изо рта в рот» на диване в маленьком алькове возле дверей.

Чак лежал ко мне спиной. Лотти увидела меня через его плечо; она вздрогнула, и Чак быстро повернул голову.

— Джастин...

Я кивнул:

— Проходил мимо и решил заглянуть, узнать новости.

— Все... все хорошо,— произнес он, вставая.— Глаза в автоматическом режиме, а я вышел... мм... покурить. У Лотти ночное дежурство, и она пришла... пришла посмотреть, не надо ли нам чего-нибудь отпечатать. У нее внезапно закружилась голова, и мы вышли сюда, к дивану...

— Да, она выглядит немного... не в своей тарелке,— сказал я.— Нюхательные соли и аспирин в аптечке.

Обрывая этот щекотливый разговор, я прошел в Аварийный Центр. Чувствовал я себя весьма неважно.

Через несколько минут появился Чак. Я смотрел на экраны. Положение, кажется, стабилизировалось, хотя все сто тридцать Глаз омывал дождь.

— ...Джастин,— произнес он,— я не знал о твоём приходе...

— Ясно.

— Что я хочу сказать... Ты ведь не сообщишь?..

— Нет.

— И не скажешь об этом Цинции?

— Я никогда не вмешиваюсь в личные дела. Как друг, советую заниматься этим в другое время и в более подходящем месте. Но вся эта история уже начинается забываться. Уверен, что через минуту вообще ничего не буду помнить.

— Спасибо, Джастин,— проговорил он.

— Что нам обещает Бюро прогнозов?

Чак покачал головой, и я набрал номер.

— Плохо.— Я повесил трубку.— Дожди.

— Черт побери,— хрипло сказал он и дрожащими руками зажег сигарету.— Эта погода дьявольски действует на нервы.

— Мне тоже. Ладно, побегу, а то сейчас снова польет. Завтра загляну. Счастливо.

— Спокойной ночи.

Я спустился вниз, надел плащ и вышел. Лотти нигде не было видно.

Небо раскололи молнии, и дождь хлынул как из ведра. Когда я ставил машину в гараж, вода лилась сплошной стеной, а переулок освещали постоянные всполохи.

Хорошо дома, в тепле, наблюдать иступленное беснование природы...

Вспышки, пульсирующий свет, ослепительно белые стены домов напротив, невероятно черные тени рядом с белизной подоконников, занавесок, балконов... А наверху плясали живые щупальца адского огня, и, сияя голубым ореолом, плыл Глаз. Облака раскололись и светились, как геенна огненная; грохотал и ревел гром; и бело-прозрачные струи разбивались о светлое зеркало дороги. Резохват — трехрогий, уродливый, зеленый и мокрый — выскочил из-за угла через миг после того, как я услышал звук, который приписал грому. Чудовище несло по курящемуся асфальту, а над ним летел Глаз, внося свинцовую лепту в ураганный ливень. Оба исчезли за поворотом... Кто мог нарисовать подобную картину? Не Эль Греко, не Блейк, нет. Босх. Вне сомнения, Босх, с его кошмарным видением адских улиц. Только он мог изобразить этот момент бури.

Я смотрел в окно до тех пор, пока черное небо не втянуло в себя огненные щупальца. Внезапно все погрузилось в полную тьму, и остался только дождь.

Воскресенье. Всюду хаос.

Горели свечи, горели церкви, тонули люди, по улицам металась (точнее, плыли) дикие звери, целые дома сносило с фундаментов и швыряло как бумажки в лужи. На нас напал великий ветер, и наступило безумие.

Проехать было невозможно, и Элеонора послала за мной флайер. Все рекордные отметки уровня воды были побиты. То был разгар тяжелейшего урагана в истории Бетти.

Теперь мы уже не могли остановить разгул стихии. Оставалось лишь помогать тем, кому мы еще могли помочь. Я сидел перед экранами и наблюдал.

Лило как из ведра, и лило сплошной стеной, на нас выливались озера и реки. Иногда казалось, что на нас

льются океаны. С запада налетел ветер и стал швырять дождь вбок с неистовой силой. Ветер начался в полдень и через несколько часов затих, но оставил город разбитым и исковерканным. Уитт лежал на бронзовом боку, дома зияли пустыми рамами, начались перебои с электроэнергией. Один мой Глаз показал трех кукольных панду, разрывающих тело мертвого ребенка. Я убил их через расстояние и дождь. Рядом всхлипывала Элеонора. Срочно требовалась помощь беременной женщине, спасающейся на вершине затопленного холма. Мы пытались пробиться к ней на флайере, но ветер... Я видел пылающие здания и трупы людей и животных. Я видел заваленные автомобили и разбитые молниями дома. Я видел водопады там, где раньше никаких водопадов не было. Мне много пришлось стрелять в тот день, и не только по тварям из леса. Шестнадцать моих Глаз были подстрелены грабителями. Надеюсь никогда больше не увидеть некоторые из фильмов, которые я заснял в тот день.

Когда наступила ночь этого кошмарного воскресенья, а дождь не прекращался, я третий раз в жизни испытал отчаяние.

Мы с Элеонорой находились в Аварийном Центре. Только что опять погас свет. Остальные сотрудники располагались на третьем этаже. Мы сидели в темноте, не двигаясь, не в состоянии что-либо сделать. Даже наблюдать мы не могли, пока не дадут энергию.

Мы говорили.

Сколько это длилось — пять минут или час, — не могу с уверенностью сказать. Помню, однако, что я рассказывал ей о девушке, погребенной на другом мире, чья смерть толкнула меня на бегство. Два перелета — и я уничтожил свою связь с тем временем. Но столетнее путешествие не заменит века забвения; нет, время нельзя обмануть холодным сном. Память — мститель времени; и пусть ваши уши будут глухи, глаза слепы и необъятная бездна ледяного космоса ляжет между вами — память хранит все, и никакие увертки не спасут от ее тяжести. Трагической ошибкой будет возвращение к безымянной могиле, в изменившийся и ставший чужим мир, в место, которое было вашим домом. Снова вы будете спасаться бегством и действительно начнете забывать, потому что время все-таки идет. Но взгляните: вы одиноки, вы совершенно одиноки. Тогда, впервые в жизни, я понял, что такое настоящее отчаяние. Я читал, работал, шил,

забывался с женщинами, — но наступало утро, а я оставался самым собой и сам с собой. Я метался от одного мира к другому, надеясь: что-то изменится, изменится к лучшему. Однако с каждой переменной только дальше отходил от всего того, что знал.

Тогда другое чувство стало постепенно завладевать мною, и это было действительно кошмарное чувство: для каждого человека *должно найтись* наиболее соответствующее место и время. Вдумайтесь. *Где и когда* во всем необъятном космосе хотел бы я прожить остаток своих дней в полную силу? Да, прошлое мертво, но, может быть, счастливое будущее ожидает меня на еще не открытой планете, в еще не наступивший момент. Как знать! А если счастье мое находится в соседнем городе или откроется мне *здесь* через пять лет? Что, если тут я буду мучиться до конца жизни, а Ренессанс моих дней, мой Золотой Век рядом, совсем рядом, стоит лишь купить билет?.. И тогда во второй раз пришло отчаяние. Я не знал ответа, пока не пришел сюда, на Землю Лебеда. Я не знаю, почему люблю тебя, Элеонора, но я люблю; и это мой ответ.

Когда зажегся свет, мы сидели и курили. Она рассказала мне о своем муже, который вовремя умер смертью героя и спасся от старческой немощи. Умер, как умирают храбрецы, — бросился вперед и стал на пути волкоподобных тварей, напавших на исследовательскую партию, в состав которой он входил. В лесах у подножия гряды Святого Стефана он бился одним мачете и был разорван на части, в то время как его товарищи благополучно добежали до лагеря и спаслись. Такова сущность доблести: миг, предопределенный полной суммой всех свершений, надежд на будущее и сожалений о прошлом.

Определения... Человек — разумное животное? Не что выше зверей, но ниже ангелов? Только не убийца, которого я застрелил в ту ночь. Он не был даже тем, кто использует орудия и хоронит мертвых... Смех? Я давно не слышал смеха. Изобретает религии? Я видел молящихся людей, но они ничего не изобретали. Просто они предпринимали последние попытки спасти себя, когда все остальные средства уже были исчерпаны.

Создание, которое любит?

Вот единственное, что я не могу отрицать. Я видел мать, которая стояла по шею в бурлящей воде и держала на плечах дочь, а маленькая девочка поднимала

вверх свою куклу. Но разве любовь — не часть целого? Надежд на будущее и сожалений о прошлом? Именно это заставило меня покинуть пост, добежать до флайера Элеоноры и пробиваться сквозь бурю.

Я опоздал.

Джонни Кимс мигнул фарами, взлетая, и передал по радио:

— Порядок. Все со мной, даже кукла.

— Хорошо, — сказал я и отправился назад.

Не успел я посадить машину, как ко мне приблизилась фигура. Я вылез из флайера и увидел Чака. В руке он сжимал пистолет.

— Я не буду убивать тебя, Джастин, — начал он, — но я тебя раню. Лицом к стене! Я беру флайер.

— Ты спятил? — спросил я.

— Я знаю, что делаю. Мне он нужен.

— Если нужен, бери. Совсем необязательно угрожать мне оружием.

— Он нужен нам — мне и Лотти! Поворачивайся!

Я повернулся к стене.

— Что?..

— Мы улетаем вместе, немедленно!

— Ты с ума сошел, — сказал я. — Сейчас не время...

— Идем, Лотти, — позвал он, и я услышал за спиной шорох юбки.

— Чак! — воскликнул я. — Ты необходим нам сейчас! Такие вещи можно уладить потом — через неделю, через месяц, когда восстановится хоть какой-то порядок. В конце концов существуют разводы!

— Никакой развод не поможет мне убраться отсюда!

— Ну а как *это* поможет тебе?

Я повернулся и увидел, что у него откуда-то появился большой брезентовый мешок, который висел за левым плечом, как у Санта Клауса.

— Повернись! Я не хочу стрелять в тебя, — предупредил он.

Страшное подозрение возникло у меня в голове.

— Чак, ты стал грабителем?

— Повернись!

— Хорошо, я повернусь. Интересно, куда ты думаешь удрать?

— Достаточно далеко, — сказал он. — Достаточно далеко, чтобы нас не нашли. А когда придет время, мы покинем этот мир.

— Нет,— произнес я.— Не думаю. Потому что знаю тебя.

— Посмотрим.

Я услышал быстрые шаги и стук дверцы. Я повернулся тогда и проводил взглядом взлетающий флайер. Больше я их никогда не видел.

Внутри, сразу за дверью, лежали двое мужчин. К счастью, они не были тяжело ранены. Когда подошла помощь, я поднялся в Аварийный Центр и присоединился к Элеоноре.

Всю ту ночь мы, опустошенные, ждали утра.

Наконец оно наступило.

Мы сидели и смотрели, как свет медленно пробивался сквозь дождь. Так много всего произошло и так быстро все случилось за последнюю неделю, что мы были не готовы к этому утру.

Оно принесло конец дождям.

Сильный северный ветер расколол свод туч, и в трещины хлынул свет. Участки чистого неба быстро расширялись, черная стена исчезала на глазах. Теплое благодатное долгожданное солнце поднялось над пиками Святого Стефана и расцеловало их в обе щеки.

У всех окон сгрудились люди. Я присоединился к ним и десять минут не отрывал глаз.

Грязь была повсюду. Она лежала в подвалах и на механизмах, на водосточных решетках и на одежде. Она лежала на людях, на автомобилях и на ветках деревьев. Стаи стервятников взлетали при нашем приближении и затем снова возвращались к прерванному пиршеству. Развалины зданий, разбитые крыши, стекла, мебель загромождали дорогу, полусасыпанные подсыхающей коричневой грязью. Еще не было подсчитано число погибших. Кое-где еще текла вода, но медленно и вяло. Над городом поднималась вонь. Разбитые витрины, упавшие мосты... Но к чему продолжать? Наступило утро, следующее за ночной попойкой богов; людям оставалось либо убирать отходы, либо оказаться под ними погребенными.

И мы убрали. К полудню Элеонора не выдержала — сказалось напряжение предыдущих дней,— и я повез ее к себе домой, потому что мы работали у гавани, ближе ко мне.

Вот почти и вся история — от света к тьме и снова к свету, — кроме самого конца, который мне неизвестен. Я могу рассказать лишь его начало...

Элеонора пошла к дому, а я загонял машину в гараж. Почему я не оставил ее с собой?.. Не знаю. Может быть, виновато солнце, которое превратило мир в рай, скрыв его мерзость. Может быть, моя любовь, испарившийся дух ночи и восторжествовавшее счастье.

Я поставил машину и зашагал по аллее. Я был на полпути к углу, где встретил огра, когда услышал ее крик.

Я побежал. Страх придал мне сил.

За углом в луже стоял человек с мешком, как у Чака. Он рылся в сумочке Элеоноры, а она лежала неподалеку на земле — так неподвижно! — с окровавленной головой...

Я бросился вперед, на бегу нажав кнопку. Он обернулся, выронил сумочку и схватился за револьвер, висевший на поясе.

Мы были в тридцати футах друг от друга, и я бросил трость.

Он прицелился, и в этот момент моя трость упала в лужу, в которой он стоял.

Элеонора еще дышала. Я внес ее в дом и вызвал врача — не помню как; вообще ничего отчетливо не помню. И ждал, и ждал.

Она прожила еще двенадцать часов и умерла. Дважды приходила в себя до операции и ни разу после. Только раз мне улыбнулась и снова заснула.

Я не знаю.

Ничего.

Случилось так, что я вновь стал мэром Бетти. Надо было восстанавливать город. Я работал, работал без усталости, как сумасшедший, и оставил его таким же ярким и светлым, каким впервые увидел. Думаю, что если бы захотел, то мог остаться на посту мэра после выборов в ноябре. Но я не хотел.

Городской Совет отклонил мои возражения и принял решение возвести на площади статую Годфри Джастина Холмса рядом со статуей Элеоноры Ширрер — напротив вычищенного и отполированного Уитта. Наверное, там они и стоят.

Я сказал, что никогда не вернусь; но кто знает? Через долгие годы скитаний я, быть может, вновь прилечу на ставшую незнакомой Бетти хотя бы для того, чтобы возложить венок к одной статуе.

Прибыл корабль — Остановка в Пути; я попрощался и взошел на борт.

Я взошел на борт и забылся холодным сном.

Летят годы. Я их не считаю. Но об одном думаю часто: есть *где-то* Золотой Век, мой Ренессанс, быть может, в другом месте, быть может, в другом времени; надо лишь дождаться или купить билет. Не знаю, *куда* или *когда*. А кто знает? Где все вчерашние дожди?

Снаружи холод и тишина; движение не ощущается.

Нет луны, и звезды яркие, как бриллианты.

КУПОЛ

Кайл Брейден удобно расположился в кресле, не сводя глаз с рубильника на противоположной стене. Готов ли он пойти на риск и повернуть его? Миллион, наверное, даже миллиард раз задавал он себе этот вопрос за последние тридцать лет. Да, сегодня в полдень будет ровно тридцать лет.

Поворот рубильника скорее всего приведет к смерти. Только неизвестно — к какой. Ясно лишь, что не от атомной бомбы — все бомбы наверняка использовали много лет назад. Их было достаточно, чтобы полностью уничтожить цивилизацию. И даже больше чем достаточно. А по его подсчетам выходило, что человек сможет взяться за создание новой цивилизации примерно через сто лет. Человек или то, что после него останется.

Но что все-таки сейчас там, по ту сторону куполообразного силового поля, которое до сих пор защищает его от страшной действительности? Люди, живущие, как звери? Или человечество, истребив себя, оставило Землю другим, менее жестоким существам?

Вот бы убрать купол на время, а потом восстановить... Он давно бы на это решился. Еще десять — пятнадцать лет назад. Но чтобы создать силовое поле, нужно очень много энергии, куда больше, чем для сохранения уже созданного. Когда он впервые включил аппаратуру, энергии на Земле было еще в достатке.

Естественно, едва возникнув, силовое поле оборвало все связи с внешним миром, но внутренних источников энергии хватало и на личные нужды Брейдена, и на поддержание поля.

Да, решил он внезапно и окончательно, он повернет переключатель сегодня, через несколько часов, когда исполнится ровно тридцать лет. Тридцать лет — что ж, в одиночестве он прожил достаточно долго.

А ведь он вовсе не хотел оставаться один. Если б Мира не покинула его тогда... Теперь поздно думать об этом, но в который уже раз нахлынули воспоминания. Как она была наивна, желая разделить судьбу человечества, зачем бросилась помогать тем, кто не нуждался более ни в какой помощи? А ведь она любила его. Если б не это ее донкихотство, они бы поженились. Но он тогда выложил все начистоту и отпугнул ее. А как все могло быть чудесно, останься она с ним!

Он не сумел убедить Миру отчасти потому, что события развернулись неожиданно быстро. В то утро, выключив радио, он понял: в их распоряжении всего несколько часов. Нажал кнопку звонка и вызвал Миру, та вошла, как всегда красивая и спокойная. Можно было подумать, что она никогда не слушает по радио последние известия, не читает газет и вообще не знает, что происходит вокруг.

— Садись, дорогая,— предложил он ей.

Она широко раскрыла глаза, удивленная внезапной фамильярностью шефа, однако с присущей ей грацией села в кресло — как всегда, когда писала под диктовку. Достала ручку и приготовилась записывать.

— Мира,— сказал он.— Я вызвал тебя по личному делу. Очень личному. Я хочу предложить тебе стать моей женой.

Этого она никак не ожидала.

— Вы шутите, доктор Брейден!

— Нисколько, Мира. Знаю, я немного старше тебя, но, надеюсь, ты не считаешь меня стариком. Мне тридцать семь лет, хотя от постоянного переутомления я, возможно, и выгляжу старше. Тебе ведь двадцать семь?

— На той неделе исполнилось двадцать восемь. Но возраст ни при чем. Разница не имеет значения. Если я скажу: «Все это так неожиданно», мои слова прозвучат банально, но я и вправду не ожидала. Вы ведь даже,— она лукаво улыбнулась,— не пробовали ухаживать за мной. И пожалуй, вы мой первый шеф, который этого не делал.

Брейден тоже улыбнулся:

— Увы, не знал, что ты этого ждешь. Но шутки в сторону, Мира, я говорю серьезно. Ты согласна выйти за меня замуж?

Она в задумчивости смотрела на него.

— Не знаю. Самое удивительное, что я вас, наверное, немножечко люблю. Не знаю — почему. Вы всегда

держались строго и официально, были целиком поглощены работой. Даже ни разу не пытались поцеловать меня или сказать комплимент. И все же... не нравится мне эта внезапность и... деловитость вашего предложения. Возможно, в другой раз, при других обстоятельствах, мы к этому вернемся. А пока... может, как-нибудь при случае вы мне скажете, что любите меня. Это бы помогло.

— Я люблю тебя, Мира. Прости меня. Но ты ведь не против? Ты не отказываешься стать моей женой?

Она медленно покачала головой. Казалось, глаза ее стали еще красивее.

— В таком случае позволь я объясню, почему делаю предложение так поздно и так неожиданно. Во-первых, я работал как сумасшедший... Тебе известно — над чем?

— Кажется, над чем-то связанным с обороной. Над каким-то устройством. И, если не ошибаюсь, вы делали эту работу на свой страх и риск, без поддержки правительства.

— Верно,— кивнул Брейден.— Наши умники генералы не хотели верить в мою теорию. Впрочем, большинство коллег-физиков не соглашались со мной. К счастью, у меня были сбережения, деньги за первые патенты, их-то я и пустил на исследования в области электроники. В последнее время я занимался системой защиты от атомной и водородной бомб. От всего, что может превратить нашу планету в огромный факел. Я работал над созданием абсолютно непроницаемого сферического силового поля.

— И вы...

— Да, мне это удалось. Я могу прямо сейчас создать его вокруг этого дома, и оно будет существовать, сколько я захочу. И внутрь ничто не проникнет. Мало того, в этом здании я собрал огромное количество запасов... Самых разных запасов. Даже химикалии и семена. Здесь всего столько, что двум людям вполне хватит... на всю жизнь.

— Но вы ведь сообщите об этом правительству, правда? Раз речь идет о защите от водородной бомбы...

Брейден нахмурился.

— Да, это действительно защита от водородной бомбы, но, к сожалению, мое изобретение не имеет никакой, или почти никакой, ценности с точки зрения

обороны. В этом смысле генералы оказались правы. Количество энергии, необходимое для создания такого силового поля, растет в кубе с увеличением параметров самого поля. Сферическое поле вокруг этого дома имело бы восемьдесят футов в диаметре. Чтобы создать его, потребуется приток энергии, который, вероятно, сожжет всю осветительную систему Кливленда. Чтобы получить такой купол над маленькой деревушкой, над одной военной базой, нужно больше энергии, чем вся страна потребляет за несколько недель. И еще: защитное поле полностью исключает контакт с внешним миром. Выпустить кого-то из-под купола, так же как и впустить внутрь, нельзя — для этого нужно каждый раз снимать поле и создавать его вновь, а значит, снова потреблять безмерное количество энергии. Правительство может извлечь пользу из моего изобретения лишь тем способом, каким я думаю воспользоваться сам. То есть спасти жизнь кому-то одному, максимум двум... Дать им возможность пережить страшную бойню и одичание, которое за ней наступит. Впрочем, предпринимать что-либо за пределами этого здания сейчас уже поздно.

— Почему?

— Просто нет времени на создание второго такого устройства. Дорогая, началась война...

Ее лицо побелело. Резко вскочив с кресла, ничего вокруг не видя, она бросилась к двери.

— Мира! — крикнул Брейден и рванулся было за ней. Но в дверях она обернулась и жестом остановила его. Ее лицо, ее голос были абсолютно спокойны.

— Я должна идти, доктор. Я закончила курсы подготовки медсестер и буду там нужна.

— Да ты подумай, что там произойдет! Люди превратятся в животных. Будут умирать в муках. Я так тебя люблю, я не могу допустить, чтобы ты испытала этот ужас. Умоляю, Мира, останься!

Он был изумлен, когда она усмехнулась в ответ.

— Прощайте, доктор Брейден. Я, пожалуй, предпочту умереть вместе с остальными животными. Может быть, это глупо, но уж такая я есть.

Дверь за ней закрылась. Он видел в окно, как она спустилась с крыльца и побежала по узкой улочке.

Над крышами гудели реактивные самолеты. Наверное, еще свои. А может, и противника. Что, если именно Кливленд — один из объектов нападения?

Вдруг противник каким-то образом узнал о его работе и решил уничтожить Кливленд в первую очередь? Брейден подбежал к переключателю и повернул его.

В двадцати футах от окна возникла серая пустота. Все внешние звуки смолкли. Брейден вышел из дома, чтобы внимательнее присмотреться к видимой половине. Серое полушарие, высота — сорок футов, диаметр — восемьдесят, как раз достаточно, чтобы укрыть одноэтажное здание, которое было его домом и лабораторией. Он знал, что поле уходит еще на сорок футов в глубину земли, образуя, следовательно, полный шар. Ничье вмешательство не угрожает ему сверху, ни один червь не вгрызется в него снизу.

И действительно, ничто не проникло внутрь за эти тридцать лет.

В сущности эти годы оказались не такими уж страшными. С ним были его книги, любимые он перечитывал так часто, что знал их почти на память. Он по-прежнему занимался экспериментаторской работой, и, хотя за последние семь лет, с тех пор как ему исполнилось шестьдесят, круг его интересов значительно сузился и творческие возможности уменьшились, он все же добился кое-каких успехов. Конечно, все это не могло сравниться с силовым полем и даже с его ранними работами, но ведь у него не было никаких стимулов, побуждающих к активной деятельности. Да и вряд ли он сам или кто-то еще смогут воспользоваться его изобретениями. Что проку от открытий в электронике для дикаря, который не умеет настроить радиоприемник и уж тем более не знает, как его собрать?

Но чтобы сохранить здравый смысл, работы хватало, хотя она и не приносила удовлетворения.

Он подошел к окну, глянул на неосязаемую серую стену, до которой было всего двадцать футов. Эх, раздвинуть бы ее, убедиться в своей правоте и восстановить опять! Но уничтожить силовое поле можно только раз и навсегда.

Брейден подошел к переключателю, посмотрел на него. Потом вдруг резко подался вперед и дернул. Бросился к окну. Серая стена исчезла... и то, что он увидел, казалось просто невероятным...

Это был не Кливленд, знакомый ему в прошлом, а какой-то красивый новый город. На месте узкой улочки — просторный бульвар. Светлые, радующие глаз дома, выстроенные в незнакомом ему архитектур-

ном стиле. Трава, деревья — все в полной сохранности. Возможно ли? Как же так?.. После атомной войны человечество не могло столь быстро достичь прежнего уровня развития. Неужели все его предположения оказались неверными и смешными?

Но где же люди? Как бы в ответ неподалеку проехал автомобиль. Автомобиль? Он не был похож на легковые машины былых времен. Скорость выше, выглядит изящнее, лучшая маневренность... Казалось, он едва касался земли, будто неподвластный силе тяготения, а устойчивость ему обеспечивали гироскопы. В машине сидели двое — мужчина и женщина. За рулем — мужчина. Он был молод и красив. Женщина тоже молодая, стройная, красивая.

Обернувшись, оба посмотрели в его сторону, мужчина даже остановил машину... для скорости, с которой они ехали, тормозной путь был неправдоподобно мал. Брейден понял, что молодые люди часто ездят этой дорогой и всегда видели здесь купол — и вот он вдруг исчез. Автомобиль тронулся. Наверное, сейчас расскажут другим.

Он вышел из дома на прекрасный бульвар. И вскоре сообразил, почему вокруг так мало людей, мало движения. Его хронометры ошиблись примерно часов на двенадцать: они показывали вторую половину дня, на самом же деле стояло раннее утро. По положению солнца он определил: сейчас около шести.

Брейден быстро шагал вперед. Ему не хотелось оставаться в доме, который тридцать лет был спрятан под куполом, — туда немедленно кто-нибудь придет, как только узнает от молодой пары об исчезновении поля. Придет и расскажет ему, что произошло, а он хотел все увидеть и понять сам.

Он шел все дальше. Прохожих в этот ранний утренний час не было. Он находился в уютном жилом квартале. И вот чуть поодаль увидел несколько человек. Одеты они были иначе, чем он, но разница не слишком бросалась в глаза. Мимо пронеслись машины, такие же удивительные. Ехали они с неестественно высокой скоростью.

Наконец Брейден набрел на магазин, двери которого были открыты. Не в силах больше сдерживать любопытство, он вошел внутрь. Молодой человек раскладывал по полкам какие-то предметы. Взглянув на Брейдена с некоторым недоверием, он вежливо произнес:

— Чем могу быть полезен?

— Пожалуйста, не думайте, что я сумасшедший. Позже я вам все объясню. Только ответьте на мой вопрос. Что случилось тридцать лет назад? Была ли атомная война?

В глазах молодого человека мелькнул огонек.

— А-а... Вы, наверное, тот человек, который жил под куполом? Теперь понятно, почему...

— Да,— ответил Брейден,— это я жил под куполом. Но что все-таки произошло? Что произошло после уничтожения Бостона?

— Видите ли, на Землю прилетели космические корабли. Бостон был уничтожен случайно. Из галактики Альдебаран прилетел целый космический флот. В кораблях были существа, значительно опередившие нас в развитии, и у них были добрые намерения. Они прилетели на Землю, чтобы пригласить нас в Галактический союз, чтобы помочь нам. К несчастью, при посадке в Бостоне один из кораблей разбился, и его атомные двигатели взорвались. От страшного взрыва погибло около миллиона человек. Остальные же корабли приземлились точно в назначенных пунктах, и их экипаж объяснил, с какой целью они прилетели. Никакой войны не было. Хотя избежать ее удалось только чудом. По приказу правительства в воздух поднялись военные самолеты, но их успели вовремя вернуть на базы.

— Так, значит, войны не было? — хрипло спросил Брейден.

— Конечно, нет. Война для нас теперь лишь страшное воспоминание о мрачных временах, которые некогда переживало человечество. Очень нам помог Галактический союз. Ведь сейчас даже нет государственных правительств — кто же и кому будет объявлять войну? С помощью Галактического союза мы достигли небывалого прогресса. Земляне заселили Марс и Венеру, которые были необитаемы и которые Союз предоставил в наше распоряжение. Но Марс и Венера лишь как бы пригороды Земли. Мы ведь путешествуем и к звездам. Мы теперь даже... — Он вдруг замолчал.

Брейден стоял, вцепившись в край прилавка. Все это прошло мимо него. Тридцать лет одиночества, а сейчас он уже старик.

— Вы теперь... что? — спросил он. Что-то подсказывало ему ответ, он почти не слышал собственного голоса.

— Ну... нельзя сказать, что уже бессмертны, но мы весьма приблизились к этому состоянию. Живем целые столетия. Тридцать лет назад мы с вами были ровесниками. Боюсь, однако, для вас бессмертие уже невозможно. Галактический союз ознакомил нас с процессами, сохраняющими человеку молодость, но они применимы лишь к людям не старше среднего возраста — максимум до пятидесяти лет. А вам...

— Мне шестьдесят семь,— ровным голосом ответил Брейден.— Благодарю вас.

Итак, он потерял все. Звезды... Когда-то он мечтал полететь туда, ничего бы не пожалел, но сейчас не хотел даже этого. Он потерял все. И Миру тоже.

А ведь он мог быть с ней вместе. И оба остались бы молодыми.

Он вышел из магазина и направился к дому, который еще недавно скрывался под куполом. Там его уже ждали. Может быть, они удовлетворят его просьбу, одну-единственную? Дадут ему энергию, необходимую для восстановления силового поля? И тогда он закончит жизнь там, под куполом. Да, сейчас это было единственное его желание. Пусть ему разрешат умереть так, как он жил,— в одиночестве.

ДОСТОЙНЫЙ СОПЕРНИК

Фарсиане запаздывали.

То ли они нас неправильно поняли.

То ли это очередная их уловка.

А может, они и не думали соблюдать соглашение.

— Капитан,— спросил генерал Лаймен Флад,— который теперь час?

Капитан Джист оторвал взгляд от шахматной доски.

— Тридцать семь ноль восемь, галактическое, сэр.

Он вновь склонился над доской. Сержант Конрад поймал в ловушку его коня, и капитану это не нравилось.

Тринадцатичасовое опоздание! — кипел генерал.

— Возможно, они не совсем верно нас поняли, сэр.

— Но мы изложили им соглашение буквально по слогам. Взяли их за ручку и прошлись по нему и раз, и два, и три, чтобы все им было ясно. Они просто не могли не понять его.— Но в глубине души генерал отлично знал, что от них можно ожидать чего угодно.

Фарсиане почти все понимали не так, как надо. Они весьма туманно представляли себе перемирие — будто слышали о нем впервые. Предложение об обмене пленными явно их озадачило. Даже простое согласование сроков обмена повлекло за собой мучительнейшие объяснения — противник словно никогда не слышал о том, как измеряется время, и понятия не имеет об элементарной математике.

— Может, их корабль потерпел аварию,— предположил капитан.

— У них не бывает аварий,— фыркнул генерал.— Их корабли — настоящее чудо. Способны выдержать все что угодно. Они нас разбили наголову. Разве не так?

— Так точно, сэр,— согласился капитан.

— Как по-вашему, капитан, сколько их кораблей мы уничтожили?

— Не больше десятка, сэр.

— Да, крепкий у нас противник,— сказал генерал, отошел в глубь палатки и уселся на стул.

Капитан ошибся. Точная цифра — одиннадцать. А из них достоверно уничтожен лишь один корабль, остальные же в лучшем случае выведены из строя.

В целом получалось, что соотношение потерь составляет более чем десять к одному в пользу фарсиан. Земля, признался себе генерал, никогда не терпела таких поражений. Целые эскадры исчезли без следа или бежали с поля боя, возвращались на базу, потеряв добрую половину кораблей.

Среди вернувшихся на базу кораблей поврежденных не было. Они выходили из боя целехонькими, без единой царапины. Что же касается погибших кораблей, то их уничтожения никто не видел, они просто-напросто исчезали, не оставляя даже мельчайших обломков.

«Как тут победишь? — спросил себя генерал. — Как бороться против оружия, которое уничтожает корабль целиком и полностью?»

На Земле и на сотнях других планет, входивших в Галактическую конфедерацию, днем и ночью тысячи ученых не покладая рук работали по сверхсрочной программе — пытались найти защиту от грозного оружия или хотя бы раскрыть его секрет.

Но шансы на успех были мизерны — и генерал это знал, — поскольку Конфедерация не имела никаких сведений о природе оружия. И это понятно: ведь все, кто становился его жертвой, исчезли без следа.

Возможно, кое-кто из побывавших в плену людей даст сведения, которые послужат ключом к тайне. Если б не эта надежда, Земля никогда бы не пошла на хлопоты, связанные с организацией обмена военнопленными.

Генерал взглянул на капитана и сержанта, склоненных над шахматной доской. Рядом с ними сидел пленный фарсианин и с интересом следил за игрой.

Генерал подозвал пленного.

Тот, переваливаясь с боку на бок, засеменил к нему.

И вновь, глядя на него, генерал ощутил странное, досадливое негодование. Потому что фарсианин

выглядел как клоун — ни тени военной выправки или боевого духа. Кругленький, с забавными ужимками, с неизменно веселой физиономией и оживленными манерами, он был одет в яркую цветную одежду, будто нарочно скроенную и сшитую, чтобы оскорбить взор военного человека.

— Ваши друзья запаздывают, — сообщил ему генерал.

— Вы ждите, — ответил фарсианин голосом, который больше напоминал посвистывание, чем речь. Приходилось внимательно вслушиваться, чтобы разобрать слова.

Генерал взял себя в руки.

Спорить бесполезно.

Возмущаться бессмысленно.

«Поймет ли когда-нибудь он — и вообще человечество — фарсиан?» — подумал генерал. Конечно, не то чтобы кто-то в самом деле хотел их понять. Для Земли достаточно просто отделаться от них.

— Ждите, — просвистел фарсианин, — они придут в среднее время с сего момента.

И когда же, черт возьми, выругался про себя генерал, наступит это «среднее время с сего момента»?

Фарсианин, смешно переваливаясь и семеня ногами, вернулся на прежнее место рядом с играющими.

Генерал вышел из палатки.

Крошечная планетка выглядела еще холоднее, пустынное и непригляднее, чем раньше. Каждый раз, когда генерал смотрел на нее, она производила на него все более удручающее впечатление.

Безжизненная, никчемная, не имеющая ни экономической, ни стратегической ценности — лучшей нейтральной территории, чтобы обменяться пленными, и желать нечего. Впрочем, нейтральной она оставалась главным образом потому, что никто не изъявлял желания ее захватить.

Далекая звезда — солнце планеты — тускло светила в небе. Черная голая каменистая поверхность тянулась к самому горизонту, до которого было рукой подать. Ледяной воздух обжигал ноздри.

На планете не было ни холмов, ни долин — ничего, только гладкая каменистая равнина, простиравшаяся во все стороны: идеальный гигантский космодром.

Эту специфическую планету, вспомнил генерал, предложили фарсиане, и сам по себе этот факт внушал недоверие. Но Земля к тому времени уже не могла затевать на переговорах торг с фарсианами из-за таких мелочей. Он стоял ссутулив плечи и чувствовал, как опасение холодком крадется по спине. С каждым часом планета все больше и больше казалась ему гигантской западней.

Он старался убедить себя, что ошибается. Поведение фарсиан не давало ни малейшего повода для подобных опасений. Более того, фарсиане по сути проявили великодушие. Они могли бы диктовать свои условия — любые условия, — и Галактическая конфедерация волей-неволей приняла бы их требования. Ибо Земле необходимо выиграть время любой ценой, чтобы подготовиться к следующему раунду схватки — через пять, десять, пятнадцать, двадцать лет.

Однако, как ни невероятно, фарсиане никаких требований не предъявляли.

Но с другой стороны, возразил себе генерал, кто знает, что у них в действительности на уме и каковы их планы?

Лагерь землян в сумерках выглядел неряшливо — несколько больших палаток, передвижная электростанция, замерший в ожидании взлета корабль и рядом с ним небольшой разведывательный скутер, на котором прилетел пленный фарсианин.

Скутер сам по себе был наглядным примером той пропасти, что разделяла фарсиан и людей. Потребовалось целых три дня дебатов, прежде чем фарсиане сумели толком изложить свое условие, чтобы им возвратили и самого пилота, и скутер.

Ни один корабль во всей Галактике не подвергался столь тщательному обследованию, как этот маленький скутер. Но полученная информация оказалась скудной. А допрос пленного фарсианина, несмотря на все усилия экспертов-психологов, дал еще менее утешительные результаты.

Лагерь притих и почти обезлюдел. Двое часовых, печатая шаг, патрулировали территорию. Все остальные находились в укрытии, коротая время в ожидании фарсиан.

Генерал быстро пересек пространство, отделявшее его от палатки медперсонала, пригнулся и вошел внутрь.

Четверо лениво играли за столом в карты. Один из игравших положил карты и встал.

— Есть новости, генерал?

Генерал покачал головой.

— Скоро они появятся, док. У вас все готово?

— Давно, — ответил психиатр. — Как только ребята придут, мы заберем их сюда и обследуем, как положено. Вся аппаратура наготове. Много времени это не займет.

— Отлично. Я хочу убраться с этой скалы, и поскорее. Мне здесь как-то не по себе.

Есть один вопрос...

— Какой?

Нельзя ли заранее узнать, сколько пленных нам вернут?

Генерал мотнул головой.

— Мы так и не смогли этого выяснить. Они не в ладах с цифрами. А ведь, казалось бы, математика универсальна для всей Вселенной, правда?

— Ну что ж, — вздохнул доктор, — сделаем все, что в наших силах.

— Едва ли вернутся многие, — продолжал генерал. — Мы ведь возвращаем только одного фарсианина и один корабль. Как по-вашему, сколько людей они вернут за корабль?

— Понятия не имею. Вы действительно верите, что они явятся?

— Кто их разберет, поняли они нас или нет. Уж если и существует тупой народ...

— Они не настолько тупы, — спокойно возразил доктор. — Нам вот не удалось одолеть их язык, а они наш выучили.

— Знаю, — нетерпеливо перебил генерал. — Это все понятно. Но история с перемирием — ведь им потребовался не один день, чтобы понять, чего мы хотим. А с системой отсчета времени чуть не месяц бились. Ей-богу, доктор, с дикарем каменного века и то быстрее на пальцах договоришься!

— Еще бы, — заметил доктор. — Дикарь-то как-никак человек.

— Но фарсиане — раса высокоцивилизованная. Их техника во многих отношениях превосходит нашу. Они загнали нас в угол.

— Они нас разбили.

— Ладно, пусть разбили. А почему бы и нет? У них есть оружие, которого мы не имеем. Они ближе к сво-

им базам. По сравнению с нами у них почти не было трудностей с тыловым обеспечением. Да, они нас разбили, но я вас спрашиваю: хватило у них ума догадаться об этом? Разве они этим воспользовались? Они же могли нас уничтожить. Могли навязать нам такие условия мира, которые на сотни лет подорвали бы нашу боеспособность. Вместо этого они нас отпускают. Где же тут смысл, где логика?

— Вы имеете дело с внеземной расой,— ответил доктор.

— Мы имели дело и с другими внеземными расами. И всегда их понимали. В большинстве случаев находили общий язык.

— Наши с ними отношения строились на коммерческой основе,— напомнил доктор.— Если у нас и возникали какие-либо затруднения, то гораздо позднее, когда уже была заложена минимальная основа для взаимопонимания. Фарсиане — единственные, кто при первой же встрече немедленно начали военные действия.

— Не могу понять, отчего,— сказал генерал.— Мы даже не посягали на их планеты. Могли вообще пройти стороной и не заметить их. Они знать не знали, кто мы такие. Им было безразлично — вот что главное. Ни с того ни с сего ринулись на нас и открыли пальбу. И так происходит со всеми, кто оказывается вблизи от их планет. Со всеми без исключения. Они постоянно с кем-нибудь воюют — иногда с двумя-тремя противниками одновременно.

— У них комплекс самозащиты,— заметил доктор.— Они хотят, чтобы их оставили в покое. Стремятся лишь к одному — не подпускать других к своим планетам. Вы же сами сказали, что они могли нас уничтожить, но не сделали этого.

— Возможно, они весьма чувствительны к потерям и легкоранимы. Не забывайте, раза два мы пустили им кровь из носу — нам, конечно, досталось намного больше, но им тоже влетело. Думаю, они снова нападут на нас при первом же удобном случае.— Генерал глубоко вздохнул.— В другой раз мы должны быть готовы к схватке с ними. В другой раз они, чего доброго, не остановятся на полпути. И мы должны их перехитрить.

«Трудно,— подумал он,— ох как трудно сражаться с противником, о котором почти ничего не известно». Тем более что этот противник обладает совершенно

неизвестным тебе оружием. Гипотез о природе оружия было больше чем достаточно, но даже лучшие из них были всего-навсего смелыми, хитроумными догадками.

Возможно, это оружие оперировало во времени, отбрасывая пораженные цели в невообразимый хаос. Возможно, оно переносило их в другое пространственное измерение. Возможно, вызывало внутренний коллапс атомов, сжимая космический корабль в чудовищно тяжелую смертоносную пылинку, каких не знала Вселенная.

Одно не подлежит сомнению — и дезинтеграция, и взрыв тут ни при чем, поскольку ни вспышки света, ни теплового излучения не наблюдалось. Корабли попросту исчезали — исчезали без следа, мгновенно и целиком, вот и все.

— Меня вот еще что беспокоит, — проговорил доктор. — Те, другие расы, которые воевали с фарсианами, прежде чем они набросились на нас. Когда мы попытались вступить с ними в контакт, получить хоть какую-нибудь помощь, они нас и слушать не стали. И ничего нам не сообщили.

— Для нас это новый сектор космоса, — сказал генерал. — Мы здесь пока чужие.

— По логике вещей, — возразил доктор, — им надо обеими руками ухватиться за возможность сколотить союз против фарсиан.

— Полагаться на союзы нельзя. Мы остались в изоляции. И эту задачу нам придется решать самостоятельно.

Он наклонил голову, собираясь выйти из палатки.

— За нами дело не станет, — заверил его доктор, — как только появятся пленные, так сразу и начнем. Предварительный доклад подготовим за час, если от них вообще будет какой-нибудь толк.

— Отлично. — И генерал вышел наружу.

Скверная ситуация, полная неизвестности и способная вселить отчаяние и ужас, если не держать себя крепко в руках.

Пленные люди, возможно, кое-что сообщат, но слепо принимать эти сведения на веру нельзя, так как вполне возможно, что в них содержится подвох — точно так же как подвох был скрыт в тех данных, какие предоставили пленному фарсианину.

На этот раз, подумал генерал, психологи, пожалуй, перехитрили себя.

Сам по себе трюк, бесспорно, толковый — устроить пленному фарсианину космическую экскурсию и гордо продемонстрировать массу бесплодных, ни на что не пригодных планет, словно ничего лучше и примечательнее в Галактической конфедерации не было и нет.

Толковый — если б фарсианин был человеком, потому что человек пулю пожалел бы истратить ради подобных планет, а уж войну затевать тем более не стал бы.

Но фарсиане не люди. И никому не ведомо, какие планеты могут им приглянуться. К тому же не исключено, что эти невзрачные планеты навели пленного на мысль, что Земля окажется легкой добычей.

Вся ситуация была какая-то несуразная, противостественная, думал генерал. В самой ее основе таилась принципиальная ошибка. Даже с учетом всяческих различий между земной и фарсианской цивилизациями слишком многое не поддавалось логическому объяснению. И даже здесь, на этой планете, что-то было не так.

Он услышал рев двигателей и, стремительно повернувшись, поднял голову.

Космолет был уже близко и шел на посадку, но с какой скоростью!

Генерал затаил дыхание, однако космолет в ту же секунду резко сбавил ход, на мгновение завис в воздухе и совершил безупречную посадку всего-навсего в четверти мили от корабля землян.

Генерал бегом припустил к космолету, затем спохватился и перешел на четкий военный шаг.

Солдаты выскакивали из палаток и строились в шеренги. Над лагерем прозвучал приказ, и колонна двинулась вперед, как на параде.

Генерал позволил себе улыбнуться. Его ребята — хорошие солдаты. Их не застанешь врасплох. Если фарсиане думали своим неожиданным появлением вызвать в лагере панику и таким образом добиться для себя преимущества, то они просчитались.

Колонна солдат лихо повернула и двинулась к космолету. Санитарная машина выехала из укрытия и последовала за ними. Послышалась дробь барабанов, в холодном колочем воздухе труба пела как-то особенно чисто и звонко.

Именно такие люди, с гордостью сказал себе генерал, обеспечивают целостность растущей Галактической

конфедерации и поддерживают мир в космическом пространстве объемом в тысячи и тысячи кубических световых лет. Именно такие люди когда-нибудь покончат с фарсианской угрозой.

Войны стали теперь редкостью. Космос слишком велик для военных действий, и существует достаточно способов избежать войны. Но такой опасностью, как фарсиане, пренебрегать нельзя. Рано или поздно либо Земля, либо фарсиане неизбежно потерпят полное поражение. Конфедерация не может чувствовать себя в безопасности, пока с фланга ей угрожают фарсиане.

Позади затопали сапоги, генерал обернулся. Его догонял капитан Джист, на бегу застегивая китель.

— Все-таки они прибыли, сэр.

— С опозданием на четырнадцать часов,— заметил генерал.— Ну а сейчас давайте прежде всего попытаемся показать себя в лучшем виде. У вас китель не в порядке, капитан.

— Извините, сэр.— Капитан застегнул пуговицу.

— Вот теперь хорошо. Разверните плечи, тверже шаг.левой, правой, раз, два!

Уголком глаза генерал видел, как отделение сержанта Конрада, маршируя с точностью заведенного механизма, эскортировало пленного фарсианина в полном соответствии с уставом.

Солдаты выстроились двумя параллельными шеренгами по обе стороны космолета фарсиан. Открылся люк, громохкая, из него пополз трап, и генерал удовлетворенно отметил, что они с капитаном Джистом подойдут к трапу как раз в ту минуту, когда трап коснется поверхности планеты. В этом была своя особая торжественность и протокольная пунктуальность, как будто генерал лично во всех деталях спланировал церемонию встречи.

Трап с лязгом остановился, и три фарсианина стали невозмутимо, вразвалку спускаться вниз.

Неказистая троица, подумал генерал. Хоть бы один военную форму надел или нацепил медаль.

Едва фарсиане ступили на поверхность планеты, генерал взял дипломатическую инициативу в свои руки.

— Добро пожаловать,—громко и отчетливо сказал он, чтобы им было легче понять его.

Фарсиане выстроились в ряд, неотрывно глядя на него, и он почувствовал какую-то неловкость при виде

их кругловатых веселых физиономий. Вероятно, их лица попросту не могли принять другого выражения. Но поскольку фарсиане все так же молча смотрели на него, генерал бодро продолжил:

— Земле доставит большое удовольствие добросовестно выполнить обязательства, согласованные в протоколе о перемирии. Мы искренне надеемся, что это знаменует собой начало эры...

— Очень мило,— вставил один из фарсиан. Трудно сказать, что он имел в виду: краткую речь генерала или общую ситуацию, или же он просто старался проявить любезность.

Невозмутимый генерал хотел было продолжить свою речь, но фарсианин остановил его, подняв короткую округлую руку.

— Пленные скоро придут,— просвистел он.

— Вы хотите сказать, что не привезли их?

— Они вернутся опять,— невозмутимо обронил фарсианин, нисколько не заботясь о точности выражений. И все с той же радушной улыбкой слегка пожал плечами.

— Ух мошенники!— в сердцах буркнул капитан у самого уха генерала.

— Мы поговорим,— сказал фарсианин.

— Они что-то затевают,— предупредил капитан.— Следовало бы объявить готовность номер один, сэр.

— Согласен,— кивнул ему генерал.— Только без шума.— Затем он обратился к фарсианам:— Прошу вас, джентльмены, следовать за мной, вас ждет угощение.

Его не оставляло впечатление, что они подшучивают и подсмеиваются над ним, но разве их поймешь. У них всегда одинаково веселые лица. В любых обстоятельствах.

— Очень счастливы,— заявил представитель фарсиан.— Это угоще...

— Напитки.— И генерал жестом пояснил значение слова.

— Напиток — это хорошо,— отозвался фарсианин.— Напиток — это друг?

— Совершенно верно,— подтвердил генерал.

Медленно, чтобы фарсиане не отстали, генерал направился к палатке.

Он удовлетворенно отметил, что капитан выполнил его приказ с завидной быстротой. Сержант Конрад

уже вел свое отделение назад в лагерь, в центре строя семенял пленный фарсианин. Солдаты расчехляли оружие, последний из членов экипажа взбирался по трапу в корабль.

Капитан присоединился к делегации возле входа в палатку.

— Все исполнено, сэр,— шепотом доложил сержант Конрад.

— Отлично,— ответил генерал.

В палатке генерал открыл холодильник и достал большущий графин.

— Это,— объяснил он,— напиток, который мы приготовили для вашего соотечественника. Ему он пришелся весьма по вкусу.

Он расставил стаканы, положил на стол соломинки для питья и откупорил графин, сожалея, что нельзя зажать себе нос: напиток вонял омерзительно. Не хотелось даже думать о том, из чего он приготовлен. Химики состряпали это пойло для пленного фарсианина, а тот литрами поглощал его с непостижимым вкусом.

Генерал наполнил стаканы. Фарсиане обхватили их своими щупальцами и сунули соломинки в узкие беззубые рты. Отглотнули и восторженно закатили глаза.

Генерал залпом осушил стакан вина, поданный капитаном. В палатке становилось душновато. Чего не сделаешь, чтобы выполнить свой долг перед своими планетами и народами, подумал он.

Наблюдая за фарсианами, он размышлял над тем, какого подвоха ждать от них теперь.

Поговорим, сказал их руководитель, а означать это могло что угодно — и возобновление переговоров, и очередную уловку.

Если это переговоры, то положение у землян крайне незавидное. Но иного выхода, кроме как согласиться на переговоры, у него нет. Флот Земли понес колоссальные потери, тайна фарсианского сверхоружия не раскрыта, и возобновление военных действий невысказано. Земле нужна передышка — минимум лет пять, а еще лучше — десять.

Если же это прелюдия к нападению, если эта планета — западня, то остается лишь принять бой и сражаться до последнего, что равносильно самоубийству.

Генерал сознавал: и в том, и в другом случае проигравшей стороной будет Земля.

Фарсиане поставили опустевшие стаканы на стол, и он еще раз наполнил их.

— У вас хорошо получается, — сказал один из фарсиан. — У вас есть бумага и грифель?

— Грифель? — переспросил генерал.

— Он имеет в виду карандаш, — подсказал капитан.

— О, конечно. Прошу вас. — Генерал достал блокнот и карандаш и положил их на стол.

Один из фарсиан отставил стакан и, вооружившись карандашом, принялся вычерчивать какую-то сложную диаграмму. С виду — точь-в-точь пятилетний малыш, выводящий первые в жизни буквы.

Фарсианин чертил, остальные ждали, когда он кончит. Наконец он положил карандаш и указал на волнистые линии:

— Мы. — Затем указал на зубчатые линии: — Вы.

Генерал склонился над бумагой, сиюсь разобрать-ся в чертеже фарсианина.

— Сэр, — сказал капитан, — это похоже на схему боя.

— Схема, — с гордостью подтвердил фарсианин и снова взялся за карандаш: — Смотрите.

Он провел несколько прямых линий, поставил какие-то забавные значки в точках соприкосновения их с зубчатыми линиями, символизирующими флот землян, и крестики в тех местах, где боевые порядки землян были прорваны. Когда он закончил, флот Земли оказался разбит, разрезан на три части и обращен в паническое бегство.

— Это, — сказал генерал сиплым голосом от сдавившего горло гнева, — бой в квадрате семнадцать. В тот день наша Пятая эскадра потеряла половину своих кораблей.

— Малюсенькая ошибка, — заверил фарсианин и примирительно взмахнул щупальцами. Он вырвал из блокнота лист с рисунком и швырнул на пол. Затем старательно начертил схему заново. — Внимание!

Фарсианин вновь провел прямые линии, но на этот раз слегка изменил их направление. Теперь боевая фаланга флота Земли как бы повернулась вокруг оси, разомкнулась и превратилась в две параллельные колонны, которые зажали с фланговдвигающийся клином флот фарсиан, обломили конец клина, окружили и рассеяли вражеские корабли.

Фарсианин положил карандаш.

— Пустяк,—сообщил он генералу и капитану.— Вы молодцы. Сделали одну легкую ошибку.

Крепко держа себя в руках, генерал еще раз наполнил стаканы.

К чему они клонят, думал он. Почему не хотят открыть свои карты и выложить все напрямик?

— Так лучше,—сказал один из фарсиан, поднимая стакан и давая понять, что имеет в виду выпивку.

— Еще?—спросил фарсианин-стратег, снова берясь за карандаш.

— Прошу вас,—сказал генерал, кипя от гнева. Он подошел к выходу из палатки и глянул наружу. Расчеты замерли возле орудий. Тонкие струйки пара тянулись из дюз корабля; через несколько минут он будет готов по первому требованию взмыть вверх. Лагерь притих и насторожился.

Генерал вернулся к столу, фарсианин-стратег меж тем весело продолжал лекцию о том, как выиграть бой. Он чертил схему за схемой и время от времени великодушно показывал, как потерпели поражение фарсиане, хотя, применив несколько иную тактику, вполне могли победить.

— Интересно!—с энтузиазмом пищал он.

— Да, интересно,—согласился генерал.— Только напрашивается один вопрос.

— Спрашивайте,—предложил фарсианин.

— Если нам снова придется воевать, как можете вы быть уверенными, что мы не используем все эти тактические приемы против вас?

— Вот и прекрасно,—с жаром откликнулся фарсианин,—именно этого мы и хотим.

— Вы хорошо ведете бой,—сказал другой.— Только немного чересчур грубо. В следующий раз у вас получится гораздо лучше.

— Грубо!—вспыхнул генерал.

— Слишком жестко, сэр. Нет необходимости взрывать корабли.

Снаружи прогремел орудийный выстрел, потом другой, а затем грохот орудий утонул во все нарастающем реве множества корабельных двигателей.

Генерал рванулся к выходу и, плечом отбросив полог, выскочил из палатки. Фуражка слетела у него с головы, он споткнулся и едва не потерял равновесие. Запрокинув голову, он увидел корабли—эскадра за

эскадрой они шли на посадку, озаряя темноту вспышками пламени, рвавшего из дюз.

— Прекратить огонь! — закричал он. — Эй вы, безмозглые идиоты, прекратить огонь!

Но кричал он зря, орудия уже умолкли.

Корабли снижались в безукоризненном походном строю. Вот они пролетели над лагерем, и гром двигателей, казалось, на мгновение приподнял его и резко тряхнул. Затем они стали набирать высоту, шеренга за шеренгой, строй за строем, слаженно и четко, взмывая вверх и разворачиваясь для посадки по всем правилам устава.

Генерал стоял точно окаменев, ветер шевелил его отливавшие металлическим блеском волосы, чувство гордости за своих и признательности к чужим комом подступило к горлу.

Кто-то дотронулся до его локтя.

— Пленные, — сказал фарсианин. — Я говорил вам — через некоторое время.

Генерал попробовал заговорить, но комок все еще стоял в горле. Он проглотил его и сделал еще одну попытку.

— Мы не понимали, — сказал он хриплым от волнения голосом.

— У вас не было лучей-арканов, — сказал фарсианин. — Вот почему вы сражаетесь так жестко.

— Мы по-другому не умели, — ответил генерал. — Мы же не знали. Мы раньше никогда так не сражались.

— Мы дадим вам лучи-арканы, — продолжал фарсианин. — В следующий раз мы сыграем как надо. С ними у вас получится гораздо лучше. И нам будет легче.

Не удивительно, подумал генерал, что они понятия не имели о перемирии. Не удивительно, что наше предложение о переговорах и обмене пленными озадачило их. В самом деле, разве кто ведет переговоры, чтобы вернуть фигуры, выигранные у противника в ходе игры?

И не удивительно, что те, другие расы, встретили предложение Земли объединиться против фарсиан презрением и отвращением.

— Сочли его неспортивным и неблагородным, — произнес генерал вслух. — Могли бы, конечно, объяснить нам. Впрочем, наверно, они настолько к этому привыкли, что им и в голову не пришло.

Теперь он понял, отчего фарсиане выбрали эту планету. Чтобы посадить все корабли, нужно много места.

Генерал смотрел, как корабли один за другим, в облаках розоватого пламени, медленно опускаются на каменистую поверхность планеты. Он попытался было пересчитать их, но быстро сбился со счета, хотя в глубине души и знал, что каждый потерянный Землей корабль непременно будет возвращен.

— Мы дадим вам лучи-арканы,—повторил фарсианин.— Научим вас ими пользоваться. Это очень просто. И они не вредят ни людям, ни кораблям.

И за этим скрывается нечто большее, чем глупая игра, сказал себе генерал, впрочем, возможно, и не такая уж глупая, если разобраться в истории, культурных традициях и философских концепциях, связанных с нею. И во всяком случае можно сказать в ее защиту одно: она лучше, чем настоящие войны.

Но с такими лучами придет конец войнам вообще. С теми мелкими войнами, которые еще ведутся, будет покончено раз и навсегда. Незачем разбивать врага в бою—его можно просто захватить; незачем вести длительную вооруженную борьбу с трудноуловимыми бандами на недавно освоенных планетах, а опасных зверей можно будет отлавливать и перемещать в зоопарки.

— Мы сразимся снова? — с тревогой в голосе спросил фарсианин.

— Безусловно,—заверил генерал.— Когда захотите. А мы действительно такой ловкий противник, как вы утверждаете?

— Вы не очень хороши,—признался фарсианин с обезоруживающей откровенностью.— Но вы лучшие из всех, с кем мы сталкивались. Много играйте, у вас получится лучше.

Генерал улыбнулся. Ну в точности как сержант и капитан с их вечными шахматами, подумал он.

Он повернулся к фарсианину и хлопнул его по плечу.

— Пойдемте-ка назад в палатку,—сказал он.— В том графине еще кое-что осталось. Зачем зря пропадать добру.

ЗАЦЕПКА

На звездолете главное — сплоченность экипажа. Личному составу полагается жить в ладу и согласии — иначе недостижимо то мгновенное взаимопонимание, без которого порой никак не обойтись. Ведь в космосе один-единственный промах может оказаться роковым.

Не требует доказательств та истина, что даже на самых лучших кораблях случаются аварии, а о заурядном нечего и говорить — он долго не продержится.

Отсюда ясно, как потрясен был капитан Свен, когда за четыре часа до старта ему доложили, что радист Форбс наотрез отказывается служить вместе с новеньким.

Новенького Форбс в глаза не видел и видеть не желает. Достаточно, что он о нем наслышан. По словам Форбса, здесь нет ничего личного. Отказ мотивирован чисто расовыми соображениями.

— Ты не путаешь? — переспросил капитан старшего механика, когда тот принес неслыханную весть.

— Никак нет, сэр, — заверил механик Хао, приземистый китаец из Кантона. — Мы пытались уладить конфликт своими силами. Но Форбс ни в какую.

Капитан Свен грузно опустился в мягкое кресло. Он был возмущен до глубины души. Ему-то казалось, что расовая ненависть отошла в далекое прошлое. Столкнувшись с ее проявлением в натуре, он растерялся, как растерялся бы при встрече с моа или живым комаром.

— В наш век, в наши дни — и вдруг расизм? — кипятился Свен. — Безобразие, форменное безобразие. Чего доброго, следующим номером мне доложат, что на городской площади сжигают ведьм или где-нибудь затевают войну с применением кобальтовых бомб!

— Да ведь до сих пор никакого расизма не было и в помине, — возразил Хао. — Для меня это полнейшая неожиданность.

— Ты же у нас не только по званию старший, но и по возрасту,—сказал Свен.— Неужто не пытался урезонить Форбса?

— Я с ним не один час беседовал,— ответил Хао.— Напоминал, что китайцы веками люто ненавидели японцев, а японцы — китайцев. Если уж нам удалось преодолеть взаимную неприязнь во имя Великого Сотрудничества, то отчего бы и ему не попытаться?

— И пошло на пользу?

— Как об стену горох. Говорит, это совсем разные вещи.

Свен свирепо откусил кончик сигары, поднес к ней огонек и запыхтел, раскуривая.

— Да черт меня побери, если я у себя на корабле стерплю такое. Подыщу другого радиста.

— Не так уж это просто, сэр,— заметил Хао.— В здешней-то глуши.

Свен насупился в раздумье. Дело было на Дискайе-2, захолустной планетенке в созвездии Южного Креста. Сюда корабль доставил груз (запасные части для машин и станков), здесь взял на борт новичка, назначенного Корпорацией,— невольного виновника переполоха. Специалистов на Дискайе пруд пруди, но все больше по гидравлике, горному делу и прочей механике. Единственный же на планете радист вполне доволен жизнью, женат, имеет двоих детей, обзавелся на Дискайе домом в озелененном пригороде и о перемене мест не помышляет.

— Курам на смех, просто курам на смех,— процедил Свен.— Без Форбса мы как без рук, но и новичка я здесь не брошу. Иначе Корпорация наверняка меня уволит. И поделом, поделом. Капитан обязан справляться с любыми неожиданностями.

Хао угрюмо кивнул.

— Откуда родом этот самый Форбс?

— С фермы, из глухой деревушки в гористой части США. Штат Джорджия, сэр. Вы о таком случайно не слыхали?

— Слышал вроде бы,—скромно ответил Свен, в свое время прослушавший в университете Упсалы спецкурс «Регионы и их отличительные особенности»: в ту пору он стремился возможно лучше подготовиться к капитанской должности.— Там выращивают свиной и земляные орехи.

— И мужчин,—дополнил Хао.— Дюжих, смекалистых. Населения в штате раз-два и обчелся, а между

тем уроженцев Джорджии встретишь на любом пограничном рубеже. За ними упрочилась слава непревзойденных молодцев.

— Знаю,— огрызнулся Свен.— Форбс у нас тоже парень не промах. Одна вот беда — расист.

— Случай с Форбсом нетипичен. Форбс вырос в малочисленном, уединенном сообществе, вдали от главного русла американской жизни. Развиваясь, такие сообщества — а они есть по всему миру — всячески цепляются за причудливые старинные обычаи. Вот как сейчас помню, в одной деревушке Хонаня...

— А все же с трудом верится,— перебил Свен механика, который собрался было пуститься в пространные рассуждения о быте китайской деревни.— Оправдания тут неуместны. Всюду, в любом сообществе, сохранилось наследие прошлого — остатки расовой вражды. Однако каждый, вливаясь в главный поток земной жизни, обязан стряхнуть с себя пережитки прошлого. Другие-то стряхнули! Почему же Форбс не может? С какой стати он перекладывает на нас свои заботы? Неужто слыхом не слыхал о Великом Сотрудничестве?

Хао пожал плечами.

— Может, вы сами с ним поговорите, капитан?

— Непременно. Только сначала с Анжкой.

Старший механик покинул мостик. Свен оставался погружен в глубокое раздумье, но вот раздался стук.

— Входи.

Вошел боцман Ангка. Это был высоченный, безукоризненного сложения африканец с кожей цвета спелой сливы. Чистокровный негр из Ганы, он великолепно играл на гитаре.

— Надо полагать, ты в курсе дела? — начал Свен.

— Загвоздка получается, сэр,— отозвался Ангка.

— Загвоздка? Катастрофа! Сам ведь понимаешь, как опасно поднимать звездолет с планеты, когда на борту такой кавардак. А до старта меньше трех часов. Немыслимо выходить в рейс без радиста, но и новенький нам позарез нужен.

Ангка стоял в бесстрастном ожидании. Свен стряхнул с сигары дюймовый столбик пепла.

— Послушай, Ангка, ты ведь понимаешь, зачем я тебя вызвал.

— Догадываюсь, сэр,— ухмыльнулся Ангка.

— Вы ведь с Форбсом не разлей вода. Не мог бы ты на него повлиять?

— Пытался, капитан, честное слово, пытался. Но вы же сами знаете, каковы уроженцы Джорджии.

— К сожалению, не знаю.

— Отличные ребята, сэр, но упрямы как ослы. Уж если им что втемяшится в башку, то хоть кол на ней теши. Я ведь с Форбсом двое суток только об этом и толкую. Вчера вечером упоил его в стельку... Исключительно для пользы дела, сэр,— спохватился Ангка.

— Неважно. И что же?

— Поговорил с ним как с родным сыном. Напомнил, до чего славно мы тут сработались, до чего весело развлекаемся в каждом астропорту. Какая это великая честь — участвовать в Сотрудничестве. «Берегись, Джимми,— говорю,— будешь стоять на своем, так все испортишь. Ты ведь не хотел бы все испортить, правда?» Он пустил слезу, точно маленький, капитан.

— Но не передумал?

— Твердил, что никак не может. Что уговаривать бесполезно. Мол, есть в Галактике одна, и только одна, раса, с которой он служить не станет, и дело с концом. Мол, иначе его бедный папочка в гробу перевернется.

— Может, еще одумается,— сказал Свен.

— Постараюсь переубедить его, но вряд ли удастся.

Ангка вышел. Свен подпер щеку могучим кулаком и вновь покосился на судовой хронометр. Меньше трех часов до старта!

Сняв трубку внутреннего телефона, Свен попросил через городскую сеть соединить его с диспетчером астропорта. Услышав голос диспетчера, капитан сказал:

— Прошу разрешения задержаться на денек-другой.

— К сожалению, это не в моей власти, капитан Свен,— вздохнул диспетчер.— Позарез нужна стартовая площадка. Мы ведь принимаем не более одного звездолета сразу. А через пять часов ожидается рудовоз с Калайо. У них наверняка горячее на исходе.

— Вечно оно у них на исходе,— буркнул Свен.

— А мы давайте вот как условимся. Если у вас серьезная механическая неисправность, мы подгоним два-три подъемных крана, переведем ваш корабль в горизонтальное положение и откатим с площадки. Однако до тех пор, пока мы его вновь поставим на ножки, много воды утечет.

— Спасибо, не стоит. Буду стартовать по расписанию.

Он дал отбой. Нельзя задерживать корабль без уважительной причины. За это Корпорация с капитана голову снимет — и ему ясно.

Оставался единственно доступный путь. Удовольствие маленькое, но ничего не попишешь. Капитан встал, отбросил давно погасшую сигару и спустился с мостика.

Он заглянул в судовой лазарет. Там, закинув ноги на стол, сидел доктор в белоснежном халате и читал немецкий медицинский журнал трехмесячной давности.

— Добро пожаловать, кэп. Хотите глоточек коньяку в чисто медицинских целях?

— Не откажусь, — ответил Свен.

Молодой доктор щедрой рукой плеснул две порции из бутылки, на этикетке которой красовалось: «Возбудитель сенной лихорадки».

— Для чего такой мрачный ярлык? — удивился Свен.

— А чтоб команда не прикладывалась. Лучше уж пускай у кока воруют лимонный экстракт.

Доктора звали Абу-Факих. Был он родом из Палестины, недавно окончил медицинский институт в Вифлееме.

— О Форбсе слыхали? — приступил к делу Свен.

— А кто не слыхал!

— Хотел у вас спросить как у единственного медика на борту: вы прежде не замечали у Форбса признаков расовой вражды?

— Ни разу, — без колебаний ответил Абу-Факих.

— Не ошибаетесь?

— В таких вещах мы, палестинцы, разбираемся, нутром их чуем. Уверяю вас, для меня поведение Форбса — полнейшая неожиданность. Разумеется, с тех пор я неоднократно беседовал с ним.

— Какой же вы сделали вывод?

— Форбс честен, расторопен, прямодушен, простоват. Унаследовал отжившие предрассудки в виде старинных традиций. Сами знаете, у выходцев из Горной Джорджии сохранился целый арсенал местных обычаев. Эти обычаи всесторонне изучены антропологами островов Самоа и Фиджи. Вам не доводилось читать «Достижение совершеннолетия в Джорджии»? Или «Народные обычаи Горной Джорджии»?

— Времени не остается на такое чтение,— проворчал Свен.— У меня с кораблем хлопот по горло, не хватало еще вникать в психологию каждого члена команды.

— Да, пожалуй, кэп,— сказал доктор.— Хотя эти книги есть в судовой библиотеке, вдруг вам вздумается полистать. Ума не приложу, чем тут помочь. Процесс переориентации долог. К тому же я терапевт, а не психиатр. Есть во Вселенной раса, с представителями которой Форбса никто не принудит служить, поскольку они вызывают в нем прилив первозданной расовой ненависти. По нелепой случайности ваш новенький принадлежит именно к этой расе.

— Оставляю Форбса в порту,— внезапно решил капитан.— С рацией справится офицер связи. А Форбс пускай садится на любой другой звездолет и отправляется к себе в Джорджию.

— Не советовал бы.

— Почему же?

— Форбс — любимец команды. Все осуждают его за дурацкое упрямство, но, если он не пойдет вместе со всеми в рейс, на борту воцарится уныние.

— Опять незадача.— Свен задумался.— Опасно, крайне опасно. Но черт побери, не могу же я оставить в порту новичка! Да и не желаю! Кто здесь в конце концов главный — я или Форбс?

— Вопрос чрезвычайно интересный,— подхватил Абу-Факих и поспешно увернулся от бокала, которым запустил в него разъяренный капитан.

Свен отправился в судовую библиотеку, где перелистал «Достижение совершеннолетия в Джорджии» и «Народные обычаи Горной Джорджии». От этого ему легче не стало. С секунду поразмыслив, он бросил взгляд на часы. Два часа до старта! Чуть ли не бегом капитан устремился в штурманскую рубку.

В рубке единовластно распоряжался венерианин Рт'крыс. Он стоял на табурете, разглядывая какие-то вспомогательные приборы. Тремя руками он сжимал секстан, а ногой — самой ловкой конечностью — протирает зеркала. При виде Свена венерианин из уважения к начальству окрасился в коричневато-оранжевые тона, после чего вновь обрел повседневный зеленый цвет.

— Как дела? — спросил Свен.

— Нормально,— ответил Рт'крыс.— Если, конечно, не считать истории с Форбсом.

Он пользовался карманным звукоусилителем, поскольку голосовые связки у венериан отсутствуют. Первые модели таких усилителей резали слух и отдавали металлическим звоном; однако с тех пор их усовершенствовали, и ныне типичные «голоса» венериан звучат как мягкий, вкрадчивый шепот.

— О Форбсе-то я и зашел посоветоваться,— признался капитан.— Ты ведь не землянин. Если на то пошло, даже не гуманоид. Я и подумал: вдруг тебя осенит свежая идея. Вдруг я что-нибудь упустил.

Помолчав, Рт'крыс посерел: это был цвет нерешительности.

— Боюсь, от меня вам маловато будет пользы, капитан Свен. У нас на Венере никогда не бывало расовых проблем. Разве что вы усматриваете некую аналогию с положением *саларды*...

— Не совсем,— перебил Свен.— Там скорее религиозный уклон.

— К сожалению, больше ничего в голову не приходит. А вы не пробовали образумить Форбса?

— Нет, но ведь все остальные пробовали.

— У вас должно лучше получиться, капитан. Вы — носитель символа власти, вам удастся вытеснить из Форбсова сознания отцовский символ. А заполучив такое преимущество, внушите Форбсу, какова истинная подоплека его эмоциональной реакции.

— У расовой вражды не бывает никакой подоплеки.

— Это с точки зрения формальной логики. А вот если оперировать общечеловеческими понятиями, то удастся отыскать и саму подоплеку, и решение проблемы. Постарайтесь выяснить, чего именно боится Форбс. Быть может, поставленный лицом к лицу с собственными побудительными мотивами, он опомнится.

— Учту твои советы,— с сарказмом, который не дошел до венерианина, поблагодарил Свен.

Прозвучал условный звонок внутреннего коммутатора: старший помощник вызывал капитана.

— Капитан! Диспетчер запрашивает, стартуем ли мы по расписанию.

— Стартуем,— сказал Свен.— Готовить корабль. И положил трубку.

Рт'крыс залился пунцовым окрасом. У венериан это все равно что у землян приподнятые брови.

— И так и так скверно, черт бы побрал все на свете! — проговорил Свен. — Спасибо, что дал хоть какой-то совет. Теперь примусь за Форбса.

— А кстати, — остановил капитана Рт'крыс, — он-то к какой расе принадлежит?

— Кто именно?

— Новенький, тот, с кем не желает служить Форбс.

— Я почему знаю! — неожиданно взорвался Свен. — По-твоему, мне на мостике только и дел, что зазубривать расовую принадлежность новеньких?

— А ведь это может иметь решающее значение.

— С какой стати? Допустим, Форбсу не угодно служить с монголом или с пакистанцем, ньюйоркцем или марсианином. Велика ли разница, на какой именно расе заикнулся больной, незрелый мозг?

— Всего наилучшего, капитан Свен, — пожелал Рт'крыс вдогонку.

Представ на мостике перед капитаном, Джеймс Форбс откозырял, хотя на корабле у Свена подобные формальности не соблюдались. Радист вытянулся по стойке «смирно». Это был высокий стройный юноша с взъерошенной шевелюрой и фарфорово-белой, усыпанной веснушками кожей. Все черты его лица свидетельствовали о податливости, уступчивости, обходительности. Решительно все... кроме глаз — темно-синих, глядящих в упор на собеседника.

Свен растерялся, не зная, с чего начать. Но первым заговорил Форбс.

— Сэр, — сказал он. — С вашего позволения, мне здорово неудобно перед вами. Вы хороший капитан, сэр, лучше не бывает, да и с командой я сдружился. Теперь я себя чувствую как последний негодяй.

— Так, может, одумаешься? — В голосе Свена слышались слабые нотки надежды.

— Хотел бы я одуматься, сэр, право же, хотел. Да мне для вас головы не жаль, капитан, вообще ничего на свете не жаль.

— Ни к чему мне твоя голова. Мне надо только, чтобы ты сработался с новичком.

— А вот это как раз не в моих силах, — грустно произнес Форбс.

— Это еще почему, пропади все пропадом? — взревел капитан, напрочь позабыв о своем намерении прожить себя тонким психологом.

— Да вам просто не понять нашу душу, душу ребят вроде меня, выходцев из Горной Джорджии,— пояснил Форбс.— Так уж мне блаженной памяти папочка заповедал. Бедняга в гробу перевернется, если я нарушу его последнюю волю.

Свен проглотил рвущуюся на язык многоэтажную брань и сказал:

— Тебе ведь самому ясно, в какое положение ты меня ставишь. Что же ты теперь предлагаешь?

— Только одно, сэр. Мы с Ангкой вместе сплывем с корабля. Лучше уж нехватка рук, капитан, чем недружная команда, сэр.

— Как, и Ангка туда же? Постой! Он-то против кого настроен?

— Ни против кого, сэр. Просто мы с ним закадычные друзья, вот уж пять лет скоро, как повстречались на грузовике «Стелла». Теперь мы с ним неразлучны: куда один, туда и другой.

На пульте управления у Свена вспыхнул красный огонек — знак того, что корабль готов к старту. Свен не обратил на это никакого внимания.

— Не могу же я остаться без вас обоих,— сказал Свен.— Форбс, ты почему отказываешься служить с новичком?

— По расовым мотивам, сэр,— коротко ответил Форбс.

— Слушай меня внимательно. Ты служил под моим началом, а ведь я — швед. Разве тебя это смущало?

— Нисколько, сэр.

— Судовой врач у нас — палестинец. Штурман и вовсе с Венеры. Механик — китаец. В команде собраны русские, меланезийцы, ньюйоркцы, африканцы — всякой твари по паре. Все расы, вероисповедания и цвета кожи. С ними-то ты уживался?

— Ясное дело, уживался. Нас, уроженцев Горной Джорджии, с раннего детства готовят к тому, чтоб мы уживались с любыми расами. Это у нас в крови. Так мой папаша уверял. Но служить с Блейком я, хоть убейте, не стану.

— Кто это — Блейк?

— Да новенький, сэр.

— Откуда же он родом? — насторожился Свен.

— Из Горной Джорджии.

На миг оторопевшему Свену почудилось, будто он ослышался. Он вытаращил глаза на Форбса — тот, оробев, ел капитана глазами.

— Из гористой части штата Джорджия?

— Так точно, сэр. Кажется, откуда-то неподалеку от моих краев.

— А он белый, этот Блейк?

— Само собой, сэр. Белый англо-шотландского происхождения, точь-в-точь как я.

У Свена возникло ощущение, будто он осваивает неведомый мир, — мир, с каким не доводилось сталкиваться ни одному цивилизованному человеку. Капитан с изумлением обнаружил, что на Земле попадаются обычаи куда диковиннее, чем где-либо в Галактике. И попросил Форбса:

— Расскажи-ка мне о ваших обычаях.

— А я-то думал, про нас, выходцев из Горной Джорджии, все досконально известно, сэр. В наших краях принято по достижении двадцати лет уходить из отчего дома и больше домой не возвращаться. Обычай велит нам работать бок о бок с представителями любой расы, жить бок о бок с представителями любой расы... кроме нашей.

— Вот как, — обронил Свен.

— Новичок-то, Блейк, тоже из Горной Джорджии. Ему бы сперва проглядеть судовой реестр, а уж после наниматься на корабль. На самом-то деле он один кругом виноват, и если ему плевать на вековой обычай, то я тут ни при чем.

— Но почему же все-таки вам запрещено служить с земляками? — не отставал Свен.

— Неизвестно, сэр. Так уж повелось от отца к сыну, с незапамятных времен.

Свен пристально посмотрел на радиста: в капитанском мозгу забрезжила догадка.

— Форбс, ты можешь словами передать, как относишься к чернокожим?

— Могу, сэр.

— Так передай.

— В общем, сэр, по всей Горной Джорджии считается, что чернокожий для белого — лучший друг. Я ничего не говорю, белые совсем не против китайцев, марсиан и прочих, но вот у чернокожих с белыми как-то особенно лихо все выходит...

— Давай-давай, — подбодрил Свен.

— Да ведь это трудно толком объяснить, сэр. Просто-напросто... словом, чернокожий и белый как-то особенно удачно друг к другу притираются, входят в зацепление, словно хорошие шестерни. Между чернокожим и белым какая-то особая слаженность.

— А знаешь,— мягко проговорил Свен,— ведь когда-то, давным-давно, твои предки считали чернокожих неполноценным народом. Издавали всякие законы, по которым чернокожему категорически воспрещалось общаться с белым. И продолжали в таком же духе еще долго после того, как во всем остальном мире с этим предрассудком было покончено. Вплоть до Злосчастного Испытания.

— Это ложь, сэр! — вспыхнул Форбс.— Простите, я не обвиняю во лжи вас лично, сэр, но ведь это неправда. У нас в Джорджии всегда...

— Могу доказать: так утверждают книги по истории и антропологии. В библиотеке у нас тоже найдутся кое-какие, если только тебе не лень покопаться!

— Уж янки понапишут!

— Там есть и книги, написанные южанами. Все это правда, Форбс, но стыдиться здесь нечего. Просвещение приходит к людям долгими и мучительными путями. Твои предки обладали многими достоинствами, ты вправе ими гордиться!

— Но если все было так, как вы объясняете,— нерешительно произнес Форбс,— отчего же все переменилось?

— Вот об этом как раз можно прочесть в одном исследовании по антропологии. Ты ведь знаешь, что после Злосчастного Испытания ядерного оружия над Джорджией выпали обильные радиоактивные осадки?

— Так точно, сэр.

— Но ты едва ли знаешь, что в ту пору лучевая болезнь стала с особой беспощадностью косить население так называемого Черного Пояса. Да, жертвами болезни становились и многие белые. Но вот чернокожие в той части штата вымерли почти начисто.

— Этого я не знал,— покаянно прошептал Форбс.

— Уж поверь мне на слово, до Испытания случилось всякое — и расовые бунты, и линчевания, и взаимная неприязнь между белыми и чернокожими. Но вдруг чернокожих не стало: их истребила лучевая болезнь. В результате у белых, особенно в малых населенных пунктах, появилось нестерпимое чувство вины.

А самые суеверные из белых терзались мучительными угрызениями совести из-за массового вымирания чернокожих. Для таких белых вся цепь событий явилась тяжелым ударом, ведь люди-то они были религиозные.

— Какая им разница, если они ненавидели чернокожих?

— В том-то и дело, что вовсе не ненавидели! Опасались смешанных браков, экономической конкуренции, изменений в общественной иерархии. Однако о ненависти и речи не было. Напротив. В ту пору твои земляки утверждали (и при этом нисколько не кривили душой), будто куда лучше иметь дело с негром, чем с «либералом»-северянином. Отсюда вытекало множество конфликтов.

Форбс кивнул в напряженной задумчивости.

— В изоляте—в сообществе вроде того, где ты родился,—тогда же возник обычай трудиться вдали от дома, с представителями любой расы, кроме земляков. Здесь всему подоплекой комплекс вины.

По веснушчатым щекам Форбса градом катился пот.

— Прямо не верится,—пробормотал радист.

— Форбс, разве я тебе хоть раз в жизни солгал?

— Никак нет, сэр.

— Значит, согласишься, если я поклянусь, что все рассказанное мною—правда?

— По... постараюсь, капитан Свен.

— Теперь ты знаешь, откуда пошел обычай. Будешь служить с Блейком?

— Вряд ли у меня получится.

— А ты попробуй.

Прикусив губу, Форбс беспокойно заерзал.

— Попробую, капитан. Не знаю, выйдет ли, но попробую. И сделаю это ради вас и ради своих товарищей, а не из-за того, что вы мне тут наговорили.

— Постарайся,—сказал Свен.—Больше от тебя ничего не требуется.

Форбс кивнул и поспешно спустился с мостика. Тотчас же Свен сообщил диспетчеру, что готов стартовать.

Внизу, в кубрике, Форбса познакомили с новичком по фамилии Блейк. Долговязому черноволосому новичку было там явно не по себе.

— Здорóво,— сказал Блейк.

— Здорóво,— откликнулся Форбс.

Каждый робко шевельнул ладонью, словно намереваясь обменяться рукопожатием, но ни тот, ни другой не довершили жеста.

— Я из-под Помпей,— заявил Форбс.

— А я из Альмиры.

— Почти что соседи,— убито сказал Форбс.

— Это уж точно,— согласился Блейк.

Наступило молчание. После долгих раздумий Форбс простонал:

— Не могу я, ну никак не могу.— И двинулся было прочь из кубрика. Но вдруг остановился и, обернувшись, выпалил: — А ты чистокровный белый?

— Да нет, не так чтоб уж очень чистокровный,— степенно ответил Блейк.— По матери я на одну восьмую индеец племени чероки.

— Ты чероки, это точно?

— Он самый, не сомневайся.

— Так бы сразу и говорил! Знал я одного чероки из Альтахачи, его звали Том Сидящий Медвежонок. Ты ему случайно не родня?

— Едва ли,— признался Блейк.— У меня-то в жизни не бывало знакомых чероки.

— Да мне что, мне без разницы. Надо было сразу объяснить людям, что ты чероки. Идем, покажу тебе твою койку.

Когда часов через семь после старта о случившемся доложили капитану Свену, тот был совершенно ошеломлен.

Как же так, ломал он голову. Почему восьмушка крови индейцев чероки превращает американца в чероки? Неужели остальные семь восьмых не пересиливают?

И пришел к выводу, что американцы, особенно из южных штатов,— народ непостижимый.

РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ!

Масс-детектор замигал розовым, затем красным. Дремавший у пульта Эйджи встрепенулся.

— Приближаемся к планете! — крикнул он, стараясь перекричать пронзительный свист воздуха, вырывавшегося сквозь пробитую осколком дыру в корпусе корабля.

Капитан Барнетт кивнул и приварил очередную заплату к изношенной обшивке «Индевера». Свист заметно утих, но не прекратился. Он не прекращался никогда.

Планета показалась из-за небольшого багрового солнца. Ее тусклый зеленоватый отблеск на фоне черного пространства вызвал у обоих астронавтов одну и ту же мысль.

— Интересно, найдется на ней что-нибудь стоящее? — задумчиво проговорил Барнетт.

Эйджи с надеждой приподнял седую бровь.

Им вряд ли удалось бы разыскать новую планету, если б «Индевер» летел по Южногалактической трассе. Но там патрулировало слишком много кораблей федеральной полиции, а у Барнетта были серьезные основания держаться от нее подальше.

Хотя «Индевер» считался торговым кораблем, весь его груз состоял из нескольких бутылей чрезвычайно сильной кислоты, предназначавшейся для вскрытия сейфов, и трех небольших атомных бомб. Власти относились к подобным товарам неодобрительно и упорно пытались привлечь экипаж к ответственности за всякие старые грехи — убийство на Луне, ограбление на Омеге, кражу со взломом на Самии.

В довершение всех бед новые полицейские корабли обладали большей скоростью и лучшей маневренностью, и «Индеверу» пришлось перейти на обходные

маршруты. Сейчас корабль направлялся к Новым Афинам, где были открыты богатейшие урановые залежи.

— Да, не густо,— прокомментировал Эйджи, с отвлечением глядя на приборы.

— Можно даже не садиться,— кивнул Барнетт.

Показания датчиков разочаровывали. Незарегистрированная планета оказалась меньше Земли и, за исключением кислородной атмосферы, не имела коммерческой ценности.

Вдруг заработал детектор тяжелых металлов.

— Там что-то есть,— взволнованно заговорил Эйджи, быстро расшифровывая показания приборов.— Очень чистый металл, притом прямо на поверхности!

Барнетт кивнул, и корабль пошел на посадку.

Из заднего отсека вышел Виктор в шерстяной шапочке на бритой голове и глянул в иллюминатор через плечо Барнетта. Когда «Индевер» завис в полумиле над поверхностью планеты, они увидели то, что приняли за месторождение тяжелого металла.

На лесной прогалине стоял космический корабль.

— Вот это уже интересно,— протянул Барнетт и кивнул Эйджи.

Эйджи искусно произвел посадку. По возрасту ему давно полагалось выйти на пенсию, но годы никак не отразились на профессиональных навыках пилота. Когда Эйджи остался без работы и без гроша в кармане, его разыскал Барнетт и великодушно предложил контракт. Капитан охотно становился альтруистом, когда это сулило выгоду.

Инопланетный корабль был крупнее «Индевера» и выглядел как новенький, но его конструкция и опознавательные знаки озадачили капитана.

— Вы видели что-нибудь подобное? — осведомился Барнетт.

Эйджи порылся в своей обширной памяти.

— Напоминает цефейскую работу, но у них корпуса делают более обтекаемыми. Однако мы забрались довольно далеко, и вряд ли этот корабль из нашей Федерации.

Виктор не мог оторвать изумленного взгляда от корабля.

— Красавчик! Вот бы нам такой! — шумно вздохнул он.

Внезапная улыбка прорезала лицо Барнетта, словно трещина в граните.

— Простак, а ведь в самую точку попал. Я об этом и думаю,—сказал он.—Пойдем потолкуем с тамошним шкипером.

Прежде чем выйти наружу, Виктор проверил, заряжены ли замораживающие бластеры.

Атмосфера планеты оказалась пригодной для дыхания. Температура воздуха равнялась 72 градусам по Фаренгейту. Астронавты послали в направлении корабля приветственный сигнал, но ответа не дождались и с дежурными улыбками на лицах зашагали вперед, спрятав бластеры под куртками.

Вблизи корабль производил внушительное впечатление. Метеориты почти не повредили его сверкающий серебристый корпус. Из открытого люка доносился монотонный гул—видимо, перезаряжались генераторы.

— Есть здесь кто-нибудь?—крикнул Виктор. Его голос эхом прокатился по кораблю. Ответа не последовало—только глухо гудели генераторы да шелестела трава.

— Куда они могли запропасться?—удивился Эйджи.

— Наверное, вышли подышать свежим воздухом,—предположил Барнетт.—Вряд ли они ждали гостей.

Виктор уселся на траву, а Барнетт с Эйджи обошли вокруг корабля, любуясь его необычной конструкцией.

— Справишься с ним?—спросил Барнетт.

— Думаю, да,—ответил Эйджи.—Он построен по классическим образцам. Автоматика меня не тревожит—все существа, дышащие кислородом, используют однотипные системы управления. Надеюсь, мне понадобится не слишком много времени, чтобы разобраться.

— Кто-то идет!—крикнул Виктор.

Из леса, отстоящего ярдов на триста, вышла какая-то фигура и двинулась к кораблю.

Эйджи и Виктор разом выхватили бластеры.

Барнетт разглядел в бинокль странное, прямоугольной формы существо высотой около двух футов, шириной в фут и толщиной примерно два дюйма. Головы у пришельца не было. Капитан нахмурился—такого он еще не видывал.

Настроив бинокль получше, Барнетт убедился, что незнакомец был гуманоидом. Во всяком случае он

обладал четырьмя конечностями: две, скрытые травой, служили для передвижения, а еще две торчали вертикально вверх. Посередине прямоугольного корпуса помещались два крошечных глаза и рот. Ничего напоминающего одежду на пришельце не было.

— Станный же тип, доложу я вам.— Эйджи установил на бластере прицел.— Полагаю, он прилетел в одиночку?

— Надеюсь, что да,— пробормотал Барнетт, в свою очередь вынимая бластер.

— Дистанция двести ярдов.— Эйджи прицелился, потом посмотрел на капитана.— Или вы хотите сперва вручить ему визитную карточку?

— Много чести,— нехорошо усмехнулся Барнетт.— Подождем, пусть подойдет поближе.

Эйджи кивнул, не выпуская чужака из поля зрения.

Кален прилетел на эту заброшенную планетку в надежде добыть хотя бы тонну-другую эрала — минерала, чрезвычайно ценимого мабогийцами. Но ему не повезло, и тетнитовая бомба, которой так и не довелось воспользоваться, лежала нетронутая в кармане, с керловым орехом. Вместо добычи привезет на Мабог балласт.

«Может быть, на следующей планете посчастливится», — думал Кален, выходя из леса.

Внезапно он замер как вкопанный — неподалеку от его корабля высился чужой космический аппарат необычной конструкции.

Кален не ожидал встретить в такой глуши разумные существа вроде тех, что стояли сейчас у открытого люка его корабля. Незнакомцы имели с мабогийцами лишь весьма отдаленное сходство. Правда, одну из планет Мабогийского союза населяли существа, очень похожие на этих, но они строили космические корабли совершенно иначе. Наверно, он столкнулся с представителями великой цивилизации, которая, по слухам, существовала на окраине Галактики.

Радостно взволнованный такой удачей, Кален поспешил им навстречу.

Незнакомцы, однако, почему-то не трогались с места, и ответного приветствия Кален не уловил, хотя его явно заметили. Он ускорил шаг в надежде, что быстро найдет с этими странными, непонятными существами

общий язык и что церемония знакомства не затянется надолго. Всего час, проведенный на негостеприимной планете, вконец его измотал. Он очень проголодался и срочно должен был принять душ.

Внезапно что-то обжигающе-холодное отбросило его назад.

Кален тревожно огляделся по сторонам: что за сюрприз преподносит ему планета? А едва он двинулся дальше, в него тотчас вонзился еще один заряд, совершенно заморозив наружную оболочку.

Дело принимало серьезный оборот. Хотя мабогийцы считались одной из самых выносливых жизненных форм, у них тоже были уязвимые места. Кален осмотрелся в поисках источника опасности.

Незнакомцы в него *стреляли!*

Ошеломленный, Кален не мог в это поверить. Он знал, что такое убийство, и не только понаслышке, но даже несколько раз с ужасом наблюдал это извращение среди иных недоразвитых животных видов. Ему приходилось также листать труды по психопатологии, в которых детально описывались все случаи преднамеренного убийства в истории Мабога.

Но чтобы это произошло *с ним!* Кален отказывался верить себе.

Очередной заряд обжег тело. Кален не двигался, все еще пытаюсь убедить себя в том, что ему это мерещится. Разве существа, чей разум позволяет им строить космические корабли, могут быть способны на *убийство?*

К тому же они даже не знают его!

Осознав наконец опасность, Кален повернулся и бросился к опушке. Теперь стреляли все трое незнакомцев, и замерзшая трава громко хрустела и ломалась у него под ногами. Наружная оболочка Калена полностью промерзла. Тело мабогийца не приспособлено к низким температурам, и Кален чувствовал, как ледяной холод мало-помалу сжывает его нутро.

И все-таки он не мог заставить себя поверить в происходящее.

Он уже достиг опушки, когда в спину вонзилось сразу два заряда. Не в силах больше поддерживать тепло в организме, Кален рухнул на промерзлую, заиндевевшую землю и потерял сознание.

— Идиот,— пробормотал Эйджи, пряча бластер в кобуру.

— Но поразительно выносливый,—сказал Барнетт.—Ни одно дышащее кислородом существо не способно выдержать такое.—Он с гордостью посмотрел на бластер и похлопал по серебристой броне корабля.—Мы назовем его «Индевер-2».

— Да здравствует капитан!—весело гаркнул Виктор.

— Побереги глотку на будущее.—Барнетт взглянул на небо.—Через четыре часа начнет смеркаться. Виктор, перенеси провизию, кислород и инструменты на «Индевер-2» и разряди аккумуляторы на нашей развалине. Когда-нибудь мы ее отсюда вызволим. А сейчас главное—улететь до наступления темноты.

Виктор отправился выполнять приказание, а Барнетт с Эйджи вошли в корабль инопланетянина.

В хвостовом отсеке «Индевера-2» размещались генераторы, двигатели, преобразователи энергии и резервуары с горючим. Следующий отсек, занимавший почти половину корабля, был заполнен какими-то чудными разноцветными орехами диаметром от двух дюймов до полутора футов. Далее следовали два носовых отсека.

Первый из них, видимо, предназначался для экипажа, но был совершенно пуст. Ни койки, ни стола, ни стульев—только гладкий металлический пол. В потолке и стенах виднелись небольшие прорезы и отверстия непонятного назначения.

В самом носу находился пилотский отсек, где с трудом мог разместиться один человек. Пульт управления под экраном обзора был заполнен множеством приборов.

— Все это—ваше хозяйство,—сказал Барнетт.—Приступайте к изучению.

Эйджи кивнул, опустился перед пультом на корточки и начал рассматривать приборы.

Через несколько часов Виктор перенес все вещи на борт «Индевера-2». Эйджи пока что ни к чему не прикасался. Он пытался определить назначение приборов по их размерам, цвету, форме и расположению. Нелегкая задача, даже допуская сходство способов мышления. Если кнопки вспомогательной системы взлета включаются не слева направо, а наоборот, Эйджи придется заново переучиваться. Означает ли красный цвет опасность? Если да, то красная кнопка включает аварийное тормозное устройство. Но красный

цвет может означать и что-то другое, например температуру...

Барнетт просунул голову в пилотский отсек. За его спиной маячил Виктор.

— Готово?

— Кажется, да.— Эйджи слегка прикоснулся к одной из кнопок.— Эта штука должна задрать люки.

Он нажал на кнопку. Виктор и Барнетт ждали, затаив дыхание.

Люки беззвучно закрылись.

Эйджи довольно ухмыльнулся.

— А это система подачи воздуха,— провозгласил он и передвинул маленький рычажок.

Из прорезей в потолке начал выбиваться желтоватый дым.

— Неполадки в системе,— забеспокоился Эйджи.

Виктор закашлялся.

— Отключай! — крикнул Барнетт.

Дым повалил густыми клубами и в мгновение ока заполнил оба носовых отсека.

— Отключай же, черт возьми!

— Я не вижу пульта! — Эйджи наугад переключил какой-то тумблер. Тут же взревели генераторы, и с пульта на пол брызнул сноп голубых искр.

Эйджи отбросило в сторону, Виктор подскочил к двери грузового отсека и забарабанил по ней кулаками. Барнетт ошупью ринулся к пульту, прикрывая рот рукой и чувствуя, что пол ускользает из-под ног.

Виктор осел на пол, царапая дверь в тщетных попытках выбраться наружу.

Барнетт вслепую двигал какие-то рычажки.

Рев генераторов неожиданно смолк, и лицо капитана освежила струя живительного воздуха. Он протер слезящиеся глаза и взглянул вверх. По счастливой случайности ему удалось отключить подачу желтого газа и открыть воздушные люки. Остатки газа быстро выветрились, и отсек заполнился прохладным вечерним воздухом планеты. Дышать стало легче.

Виктор с трудом поднялся на ноги, но Эйджи не шевелился. Барнетт склонился над старым пилотом и, ругаясь вполголоса, принялся делать ему искусственное дыхание. Наконец веки Эйджи дрогнули, а вскоре он совсем очнулся.

— Откуда взялся дым? — простонал Виктор.

— Боюсь, наш прямоугольный приятель дышал этой гадостью,— высказал догадку Барнетт.

Эйджи покачал головой:

— Вряд ли, капитан. Атмосфера планеты насыщена кислородом, а он ходил без шлема и...

— Вспомните, как он выглядел,— перебил Барнетт.— К тому же потребность в воздухе у всех разная.

— Тогда дело плохо,— уныло пробурчал Эйджи.

Астронавты переглянулись. Наступившую тишину прервал негромкий лязгающий звук.

— Что там?— испугался Виктор и выхватил бластер.

— Помолчи!— скомандовал Барнетт.

Они прислушались. Звук повторился. Казалось, будто ударили железом по твердому неметаллическому объекту. Барнетт явственно ощутил, как зашевелились волосы у него на затылке.

Земляне прильнули к обзорному экрану. Тусклые лучи заходящего солнца освещали открытый люк «Индевера-1». Лязг доносился оттуда.

— Не может быть!— воскликнул Эйджи.— Наши бластеры...

— Не убили его,— мрачно докончил Барнетт.

— Скверно,— пробормотал Эйджи.— Очень скверно.

Виктор все еще держал бластер в руках.

— Капитан,— начал он,— может, я выйду и...

Барнетт покачал головой:

— Он не подпустит тебя и на десять футов. Нет, дайте мне подумать. Он что-то замышляет... Виктор, что осталось на корабле? Аккумуляторы?

— Разряжены, а переходное звено у меня.

— Отлично. Значит, только кислота...

— Это мощная штука,— вмешался Эйджи.— Но я не думаю, чтобы он сумел найти ей применение.

— Пожалуй,— согласился Барнетт.— И все же нам необходимо побыстрее драпать отсюда.

Эйджи взглянул на приборную панель. Полчаса назад ему казалось, что он в ней разобрался. Теперь перед ним была коварная и, возможно, смертоносная ловушка.

Злого умысла тут не было. В космическом корабле не только путешествовали, но и жили. Вполне естественно, что приборы воспроизводили условия жизни

инопланетянина и удовлетворяли его потребности. Но для землян это могло закончиться трагически.

— Знать бы, с какой он планеты,— вздохнул Эйджи.— Тогда можно было бы прикинуть, какие еще сюрпризы готовит корабль.

Они же знали только, что незнакомец дышит ядовитым желтым газом.

— Все будет в порядке! — не слишком уверенно пообещал Барнетт.— Найди систему взлета и больше ни к чему не прикасайся.

Эйджи вернулся к приборам, а Барнетт, пытаясь разгадать мысли инопланетянина, смотрел на матовый корпус своего старого корабля и с тревогой прислушивался к непонятным звукам.

Кален пришел в сознание и поразился, что еще жив. Впрочем, пословица не зря гласит: «Мабогиец гибнет сразу или не гибнет вообще». Вот он и не погиб — пока. Он с трудом сел и прислонился к дереву. Красное солнце опускалось за горизонт, и воздух, насыщенный ядовитым кислородом, заметно посвежел. Кален вздохнул и с облегчением отметил, что легкие функционируют и до сих пор полны живительного желтого воздуха.

Кален вновь решил было, что все случившееся ему только пригрезилось, как вдруг увидел, что в его корабль, сгибаясь под тяжестью груза, вошел один из незнакомцев. Через некоторое время люки закрылись.

Значит, этот кошмар произошел в действительности! Надо смотреть в глаза жестокой правде. Кален чувствовал острую потребность в пище и воздухе. Его наружная оболочка высохла, растрескалась и настоятельно нуждалась в питательной чистке. А у него был с собой один-единственный красный керловый орех и тетниловая бомбочка.

«Если удастся вскрыть орех,— подумал Кален,— можно продержаться довольно долго. Но как это сделать?»

Кален поразился собственной беспомощности. Впервые ему пришлось задуматься над тем, как самому проделать простую, элементарную повседневную операцию, которая на корабле выполнялась автоматически.

Он заметил, что инопланетяне бросили свой корабль. Почему — не имеет значения, но нужно идти туда, ведь на открытом воздухе он погибнет еще до наступления утра.

Он медленно, борясь с приступами дурноты, пополз к чужому кораблю, не спуская глаз со своего. Если враждебно настроенные существа заметят его, все пропало. Но этого не случилось, Кален благополучно пробрался через открытый люк внутрь чужого корабля.

Несмотря на сгустившиеся сумерки, он разглядел, что корабль совсем старый и изношенный. Тонкие стены были сплошь в заплатках. Теперь понятно, почему незнакомцы захватили его корабль.

Опять накатила дурнота. Прежде всего необходимо подкрепиться, и Кален вынул из кармана круглый керловый орех — основную пищу мабогийских астронавтов. Орехи были чрезвычайно богаты энергией, а твердая, как панцирь, кожа толщиной в два дюйма предохраняла их от порчи в течение многих лет.

Кален положил орех на пол, подобрал тяжелый металлический прут и с размаху ударил им по ореху. Прут с громким лязгом отскочил, не оставив на скорлупе ни следа.

Кален испугался, не выдаст ли его этот грохот, но, подгоняемый голодом, вновь принялся иступленно молотить по ореху. Минут через пятнадцать, дойдя до полного изнеможения, он прекратил тщетные попытки. Стальной прут согнулся почти пополам, а орех остался цел и невредим. Только *щелкун*, стандартный прибор, имевшийся на любом мабогийском корабле, мог расколоть керловый орех — иного способа, увы, никто придумать не догадался.

Что делать? Кален опять схватил прут и обнаружил, что его конечности теряют подвижность. Он бросил прут и задумался.

Движения сковывала наружная оболочка, кожа постепенно отвердевала и превращалась в роговую броню. Когда этот процесс завершится, Кален полностью утратит подвижность и погибнет от удушья...

Поборов нахлынувшее отчаяние, Кален приказал себе шевелить мозгами. Еда подождет — в первую очередь необходимо спасти кожу. На борту собственного корабля он бы принял душ из особой, смягчающей кожу жидкости, но едва ли подобная жидкость была здесь, у инопланетян. Выход один — содрать наружную оболочку. Правда, потом придется выждать несколько дней, пока затвердеет внутренняя нежная кожа, но зато он обретет подвижность!

На негнущихся ногах Кален отправился на поиски *переодевателя*, но с грустью убедился, что даже такого простейшего приспособления на чужом корабле нет.

Он поднял стальной прут, согнул его крючком и, подцепив кожную складку, с силой рванул прут кверху.

Затвердевшая оболочка не поддавалась.

После нескольких тщетных попыток он отшвырнул бесполезный прут и тут внезапно вспомнил про тетнивовую бомбу.

Если незаметно подложить ее под корпус захваченного чужаками корабля, то легкий взрыв не причинит кораблю никаких повреждений, только подбросит его футов на тридцать в воздух.

А вот инопланетяне безусловно погибнут.

Кален ужаснулся. Как мог *он* придумать такое? Законы мабогийской этики запрещали любое убийство.

«Но разве это не будет оправдано? — коварно нашептывал Калену внутренний голос. — Пришельцы — скверные создания. Избавив от них Вселенную, ты окажешь ей бесценную услугу, а заодно невзначай поможешь и себе. Считай, что это не убийство, а очищение от скверны».

Нет! Огромным усилием воли Кален заставил себя прекратить даже думать об этом. С трудом передвигая непослушные каменеющие ноги, он принялся обшаривать корабль, надеясь на случайную спасительную находку.

Скорчившись в пилотском отсеке, Эйджи устало размечал тумблеры и кнопки нестираемым карандашом. Легкие саднило, и всю ночь он не смыкал глаз. Уже брезжил рассвет. Внутри «Индевера-2» было довольно холодно — Эйджи не решался трогать терморегуляторы.

Вошел Виктор, сгибаясь под тяжестью ящика.

— А капитан где? — спросил Эйджи.

— Сейчас придет.

Барнетт решил перенести все необходимое в носовые отсеки, чтобы не тратить слишком много времени на поиски нужных вещей. Помещение для экипажа было уже почти заполнено. Не найдя места для ящика, Виктор огляделся и заметил в боковой стене дверь. Он нажал на ручку, и дверь скользнула вверх, открыв крошечную пустую клетушку, которая показалась Вик-

тору идеальным хранилищем. И он опустил свою тяжелую ношу на пол, усеянный красными скорлупками.

В тот же миг потолок начал опускаться.

Виктор дико завопил, резко выпрямился и, ударившись головой о потолок, упал без чувств.

Эйджи выскочил из пилотского отсека и столкнулся с Барнеттом, который тоже прибежал на крик. Капитан попробовал вытянуть Виктора за ноги, но, увы, заскользил по гладкому металлическому полу. Эйджи, обнаружив редкостное присутствие духа, поднял ящик и поставил его на попа, задержав тем самым предательский потолок. Вдвоем с капитаном они поспешили вытянуть Виктора из клетушки, и в тот же миг ящик треснул и развалился на части. А потолок, будто сделав свое дело, бесшумно скользнул вверх.

Виктор очнулся и потер ушибленную голову.

— Капитан,— жалобно взмолился он,— может, вернемся на «Индевер»?

— Виктор прав.— Эйджи развел руками.— Прямо какой-то заколдованный корабль!

— И вы так легко от него отказываетесь? — осведомился Барнетт.

Эйджи неловко поежился и кивнул.

— Откуда мы знаем,— заговорил он, пряча глаза от Барнетта,— что он еще выкинет? Слишком рискованно, капитан.

— «Рискованно»...— передразнил Барнетт.— Вы хоть соображаете, от чего отказываетесь? Один его корпус принесет целое состояние! А двигатель? Вам приходилось видеть подобные? Этот корабль пробуравит насквозь любую планету и выйдет с другой стороны непоцарапанным!

— Боюсь, мы не сумеем оценить все это, поскольку трупы не умеют восхищаться,— не унимался Эйджи, а Виктор усиленно закивал.

— Все, хватит болтать! — отрезал Барнетт.— Корабль мы не оставим! Только не будем ни к чему прикасаться, пока не достигнем безопасного места. Ясно? За дело!

Эйджи хотел было заикнуться про комнаты, самопроизвольно превращающиеся в гидравлические прессы, но, перехватив грозный взгляд Барнетта, счел за благо не спорить.

— Ты разметил приборную панель? — уже спокойно спросил Барнетт.

— Осталось совсем немного,— отозвался старый пилот.

— Хорошо. Ни к чему другому не прикасайся. Пока мы ничего не трогаем, нам ничто не грозит.

Капитан вытер потный лоб, прислонился к стене и расстегнул куртку.

В тот же миг из отверстий в стене выскочили два стальных крюка и кольцом сомкнулись вокруг его поясницы. Барнетт рванулся что было сил, но кольцо не поддалось. Послышалось странное пощелкивание, и из стены выползло тонкое проволочное щупальце. Оно ощупало куртку Барнетта, словно оценивая качество ткани, удовлетворенно хмыкнуло, как показалось капитану, и исчезло в стене.

Эйджи и Виктор оцепенели, раскрыв рты.

— Выключите эту штуку,— прохрипел Барнетт.

Эйджи бросился к пульту. В ту же секунду из стены высунулась стальная рука, в которой поблескивало трехдюймовое лезвие.

— Уберите его! — истошно завопил Барнетт.

Виктор, сбросив оцепенение, хотел было схватить зловещую руку, но та резко вывернулась и отшвырнула его в противоположный угол. Затем с хирургической виртуозностью рука искусно раскроила лезвием куртку Барнетта сверху донизу и преспокойнейшим образом возвратилась в стену.

Эйджи лихорадочно нажимал на рычаги и кнопки: жужжали генераторы, закрывались и открывались люки и вентиляторы, включались и выключались двигатели, зажигалось и гасло освещение, но кольцо, пленившее капитана, не разжималось.

Снова появилось тонкое щупальце. Дотронулось до рубашки Барнетта и на мгновение замерло, словно в нерешительности. Внутренний механизм тревожно заурчал. Щупальце еще раз прикоснулось к рубашке и вновь неуверенно зависло.

— Я ничего не могу сделать! — завопил Эйджи. — Это автомат!

Щупальце скрылось в стене, из которой тотчас же показалась стальная рука. Тяжелым гаечным ключом Виктор с размаху треснул по лезвию, едва не раскроив Барнетту голову.

Лезвие даже не дрогнуло. Оно уверенно разрезало рубашку и исчезло, оставив насмерть перепуганного Барнетта по пояс голым. Когда же под немой крик

капитана вновь вынырнуло щупальце, Виктору сделалось дурно, а Эйджи закрыл глаза. Щупальце коснулось нежной теплой кожи на груди пленника и одобритительно фыркнуло. Кольцо тут же разжалось, и обесиленный Барнетт мешком повалился на пол.

На некоторое время воцарилось молчание. Все и без слов было ясно.

Эйджи пытался понять, почему механизм остановился, почувствовав живую плоть. Может быть, инопланетянин таким образом раздевался? Нет, это абсурд. Но ведь и комната-пресс тоже абсурд...

В глубине души старый пилот радовался случившемуся. Этот упрямый осел Барнетт получил хороший урок. Теперь им ничего не остается, кроме как покинуть дьявольский корабль и придумать способ вернуть свой собственный.

— Чего стоите? Помогите одеться! — прорычал капитан.

Виктор поспешно притащил ему запасную рубашку, и Барнетт кое-как натянул ее на себя, держась подальше от стен.

— Через сколько времени мы сможем взлететь? — спросил он у Эйджи.

— Что?

— Надеюсь, вы не оглохли!

— Но разве то, что произошло...

— Когда мы можем взлететь? — повысил голос капитан.

— Примерно через час, — выдавил Эйджи и устало поплелся в опостылевший пилотский отсек.

Барнетт напялил на себя свитер, а поверх него пальто. В корабле было прохладно, и он здорово замерз.

Кален лежал в полном изнеможении. Глупо, что он потратил столько сил на бесполезные попытки содрать затвердевшую оболочку. Теперь он почти не мог двигаться...

В голове его мелькали видения далекого детства. Величавые, зубчатые, как замки, скалы Мабога, огромный космопорт Кантанопе, и он, маленький Кален, любующийся двумя заходящими солнцами. Одно — голубое, второе — желтое, но почему они вместе садятся на юге? Надо спросить у отца...

Кален отогнал видения прочь. Скоро утро. Мабогийский астронавт не может погибнуть столь бесславно, нужно продолжать борьбу.

Через полчаса мучительных поисков он натолкнулся в хвостовом отсеке корабля на запечатанный металлический ящик. Сбив крышку, Кален увидел большие бутылки, аккуратно завернутые и переложенные тряпками и опилками. Он вытащил одну бутылку. На ней был изображен странный белый символ, показавшийся Калену знакомым. Он напряг память и вспомнил — это череп гуманоида. В Мабогийский союз входила одна гуманоидная цивилизация, и Кален видел в музее муляжи черепов. Но зачем рисовать эту штуку на бутылки?

Он открыл бутылку и принюхался. Запах был приятный и смутно напомнил Калену... запах питательной жидкости, очищающей кожу!

Кален быстро вылил на себя содержимое бутылки и принялся ждать, затаив дыхание. Если только ему удастся восстановить кожу...

Так и есть, жидкость оказалась слабым очистителем!

Он опорожнил еще одну бутылку, чувствуя, как жидкий раствор впитывается оболочкой.

Некоторое время Кален расслабленно лежал на спине, позволяя жидкости рассасывать роговой панцирь. Вскоре кожа полностью восстановила эластичность, и Кален ощутил необыкновенный прилив сил и энергии.

Он будет жить!

После целебной ванны Кален осмотрел пилотирующие устройства. Почему-то инопланетяне не собрали все приборы в одном отсеке. Очень глупо. Они даже не сумели превратить остальные помещения корабля в антигравитационные камеры! Впрочем, и резервуарам для хранения такого количества жидкости было негде разместиться.

Ничего, подумал Кален, как-нибудь он преодолеет эти трудности. Но, исследуя двигатель, он заметил, что у аккумуляторных батарей отсутствует совершенно необходимое звено. Батареи были выведены из строя.

Оставался только один выход — вернуть назад свой корабль.

Но как? Мабогийские законы запрещали любое убийство. Ни при каких обстоятельствах — даже ради

спасения собственной жизни — мабогиец не имел права убивать. Благодаря этому мудрому закону мабогийцы уже три тысячи лет жили без войн, и мабогийская цивилизация достигла высочайшего расцвета...

Так что же делать? Умирать самому?

Взглянув себе под ноги, Кален с изумлением заметил, что лужица пролитой им жидкости проела огромную дыру. Какой ненадежный корабль — даже слабый очиститель способен так повредить его! Видимо, и сами инопланетяне очень слабые создания.

Одной тетнитовой бомбы будет вполне достаточно. И никто на Мабоге об этом не узнает!..

— Готово наконец? — нетерпеливо спросил Барнетт.

— Кажется, да, — ответил Эйджи, осмотрев размеченную нестираемым карандашом панель.

— Отлично. Мы с Виктором останемся в отсеке экипажа. Взлетайте с минимальным ускорением.

Эйджи объявил десятисекундную готовность, нажал на кнопку, и дверь, отделяющая его от отсека экипажа, закрылась. Он нажал еще одну кнопку, и заработали аккумуляторы. Пока все шло хорошо.

На полу появилась тонкая струйка маслянистой жидкости. Эйджи машинально отметил, что, должно быть, подтекает один из приводов, и тут же забыл об этом. Приборы работали прекрасно. Он задал автопилоту нужный курс, включил двигатели и вдруг ощутил прикосновение к ноге, а глянув вниз, с удивлением обнаружил, что густая, дурно пахнущая жидкость уже заливала весь пол слоем в несколько дюймов толщиной. Эйджи отстегнул ремни, чтобы найти причину утечки. Вскоре он отыскал четыре отверстия, которые равномерными толчками выбрасывали жидкость.

Эйджи нажал на кнопку, управляющую дверью, но дверь не открывалась. Стараясь не поддаваться панике, он внимательно осмотрел дверь.

Она должна была открыться!

Но не открылась...

Маслянистая жидкость поднялась уже до колен.

Эйджи вернулся к пульту управления. Войдя в корабль, они не видели никакой жидкости. Значит, есть сток...

Когда он обнаружил сток, зловонная жидкость была ему уже почти по пояс. Эйджи потянул рычаг на себя, и жидкость быстро исчезла. После этого дверь легко открылась.

— В чем дело? — спросил Барнетт.

Эйджи рассказал, что произошло.

— Тогда все ясно, — спокойно произнес Барнетт. — А я-то не мог понять, как наш прямоугольный друг выдерживает стартовое ускорение. Мы не нашли на борту ничего, к чему бы он мог пристегнуться. Значит, он просто плавает в масле, к торое автоматически заполняет пилотский отсек, когда корабль готов к взлету.

— А почему не открывалась дверь?

— Разве не ясно? — ласково, будто ребенку, улыбнулся Барнетт. — Зачем ему заливать маслом весь корабль? Вдобавок лишняя гарантия от случайной утечки.

— Но мы не можем взлететь.

— Это еще почему?

— Я не умею дышать под толстым слоем масла. А оно будет натекает, как только я включу двигатели.

— А ты открой сток и привяжи к нему рычаг регулятора, чтобы он оставался открытым. Масло будет стекать с той же скоростью, как и набираться.

— Ладно, попробую, — безрадостно согласился Эйджи.

Совет капитана оказался дельным: жидкость не поднималась выше полутора дюймов. Установив регулятор ускорения на минимум, Эйджи нажал стартовую кнопку.

Кален с грустью проводил взглядом взлетевший корабль.

Подложить бомбу он так и не решился. Законы многовековой давности трудно преступить за несколько часов.

Однако Кален не впал в отчаяние. Он не собирался сдаваться. Он будет цепляться за жизнь до последнего вздоха, будет надеяться на один шанс из миллиона, что на планету прилетит другой корабль!

Кален сообразил, что из очистительной жидкости можно легко изготовить заменитель воздуха. Этого ему хватит на несколько дней. А если еще вскрыть керловый орех...

Придя в себя, Эйджи обнаружил, что, прежде чем потерять сознание, успел вдвое уменьшить ускорение. Это и спасло ему жизнь.

Но ускорение, равное по шкале почти нулю, было тем не менее невыносимым. Эйджи открыл дверь и выполз из своего отсека.

Ремни, удерживавшие Барнетта и Виктора лопнули при взлете. Виктор только-только приходил в себя, а Барнетт с трудом выбирался из-под груды покореженных ящиков.

— Что за шутки? — тяжело вздохнул он. — Я же ясно сказал: «С минимальным ускорением»!

— Я взлетел с ускорением вдвое меньше минимального! — ответил Эйджи. — Посмотри сам.

Барнетт вошел в пилотский отсек и быстро вернулся.

— Плохо дело, — сказал он. — Этот корабль рассчитан на ускорение втрое большее, чем наше. Видимо, на их дурацкой планете слишком сильная гравитация и для взлета требуется колоссальная скорость.

В стенах что-то щелкнуло.

— По-моему, становится теплее, — робко произнес очнувшийся Виктор.

— И давление тоже растёт, — сказал Эйджи и устремился к пульту.

Барнетт и Виктор проводили старого пилота тревожными взглядами.

— Ничего не могу поделать! — крикнул Эйджи, утирая пот с покрасневшегося лица. — Температура и давление регулируются автоматически. Видимо, они подстраиваются до «нормального» уровня во время полета.

— Отключи их как-нибудь, черт возьми! — крикнул Барнетт. — Или хочешь, чтобы мы изжарились?

— Терморегулятор и так стоит на нуле, — ответил Эйджи. — Большие ничего сделать невозможно.

— Какова же нормальная температура для этого проклятого инопланетянина?

— Страшно подумать, — ответил Эйджи. — Корабль построен из необыкновенно теплостойкого материала и способен выдержать давление в десять раз большее, чем земные корабли. Сопоставь эти данные и...

— Но должно же это как-то выключаться! — не выдержал Барнетт. Металлический пол раскалился уже чуть ли не докрасна.

— Отключи его! — заорал Виктор.

— Не я сделал этот корабль, — начал оправдываться Эйджи. — Откуда мне знать...

— Отключи! — завизжал Виктор, хватая старика за горло. — Отключи немедленно!

— Отпусти меня! — Эйджи схватился за бластер. Внезапно его осенило, и он выключил двигатели.

Щелканье в стенах прекратилось, и помещение стало остывать.

— Что случилось? — Виктор сразу успокоился.

— Температура и давление падают, когда двигатели не работают, — пояснил Эйджи. — Пока не включены двигатели, мы в безопасности.

Воцарившееся молчание нарушил Барнетт:

— Итак, мы влипли?

— Да, — подтвердил Эйджи. — Двигаясь по инерции, мы достигнем ближайшей планеты не раньше чем через три года.

— Ничего не попишешь, вернемся на свой корабль.

Подавив вздох облегчения, Эйджи задал автопилоту новый курс.

— Думаете, этот тип вернет нам корабль? — спросил Виктор.

— Конечно, — убежденно ответил Барнетт. — Ему ведь до смерти охота заполучить назад свой, стало быть, придется покинуть наш.

— Да, но если он...

— Мы выведем из строя автоматику, — сказал Барнетт. — Это его задержит.

— Ненадолго, — вмешался Эйджи. — Потом он все равно нас догонит.

— Не думаю, — ухмыльнулся Барнетт. — Для нас главное — взлететь первыми. Корпус у этого корабля, конечно, прочный, но вряд ли он выдержит три атомных взрыва.

— Об этом я не думал, — побледнел Эйджи.

— А когда-нибудь мы вернемся, — бодро заключил Барнетт. — Металл, из которого сделан его корабль, наверняка кое-чего стоит.

Эйджи включил двигатели и развернул «Индевер-2» к планете. Автоматика заработала, и температура стала быстро повышаться. Убедившись, что автопилот взял нужный курс, Эйджи отключил двигатели, и корабль полетел дальше, влекомый силой инерции.

Они не успели вывести из строя автоматику. Перед посадкой Эйджи пришлось снова включить двигатели, и, когда «Индевер-2» совершил посадку, у астронавтов едва хватило сил выбраться наружу. Тела их покрылись волдырями ожогов, а подошвы обуви прогорели насквозь.

Затаившись в лесу, они ждали.

Через некоторое время инопланетянин вышел из их корабля и перешел в свой. Мгновение спустя люки закрылись.

— Ну вот.— Барнетт встал на ноги.— Теперь надо срочно взлетать. Эйджи, ступайте прямо к пультам. Я подсоединю аккумуляторы, а Виктор задраит люк. Вперед!

Кален открыл запасной резервуар, и корабль наполнил свежий благоухающий желтоватый воздух. Несколько минут Кален с наслаждением дышал.

Затем он отобрал три самых крупных керловых ореха и подождал, пока *щелкун* их раздавит.

Насытившись, Кален почувствовал себя гораздо лучше. Он позволил *переодевателю* снять задубевшую наружную оболочку. Лезвие аккуратно разрежало два верхних слоя, остановившись перед нежной живой кожей.

Кален решил, что рассудок инопланетян помрачился. Как же иначе объяснить, что они вернулись и возвратили ему корабль?

Нужно обязательно сообщить их властям координаты этой планеты, чтобы их забрали отсюда и вылечили.

Кален был счастлив. Он не преступил законов мабогийской этики. А ведь мог бы оставить в чужом корабле тетнитовую бомбу, вывести из строя двигатели.

Но он ничего такого не сделал.

Он только сконструировал несколько бесхитростных устройств для поддержания собственной жизни.

Кален проверил приборы — все было в идеальном состоянии. Тогда он включил аккумуляторы и стал ждать, пока отсек наполнится антигравитационной жидкостью.

Виктор первым достиг люка, бросился внутрь, но тут же отлетел назад.

— Что случилось? — спросил подоспевший Барнетт.

— Меня что-то ударило.

Они осторожно заглянули внутрь.

Хитроумно переплетенные провода тянулись от аккумуляторов к стенам. Дотронься Виктор до корпуса корабля, он был бы тотчас убит мощным электрическим разрядом.

Они разомкнули смертоносную систему и вошли.

Внутри корабля царил хаос. Пол был загроможден беспорядочно разбросанными предметами. В углу валялся согнутый вдвое стальной прут. В довершение разгрома пролитая в нескольких местах кислота насквозь разъела обветшавший корпус «Индевера».

В хвостовом отсеке их подстерегала новая ловушка. Тяжелая дверь была с дьявольским коварством подсоединена к небольшому стартеру. Одно неосторожное движение, и от человека, попытавшегося войти, осталось бы мокрое место.

Были и другие устройства, назначение которых никто из астронавтов разгадать не мог.

— Мы в силах все это исправить? — спросил Барнетт.

Эйджи пожал плечами:

— Почти все наши инструменты остались на «Индевере-2». За год мы, вероятно, сумеем кое-что подлатать, но я не гарантирую, что корпус выдержит.

Они вышли наружу. «Индевер-2» взмыл в небо.

— Вот мерзавец! — в сердцах выругался Барнетт, глядя на изъеденный кислотой корпус своего корабля.

— Трудно предугадать, на что способен инопланетянин, — философски рассудил Эйджи.

— Хороший инопланетянин — мертвый инопланетянин, — произнес Виктор.

«Индевер-1» был теперь столь же загадочным и опасным, как «Индевер-2».

А «Индевер-2» улетел.

ЧУДОВИЩЕ

На высоте четверти мили огромный звездолет повис над одним из городов. Внизу все носило следы космического опустошения. Медленно опускаясь в энергетической гондолосфере, Инэш заметил, что здания уже начинали разваливаться от времени.

— Никаких следов военных действий. Никаких следов...— ежеминутно повторял бесплотный механический голос.

Инэш перевел настройку.

Достигнув поверхности, он отключил поле своей гондолы и оказался на окруженном стенами заросшем участке. Несколько скелетов лежало в высокой траве перед зданием с обтекаемыми стремительными линиями. Это были скелеты длинных двуруких и двуногих созданий; череп каждого держался на верхнем конце тонкого спинного хребта. Все костяки явно принадлежали взрослым особям и казались прекрасно сохранившимися, но, когда Инэш нагнулся и тронул один из них, целый сустав рассыпался в прах. Выпрямившись, он увидел, как Йоал приземлился поблизости. Подождав, пока историк выберется из своей энергетической сферы, Инэш спросил:

— Как по-вашему, стоит попробовать наш метод оживления?

Йоал казался озабоченным.

— Я расспрашивал всех, кто уже спускался сюда в звездолете,— ответил он.— Что-то здесь не так. На этой планете не осталось живых существ, не осталось даже насекомых. Прежде чем начинать какую-либо колонизацию, мы должны выяснить, что здесь произошло.

Инэш промолчал. Подул слабый ветерок, зашелестел листвою в кронах роицы неподалеку от них. Инэш взглянул на деревья. Йоал кивнул.

— Да, растительность не пострадала, однако растения, как правило, реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни.

Их прервали. Из приемника Йоала прозвучал голос:

— Примерно в центре города обнаружен музей. На его крыше — красный маяк.

— Я пойду с вами, Йоал,— сказал Инэш.— Там, возможно, сохранились скелеты животных и разумных существ на различных стадиях эволюции. Кстати, вы не ответили мне. Собираетесь ли вы оживлять эти существа?

— Я представлю вопрос на обсуждение совета,— медленно проговорил Йоал,— но, мне кажется, ответ не вызывает сомнений. Мы обязаны знать причину этой катастрофы.— Он описал неопределенный полукруг одним из своих щупалец и как бы про себя добавил: — Разумеется, действовать надо осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие детских скелетов указывает, что эти существа, по видимому, достигли индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Инэш знал — это пустая формальность. Решение принято — они будут оживлять. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Вселенная безгранична, полеты сквозь космос долги и тоскливы, поэтому, спускаясь на неведомые планеты, они всегда с волнением ожидали встречи с новыми формами жизни, которые можно увидеть своими глазами, изучить.

Музей походил на все музеи. Высокие сводчатые потолки, обширные залы. Пластмассовые фигуры странных зверей, множество предметов — их было слишком много, чтобы все осмотреть и понять за столь короткое время. Эволюция неведомой расы была представлена последовательными группами реликвий. Инэш вместе со всеми прошел по залам. Он облегченно вздохнул, когда они наконец добрались до ряда скелетов и мумий. Укрывшись за силовым экраном, наблюдал, как специалисты-биологи извлекают мумию из каменного саркофага. Тело мумии было перебинтовано полосами материи в несколько слоев, но биологи не стали разворачивать истлевшую ткань. Раздвинув пелены, они, как обычно делалось в таких случаях, взяли пинцетом только обломок черепной коробки. Для оживления годится любая часть скелета,

однако лучшие результаты, наиболее совершенную реконструкцию дают некоторые участки черепа.

Главный биолог Хамар объяснил, почему они выбрали именно эту мумию:

— Для сохранения тела они применили химические вещества, которые свидетельствуют о зачаточном состоянии химии. Резьба же на саркофаге говорит о примитивной цивилизации, незнакомой с машинами. На этой стадии потенциальные возможности нервной системы вряд ли были особенно развитыми. Наши специалисты по языкам проанализировали записи говорящих машин, установленных во всех разделах музея, и, хотя языков оказалось очень много — здесь есть запись разговорной речи даже той эпохи, когда это существо было живо,—они без труда расшифровали все понятия. Сейчас универсальный переводчик настроен ими так, что переведет любой наш вопрос на язык оживленного существа. То же самое, разумеется, и с обратным переводом. Но, простите, я вижу, первое тело уже подготовлено!

Инэш вместе с остальными членами совета пристально следил за биологами: те закрепили зажимами крышку воскресителя, и процесс пластического восстановления начался. Он почувствовал, как все внутри его напряглось. Он знал, что сейчас произойдет. Знал наверняка. Пройдет несколько минут, и древний обитатель этой планеты поднимется из воскресителя и встанет перед ними лицом к лицу. Научный метод воскрешения прост и безотказен.

Жизнь возникает из тьмы бесконечно малых величин, на грани, где все начинается и все кончается, на грани жизни и нежизни, в той сумеречной области, где вибрирующая материя легко переходит из старого состояния в новое, из органической в неорганическую и обратно. Электроны не бывают живыми или неживыми, атомы ничего не знают об одушевленности или неодушевленности. Но когда атомы соединяются в молекулы, на этой стадии достаточно одного шага, ничтожно малого шага к жизни, если только жизни суждено зародиться. Один шаг, а за ним темнота. Или жизнь.

Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка. Морской песок или столь же бесчисленные крохотные живые существа, населяющие бездонные глубины рыбьего царства. Разница между ними

возникает в сумеречной области зарождения материи. Там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, вместо нее вырастет такая же новая. Червь вытягивается и вскоре разделяется на двух червей, на две одинаковые желудочные системы, такие же прожорливые, совершенные и ничуть не поврежденные этим разделением. Каждая клетка может превратиться в целое существо. Каждая клетка «помнит» это целое в таких мельчайших и сложных подробностях, что для их описания просто не хватит сил.

Но вот что парадоксально — нельзя считать память органической! Обыкновенный восковой валик запоминает звуки. Магнитная лента легко воспроизводит голоса, умолкшие столетия назад. Память — это филологический отпечаток, следы, оставленные на материи, изменившие строение молекул; и, если ее пробудить, молекулы воспроизведут те же образы в том же ритме.

Квадрильоны и квинтильоны пробужденных образов-форм устремились из черепа мумии в воскрешитель. Память, как всегда, не подвела.

Ресницы воскрешенного дрогнули, и он открыл глаза.

— Значит, это правда, — сказал он громко, и машина сразу же перевела его слова на язык гэнейцев. — Значит, смерть — только переход в иной мир. Но где же все мои приближенные?

Последнюю фразу он произнес растерянным, жалобным тоном.

Воскрешенный сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Увидев гэнейцев, он задрожал, но это длилось какой-то миг. Воскрешенный был горд и обладал своеобразным высокомерным мужеством, которое сейчас ему пригодилось. Неохотно опустил он на колени, простерся ниц, но тут сомнения одолели его.

— Вы боги Египта? — спросил он и снова встал. — Что за уроды! Я не поклоняюсь неведомым демонам.

— Убейте его! — сказал капитан Горсид.

Двуногое чудовище судорожно дернулось и растаяло в пламени лучевого ружья.

Второй воскрешенный поднялся, дрожа и бледнея от ужаса.

— Господи боже мой, чтобы я еще когда-нибудь прикоснулся к проклятому зелью! Подумать только, допился до розовых слонов...

— Это что за «зелье», о котором ты упомянул, воскрешенный? — с любопытством спросил Йоал.

— Первач, сивуха, отравы во фляжке из заднего кармана, молоко от бешеной коровки — чем только не поят в этом притоне, о господи боже мой!

Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Йоала.

— Стоит ли продолжать?

Йоал, помедлив, ответил:

— Подождите, это любопытно.

Потом снова обратился к воскрешенному:

— Как бы ты реагировал, если бы я тебе сказал, что мы прилетели с другой звезды?

Человек уставился на него. Он был явно заинтересован, но страх оказался сильнее.

— Послушайте,— сказал он.— Я ехал по своим делам. Положим, я опрокинул пару лишних рюмок, но во всем виновата эта пакость, которой сейчас торгуют. Клянусь, я не видел другой машины, и, если это новый способ наказывать тех, кто пьет за рулем, я сдаюсь. Ваша взяла. Клянусь, до конца своих дней больше не выпью ни капли, только отпустите меня.

— Он водит «машину», но он о ней совершенно не думает,— проговорил Йоал.— Никаких таких «машин» мы не видели. Они не позаботились сохранить их в своем музее.

Инэш заметил, что все ждут, когда кто-нибудь еще задаст вопрос. Почувствовав, что, если он сам не заговорит, круг молчания замкнется, Инэш сказал:

— Попросите его описать «машину». Как она действует?

— Вот это другое дело! — обрадовался человек.— Скажите, куда вы клоните, и я отвечу на любой вопрос. Я могу накачаться так, что в глазах задвоится, но все равно машину поведу. Как она действует? Просто. Включаешь стартер и ногой даешь газ...

— Газ,— вмешался инженер-лейтенант Виид.— Мотор внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид подал знак стражу с лучевым ружьем.

Третий человек сел и некоторое время внимательно смотрел на них.

— Со звезд? — наконец спросил он.— У вас есть система или вы попали к нам по чистой случайности?

Гэнейские советники, собравшиеся под куполом зала, неловко заерзали в своих гнутых креслах. Инэш

встретился глазами с Йоалом. Историк был потрясен, и это встревожило метеоролога. Он подумал: «Двуногое чудовище обладает ненормально быстрой приспособляемостью к новым условиям и слишком острым чувством действительности. Ни один гэнеец не может сравниться с ним по скорости реакций».

— Быстрота мысли не всегда является признаком превосходства,— проговорил главный биолог Хамар.— Существа с медленным, обстоятельным мышлением занимают в ряду мыслящих особей почетные места.

«Дело не в скорости,— невольно подумал Инэш,— а в правильности и точности мысли». Он попробовал представить себя на месте воскрешенного. Сумел бы он вот так же сразу понять, что вокруг него чужие существа с далеких звезд? Вряд ли.

Все это мгновенно вылетело у него из головы, когда человек встал. Инэш и остальные советники не спускали с него глаз. Человек быстро подошел к окну, выглянул наружу. Один короткий взгляд, и он повернулся к ним:

— Везде то же самое?

Снова гэнейцев поразила быстрота, с которой он все понял.

Наконец Йоал решил ответить:

— Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Вы знаете, что здесь произошло?

Человек подошел и остановился перед силовым экраном, за которым сидели гэнейцы.

— Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, мы обладали некоторыми средствами разрушения. Какое из них было применено — зависит от количества истекшего времени.

Советники смотрели на капитана Горсида. Тот занялся, потом приказал стражу с лучевым ружьем:

— Следи за ним!

Потом взглянул человеку в глаза:

— Нам ясны ваши намерения. Вам хочется воспользоваться положением и обеспечить свою безопасность. Хочу вас предупредить: ни одного лишнего движения, и тогда все кончится для вас хорошо.

Неизвестно, поверил человек в эту ложь или нет. Ни единым взглядом, ни единым жестом не показал он, что заметил оплавленный пол там, где лучевое

ружье сожгло и обратило в ничто двух его предшественников. С любопытством приблизился он к ближайшей двери, внимательно взглянул на следившего за ним второго стража и быстро направился дальше. Следом прошел страж, за ним двинулся силовой экран и, наконец, все советники один за другим.

Инэш переступил порог третьим. В этом зале были выставлены модели животных. Следующий представлял эпоху, которую Инэш для простоты назвал про себя «цивилизованной». Здесь хранилось множество аппаратов одного периода. Все они говорили о довольно высоком уровне развития. Когда гэнейцы проходили здесь в первый раз, Инэш подумал: «Атомная энергия». Это же поняли и другие. Капитан Горсид из-за его спины обратился к человеку:

— Ничего не трогать. Один ложный шаг — и страж сожжет вас.

Человек спокойно остановился посреди зала. Несмотря на чувство тревожного любопытства, Инэш залюбовался его самообладанием. Он должен был понимать, какая судьба его ожидает, и все-таки он стоит перед ними, о чем-то глубоко задумавшись. Наконец человек уверенно заговорил:

— Дальше идти незачем. Может быть, вам удастся определить точней, какой промежуток времени лежит между днем моего рождения и вот этими машинами. Вот аппарат, который, если судить по таблице, считает взрывающиеся атомы. Когда их число достигает предела, автоматически выделяется определенное количество энергии. Периоды рассчитаны так, чтобы предотвратить цепную реакцию. В мое время существовали тысячи грубых приспособлений для замедления атомной реакции, но для того, чтобы создать такой аппарат, понадобилось две тысячи лет с начала атомной эры. Вы можете сделать сравнительный расчет?

Советники выжидательно смотрели на Вииду. Инженер был в растерянности. Наконец он решил и заговорил:

— Девять тысяч лет назад мы знали множество способов предотвращать атомные взрывы. Но, — добавил он уже медленнее, — я никогда не слышал о приборе, который отсчитывает для этого атомы.

— И все же они погибли, — пробормотал чуть слышно астроном Шюри.

Воцарилось молчание. Его прервал капитан Горсид.

— Убей чудовище! — приказал он ближайшему стражу.

В то же мгновение объятый пламенем страж рухнул на пол. И не страж, а стражи! Все одновременно были сметены и поглощены голубым вихрем. Пламя лизнуло силовой экран, отпрянуло, рванулось еще яростней и снова отпрянуло, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу Инэш увидел, как человек отступил к дальней двери. Аппарат, считающий атомы, светился от напряжения, окутанный синими молниями.

— Закройте все выходы! — пролаял в микрофон капитан Горсид. — Поставить охрану с лучевыми ружьями! Подвести боевые ракеты ближе и расстрелять чудовище из тяжелых орудий!

Кто-то сказал:

— Мысленный контроль. Какая-то система управления мыслью на расстоянии. Зачем только мы в это впутались!

Они отступали. Синее пламя полыхало до потолка, пытаясь пробиться сквозь силовой экран. Инэш последний раз взглянул на аппарат. Должно быть, он все еще продолжал отсчитывать атомы, потому что вокруг него клубились адские синие вихри.

Вместе с остальными советниками Инэш добрался до зала, где стоял воскреситель. Здесь их укрыл второй силовой экран. С облегчением спрятались они в индивидуальные гондолы, вылетели наружу и поспешно поднялись в звездолет. Когда огромный корабль взмыл ввысь, от него отделилась атомная бомба. Огненная бездна разверзлась внизу над музеем и над всем городом.

— А ведь мы так и не узнали, отчего погибла раса этих существ, — прошептал Йоал на ухо Инэшу, когда раскаты взрыва замерли в отдалении.

Бледно-желтое солнце поднялось над горизонтом на третье утро после взрыва бомбы. Пошел восьмой день их пребывания на этой планете. Инэш вместе с остальными спустился в новый город. Он решил воспротивиться любой попытке производить воскрешения.

— Как метеоролог, — сказал он, — я объявляю, что планета вполне безопасна и пригодна для гэнейской колонизации. Не вижу никакой необходимости еще рас

подвергаться риску. Эти существа проникли в тайны своей нервной системы, и мы не можем допустить...

Его прервали. Биолог Хамар насмешливо сказал:

— Если они знали так много, почему же не переселились на другую звездную систему и не спаслись?

— Полагаю,— ответил Инэш,— они не открыли наш метод определения звезд с планетами.

Он обвел хмурым взглядом круг друзей.

— Мы все знаем, что это было уникальное, случайное открытие. Дело тут не в мудрости — нам просто повезло.

По выражению лиц он понял: они мысленно отвергают его довод. Инэш чувствовал свое бессилие предотвратить неизбежную катастрофу. Он представил себе, как эта великая раса встретила смерть. Должно быть, она наступила быстро, но не столь быстро, чтобы они не успели понять. Слишком много скелетов лежало на открытых местах, в садах великолепных домов. Казалось, мужья вышли с женами наружу, чтобы встретить гибель своего народа под открытым небом. Инэш пытался описать советникам их последний день много-много лет назад, когда эти существа спокойно глядели в лицо смерти. Однако вызванные им зрительные образы не достигли сознания его соплеменников. Советники задвигались в креслах за несколькими рядами защитных силовых экранов, а капитан Горсид спросил:

— Объясните, Инэш, что именно вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Вопрос заставил Инэша умолкнуть. Он не думал, что это была эмоция. Он не отдавал себе отчета в природе наваждения — так незаметно оно овладевало им. И только теперь он вдруг понял.

— Что именно? — медленно проговорил он. — Знаю. Это был третий воскрешенный. Я видел его сквозь завесу энергетического пламени. Он стоял там, у дальней двери, и смотрел на нас, пока мы не обратились в бегство. Смотрел с любопытством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он нас одурачил, — в этом все дело...

— И все это привело его к гибели, — сказал Хамар. Все захохотали.

— Послушайте, Инэш! — добродушно обратился к нему Мэйард, помощник капитана. — Не станете же вы утверждать, что эти существа храбрее нас с вами

или что даже теперь, приняв все меры предосторожности, нам всем следует опасаться одного воскрешенного нами чудовища?

Инэш промолчал. Он чувствовал себя глупо. Его совершенно убило открытие, что у него могут быть эмоции. К тому же не хотелось выглядеть упрямым. Тем не менее он сделал последнюю попытку.

— Я хочу сказать только одно,— сердито пробурчал он.— Стремление выяснить, что случилось с погибшей расой, кажется мне не таким уж обязательным.

Капитан Горсид подал знак биологу.

— Приступайте к оживлению! — приказал он.

И, обращаясь к Инэшу, проговорил:

— Разве мы можем вот так, не закончив всего, вернуться на Гэну и посоветовать массовое переселение? Представьте себе, что мы чего-то не выяснили здесь до конца. Нет, мой друг, это невозможно.

Довод был старый, но сейчас Инэш почему-то с ним сразу согласился. Он хотел что-то добавить, но забыл обо всем, ибо в воскресителе поднялся четвертый человек.

Он сел и исчез.

Наступила мертвая тишина, полная ужаса и изумления. Капитан Горсид хрипло проговорил:

— Он не мог отсюда уйти. Мы это знаем. Он где-то здесь.

Гэнейцы вокруг Инэша, привстав с кресел, всматривались в пустоту под энергетическим колпаком. Стражи стояли, безвольно опустив щупальца с лучевыми ружьями. Боковым зрением Инэш увидел, как один из техников, обслуживавших защитные экраны, что-то шепнул Вииду, который сразу последовал за ним. Вернулся он, заметно помрачнев.

— Мне сказали,— проговорил Виид,— что, когда воскрешенный исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутриядерных процессов.

— Во имя первого гэнейца! — прошептал Шюри.— Это то, чего мы всегда боялись.

— Уничтожить все локаторы на звездолете! — кричал капитан Горсид в микрофон.— Уничтожить все, вы слышите?

Он повернулся, сверкая глазами, к астроному.

— Шюри, они, кажется, меня не поняли. Прикажете своим подчиненным действовать! Все локаторы

и воскресители должны быть немедленно уничтожены.

— Скорее, скорее! — жалобно подтвердил Шюри.

Когда это было сделано, они перевели дух. На лицах появились угрюмые усмешки. Все чувствовали мрачное удовлетворение. Помощник капитана Мэйард проговорил:

— Во всяком случае теперь он не найдет нашу Гэну. Великая система определения звезд с планетами останется нашей тайной. Мы можем не опасаться возмездия...

Он остановился и уже медленно закончил:

— О чем это я говорю?.. Мы ничего не сделали. Разве мы виноваты в том, что случилось с жителями этой планеты?

Но Инэш знал, о чем он подумал. Чувство вины всегда возникало у них в подобные моменты. Призраки всех истребленных гэнейцами рас; беспощадная воля, которая вдохновляла их, когда они впервые приземлялись; решимость уничтожить здесь все, что им помешает; темные бездны безмолвного ужаса и ненависти, разверзающиеся за ними повсюду; дни страшного суда, когда они безжалостно облучали ничего не подозревавших обитателей мирных планет смертоносной радиацией, — вот что скрывалось за словами Мэйарда.

— Я все же не верю, что он мог сбежать, — заговорил капитан Горсид. — Он здесь, в здании, он ждет, когда мы снимем защитные экраны, и тогда он сумеет уйти. Пусть ждет. Мы этого не сделаем.

Снова воцарилось молчание. Они выжидательно смотрели на пустой купол энергетической защиты. Только сверкающий воскреситель стоял там на своих металлических подставках. Кроме этого аппарата, там не было ничего — ни одного постороннего блика, ни одной тени. Желтые солнечные лучи проникали всюду, освещая площадку с такой яркостью, что укрыться на ней было просто невыносимо.

— Стража! — приказал капитан Горсид. — Уничтожьте воскреситель. Я думаю, он вернется, чтобы его осмотреть, поэтому не следует рисковать.

Аппарат исчез в волнах белого пламени. Вместе с ним исчезла и последняя надежда Инэша, который все еще верил, что смертоносная энергия заставит двуногое чудовище появиться. Надеяться больше было не на что.

— Но куда он мог деться? — спросил Йоал.

Инэш повернулся к историку, собираясь обсудить с ним этот вопрос. Уже заканчивая полуоборот, он увидел — чудовище стоит чуть поодаль под деревом и внимательно их разглядывает. Должно быть, оно появилось именно в этот миг, потому что все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, мгновенно установил между гэнейцами и чудовищем силовой экран. Существо медленно приблизилось. Оно было хрупким и несло голову, слегка откинув назад. Глаза его сияли, будто освещенные внутренним огнем.

Подойдя к экрану, человек вытянул руку и коснулся его пальцами. Экран ослепительно вспыхнул, потом затуманился переливами красок. Волна красок перешла на человека: цвета стали ярче и в мгновение разлились по всему его телу, с головы до ног. Радужный туман рассеялся. Очертания стали незримыми. Еще миг — и человек прошел сквозь экран.

Он засмеялся — звук был странно мягким — и сразу посерьезнел.

— Когда я пробудился, ситуация меня позабавила, — сказал он. — Я подумал: «Что мне теперь с вами делать?»

Для Инэша его слова прозвучали в утреннем воздухе мертвой планеты приговором судьбы. Молчание нарушил голос, настолько сдавленный и неестественный голос, что Инэшу понадобилось время, чтобы узнать голос капитана Горсида.

— Убейте его!

Когда взрывы пламени опали обессиленные, неуязвимое существо по-прежнему стояло перед ними. Оно медленно двинулось вперед и остановилось шагах в шести от ближайшего гэнейца. Инэш оказался позади всех. Человек неторопливо заговорил:

— Напрашиваются два решения: одно — основанное на благодарности за мое воскрешение, второе — на действительном положении вещей. Я знаю, кто вы и что вам нужно. Да, я вас знаю — в этом ваше несчастье. Тут трудно быть милосердным. Но попробую. Предположим, — продолжал он, — вы откроете тайну локатора. Теперь, поскольку система существует, мы больше никогда не попадемся так глупо, как в тот раз.

Инэш весь напрягся. Его мозг работал так лихорадочно, пытаясь охватить возможные последствия ката-

строфы, что казалось, в нем не осталось места ни для чего другого. И тем не менее какая-то часть сознания была отвлечена.

— Что же произошло? — спросил он.

Человек потемнел. Воспоминания о том далеком дне сделали его голос хриплым.

— Атомная буря, — проговорил он. — Она пришла из иного, звездного мира, захватив весь этот край нашей Галактики. Атомный циклон достигал в диаметре около девяноста световых лет, гораздо больше того, что нам было доступно. Спасения не было. Мы не нуждались до этого в звездолетах и ничего не успели построить. К тому же Кастор, единственная известная нам звезда с планетами, тоже был задет бурей.

Он умолк, затем вернулся к прерванной мысли:

— Итак, секрет локатора... В чем он?

Советники вокруг Инэша вздохнули с облегчением. Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Инэш с гордостью отметил, что, когда самое страшное осталось позади, никто из гэнейцев даже не подумал о себе.

— Значит, вы не знаете тайны? — вкрадчиво проговорил Йоал. — Вы достигли очень высокого развития, однако завоевать Галактику сможем только мы.

С заговорщицкой улыбкой он обвел глазами всех остальных и добавил:

— Господа, мы можем по праву гордиться великими открытиями гэнейцев. Предлагаю вернуться на звездолет. На этой планете нам больше нечего делать.

Еще какой-то момент, пока они не скрылись в своих сферических гондолах, Инэш с тревогой думал, что двуногое существо попытается их задержать. Но, оглянувшись, он увидел, что человек повернулся к ним спиной и неторопливо идет вдоль улицы.

Этот образ остался в памяти Инэша, когда звездолет начал набирать высоту. И еще одно он запомнил: атомные бомбы, сброшенные на город одна за другой, не взорвались.

— Так просто мы не откажемся от этой планеты, — сказал капитан Горсид. — Я предлагаю еще раз переговорить с чудовищем.

Они решили снова спуститься в город — Инэш, Йоал, Виид и командир корабля. Голос капитана Горсида прозвучал в их приемниках:

— Мне кажется...— Взгляд Инэша улавливал сквозь утренний туман блеск прозрачных гондол, которые опускались вокруг него.— Мне кажется, мы принимаем это создание совсем не за то, что оно собой представляет в действительности. Вспомните, например,— оно пробудилось и сразу исчезло. А почему?... Потому что испугалось. Ну конечно же! Оно не было хозяином положения. Оно само не считает себя всесильным.

Это звучало убедительно. Инэшу доводы капитана пришлось по душе. И ему вдруг показалось непонятным, чего это он так легко поддался панике! Теперь опасность предстала перед ним в ином свете. На всей планете всего один человек. Если они действительно решатся, можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще нет. Он вспомнил, как уже делалось в прошлом неоднократно. На многих планетах небольшие группы исконных обитателей избежали действия смертоносной радиации и укрылись в отдаленных областях. Почти всюду колонисты постепенно выловили их и уничтожили. Однако в двух случаях, насколько он помнит, туземцы еще удерживали за собой небольшие части своих планет. В обоих случаях было решено не истреблять их радиацией—это могло повредить самим гэнейцам. Там колонисты примирились с уцелевшими автохтонами. А тут и подавно— всего один обитатель, он не займет много места!

Когда они его отыскивали, человек деловито подметал нижний этаж небольшого особняка. Он отложил веник и вышел к ним на террасу. На нем были теперь сандалии и свободная развевающаяся туника из какой-то ослепительно сверкающей материи. Он лениво посмотрел на них и не сказал ни слова.

Переговоры начал капитан Горсид. Инэш только диву давался, слушая, что тот говорит механическому переводчику. Командир звездолета был предельно откровенен—так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживлять других мертвецов этой планеты. Подобный альтруизм был бы противоестествен, ибо всевозрастающие орды гэнейцев постоянно нуждаются в новых мирах. И каждое новое значительное увеличение населения выдвигало одну и ту же проблему, которую можно разрешить только одним путем. Но в данном случае колонисты добровольно обязуются не посягать на права единственного уцелевшего обитателя планеты.

В этом месте человек прервал капитана Горсида:

— Какова же была цель такой бесконечной экспансии?

Казалось, он был искренне заинтересован.

— Предположим, вы заселите все планеты нашей Галактики. А что дальше?

Капитан Горсид обменялся недоуменным взглядом с Йоалом, затем с Инэшем и Виидом. Инэш отрицательно покачал туловищем из стороны в сторону. Он почувствовал жалость к этому созданию. Человек не понимал и, наверное, никогда не поймет. Старая история! Две расы, жизнеспособная и угасающая, держались противоположных точек зрения: одна стремилась к звездам, а другая склонялась перед неотвратимостью судьбы.

— Почему бы вам не установить контроль над своими инкубаторами? — настаивал человек.

— И вызвать падение правительства? — сыронизировал Йоал.

Он проговорил это снисходительно, и Инэш увидел, как все остальные тоже улыбаются наивности человека. Он почувствовал, как интеллектуальная пропасть между ними становится все шире. Это существо не понимало природы жизненных сил, управляющих миром.

— Хорошо, — снова заговорил человек. — Если вы не способны ограничить свое размножение, это сделаем за вас мы.

Наступило молчание.

Гэнейцы начали окостеневать от ярости. Инэш чувствовал это сам и видел те же признаки у других. Его взгляд переходил с лица на лицо и возвращался к двуногому созданию, по-прежнему стоявшему в дверях. Уже не в первый раз Инэш подумал, что их противник выглядит совершенно беззащитным.

«Сейчас, — подумал он, — я могу обхватить его щупальцами и раздавить!»

Сочетается ли умственный контроль над внутриядерными процессами и гравитационными полями со способностью отражать чисто механическое, макросмическое нападение? Инэш думал, что сочетается. Сила, проявление которой они видели два часа назад, конечно, должна была иметь какие-то пределы. Но они этих пределов не знали. И тем не менее все это теперь не имело значения. Сильнее они или слабее — неважно.

Роковые слова были произнесены: «Если вы не способны ограничить, это сделаем за вас мы!»

Эти слова еще звучали в ушах Инэша, и, по мере того как их смысл все глубже проникал в его сознание, он чувствовал себя все менее изолированным и отчужденным. До сих пор он считал себя только зрителем. Даже протестуя против дальнейших воскрешений, Инэш действовал как незаинтересованное лицо, наблюдающее за драмой со стороны, но не участвующее в ней. Только сейчас он с предельной ясностью понял, почему всегда уступал и в конечном счете соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к самым отдаленным дням, теперь он видел, что никогда по-настоящему не считал себя участником захвата новых планет и уничтожения чуждых рас. Он просто присутствовал при сем, размышлял, рассуждал о жизни, не имевшей для него значения. Теперь это понятие конкретизировалось. Он больше не мог, не хотел противиться могучей волне страстей, которые его захлестнули. Сейчас он мыслил и чувствовал заодно с неисчислимой массой гэнейцев. Все силы и все желания расы бушевали в его крови.

— Слушай, двуногий! — прорычал он. — Если ты надеешься оживить свое мертвое племя — оставь эту надежду!

Человек посмотрел на него, но промолчал.

Если бы ты мог нас всех уничтожить, — продолжал Инэш, — то давно уничтожил бы. Но все дело в том, что у тебя не хватит сил. Наш корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой частице потенциально активной материи противостоит античастица, не допускающая образования критических масс. Ты можешь произвести взрывы в наших двигателях, но эти взрывы останутся тоже изолированными, а их энергия будет обращена на то, для чего двигатели предназначены, — превратится в движение.

Инэш почувствовал прикосновение Йоала.

— Поостерегись! — шепнул историк. — В запальчивости ты можешь выболтать один из наших секретов.

Инэш потряхнул его щупальце и сердито огрызнулся:

— Хватит наивничать! Этому чудовищу достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы разгадать почти все тайны нашей расы. Нужно быть дураком,

чтобы воображать, будто оно еще не взвесило свои и наши возможности в данной ситуации.

— Инэш! — рявкнул капитан Горсид.

Услышав металлические нотки в его голосе, Инэш отступил и ответил:

— Слушаюсь.

Его ярость остыла так же быстро, как вспыхнула.

— Мне кажется, — продолжал капитан Горсид, — я догадываюсь, что вы намеревались сказать. Я целиком с вами согласен, но в качестве высшего представителя властей Гэны считаю своим долгом предъявить ультиматум.

Он повернулся. Его рогатое тело нависло над человеком.

— Ты осмелился произнести слова, которым нет прощения. Ты сказал, что вы попытаетесь ограничить движение великого духа Гэны.

— Не духа, — прервал его человек. Он тихонько рассмеялся. — Вовсе не духа!

Капитан Горсид пренебрег его словами.

— Поэтому, — продолжал он, — у нас нет выбора. Мы полагаем, что со временем, собрав необходимые материалы и изготовив соответствующие инструменты, ты сумеешь построить воскреситель. По нашим расчетам, на это понадобится самое меньшее два года, даже если ты знаешь все. Это необычайно сложный аппарат, и собрать его единственному представителю расы, которая отказалась от машин за тысячелетие до того, как была уничтожена, будет очень и очень не просто.

Ты не успеешь построить звездолет. И мы не дадим тебе времени собрать воскреситель. Возможно, ты сумеешь предотвратить взрывы на каком-то расстоянии вокруг себя. Тогда мы полетим к другим материкам. Если ты помешаешь и там, значит, нам понадобится помощь. Через шесть месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда ближайшие колонизированные гэнейцами планеты услышат наш призыв. Они пошлют огромный флот: ему не смогут противостоять все твои силы. Сбрасывая по сотне или по тысяче бомб в минуту, мы уничтожим все города, так что от скелетов твоего народа не останется даже праха.

Таков наш план. И так оно и будет. А теперь делай с нами что хочешь — мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

— Пока я ничего не стану делать,— сказал он и подчеркнул: — Пока ничего.

Помолчав, добавил задумчиво:

— Вы рассуждаете логично. Очень. Разумеется, я не всемогущ, но, мне кажется, вы забыли одну маленькую деталь. Какую, не скажу. А теперь прощайте. Возвращайтесь на свой корабль и летите куда хотите. У меня еще много дел.

Инэш стоял неподвижно, чувствуя, как ярость снова разгорается в нем. Потом, зашипев, он прыгнул, растопырив щупальца. Они уже почти коснулись нежного тела, как вдруг что-то отшвырнуло его...

Очнулся Инэш на звездолете.

Он не помнил, как очутился в нем, он не был ранен, не испытывал никакого потрясения. Он беспокоился только о капитане Горсиде, Вииде, Йоале, но все трое стояли рядом с ним такие же изумленные. Инэш лежал неподвижно и думал о том, что сказал человек: «Вы забыли одну маленькую деталь...» Забыли? Значит, они ее знали! Что же это такое? Он все еще раздумывал над этим, когда Йоал сказал:

— Глупо надеяться, что наши бомбы хоть что-нибудь сделают!

Он оказался прав.

Когда звездолет удалился от Земли на сорок световых лет, Инэша вызвали в зал совета. Вместо приветствия Йоал уныло сказал:

— Чудовище на корабле.

Его слова как громом поразили Инэша, но вместе с их раскатами на него снизошло внезапное озарение.

— Так вот мы о чем забыли! — удивленно и громко проговорил он наконец. — Мы забыли, что он при желании может передвигаться в космическом пространстве в пределах... — как это он сказал?.. — в пределах девяноста световых лет.

Инэш понял. Гэнейцы, которым приходилось пользоваться звездолетами, разумеется, не вспомнили о такой возможности. И удивляться тут было нечему. Постепенно действительность начала утрачивать для него значение. Теперь, когда все свершилось, он снова почувствовал себя измученным и старым, он снова был отчаянно одинок.

Для того чтобы ввести его в курс дела, понадобилось всего несколько минут. Один из физиков-ассистен-

тов по дороге в кладовую заметил человека в нижнем коридоре. Странно только, что никто из многочисленной команды звездолета не обнаружил чудовище раньше.

«Но мы ведь в конце концов не собираемся спускаться или приближаться к нашим планетам,— подумал Инэш.— Таким образом, он сможет нами воспользоваться, только если мы включим видео!..»

Инэш остановился. Ну конечно, в этом все дело! Им придется включить направленный видеолуч, и, едва контакт будет установлен, человек сможет определить нужное направление.

Решение Инэш прочел в глазах своих соплеменников — единственное возможное в данных условиях решение. И все же ему казалось, что они что-то упустили, что-то очень важное. Он медленно подошел к большому видеоэкрану, установленному в конце зала. Картина, изображенная на нем, была так ярка, так величественна и прекрасна, что непривычный разум содрогался перед ней, как от вспышки молнии. Даже Инэша, хотя он видел это неоднократно, охватывало оцепенение перед немыслимой, невообразимой бездной космоса. Это было изображение части Млечного Пути. Четыреста миллионов звезд сияли, словно в окуляре гигантского телескопа, способного улавливать даже мерцание красных карликов, удаленных на расстояние в тридцать тысяч световых лет. Видеоэкран был диаметром двадцать пять ярдов — таких телескопов просто не существовало нигде, и к тому же в других галактиках не было столько звезд.

И только одна из каждых двухсот тысяч сияющих звезд имела пригодные для заселения планеты.

Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Инэш устало обвел всех взглядом. Когда он заговорил, голос его был спокоен:

— Чудовище рассчитало прекрасно. Если мы полетим дальше, оно полетит вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется доступным ему способом на свою планету. Если мы воспользуемся направленным лучом, оно устремится вдоль луча, захватит воскреситель и тогда вернется к себе раньше нас. В любом случае, прежде чем наши корабли долетят до планеты, двуногий успеет оживить достаточное количество своих соплеменников, и тогда мы будем бессильны.

Он содрогнулся всем телом. Рассуждал он правильно, и все же ему казалось, что где-то в его мыслях есть пробел. Инэш медленно продолжал:

— Сейчас у нас только одно преимущество. Какое бы решение мы ни приняли, без машины-переводчика он его не узнает. Мы можем выработать план, который останется для него тайной. Он знает, что ни мы, ни он не можем взорвать корабль. Нам остается единственный выход. Единственный.

Капитан Горсид прервал наступившую тишину:

— Итак, я вижу, вы знаете все. Мы включим двигатели, взорвем приборы управления и погибнем вместе с чудовищем.

Они обменялись взглядами, и в глазах у всех была гордость за свою расу. Инэш по очереди коснулся шупальцами каждого.

Час спустя, когда температура в звездолете ощути-мо поднялась, Инэшу пришла в голову мысль, которая заставила его устремиться к микрофону и вызвать астронома Шюри.

— Шюри! — крикнул он. — Вспомни, Шюри, когда чудовище пробудилось и исчезло... Ты помнишь? Капитан Горсид не мог сразу заставить твоих помощников уничтожить локаторы. Мы так и не спросили их, почему они медлили. Спроси их! Спроси сейчас!..

Последовало молчание, потом голос Шюри слабо донесся сквозь грохот помех:

— Они... не могли... проникнуть... отсек... Дверь... была заперта.

Инэш мешком осел на пол. Вот оно! Значит, они упустили не только одну деталь! Человек очнулся, все понял, стал невидимым и сразу устремился на звездолет. Он открыл тайну локатора и тайну воскресителя, если только не осмотрел его в первую очередь. Когда он появился снова, он уже взял от них все что хотел. А все остальное понадобилось чудовищу только для того, чтобы толкнуть их на этот акт отчаяния, на самоубийство.

Сейчас, через несколько мгновений, он покинет корабль в твердой уверенности, что вскоре ни одно чужое существо не будет знать о его планете, и в такой же твердой уверенности, что его раса возродится, будет жить снова и отныне уже никогда не погибнет.

Потрясенный Инэш зашатался, цепляясь за рычащий приемник, и начал выкрикивать в микрофон по-

следнее, что он понял. Ответа не было. Все заглушал рев невероятной, уже неуправляемой энергии. Жар начал размягчать его бронированный панцирь, когда Инэш, спотыкаясь, попробовал дотащить до силового регулятора. Навстречу ему рванулось багровое пламя. Визжа и всхлипывая, он бросился обратно к передатчику.

Несколько минут спустя, когда могучий звездолет нырнул в чудовищное горнило бело-синего солнца, он все еще что-то пищал в микрофон.

НЕЧАЯННАЯ ПОБЕДА

Космический корабль был весь худой — решето решето, как говорится.

Но так и было задумано. В сущности в том-то и заключалась вся штука.

И разумеется, во время полета с Ганимеда на Юпитер корабль оказался битком набитым чистейшим космическим вакуумом. А поскольку на корабле не было никаких обогревательных устройств, этот космический вакуум имел нормальную для него температуру — какую-то долю градуса выше абсолютного нуля.

И это тоже соответствовало замыслу. Такие пустяки, как отсутствие тепла и воздуха, на этом космическом корабле ни у кого не вызывали раздражения.

Первые порции сильно разреженной атмосферы Юпитера стали проникать в корабль в нескольких тысячах миль от поверхности планеты. Это был чистый водород. Атмосферное давление все повышалось и повышалось, достигнув миллиона земных атмосфер.

Корабль медленно продвигался к конечной цели путешествия, пробиваясь сквозь скопления молекул газа, которые так теснились, что даже водород обладал плотностью жидкости. Температура была семьдесят градусов ниже нуля по Цельсию. Пары аммиака, поднимавшиеся над невероятно обширным аммиачным океаном, насыщали эту жуткую атмосферу до предела. Ветер, зарождавшийся где-то на высоте тысячи миль, несся с такой скоростью, что подобное атмосферное явление можно было назвать ураганом лишь приближенно.

Прежде чем корабль опустился на большой юпитерианский остров, раз в семь превышавший по площади Азину, стало совершенно очевидно, что Юпитер не слишком приятный мир.

И все же трем членам экипажа корабля он казался приятным. Впрочем, этих троих назвать людьми было нельзя, юпитерианами — тоже.

Они были просто роботами, которых создали на Земле.

ХХ-3 сказал:

— Кажется, это довольно пустынный уголок.

ХХ-2 согласился с ним и угрюмо посмотрел на сглаженный ветром пейзаж.

— Вдалеке виднеются какие-то строения, — сказал он. — Они явно искусственного происхождения. Я предлагаю подождать, пока подойдут их обитатели.

Стоявший вместе со своими товарищами ХХ-1 слушал, но ничего не говорил. Его создали прежде двух других роботов, и он был полуэкспериментальным. Поэтому он редко вступал в разговор.

Ждать пришлось недолго. С неба пикировало воздушное судно странной конструкции. За ним другие. Затем приблизилась колонна наземных транспортных средств, из которых показались какие-то живые существа. Появились и различные предметы — по-видимому, оружие. Некоторые из этих предметов было под силу тащить одному юпитерианину, другие — несколькими, а третьи передвигались сами. Юпитериане сидели, наверно, внутри.

Роботы в этом разобраться не могли.

— Нас окружили, — сказал ХХ-3. — Чтобы показать наши мирные намерения, логичнее всего выйти из корабля. Согласны?

Остальные согласились с ним, и ХХ-1 распахнул тяжелую дверь, которая не была ни двойной, ни, к слову сказать, герметичной. Появление роботов вызвало суматоху среди юпитериан. Они что-то сделали с самыми большими из доставленных к кораблю предметов, и ХХ-3 почувствовал, как на внешнем слое его бериллиево-иридиево-бронзового тела поднимается температура.

Он посмотрел на ХХ-2.

— Чувствуешь? Наверно, они направили на нас поток тепловой энергии.

— Но почему? — удивился ХХ-2.

— Это определенно какой-то тепловой луч. Посмотри туда!

Один из лучей отклонился в сторону и упал на сверкающий ручеек чистого аммиака, который тотчас бурно закипел.

ХХ-3 повернулся к ХХ-1.

— Первый, возьми-ка это на заметку.

— Разумеется, возьму.

Именно на долю ХХ-1 выпала секретарская работа, и он делал заметки, просто заполняя ячейки своей памяти.

— Максимальная температура луча равна тридцати градусам выше нуля по Цельсию,—добавил Первый.

— Может, попытаемся связаться с ними?—перебил его Второй.

— Напрасная трата времени,—сказал Третий.— Очень немногие юпитериане знают радиокод, при помощи которого осуществлялась связь между Юпитером и Ганимедом. Впрочем, они могут послать за специалистом, чтобы установить контакт. А пока наблюдаем за ними. Сознаюсь, я не понимаю их действий.

Тепловое излучение прекратилось, а юпитериане подтащили и пустили в ход другое оружие. К ногам роботов упало несколько капсул. Под воздействием тяготения Юпитера они быстро, с силой воткнулись в почву. Капсулы с треском раскрылись, из них выплеснулась и образовала лужи синяя жидкость, которая тотчас начала испаряться.

Неистовый ветер подхватил эти пары, и юпитериане поспешили убраться в подветренную сторону. Один из них замешкался и тут же судорожно задергался, а потом обмяк и затих.

ХХ-2 наклонился, обмакнул палец в одну из луж, а потом стал смотреть на стекающую каплями жидкость.

— Я думаю, это кислород,—сказал он.

— Конечно, кислород,—согласился Третий.— Происходит что-то совсем уж странное. Ведь кислород, по-моему, вреден для этих существ. Одно из них погибло!

Роботы помолчали, потом ХХ-1, который отличался простотой и потому считал, что надо брать быка за рога, промолвил:

— Возможно, эти странные существа с помощью таких довольно несерьезных штучек пытаются уничтожить нас?

И ХХ-2, пораженный этим предположением, ответил:

— Знаешь, Первый, по-моему, ты прав! Ведь и хозяева-люди говорили нам, что юпитериане хотят уничтожить все человечество, а существа, настолько обезумевшие от злобы, что вынашивают мысль, как бы навредить человеку...—голос Второго при этих словах задрожал,— тем более могут попытаться уничтожить нас.

— Стыдно иметь такой несносный характер,—сказал ХХ-1.— Бедняги!

— По-моему, это очень печально,—согласился Второй.— Давайте вернемся на корабль. Мы уже достаточно насмотрелись.

Забравшись в корабль, они принялись ждать. Как сказал ХХ-3, Юпитер — обширная планета, и эксперта по радиокоду могут искать еще долго. Впрочем, терпения роботам не надо было занимать.

И в самом деле, Юпитер, по показаниям хронометра, трижды обернулся вокруг своей оси, прежде чем прибыл эксперт. Ни восходов солнца, ни закатов, разумеется, не было. Три тысячи миль плотной, как жидкость, атмосферы окутывали планету крошечной тьмой, и дня от ночи никто отличить не мог. Впрочем, ни для роботов, ни для юпитериан видимое световое излучение не играло никакой роли: зрение их было устроено по другому принципу.

Все эти тридцать часов юпитериане продолжали осаждать корабль. Они вели наступление терпеливо, упорно, безжалостно. Об этом робот ХХ-1 сделал немало пометок в своей памяти. Юпитериане применяли все новое и новое оружие, а роботы, внимательно следя за всеми атаками, каждый раз анализировали его.

Хозяева-люди мастерили прочные вещи. Пятнадцать лет ушло на конструирование корабля и роботов, и сущность их можно было выразить одним словом — мощь. Бесполезно было стараться уничтожить их: ни корабль, ни роботы не уступали друг другу.

— Мне кажется, им мешает атмосфера,—сказал Третий.— Они не могут использовать атомный заряд, так как в этой густой атмосфере рискуют подорваться сами.

— И взрывчатку применить они тоже не могут,—сказал Второй.— И это хорошо. Нас бы они, конечно, не повредили, но потрянуло бы здорово.

— О взрывчатых веществах не может быть и речи. Взрыва без мгновенного расширения газов не бывает,

а газ просто не сможет увеличиться в объеме в этой атмосфере.

— Очень хорошая атмосфера,— пробормотал Первый.— Мне она нравится.

Эти слова прозвучали вполне естественно: роботов серии ХХ и создавали для такой атмосферы. По своему облику они ни капельки не напоминали людей. Они были приземистыми и широкими, центр тяжести у них находился менее чем в футе от поверхности земли. У них было по шесть ног, коротких и толстых, рассчитанных на многотонную нагрузку в условиях, когда тяготение превышает земное в два с половиной раза. Чтобы компенсировать избыток веса, роботов наделили реакцией, которая намного превосходила необходимую на Земле. Кроме того, они были сделаны из бериллиево-иридиево-бронзового сплава, не поддающегося никакой коррозии. Против этого сплава было бесполезно любое известное оружие, кроме атомного мощностью в тысячу мегатонн.

Ожидая специалиста по радиокоду, роботы были заняты тем, что довольно неуверенно старались хоть как-нибудь описать внешность юпитериан. ХХ-1 отметил наличие у них щупалец и круговой симметрии тела... и на этом остановился. Второй и Третий старались помочь ему изо всех сил, но тоже безрезультатно.

— Нельзя описать что-либо,— заявил наконец Третий,— ни с чем не сравнивая. Подобных существ я никогда не видел...

К этому времени юпитериане перестали пробовать на пришельцах свое оружие. Роботы выглянули из корабля. Группа юпитериан продвигалась вперед какими-то странными бросками. Роботы вышли навстречу. Юпитериане остановились футами в десяти. Обе стороны молчали и не двигались с места.

Вдруг донеслось звонкое щелканье, и ХХ-1 радостно сказал:

— Это радиокод. У них там эксперт по связи.

Так оно и было. Усложненная азбука Морзе, которую за двадцать пять лет жители Юпитера и люди Ганимеда обоюдными усилиями превратили в удивительно гибкое средство общения, была применена наконец при более близком контакте.

Теперь впереди был только один юпитерианин, остальные отступили. Он-то и вел переговоры.

— Откуда вы? — прощелкал он.

ХХ-3, как наиболее умственно развитый, стал говорить от имени группы роботов.

— Мы с Ганимеда, спутника Юпитера.

— Что вам нужно? — продолжал юпитерианин.

— Нам нужна информация. Мы прибыли сюда, чтобы изучить ваш мир и доставить обратно полученные сведения. Если бы вы помогли нам...

— Вы должны быть уничтожены! — перебил его своим шелканьем юпитерианин.

ХХ-3 помолчал и задумчиво сказал своим товарищам:

— Хозяева-люди говорили, что они будут стоять именно на такой позиции. Они очень странные.

Перейдя на шелканье, он просто спросил:

— Почему уничтожены?

Юпитерианин, очевидно, счел ниже своего достоинства отвечать на подобные вопросы.

— Если вы покинете Юпитер в течение суток, мы пощадим вас... пока не выйдем за пределы нашей атмосферы и не уничтожим антиюпитерианский сброд, засевший на Ганимеде.

— Мне хотелось бы указать на то, — сказал Третий, — что мы, живущие на Ганимеде и внутренних планетах...

— Согласно нашей астрономии, — перебил его юпитерианин, — существует только Солнце и четыре наших спутника. Никаких внутренних планет нет.

Третий устал спорить.

— Ладно. Пусть будет так: мы, живущие на Ганимеде, не имеем никаких притязаний на Юпитер. Мы предлагаем дружбу. Двадцать пять лет вы общались с помощью радиокода с людьми Ганимеда. Разве есть какая-нибудь причина для внезапного объявления войны?

— Двадцать пять лет, — последовал холодный ответ, — мы считали жителей Ганимеда юпитерианами. Когда мы узнали, что это не так, что мы общались с низшими животными, как с разумными, по юпитерианским понятиям, существами, мы решили принять меры, чтобы смыть этот позор.

Беседа на этом закончилась.

Роботы вернулись на корабль.

— Плохи дела, — задумчиво сказал ХХ-2. — Все идет так, как говорили хозяева-люди. У юпитериан крайне развит комплекс превосходства, осложненный

абсолютной нетерпимостью ко всему, что затрагивает этот комплекс.

— Нетерпимость,— заметил Третий,— это естественное следствие комплекса. Беда в том, что их нетерпимость зубаста. У них есть оружие... и их наука достигла значительных успехов.

— Теперь я не удивляюсь,— горячо сказал ХХ-1,— что нам дано особое указание — не подчиняться распоряжениям юпитериан. Это ужасные, нетерпимые, псевдовысшие существа! — И верный робот страстно добавил: — Ни один хозяин-человек никогда не будет так вести себя.

— Это верно, но к делу не относится,— сказал Третий.— Хозяевам-людям грозит страшная опасность. Юпитер — гигантская планета, у здешних жителей колоссальные ресурсы, юпитериане по численности в сотню раз превосходят людей всей земной сферы влияния. Если они когда-нибудь создадут силовое поле такой мощности, что оно послужит оболочкой космического корабля, то они легко покорят всю Солнечную систему. Вопрос в том, как далеко они продвинулись в этом направлении, какое оружие у них есть, какая ведется подготовка и так далее. Наша задача — добыть эту информацию.

Мне кажется, нам надо всего лишь подождать,— добавил Третий.— В течение тридцати часов они пытались уничтожить нас и не добились никаких результатов. Они, наверно, сделали все, что могли. Комплекс превосходства всегда приводит к необходимости спасти свой престиж, и доказательством тому служит ультиматум, который они нам предъявили. Они ни за что не позволили бы нам улететь, если бы могли уничтожить нас. Но если мы не покинем планеты, они, разумеется, не признаются в своем бессилии, а скорее сделают вид, что сами пожелали, чтобы мы остались.

И снова роботы встретились с юпитерианским экспертом по радиокоду.

Если бы роботов серии ХХ снабдили чувством юмора, то они получили бы колоссальное удовольствие. Но они относились к делу слишком серьезно.

Юпитерианин сказал:

— Мы решили позволить вам остаться на очень короткое время, чтобы вы сами убедились в нашей мощи. Затем вы вернетесь на Ганимед и сообщите

всему вашему сброду о неминуемой гибели, которая ждет их через год.

XX-1 отметил про себя, что на Юпитере год равен двенадцати земным.

Третий непринужденно сказал:

— Спасибо. Не проводите ли вы нас в ближайший город? Нам бы хотелось многое узнать.— И, подумав, добавил: — Наш корабль, разумеется, трогать нельзя.

Он не угрожал, а просто попросил, потому что ни один робот серии XX не был задиристым. При их конструировании исключили возможность даже малейшей раздражительности. За долгие годы испытаний было установлено, что в интересах безопасности людей ровный, добрый нрав у таких могучих роботов, как XX, просто необходим.

— Нас не интересует ваш дрянной кораблишко,— сказал юпитерианин.— Никто из нас не осквернит себя прикосновением к нему. Вы можете идти с нами, но держитесь на расстоянии десяти футов. В противном случае вы будете немедленно уничтожены.

— Ну и высокомерие! — шепотом заметил Второй.

Портовый город находился на берегу огромного аммиачного озера. Ветер вздымал бешеные пенистые волны, которые катились чрезвычайно стремительно и мгновенно опадали из-за сильного тяготения. Сам порт был невелик, но не вызывало сомнений, что большая часть сооружений находится под землей.

— Сколько здесь жителей? — спросил Третий.

— Это маленький городок с десятиллионным населением,— ответил юпитерианин.

— Понятно. Возьми на заметку, Первый.

XX-1 автоматически зафиксировал это в памяти, повернулся к озеру и с интересом посмотрел на него. Он взял Третьего под локоть.

— Послушай, рыба у них здесь есть?

— А не все ли равно?

— Мне кажется, нам надо посмотреть. Хозяева-люди приказали разузнать все, что возможно.

Из трех роботов Первый был самым простым и поэтому понимал приказы буквально.

— Пусть Первый посмотрит, если ему хочется,— сказал Второй.— Позволим парнишке немного поразвлекаться. От этого не будет вреда.

— Ладно. Пусть только не теряет времени. Мы сюда приехали не за рыбой... Иди, Первый.

ХХ-1 ринулся к пляжу, пересек его и с плеском погрузился в аммиак. Юпитерианин внимательно наблюдал за ним.

Эксперт по радиокоду отщелкал:

— Видя наше величие, ваш товарищ, видимо, с отчаяния решил покончить с собой.

Третий удивился:

— Ничего подобного. Он хочет посмотреть, живут ли в аммиаке какие-нибудь организмы.— А потом робот извиняющимся тоном добавил: — Наш друг порой очень любопытен, он не такой умный, как мы, но это его единственный недостаток, который заслуживает снисхождения.

Юпитерианин долго молчал, а потом заметил:

— Он утонет.

— Опасности никакой нет,— спокойно ответил ему Третий.— Вы разрешите нам войти в город, как только он вернется?

В этот момент над озером поднялся фонтан жидкости в несколько сот футов высотой. Ветер подхватил его, швырнул вниз и разбил на мельчайшие брызги. Ударил еще одна струя, потом еще, бешено забурировала жидкость, и к берегу протянулся пенистый след.

Оба робота ошеломленно наблюдали за происшедшим. Юпитериане застыли в неподвижности и тоже напряженно смотрели на озеро.

На поверхности показалась голова ХХ-1. Он медленно вышел на сушу. Но следом за ним из воды показалось какое-то существо гигантских размеров, состоявшее, видимо, сплошь из клыков, когтей и игл. Затем роботы увидели, что существо движется не само, его вытаскивает на пляж ХХ-1.

ХХ-1 приблизился довольно робко к юпитерианину и сам вступил в связь с ним, лихорадочно отщелкав:

— Мне очень жаль, что так получилось, но это существо напало на меня. Я просто хотел описать его. Надеюсь, это не очень ценное животное.

Ему ответили не сразу, так как при появлении чудовища ряды юпитериан сильно поредели. Они стали возвращаться, лишь убедившись, что животное мертво.

ХХ-3 скромно сказал:

— Надеюсь, вы простите нашего друга. Он немного неуклюж. Мы не хотели убивать какое бы то ни было юпитерианское животное.

— Оно напало на меня,— пояснил Первый.— Оно укусило меня без всякого повода. Смотрите! — И он показал двухфутовый клык, сломавшийся при укусе.— Оно укусило меня за плечо и чуть не поцарапало его. Я шлепнул животное, чтобы отогнать... а оно сдохло. Простите!

Юпитерианин наконец заговорил, но щелканье его было не очень четким. Он как бы заикался.

— Это дикий зверь, редко встречающийся у берега, но озеро здесь очень глубокое.

Все еще чувствуя себя неловко, Третий сказал:

— Если вы употребляете его в пищу, то мы рады...

— Нет. Мы можем добыть себе пищу без помощи всякого сбр... без посторонней помощи. Ешьте его сами.

Тогда ХХ-1 без всякого усилия поднял зверя одной рукой и бросил его в озеро. А Третий, между прочим, заметил:

— Благодарим за любезное предложение, но мы в пище не нуждаемся. Мы, разумеется, ничего не едим.

В сопровождении сотен двух вооруженных юпитериан роботы спустились по аппарели в подземный город. На поверхности он казался маленьким, но под землей производил внушительное впечатление.

Роботов посадили в вагон с дистанционным управлением (так как ни один почтенный, уважающий себя юпитерианин не опустился бы до того, чтобы сесть в один вагон со «всяким сбродом»), и они помчались со страшной скоростью к центру города. По проделанному пути они определили, что из конца в конец город раскинулся на пятьдесят миль и уходит вглубь миль на восемь.

— Если такова численность юпитериан,— с грустью сказал ХХ-2,— то нам предстоит сделать своим хозяевам-людям не слишком утешительный доклад. Ведь мы сели на обширной поверхности Юпитера наугад— вероятность посадки у действительно большого населенного пункта была тысяча к одному.

— Десять миллионов юпитериан,— с отсутствующим видом произнес Третий.— Все население, по видимому, исчисляется триллионами, а это большое, очень большое население даже для Юпитера. У них, наверно, полностью городская цивилизация, а это говорит о колоссальном развитии науки. Если у них есть силовые поля...

Вагон остановился на площади. Ближайшие улицы были забиты юпитерианами, которые были так же любопытны, как и любая городская толпа при подобных обстоятельствах.

Приблизился эксперт по радиокоду.

— Мне пора отдыхать. Мы пошли даже на то, что подыскивали для вас помещение, хотя это причинит нам большие неудобства, так как своим пребыванием вы оскверните его и нам придется снести здание, а потом построить его заново. И тем не менее вам будет где спать.

XX-3 взмахнул рукой в знак протеста и отступал:

— Благодарим вас, но, пожалуйста, не беспокойтесь. Мы не будем возражать против того, чтобы вы оставили нас здесь, где мы находимся. Если вам хочется отдохнуть, поспать, мы подождем вас. Что же касается нас,— добавил он непринужденно,— то мы не спим вообще.

Юпитерианин не сказал на это ничего. Впрочем, если бы у него было лицо, то выражение его наверняка показалось бы забавным. Юпитерианин удалился, а роботы остались в вагоне. Их окружила стража из хорошо вооруженных юпитериан.

Прошло немало времени, прежде чем вернулся эксперт по коду. Он представил прибывших с ним юпитериан:

— Со мной два чиновника центрального правительства, которые любезно согласились побеседовать с вами.

Один из чиновников, очевидно, знал код и нетерпеливо перебил эксперта своим щелканьем.

— Вы, сброд! — обратился он к роботам. — Вылезайте-ка из вагона. Мы хотим посмотреть на вас.

Роботы были рады исполнить это требование. И в то время как Третий и Второй спрыгнули с правой стороны вагона, Первый ринулся сквозь левую стенку. Именно «сквозь», так как он не удосужился пустить в ход механизм, опускавший часть стенки, а снес всю ее. За ней последовали два колеса и ось. Вагон развалился, и XX-1 ошеломленно взирал на обломки.

Наконец он легонько зашелкал:

— Простите. Надеюсь, этот вагон не очень дорогой.

XX-2 смущенно добавил:

— Наш товарищ часто бывает неуклюж. Простите его.

ХХ-3 без особого успеха попытался собрать развалившийся вагон.

ХХ-1 снова принялся извиняться:

— Материал, из которого сделан вагон, очень непрочен. Видите? — Он обеими руками поднял лист пластика, который был размером с квадратный ярд, толщиной дюйма три и обладал твердостью железа. Робот слегка согнул лист, и тот мгновенно лопнул. — Мне надо было учесть это, — добавил ХХ-1.

Представитель юпитерианского правительства немного сбавил тон:

— Вагон все равно будет уничтожен, так как он осквернен вами. — Он помолчал и добавил: — Существа! Мы, юпитериане, не проявляем вульгарного любопытства в отношении низших животных, но нашим ученым нужны факты.

— Мы согласны с вами, — одобрительно откликнулся Третий. — Нам они тоже нужны.

Юпитерианин проигнорировал эти слова.

— У вас, наверное, нет органа, чувствительного к массе. Как же вы получаете представление о предметах, которые не можете ощупать?

Третий заинтересовался:

— Вы хотите сказать, что жители Юпитера непосредственно ощущают массу?

— Я здесь не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы... ваши наглые вопросы.

— Значит, насколько я понимаю, предметы, имеющие небольшую массу, для вас прозрачны даже при отсутствии излучения. — Третий повернулся ко Второму. — Вот как они видят. Их атмосфера прозрачна для них, как вакуум.

Юпитерианин снова защелкал:

— Сейчас же отвечайте на мой вопрос, или я прикажу вас уничтожить.

— Мы ощущаем энергию, — тотчас ответил Третий. — Мы можем настраиваться на электромагнитные колебания любой частоты. Сейчас мы видим дальние предметы, излучая радиоволны, а ближние предметы с помощью... — Робот замолчал, а затем спросил Второго: — Есть какое-нибудь кодовое слово, означающее гамма-лучи?

— Такого слова я не знаю, — ответил Второй.

Третий снова обратился к юпитерианину:

— Ближние предметы мы видим при помощи другого излучения, для которого нет кодового слова.

Юпитериане отступили, и, хотя до роботов не донеслось ни звука, по непонятым движениям различных частей их совершенно неопиcуемых тел было очевидно, что они оживленно переговариваются.

Затем чиновник снова приблизился:

— Существа с Ганимеда! Решено показать вам некоторые заводы, чтобы вы ознакомились с крошечной частью наших великих достижений. Затем мы разрешим вам вернуться и разъяснить безнадежность положения всего сбр... существ внешнего мира.

Третий сказал Второму:

— Видишь, какова их психология. Они стараются во что бы то ни стало доказать свое превосходство. Речь теперь идет о спасении престижа.— И радиокodem: — Благодарим за любезность.

Но довольно скоро роботы поняли, что юпитериане добились очень многого. Это напоминало осмотр замечательной выставки. Юпитериане показывали и объясняли все, охотно отвечали на любые вопросы, и ХХ-1 делал сотни огорчительных пометок в своей памяти.

Военная мощь этого одного-единственного городка в несколько раз превышала военный потенциал Ганимеда. По промышленному производству десять таких городков могли превзойти все планеты, населенные людьми. А ведь в десяти городках обитала, видимо, ничтожная часть населения Юпитера.

Третий повернулся к Первому и толкнул его локтем.

— Что же это такое?

— Наверно, у них есть силовые поля, и тогда хозяева-люди проиграли,— серьезно сказал ХХ-1.

— Боюсь, что ты прав. А почему ты думаешь, что у них есть силовые поля?

— Потому что они не показывают нам правое крыло завода. Возможно, там работают над силовыми полями.

Они находились на громадном сталелитейном заводе, где изготовляли стофутовые брусья аммиаконупорного кремниево-стального сплава.

— Что в том крыле? — спокойно спросил Третий у правительственного чиновника.

Тот объяснил:

— Это секция высоких температур. Различные процессы требуют таких температур, которые опасны для жизни, и потому здесь дистанционное управление.

Чиновник провел роботов к стене, излучавшей тепло, и показал на небольшое круглое окошко, защищенное каким-то прозрачным материалом. Таких окошек было много, и они озарялись красным туманным светом, который исходил от пылавших печей и пробивался сквозь густую атмосферу.

ХХ-1 бросил на юпитериан подозрительный взгляд и отщелкал:

— Вы не будете возражать, если я войду туда и посмотрю, что к чему? Меня это очень интересует.

— Что за ребячество, Первый! — упрекнул Третий. — Они говорят правду. Впрочем, если тебе хочется, сходи посмотри. Но не задерживайся, нам некогда.

Юпитерианин сказал:

— Вы не имеете представления, какая там жара. Вы погибнете.

— О нет, — как бы между прочим бросил Первый. — Жара нам нипочем.

Юпитериане посоветовались, а потом засуетились. Были поставлены теплозащитные экраны, и дверь, ведущая в секцию высоких температур, распахнулась. ХХ-1 вошел в цех и плотно закрыл за собой дверь. Юпитерианские чиновники столпились у окошек.

ХХ-1 подошел к ближайшей печи и пробил летку. Так как робот был слишком приземист, чтобы заглянуть в печь, он наклонил ее. Расплавленный металл стал лизать край контейнера. Робот с любопытством посмотрел на металл, опустил в него руку, стряхнул огненные металлические капли, а то, что осталось, вытер об одно из шести своих бедер, медленно прошелся вдоль печей и лишь затем дал знак, что хочет выйти.

Юпитериане отошли подальше. Когда ХХ-1 показался в дверном проеме, его стали окатывать струей аммиака, который шипел, булькал и испарялся. Наконец робот охладился до сносной температуры.

Не обращая внимания на аммиачный душ, ХХ-1 сказал своим собратям:

— Они говорят правду. Никаких силовых полей там нет. Однако нет смысла медлить. Хозяева-люди дали нам определенные указания.

Он повернулся к юпитерианскому чиновнику и, не колеблясь, отщелкал:

— Послушайте, ваши ученые создали силовые поля?

Прямота, разумеется, была естественным следствием конструктивных особенностей Первого. Второй и Третий знали это и воздержались от неодобрительных замечаний.

Юпитерианский чиновник постепенно сумел оправиться от странного оцепенения. Когда Первый вышел из цеха, чиновник все время тупо смотрел на руку робота, ту самую, которая побывала в расплавленном металле.

— Силовые поля? Так вот что вас интересует! — медленно произнес юпитерианин.

— Да, — отчеканил Первый.

Роботов повели на самый край города, и они оказались среди тесно расположенных сооружений, которые приблизительно можно было сравнить с земным университетом.

Юпитерианский чиновник быстро двигался вперед, а за ним топали роботы, томимые мрачными предчувствиями.

XX-1, пропустив всех вперед, остановился перед секцией, ничем не огороженной.

— Что это? — поинтересовался он.

В секции стояли узкие низкие скамьи. На них юпитериане манипулировали какими-то странными приборами, главной деталью которых был сильный дюймовый электромагнит.

Юпитерианин повернулся к роботу и нетерпеливо сказал:

— Это студенческая биологическая лаборатория. Здесь нет ничего, что могло бы заинтересовать вас.

— А что они делают?

— Они изучают микроскопические организмы. Вы видели когда-нибудь микроскоп?

— Он видел, — вмешался Третий, — но не такого типа. Наши микроскопы предназначены для энергочувствительных органов и работают по принципу отражения лучевой энергии. Ваши микроскопы, очевидно, основаны на принципе увеличения массы. Довольно остроумно.

— Вы не возражаете, если я посмотрю, какие там существа? — спросил Первый.

Он шагнул к ближайшей скамье, а студенты, боявшиеся оскверниться общением с инопланетянами, сгруппировались в дальнем углу. XX-1 отодвинул микроскоп и стал внимательно рассматривать предметное стекло.

Удивленный, он отложил его, взял другое... третье... четвертое...

Потом робот обратился к юпитерианину:

— Эти организмы живые? Такие маленькие, похожие на червей?

— Конечно.

— Странно... стоит мне посмотреть на них, как они погибают!

Третий чертыхнулся и сказал своим товарищам:

— Мы забыли о нашей гамма-радиации. Пойдем отсюда, Первый, а то мы убьем все микроорганизмы в этой комнате.

Он повернулся к юпитерианину:

— Боюсь, что наше присутствие губительно для слабо-развитых форм жизни. Мы лучше уйдем. Мы надеемся, что погибшие организмы вам нетрудно будет заменить другими. И вы держитесь-ка от нас подальше, а то наше излучение может оказать и на вас вредное воздействие.

Юпитерианин не сказал ни слова и величественно двинулся дальше, но было заметно, что с этой минуты расстояние между ним и роботами увеличилось вдвое.

Через некоторое время роботы очутились в большом помещении. В самой его середине, несмотря на сильное тяготение Юпитера, без всякой видимой опоры висел громадный слиток металла.

Юпитерианин защелкал:

— Вот наше силовое поле. Последнее достижение. В том невидимом пузыре вакуум. Силовое поле выдерживает давление нашей атмосферы и вес металла, эквивалентного двум большим космическим кораблям. Ну что вы скажете?

— Что у вас появляется возможность для космических полетов,— сказал Третий.

— Совершенно верно. И металл, и пластик недостаточно прочны, чтобы выдержать давление нашей атмосферы при создании вакуума, а силовое поле выдержит... Пузырь, огражденный силовым полем, и будет нашим космическим кораблем. Не пройдет и года, как мы изготовим сотни тысяч таких кораблей. Потом мы обрушимся на Ганимед и уничтожим сброд, который пытается оспаривать наше право на господство.

— Люди Ганимеда никогда и не думали об этом,— пытался возразить Третий.

— Молчать! — защелкал юпитерианин. — Возвра-

щайтесь и расскажите своим, что вы видели. Ничтожно слабые силовые поля, такие, как у вашего корабля, с нашими нельзя даже сравнивать, потому что самый маленький наш корабль будет мощнее и больше вашего в сотни раз.

— В таком случае,— сказал Третий,— нам здесь больше нечего делать, и мы вернемся, как вы говорите, чтобы сообщить то, что узнали. Проводите нас, пожалуйста, к нашему кораблю, и мы распрощаемся. Но, между прочим, к вашему сведению, кое-чего вы не понимаете. У людей Ганимеда, разумеется, силовые поля есть, но к нашему кораблю они никакого отношения не имеют. Мы не нуждаемся в силовом поле.

Робот повернулся к своим товарищам:

— Через десять земных лет с хозяевами-людьми будет покончено. Сопротивляться Юпитеру невозможно. Слишком он силен. Пока юпитериане были привязаны к поверхности планеты, люди были в безопасности. Но теперь у них силовые поля... Мы можем только доставить людям полученные сведения, и это все.

Роботы отправились восвояси. Город остался позади. На горизонте показалось темное пятно — их корабль.

Вдруг юпитерианин сказал:

— Существа, так вы говорите, что у вас нет никакого силового поля?

— Мы не нуждаемся в нем,— безразлично ответил Третий.

— Тогда почему ваш корабль не взрывается в космическом пространстве из-за атмосферного давления изнутри?

И он пошевелил шупальцем, как бы указывая на атмосферу Юпитера, которая давила с силой двадцати миллионов фунтов на квадратный дюйм.

— Ну, это объясняется просто. Наш корабль не герметичен. Давление и внутри и снаружи одинаковое.

— Даже в космосе? Вакуум в вашем корабле? Вы лжете!

— Осмотрите сами наш корабль. У него нет силового поля, и он не герметичен. Что в этом необыкновенного? Мы не дышим. Энергия у нас атомная. Нам все равно, есть ли давление, нет ли его, и в вакууме мы чувствуем себя прекрасно.

— Но в космосе же абсолютный нуль!

— Это не играет роли. Мы сами регулируем соб-

ственную температуру. От температуры среды мы не зависим.— Третий помолчал.— Ну, теперь мы сами можем добраться до корабля. До свидания. Мы передадим людям Ганимеда ваше послание— война до конца!

Но юпитерианин вдруг сказал:

— Погодите! Я скоро вернусь.

Он повернулся и двинулся к городу.

Роботы посмотрели ему вслед и стали молча ждать. Юпитерианин вернулся только часа через три. Видно было, что он очень торопился. За десять футов от корабля он опустился всем телом на почву и стал как-то странно подползать. Юпитерианин не произнес ни слова, пока не приблизился настолько, что чуть ли не прижался к роботам своей серой эластичной кожей. И лишь тогда зазвучал приглушенный и уважительный радиокод:

— Глубокоуважаемые господа, я связался с главой нашего центрального правительства, которому теперь известны все факты, и я могу заверить вас, что Юпитер желает только мира.

— Что? — переспросил Третий.

— Мы готовы возобновить связь с Ганимедом,— зачастил юпитерианин,— и обещаем не делать никаких попыток выйти в космос. Наше силовое поле будет применяться только на поверхности Юпитера.

— Но... — начал Третий.

— Наше правительство с радостью примет любых представителей с Ганимеда, если их пожелают пригласить наши благородные братья — люди.

Чешуйчатое щупальце протянулось к роботам, и ошеломленный Третий пожал его. Второй и Первый пожали два других протянутых щупальца.

Юпитерианин торжественно сказал:

— Да будет вечный мир между Юпитером и Ганимедом!

Космический корабль, худой, как решето, снова вышел в космос. Давление и температура снова были нулевыми, и роботы смотрели на громадный, но постепенно уменьшавшийся шар — Юпитер.

— Они определенно искренни,— сказал XX-2,— и то, что они повернули на сто восемьдесят градусов, очень утешительно, но я ничего не понимаю.

— По-моему,— заметил XX-1,— юпитериане вовремя опомнились и поняли, что даже одно намерение

навредить хозяевам-людям — это уже невероятное зло. Так что они вели себя вполне естественно.

ХХ-3 вздохнул и сказал:

— Послушай, тут все дело в психологии. У этих юпитериан невероятно развито чувство превосходства, и раз уж они не могли уничтожить нас, то им хотелось хотя бы сохранить свой престиж. Вся их выставка, все их объяснения — это просто своеобразное бахвальство, рассчитанное на то, чтобы поразить нас и заставить трепетать перед их могуществом.

— Все это я понимаю, — перебил Второй, — но...

— Но это обернулось против них же, — продолжал Третий. — Они убедились, что мы сильнее. Мы не тонем, не едим и не спим, расплавленный металл не причиняет нам вреда. Даже само наше присутствие оказалось губительным для живых существ Юпитера. Их последним козырем было силовое поле. И когда они узнали, что мы вообще не нуждаемся в нем и можем жить в вакууме при абсолютном нуле, их воля была сломлена. — Третий помолчал и добавил резонерски: — А раз воля сломлена, комплекс превосходства исчезает навсегда.

Другие роботы задумались, и потом Второй сказал:

— И все равно это не убедительно. Какое им дело до того, на что мы способны? Мы всего лишь роботы. Им пришлось бы воевать не с нами.

— В том-то и дело, Второй, — спокойно сказал Третий. — Это пришло мне в голову только сейчас. Знаете ли вы, что из-за нашей собственной оплошности совершенно нечаянно мы не сказали им, что мы всего лишь роботы.

— Они нас не спрашивали, — сказал Первый.

— Совершенно верно. Поэтому они думали, что мы люди и что все другие люди такие же, как мы!

Он еще раз посмотрел на Юпитер и задумчиво добавил:

— Неудивительно, что они побоялись воевать!

СТРАННЫЕ КОЛОНИСТЫ

— Не понимаю,— проговорил Снорап, тяжело опускаясь на грунт.

— Они молоды,— заметил Лат, присев рядом со Снорапом.— Молоды и глупы.

— Они молоды, согласен,— сказал Снорап.— Я пока еще не убежден в их глупости. Но каким образом они рассчитывают выжить?

Лат и Снорап принадлежали к совершенно разным, но древним, опытным и мудрым расам. И тех и других эволюция приспособила к любым условиям, существующим в космосе и на планетах. За внешним различием скрывалось единство сути — например, они не нуждались в атмосфере и могли питать свои тела всевозможными химическими соединениями, при разложении выделяющими энергию. В случае нужды они могли даже довольствоваться солнечным излучением, хотя это был не лучший способ питания. Облаченные в плоть, которая была приспособлена к поистине фантастическим нагрузкам, давлениям и температурам, они повсюду чувствовали себя как дома.

Внешне же между ними не было ничего общего. Снорап походил на очень жирную и сонную ящерицу десяти футов длиной — эдакий безобидный переевший дракон, который предпочитает посапывать в мягком кресле, нежели пожирать юных дев.

Лат скорее напоминал земного тигра. Разве что он был крупнее — не меньше Снорапа — и обладал почти круглым телом, определенно смахивающим на канализационную трубу. Хвоста у него не было. Глаза на плоской физиономии сверкали жадным зеленым огнем, а кошмарные челюсти могли перемолоть булыжник, словно леденец. Все тело было покрыто красивыми, но чрезвычайно твердыми гладкими чешуйками,

позволявшими ему безболезненно принимать по утрам кислотный душ. Однако, несмотря на свирепую внешность, он не уступал Снорапу в интеллекте и был не в меньшей степени джентльменом. Что, между прочим, ставило их на несколько порядков выше двух землян, за которыми они наблюдали.

Лат и Снорап были философоинженерами — занятие, труднообъяснимое в человеческих терминах. Известно, что каждое живое существо, как бы низко по шкале разумности оно ни стояло, руководствуется некой врожденной, присущей только ему философией выживания. Если философии всех жизненных форм одного мира находятся в гармонии, не возникает никаких проблем. Если же они начинают дисгармонизировать, вмешивается философоинженер в надежде выправить положение и заодно обогатиться новыми знаниями.

Снорап и Лат открыли прежде не исследованную планету и провели на ней последние восемьдесят лет. Их корабль — скорее космические сани, чем космический корабль, совершенно открытые, если не считать силового противометеоритного экрана, — находился на другой стороне планеты. Совсем неожиданно они наткнулись на прилетевших людей. Ни Лат, ни Снорап никогда раньше не встречались с маленькими хрупкими двуногими. Теперь они сидели в зарослях на краю небольшой поляны, где приземлился корабль землян, переговаривались на языке, который не был ни речью, ни жестикуляцией, ни телепатией, но всем вместе, — и удивлялись.

— Не понимаю, — повторил Снорап. — Я буквально отказываюсь понимать. Они обречены на гибель!

— Несомненно, — отозвался Лат, мигая зелеными глазами. — Они, вероятно, полагаются на свои машины.

Он указал на металлическое куполообразное строение, низкие гидропонические баки и крошечный корабль, из которого две человеческие фигурки вытаскивали моторы для силовой установки. Стояло лето, и температура на планете поднималась до шестидесяти пяти градусов. Снорап и Лат этого даже не замечали, а вот люди обливались потом в масках и в костюмах с кондиционерами.

— Даю им четыре месяца, — щелкнув тяжелыми челюстями, заявил Лат.

— Боюсь, что ты прав,— согласился Снорап.— Наверное, у них на планете полная дисгармония, коли они пошли по легкому пути использования машин, вместо того чтобы приспособиться. У таких существ не может быть стойкости, философской силы. Плохи дела на их родной планете... Любопытно, где она находится?

— Когда машины сломаются, им придется убраться восвояси,— заметил Лат.— А мы полетим следом.

И двое друзей с поистине нечеловеческим терпением уселись в тени зарослей и принялись ждать.

— Чем они теперь занимаются?— спросил Лат.

Последние две недели он дремал, положившись на друга. Снорап, который спал лишь во время отрацивания какой-либо потерянной конечности, был явно увлечен наблюдением.

— Готовятся к зиме.

— А, зима...— Лат встал и потянулся — ни дать ни взять большая кошка, на которую он смахивал.— И в самом деле зима.

С той поры, как друзья впервые заметили землян, температура упала на добрых сто градусов — факт столь незначительный, что Снорап и Лат едва обратили на него внимание.

Под тяжелым серым небом люди лихорадочно возводили жилой купол и гидропонические баки. В сараичке поблизости они смонтировали силовую установку и провели какие-то трубы к куполу и теплицам. Лат скосил глаза на земляную насыпь.

— Любопытно, зачем?

— Для теплоизоляции, надо думать,— ответил Снорап.

— Ничего не получится,— предрек Лат.— Бураны все сдуют.

— Если только почва сперва не промерзнет,— заметил Снорап.— А они находчивы.

— Теперь, я полагаю, они забьются внутрь и до наступления тепла не покажутся,— сказал Лат.— Подземный образ жизни.— Его взгляд скользнул по стилой земле и остановился на двух людях, лопатами кидающих бурую рыхлую почву к стенам строения.— Как ты их различаешь?

— Они почти одинаковы, не правда ли?— сказал Снорап.— Однако если присмотреться повнимательней,

то можно заметить, что один из них немного массивнее другого. Я называю их соответственно Большой Двуногий Колонист и Малый Двуногий Колонист. Большой и Малый, короче. Вот сейчас Большой как раз зашел за угол строения. А Малый продолжает копать.

— Интересно, почему их двое? — задумчиво проговорил Лат.

— Нас тоже двое, — заметил Снорап.

— Разумеется, — отозвался Лат. — Но тому есть причина. Мы принадлежим к разным расам. Наши способности и органы чувств дополняют друг друга. Но эти двое практически идентичны. Не вижу смысла.

— Чепуха! — бросил Снорап. — Я могу предложить множество возможных объяснений. Например, один из них предназначен на запасные части.

— На запасные части?!

— А что тут такого? Взгляни, какие они хрупкие и беззащитные. И как далеко находятся от своего дома.

— Все равно, — неодобрительно заявил Лат, с лязгом захлопнув челюсти. — Я не могу принять подобную гипотезу. Это в высшей степени аморально!

— Я всего лишь предложил один из возможных вариантов, — ответил Снорап, глядя на своего друга и соратника. — Пока ты дремал, я немало времени посвятил наблюдениям. И знаешь, к какому выводу пришел?

— Не задавай риторических вопросов, — проворчал Лат.

— Их цивилизация едва ли насчитывает восемь — десять тысяч лет.

— Что? Нелепость, — хмыкнул Лат. — Они, безусловно, с молодой планеты, но восемь — десять тысяч лет... Это фантастично!

— Учти философское несовершенство, которое толкает их по каждому пустяковому поводу изобретать специальные машины. Одно это уже является сигналом грозной опасности. Как следствие, они лишены стойкости и силы духа.

— Позволь заметить, — возразил Лат, — что для таких хрупких существ сам факт прилета на суровую планету уже говорит об определенной силе духа.

— Это совсем другой вопрос, — упорствовал Снорап, сплетая огромные тупые когти на передних ногах, точь-в-точь как педантичный старик. — Что побудило

их прилететь? Они же совершенно не интересуются исследованиями! Судя по всему, их органы чувств очень ограничены. Выходит, единственная цель их пребывания здесь — просто выжить!

— Несмотря на большие трудности,— заметил Лат.

— Пусть,— согласился Снорап.— Несмотря на большие трудности. Это лишь подтверждает мою уверенность в их несовершенстве.

Лат по природе был спорщиком, а после сна он всегда бывал раздражительным.

— А я,— возразил он,— склонен считать, что у них есть веская причина, которую мы не можем понять в силу собственного скудоумия.

— Мой дорогой друг!..— запротестовал ошеломленный Снорап.

— А почему нет? Если нам известны и понятны философские воззрения сотен тысяч форм разумной жизни, то это вовсе не означает, что мы с тобой непременно узнаем и поймем сущность этих созданий. Разве не так?

— Да, но... но...— забарахтался Снорап в море софистских аргументов Лата.

— Ты должен признать,— продолжал Лат,— что налицо достаточные основания для сомнений. Давай проясним доводы. Ты утверждаешь, что машины подорвали их силу духа. Следовательно, без помощи машин они окажутся неспособными выжить. Так?

— Именно так,— упрямо заявил Снорап.

— А я не согласен. Мне тоже неясны причины и цели их пребывания здесь, непонятно, почему их только двое или какова их жизненная философия. Но я утверждаю, что существа, переселяющиеся на планеты с такими неблагоприятными для них условиями жизни, не могут быть слабыми духом. Предлагаю временно прервать нашу работу и заняться наблюдением за этими двумя созданиями — пока мы не придем к определенным выводам.

— А если я окажусь прав,— с надутым видом проговорил Снорап,— согласен ли ты найти их родную планету и произвести тщательную балансировку?

— Согласен,— ответил Лат.— Но что, если прав окажусь я? На какую уступку ты пойдешь?

— Уступку? — мигнул Снорап.

— Конечно. Это будет только справедливо. Если прав я, то согласен ты появиться перед ними и познакомить-

ся? И довести до их сведения факт, что во Вселенной существует множество других форм разума с совершенно иными философскими концепциями?

— Согласен.— Снорап запрокинул вверх тяжелую ящероподобную морду.— А вот и зима спешит скрепить наш договор и произвести первое испытание колонистов.

С мрачного неба падали снежинки. Большой и Малый — неприспособленные странные двуногие — в последний раз кинули по лопате земли и скрылись внутри жилого купола. Вскоре стемнело. Почва была покрыта снегом, и в воздухе кружили белые вихри.

Через две недели по местному времени снегопад утих, выглянуло далекое зимнее солнце, и температура резко упала до сорока градусов ниже нуля. Снорап и Лат сидели на снегу за оголенными ветвями и наблюдали за куполом.

— Что они там делают? — постоянно спрашивал Лат. Слух Снорапа был острее, чем у его тигроподобного друга, и он информировал о происходящем за стенами.

— Продолжают разговаривать.

— Все еще разговаривают?! — поразился Лат.— Как могут слова описывать достаточно концепций для длительных прений?

— Сам не пойму, — признался Снорап. Он пытался овладеть языком двуногих по подслушанным обрывкам.— Многое мне кажется просто бессмысленным.

— Отвлекись, — посоветовал Лат.— Забудь о них, отдохни. Давай побеседуем о гравитационных напряжениях в системе сорока тел.

Последние две сотни лет гравитационные напряжения были увлечением Снорапа. Для виду покряхтев, он позволил уговорить себя, и друзья перестали наблюдать за поляной.

Большой и Малый легли спать.

Никто не заметил, как в гидропонических баках лопнула труба, недостаточно защищенная от свирепого мороза. Ее содержимое потекло на пол; постепенно, но неумолимо уровень питательной жидкости стал понижаться.

— Я виноват, — повторял расстроенный Снорап.— Я.

— В чем ты виноват? — рявкнул Лат.— Оберегать их — не наше дело. Мы просто хотим выяснить, есть

ли у них сила духа. Я полагал, что ты будешь доволен случившимся!

Большой и Малый в обогреваемых костюмах, сбиваясь с ног, работали на сорокаградусном морозе. Они пытались переместить то, что еще можно было спасти, в жилой купол — и проигрывали битву. Наконец в отчаянии они заменили одежду на более легкую. Это позволяло каждый раз переносить больше груза, но делало их уязвимыми к холоду. Малый дважды падал, и Большой закончил работу один. Однако он, очевидно, застудил легкие, и Малый, пользуясь скудным запасом медикаментов, пытался улучшить его состояние.

— Ну, теперь ты не сомневаешься? — спросил Лат. Снорап сумел совладать со своими эмоциями.

— Они, конечно, не сидели сложа руки, когда сломалась машина. Это верно. Но мы, по крайней мере я, рассматриваем вопрос с философской точки зрения. Что поддерживает дух этих созданий, если отбросить силу машин? Сейчас сломалась одна машина. А если сломаются все? Если крах постигнет саму идею машин? Они должны доказать, что на покорение далеких планет их толкает нечто большее, чем тщеславная гордость своей техникой.

— Глупости! — возразил Лат.

— Но раса не может развиваться без правильной философии, ты же знаешь! — В тоне Снорапа появились почти умоляющие нотки.

— Я, пожалуй, прогуляюсь. Мне нужно размяться, — прорычал Лат и вперевалку удалился.

А потом, скрывшись с глаз Снорапа, стал изливать свое раздражение в беге. Он мчался по снежным равнинам со скоростью более ста миль в час. Лат был огорчен, но не хотел задумываться над причиной дурного настроения.

Одиноким и полным сомнений, Снорап глядел в сторону жилого купола.

— Надеюсь, я не слишком суров к ним, — бормотал он. — Вряд ли я слишком суров...

Короткая зима кончилась, и на смену ей пришла бурная весна. Снег растаял, земля вокруг строений превратилась в бурю жижу. Малый и полностью оправившийся от болезни Большой каждый день

работали в поле, расширяя его в направлении ручья, что спускался с холма к востоку от их жилища.

— В чем смысл их занятия? — спросил Лат Снорапа.

— Не могу сказать наверняка, — ответил Снорап, — но, по-моему, это как-то связано с аварией гидропонических баков.

Все прояснилось, когда Большой и Малый начали сажать семена овощей, которые удалось спасти. Почву они удобрили какими-то химикатами из пострадавшего строения.

— Очень умно, — с удовлетворением констатировал Лат. — Ну, как тебе это нравится?

— Весьма, — признал Снорап. — Но позволь заметить: если на сей раз они намерены обойтись без машин, значит ли это, что они и впредь не будут прибегать к их помощи?

— Если выдастся хороший урожай, они увеличат площадь посевов, — сказал Лат.

— Верно.

— А в течение такого долгого лета, как здесь, они успеют снять два или три урожая до наступления холодов.

— Такая возможность не ускользнула от моего внимания, — вежливо отвечал Снорап.

Постепенно теплело. Несколько недель люди и инопланетяне с одинаковым трепетом ждали, пока наконец из бурой почвы поднимутся первые всходы.

— Какая красота! — однажды темной ночью сказал Снорап и прикоснулся к нежному упругому ростку. — Вот истинное воплощение силы и целеустремленности. Из недр чужой почвы этот росток доблестно рвется к свету, как извечно пробиваются его собратья к лучам солнца из утробы родной планеты.

— Росток и двуногие, очевидно, принадлежат к одному миру, — заметил Лат.

— Несомненно, — выпрямившись, ответил Снорап. — Но, как ты знаешь, мой друг, на каждой планете кроме добра есть еще и зло.

Серо-зеленые глаза Лата смягчились и засияли бирюзой.

— Так везде, кроме Лата, — произнес он.

— И Снорапа, — добавил Снорап. — И еще нескольких старых планет, где обитают мудрые создания...

Его голос затих, и друзья замолчали, погружившись в думы о родине и доме. Они чувствовали бремя

Вселенной, подобно всем мыслящим существам, которые открывают душу перед неизведанным. Мысленно они склонили голову перед Матерью Тайн, перед великим вопросом «почему?», который не дает себя исчерпать, а лишь отступает перед теми, кто приобретает знания. Так продолжалось несколько минут. Затем они вновь вернулись к повседневности.

— Я дал им четыре месяца,— очнулся Лат.— Это время почти истекло.

— А я,— сказал Снорап,— так и не приблизился к пониманию их основополагающей философии. Если, конечно, они не верят в Машину, как в панацею от всех бед!

— У них сильная воля и стремление выжить.

— Признаю,— согласился Снорап.— Но само по себе это присуще всем животным. Мы, разумеется, не презираем животных, но и не протягиваем им руку помощи, как ты намерен сделать это в отношении двуногих.

— Знаешь,— задумчиво произнес Лат,— у меня нехорошее предчувствие. Их образ жизни противоречит местным условиям. Я предвижу беду...

Близилось лето. Земля подсохла под лучами набирающего силу солнца и выпростала плоды посадок двуногих. Большой и Малый лихорадочно собирали урожай под безоблачным небом, а южные ветры с каждым днем становились все сильнее и теплее.

Наконец весь урожай был собран и посеяны новые семена. Из развалин гидропонической оранжереи колонисты смастерили хранилище, куда сносили собранное зерно. С ветрами и зноем пришли песчаные бури. Укрывшись за молодой зеленью на краю поля, Лат и Снорап наблюдали за людьми; а те появлялись все реже и реже — жара, столь же невыносимая, сколь и зимняя стужа, держала их узниками в куполе.

— Им сейчас тяжело,— заметил Снорап.

— Почему?— спросил Лат. Песчаный шквал, мчащийся со скоростью девяносто миль в час, ласково полировал чешуйки его брони.

— Ветер. Звук ветра,— объяснил Снорап.— И то, что нельзя выйти наружу. Их нервы на пределе, они часто злятся друг на друга без всякой причины.

— Что ж,— беспечно отозвался Лат,— когда-нибудь ветры стихнут. И наступит осень.

Так, разумеется, и произошло. При температуре чуть выше сорока градусов двуногие наконец вышли. Всю неделю ветер постепенно успокаивался. Потом изменил направление — и принес дожди. Сначала тихие и нежные; потом на высохшую землю обрушились яростные ливни. Почва вскипала, пропитывалась водой и парила в короткие солнечные часы. Через несколько недель двуногие вышли посмотреть на поле, которое они засеяли во второй раз.

И нашли грязевую пустыню.

Хотя до наступления зимы оставалось совсем мало времени, они пошли на риск и засеяли драгоценное зерно из амбара, надеясь, что урожай поспеет до холодов.

— Ты думаешь, получится? — спросил Лат у Снорапа.

— Не знаю, — отозвался Снорап. — Теоретически должно получиться. Но созреет ли сейчас зерно — ведь время не летнее...

— Гм, — задумчиво произнес Лат. — По крайней мере они сделали все, что могли.

По мере того как шли месяцы, Лат и Снорап стали более чутко воспринимать перемены в двуногих. И все же они не замечали, что из-за постоянной борьбы за существование нервы колонистов были на пределе. Люди жили, как два заточенных в клетку зверя, и избегали друг друга в страхе, что ненароком оброненное слово вызовет открытую ссору.

— У обоих уменьшилась масса, — критически комментировал Лат, глядя на согнутые фигурки в поле.

— Вероятно, сказывается нехватка питания, — предположил Снорап.

— Вряд ли, — задумчиво отозвался Лат. — Скорее переутомление. Последние недели они трудятся день и ночь.

— И меньше разговаривают, — заметил Снорап.

— И не смеются, — добавил Лат. Он наконец достаточно овладел языком двуногих, чтобы различать речь и смех. — Возможно, однако, они оживятся, когда появятся первые ростки.

— Да, появление на свет новой жизни всегда производит стимулирующее действие, — сказал Снорап. — Для тех, кто способен понимать, это символизирует вечное чудо круговорота природы.

— Я, скорее, имел в виду значение урожая в плане пищи на зиму,— сказал Лат.

— И это, разумеется, тоже,— согласился Снорап, слегка уязвленный тем, что его философствования превали.

Всходы второго урожая действительно возымели то действие, которое предвидел Лат. Отношения между двуногими снова стали ровными и теплыми. Ростки второго урожая всходили несколько медленнее, зато были крепкими и несли даже больше зерна.

Но теперь на поле набросились представители местной фауны — пришли полакомиться созревающими плодами. Где они укрывались во время лютой зимы, дождливой весны и испеняющего зноя лета, сказать было невозможно. Большому и Малому смутно казалось, что порой они замечали каких-то животных, но уделять им внимание было некогда. Первыми появились самые маленькие — насекомые всех размеров и крошечные зверьки. Работая дотемна, двуногие вырыли глубокий ров вокруг поля и наполнили его водой из ручья. Потом пришли животные покрупнее, и несколько ночей подряд колонисты по очереди несли вахту с метательным устройством (в котором Лат и Снорап распознали примитивное оружие), ибо крупные животные приходили только в темноте.

Этот факт наконец привлек внимание Большого, и однажды он установил по периметру поля столбы с короткими толстыми трубками, соединив их чем-то похожим на тяжелую черную веревку. Сразу после наступления темноты Лат и Снорап отправились на разведку.

— Кабель,— сказал Снорап.— Для передачи энергии. Между прочим, я заметил, что Малый возится у силовой установки, но в то время был так увлечен занятием Большого, что не обратил внимания. Любопытно...

И тут на дальнем конце поля одна трубка, казалось, взорвалась и стала выбрасывать разноцветные шары огня. Собственно говоря, это была всего лишь самозаправляющаяся римская свеча. Ни Лат, ни Снорап не поняли бы, разумеется, такого странного названия, хотя в сути явления разобрались почти мгновенно. Едва искры первой свечи потухли, как зажглась

следующая, осветив свой участок земли. Лат и Снорап отступили во тьму.

— Видишь! — торжествующе воскликнул Лат. — Двуногие не зависят от машин, а используют их по своему разумению.

Снорап повернул голову и посмотрел на товарища.

— Ну? — потребовал Лат. — Ты должен признать, что я прав. Прислушайся! Дикие звери в испуге убегают.

— Это я признаю, — медленно проговорил Снорап. — Но ты все время меня неправильно понимаешь. Дело не в том, *как* двуногие используют машины. Отважатся ли они на такие деяния, где им не помогут их инструменты? Обладают ли они способностью справляться с трудностями самостоятельно? Тогда, и только тогда, когда я увижу доказательства этому, я с радостью выйду навстречу и назову их своими братьями.

Зеленые глаза Лата гневно сверкнули.

— За те века, которые мы провели вместе, я успел узнать твой характер. Ты боишься своей собственной природной доброты, склонности помочь двуногим. Стремясь быть беспристрастным, ты несправедлив к ним.

Снорап внутренне вздрогнул, признавая его правоту.

— После тех же столетий, — горько сказал он, — мы могли бы не выяснять отношений.

— Правда есть правда, — заявил Лат, и его большие челюсти твердо сомкнулись.

— Я остаюсь при своем мнении, — сказал Снорап.

— А я — при своем!

Минуто они сверлили друг друга взглядами. Затем Снорап повернулся и побрел к привычному убежищу в зарослях, а Лат помчался по равнинам, в беге изливая злость и раздражение.

В куполе спали двое обессиленных людей. Впервые за многие недели они провели спокойную ночь.

Дня через два колонисты приступили к сбору урожая и за первый день убрали примерно пятую часть. А на второй день Малый неожиданно пошатнулся и не

устоял на ногах. В напряженном молчании наблюдая за событиями, Лат и Снорап увидели, как Большой бросил работу и подбежал к упавшему.

— Ради бога, только не сдавайся! — донесся его голос.

— Один день...—с трудом выдавил из себя Малый.—Давай отдохнем один день. Говорю тебе, я не могу больше!..

— А вдруг что-нибудь случится?..

Малый шевельнулся, встал на ноги и повернулся к куполу.

— Погода хорошая. Твое устройство будет отгонять диких зверей. Зачем мучить себя? Мне нужно спать!

Долго глядел Большой, как Малый медленно бредет к дому, затем сдвленным выругался, отбросил инструмент, который держал в руке, и пошел следом.

Снорап и Лат повернулись друг к другу.

— Они сдаются,—сказал Снорап.—Они оставляют поле на попечение своих машин.

— Я не могу их винить,—твердо ответил Лат.

— На мой взгляд,—упрямо заявил Снорап,—они не выдержали испытания.

Лат и Снорап неотрывно смотрели друг на друга.

— Мне кажется,—наконец проговорил Лат,—мне кажется, что мы потеряли взаимопонимание, необходимое для дружбы.

Снорап склонил голову.

— Не могу не согласиться.

— Наши отношения были длительными и добрыми,—продолжал Лат.—Я запомню их.

— И я не забуду,—ответил Снорап. А чуть погодя добавил:—Я задержусь немного, чтобы увидеть конец.

— Тогда и я подожду,—отозвался Лат.

Внезапно Снорап поднял голову и прислушался. Через секунду и Лат последовал его примеру.

— А вот и конец,—сказал Снорап.

На всех молодых планетах водятся чудовища. Приближающееся травоядное, по размерам и силе далеко превосходящее своих врагов, являлось убедительным тому доказательством. Его гигантская туша, состоявшая практически только из живота, рогов и головы,

покоилась на четырех колоннообразных ногах. Следуя за уходящим теплом, чудовище плелось на юг, оставляя за собой полосу оголенной почвы.

Когда утренний ветерок донес аромат созревающего урожая, оно очнулось от сна и, методично жуя, стало двигаться к полю двуногих. Ярдах в пятидесяти от первой полосы посадок его невозмутимое спокойствие лопнуло, и чудовище галопом помчалось к стройным рядам посадок.

Содрогание почвы потревожило сон Большого. Он пошевелился, застонал и открыл глаза.

Чудовище достигло края поля и остановилось, когда запах прогоревших римских свечей насторожил его крошечный мозг. Оно медленно двинулось вдоль кабеля, наклонив голову и приносясь. Свист вырывающегося из ноздрей воздуха отчетливо доносился до Лата и Снорапа, которые укрывались за завесой листьев.

Неожиданно чудовище заревело — дикий звук раскатился между землей и небом и был подхвачен эхом. Приподнявшись на задних лапах, гигантская тварь ударила передними по столбу, повалила его и яростно залясала на обломках, превращая их в щепу.

Из купола вывалились Большой и Малый. Малый шатался от недосыпания и усталости. Большой лихорадочно пытался зарядить оружие — то самое, которым он отгонял ночных хищников. Наконец Большой упал на одно колено и выстрелил. Облако пыли взметнулось за могучим плечом чудовища; зверь повернулся и понесся на стрелявшего.

Большой снова выстрелил, и пуля отлетела от бронированной головы, словно от гранитной глыбы.

Второй выстрел заставил чудовище заколебаться. Мотая головой, оно вдруг повернулось к Малому и погналось за новой жертвой. Малый бросил панический взгляд на зверя и в ужасе побежал в поле.

Большой выстрелил еще дважды, прежде чем оружие заело.

Чудовище уже почти настигло Малого, когда тот вдруг споткнулся и упал. Огромная неуклюжая тварь по инерции промчалась мимо.

Еще секунды две, пока чудовище замедляло свой бег, Большой лихорадочно дергал затвор. Затем схватил оружие за ствол и, размахивая им как дубинкой, побежал навстречу твари.

— Что он делает?! — воскликнул Снорап.

Большой миновал лежащего товарища с криком:

— Беги в купол! В купол! Я его задержу!

Чудовище взревело, а Большой продолжал наступать, отвлекая на себя внимание, чтобы дать время Малому достичь купола.

— Так, значит, у них нет силы духа?! — вскочив, закричал Лат. Он хотел выпрыгнуть из укрытия, но Снорап удержал его.

— Нет! Виноват я! Я и пойду! Это мой долг!

— Зато мое удовольствие! — отрезал Лат. — Ты позаботься о двуногих.

В один миг он пересек участок земли, отделявший его от чудовища, и нанес удар, от которого колосс пошатнулся. На секунду оглушенное чудовище застыло, затем подняло голову и взревело.

Лат остановился в нескольких футах и поймал взглядом дикие черные глазки твари. Чудовище нерешительно затопталось, чувствуя тревогу, которую не могло объяснить, и... бросилось на врага.

Лат пулей взвился в воздух, и они столкнулись головами. Раздался звук, словно треснуло дерево во время урагана. Массивная кость, защитившая зверя от оружия Большого, вмялась, как картонка. Чудовище повалилось, потом тяжело поднялось на ноги и, шатаясь, поплелось прочь. Его огромный лоб был вмят, на землю капала темная жидкость.

— Будет жить, — произнес Лат, глядя ему вслед.

Подождал Снорап, и они оба повернулись к двуногим. Большой, заслонив собой Малого, отчаянно пытался исправить оружие.

— Уберите это, — сказал Лат. — Мы друзья.

Человек застыл, не выпуская из рук оружия. Лат формировал слова, втягивая в себя воздух и модулируя его при выдохе горловыми мышцами. В результате получался глухой раскатистый бас, который сперва даже трудно было принять за разумную речь.

— Мы друзья, — повторил Лат. — Вот уже год мы наблюдаем за вами. К тому же против нас ваше оружие бессильно. — Он повернулся к Снорапу. — Скажи им что-нибудь, чтобы они не принимали тебя за дикого зверя.

— Я виноват перед вами, — смиренно произнес Снорап.

Он говорил таким же образом, и пораженные люди переводили взгляд со Снорапа на Лата, словно подозревая последнего в чревоуещании.

— Кто... кто вы такие? — наконец выдал из себя Большой.

— Мы представители двух уважаемых древних народов. Наши родные планеты находятся далеко за пределами этой системы. Можете называть меня Латом, а моего друга — Снорапом. А как зовут вас?

Человек нервно рассмеялся. Чудом спастись от неминуемой гибели, а потом познакомиться с двумя кошмарными существами — тут любой почувствует себя не в своей тарелке.

— Мы люди, — сказал он. — Меня зовут Джозеф Парнер. А это моя жена, Джела.

— Что такое жена? — спросил Лат.

— Как?.. — поразился человек. — Ну, я — мужчина, она — женщина...

— Вы хотите сказать, — неожиданно перебил Лат, — что ваша раса двупола?

— Разумеется. А разве... — Он осекся и широко раскрыл глаза. — Вы имеете в виду, что так не везде?

Лат медленно повернул голову и посмотрел на Снорапа, тяжело опустившегося на землю.

— Я старый идиот, — проговорил Снорап. — Я выживший из ума глупец. Рассуждать о высоких материях, задаваться вопросами их философии и силы духа, в то время как они просто любили друг друга перед самым моим носом! Какая еще может быть основа для колонизации у двуполой расы, как не семейные узы? Что, если не желание создать дом, двигало ими? Где кроется источник их отваги, как не в любви? — Он устало покачал головой. — Я старый глупец.

Лат подошел к товарищу и опустил голову ему на плечо.

— Мой добрый верный друг, — сказал он. — Мы оба с тобой глупцы.

ЧТО В НАС ЗАЛОЖЕНО

Существуют предписания, регламентирующие поведение экипажа космического корабля при установлении Первого Контакта, инструкции, порожденные безысходностью и выполняемые слепо, без надежды на успех,—в самом деле, какие наставления способны предвосхитить последствия каких бы то ни было действий на сознание инопланетян?

Именно об этом мрачно размышлял Ян Маартен, когда корабль вошел в атмосферу Дюрелла IV. Ян Маартен был крупный, среднего возраста мужчина с редующими светло-пепельными волосами и вечно озабоченным выражением на упитанном лице. Уже давно он пришел к заключению, что любое, пусть самое нелепое предписание все же лучше, чем ничего. Именно поэтому он придерживался установленных правил, педантично, но с непреходящим чувством сомнения и сознания человеческого несовершенства.

Это были идеальные качества для посланца, устанавливающего Первый Контакт.

Он облетел планету на высоте, достаточной для обзора, но не настолько близко к поверхности, чтобы напугать ее обитателей. Налицо были все признаки первобытно-пасторальной цивилизации, и Ян Маартен постарался освежить в памяти инструкции, напечатанные в четвертом томе «Рекомендуемой методики по осуществлению Первого Контакта с так называемыми первобытно-пасторальными мирами», выпущенном Департаментом психологии инопланетян. Он посадил корабль на скалистую, поросшую травой равнину на рекомендуемом расстоянии от типичной небольшой деревушки. При посадке он применил новаторский метод «Тихий Сэм».

— Славно сработано! — восхитился его помощник Кросвелл, который был еще слишком молод, чтобы терзаться мучившими капитана сомнениями.

Чедка, эборийский лингвист, безмолвствовал. Он, как обычно, спал.

Пробурчав в ответ что-то невразумительное, Маартен отправился в хвостовой отсек проводить анализ проб. Кросвелл занял позицию перед смотровым экраном.

— Идут! — закричал Кросвелл спустя полчаса. — Их около дюжины, и они явные гуманоиды.

Присмотревшись, он отметил, что дюрелляне довольно тщедушны, а их мертвенно-бледные лица застыли, словно маски. Чуть поколебавшись, Кросвелл добавил:

— Красавцами я бы их, пожалуй, не назвал.

— Что они делают? — спросил Маартен.

— Просто разглядывают нас, — отозвался Кросвелл. Это был худощавый молодой человек с необычайно длинными роскошными усами, которые он отпускал на всем долгом пути от Земли. Кросвелл то и дело любовно поглаживал их в полной уверенности, что столь великолепных усов Галактике видеть не доводилось. — Они уже в двадцати ярдах от корабля! — Увлеченный необычным зрелищем, он даже не заметил, что нелепо расплющил нос об односторонний смотровой экран.

Экран позволял прекрасно видеть, что происходит вне корабля, но в то же время не давал посмотреть в него снаружи. По указу Департамента психологии инопланетян такие экраны были установлены на всех кораблях после того, как год назад закончилась провалом попытка установить Первый Контакт на планете Карелла II. Карелляне, глазевшие на корабль, разглядели внутри что-то такое, что заставило их в панике бежать, отчего вступить с ними в контакт не удалось.

Подобные ошибки нельзя было повторять.

— А что теперь? — осведомился Маартен.

— Один из них приближается к кораблю. Вероятно, вождь. А может быть, это жертвоприношение?

— Как он одет?

— На нем... Как бы это сказать... Лучше бы вы посмотрели сами.

Маартен уже успел с помощью приборов составить представление о Дюрелле. Планета обладала пригодной для дыхания атмосферой, сносным климатом, даже гравитация оказалась близкой к земной. На Дюрелле имелись богатейшие залежи радиоактивных элементов и редких металлов. Но самое главное — приборы указывали на полное отсутствие вирулентных микроорганизмов и ядовитых испарений, из-за которых пребывание землян на планете могло оборваться трагически.

Словом, Дюрелл мог стать бесценным партнером Земли при условии, что дюрелляне будут настроены дружелюбно, а посланцы с Земли сумеют тонко и тактично провести переговоры.

Подойдя к экрану, Маартен начал рассматривать дюреллян.

— На них одежды пастельных тонов. Нам следует одеться так же.

— Есть!

— Они не вооружены. Мы тоже выйдем безоружными.

— Так точно!

— Они обуты в сандалии. Придется и нам идти в сандалиях.

— Слушаюсь!

— Но вот на лицах у них отсутствует всякая растительность,— продолжал Маартен.— Прости меня, Эд, но твои усы...

— Нет-нет, только не это! Умоляю!— Кросвелл в непритворном ужасе прикрыл ладонью предмет своей гордости.

— Боюсь, с этим ничего не поделаешь,— с напускным состраданием вздохнул Маартен.

— Я их полгода отращивал! — протестовал юноша.

— Придется с ними расстаться. Они будут бросаться в глаза.

— Не вижу для этого причин,— негодуя возразил Кросвелл.

— Самое главное — первое впечатление. Если оно окажется неблагоприятным, это сильно затруднит, если вовсе не сделает невозможными дальнейшие контакты. Поскольку мы пока ничего не знаем об обитателях этой планеты, наше лучшее оружие — конформизм. Мы должны стараться походить на них своим

внешним обликом; если даже это им не очень понравится, то по крайней мере не будет раздражать. Нам следует перенять и их манеры, словом, надо вести себя в рамках принятых здесь обычаев и традиций...

— Хорошо, я согласен,— прервал его Кросвелл.— Надеюсь, хотя бы на обратном пути мне будет позволено обзавестись новыми усами?

Они посмотрели друг на друга и расхохотались. Кросвелл уже трижды терял усы в аналогичных ситуациях.

Пока юноша брился, Маартен растолкал спавшего лингвиста. Чедка был лемуруобразным гуманоидом с Эбории IV, с которой Земля поддерживала дружественные отношения. Эборийцы были прирожденными лингвистами и к тому же обладали необыкновенной словоохотливостью, отличающей иных земных зануд, которые не позволяют собеседнику вставить слово. Правда, к чести эборийцев следует сказать, что во всяком споре они неизменно оказывались правыми. В свое время они облетели почти всю Галактику и могли бы воцариться в ней, если бы не необходимость спать двадцать часов из двадцати четырех.

Сбрив усы, Кросвелл облачился в бледно-зеленый комбинезон и сандалии. Все трое прошли в дезинфекционную камеру. Маартен глубоко вздохнул и открыл люк.

По толпе дюреллян пронесся еле слышный шелест. Вождь — или жертва — молчал. Если бы не мертвенная бледность и окаменелость лиц, дюрелляне могли сойти за людей.

— Никакой мимики! — предупредил Кросвелла Маартен.

Они медленно приближались, пока не оказались в десяти футах от дюреллянина.

— Мы пришли с миром,— тихо сказал Маартен.

Ответ дюреллянина был настолько тихим, что почти нельзя было разобрать слов.

— Вождь сказал: «Добро пожаловать»,— перевел Чедка.

— Вот и отлично.— Маартен приблизился еще на несколько шагов и начал говорить, делая время от времени паузы для перевода. Искренне и убежденно он произнес Первичную речь ББ-32 (для первобытно-па-

сторальных, предположительно не агрессивно настроенных инопланетян-гуманоидов).

Даже Кросвелл, которого трудно было удивить, вынужден был признать, что это была замечательная речь. Маартен сообщил, что они проделали долгий путь, прилетев из Великой Пустоты, чтобы наладить дружественные отношения с благородными дюреллянами. Он рассказал о далекой зеленой Земле, о прекрасных добрых землянах, которые протягивают руки в дружелюбном приветствии. Он поведал далее о великом духе мира и понимания, исходящем от Земли, о всеобщей дружбе и о многом-многом другом.

Наконец он закончил. Воцарилось продолжительное молчание.

— Он все понял? — шепотом осведомился Маартен у Чедки.

Эбориец кивнул, ожидая ответа вождя. Маартен от напряжения покрылся испариной, а Кросвелл в волнении ощупывал непривычно гладкую кожу над верхней губой.

Вождь раскрыл рот, судорожно глотнул, чуть отступил назад и мешком рухнул на траву.

Это неприятное происшествие не было предусмотрено предписаниями.

Вождь не поднялся на ноги — по-видимому, это не относилось к церемониальным падениям. К тому же и дыхание его казалось затрудненным, как при обмороке.

При таких обстоятельствах незадачливым астронавтам оставалось только вернуться на корабль и ждать дальнейшего развития событий.

Через полчаса один из дюреллян осторожно приблизился к кораблю, сообщил что-то Чедке и тут же стал пятиться назад, не спуская глаз с землян.

— Что он сказал? — взволнованно спросил Кросвелл.

— Вождь Морери просит извинить его за обморок, — сказал Чедка. — С его стороны это было непросительно неучтиво.

— Вот как! — воскликнул Маартен. — Тогда его обморок даже сыграет нам на руку — заставит его приложить все усилия, чтобы искупить свою неучтивость. Столь благоприятное стечение обстоятельств, независимое от нас...

— Нет, — прервал Чедка.

— Что «нет»?

— Не независимое,— лаконично пояснил эбориец, свернувшись калачиком и мгновенно уснул.

Маартен энергично затряс маленького лингвиста за плечо.

— Что еще сказал вождь? Какое отношение к нам может иметь этот нелепый обморок?

Чедка сладко зевнул.

— Вождь был очень смущен. Сколько мог, он терпел порывы ветра из вашего рта, но в конце концов чуждый запах...

— Какой ветер?— не веря своим ушам, переспросил Маартен.— Мое дыхание? Неужели он грохнулся в обморок из-за...— Страшная догадка осенила его.

Чедка кивнул, неуместно хихикнул и снова уснул.

Наступил вечер, тусклые длинные сумерки Дюрелла незаметно сменились ночью. Один за другим исчезали пробивавшиеся сквозь окружавший деревушку лес огоньки костров, на которых готовили пищу дюрелляне. На корабле свет горел до самого рассвета. Когда взошло солнце, Чедку отправили в деревню. Кросвелл задумчиво потягивал кофе, а Маартен лихорадочно рылся в аптечке.

— Я уверен, что это преодолимое препятствие,— глубокомысленно произнес Кросвелл.— Подобные пустяки неизбежны. Помните, когда мы высадились на Дингофоребе VI...

— Из-за таких, как ты говоришь, «пустяков» контакты срываются навсегда,— возразил Маартен.

— Но кто мог предположить...

— Я должен был предвидеть!— вспыхнул Маартен.— Мало ли что раньше ничего подобного не случилось... А, вот они!

Он торжествующе поднял в руке склянку с розовыми таблетками.

— С абсолютной гарантией нейтрализует любое дыхание — даже гиены. Проглоти парочку.

Кросвелл с готовностью проглотил таблетки.

— Что теперь, шеф?

— Подождем возвращения этого сонливого лемура... Ага, вот и он! Что сказал вождь?

Чедка проскользнул сквозь люк, протирая уже слезящиеся глаза.

— Вождь Морери просит извинить его за обморок.
— Это мы уже знаем. Что еще?
— Он приглашает вас посетить деревню Ланнит в любое удобное для вас время. Вождь надеется, что этот глупый инцидент не повлияет на развитие дружественных отношений между двумя миролюбивыми благородными народами.

Маартен облегченно вздохнул.

— Вы поставили его в известность о том, что... эээ... наше дыхание исправится?

— Я заверил вождя Морери, что оно будет должным образом скорректировано,— сдержанно подтвердил Чедка.— Меня лично оно никогда не беспокоило.

— Прекрасно. Мы немедленно отправляемся в деревню. Может быть, вы тоже примете одну таблетку?

— С м о и м дыханием все в порядке,— зевая, гордо проговорил Чедка.

При общении с представителями первобытно-пасторальной цивилизации принято прибегать к простым, но многозначительным жестам, они легче всего воспринимаются туземным населением. Наглядность! Четкие и понятные всем ассоциации! Меньше слов — больше жестов! Таковы были наставления.

Приблизившись к деревне, Маартен с удовлетворением отметил, что судьба предоставила ему случай провести естественную, но весьма эффективную и прямо-таки символическую церемонию. Дюрелляне встречали астронавтов в деревне, раскинувшейся на большой живописной лесной поляне; от леса деревню отделяло пересохшее речное русло, через которое был перекинут небольшой, но изящный каменный мост.

Дойдя до середины моста, Маартен остановился и лучезарно улыбнулся дюреллянам. Заметив, что те в ужасе отвернулись, он проклял собственную рассеянность и поспешно стер улыбку с лица. После долгой паузы он громко выкрикнул:

— Пусть этот мост явится символом той связи, которая навечно установилась между этой прекрасной гостеприимной планетой и планетой...

Кросвелл что-то предупреждающе крикнул, но Маартен не разобрал. Он внимательно следил за дюреллянами — они стояли не двигаясь.

— Прочь с моста! — завопил Кросвелл.

Но не успел Маартен и шевельнуться, как каменная махина под ним рухнула, и он с криком полетел вниз.

— В жизни не видел ничего подобного,— возбужденно тараторил Кросвелл, помогая Маартену выкарабкаться из-под обломков.— Стоило вам только повысить голос, как камень так и заходил. Наверное, какая-то вибрация.

Теперь Маартен понял, почему дюрелляне всегда говорили шепотом. Он осторожно поднялся на ноги, но тут же со стоном снова сел.

— Что случилось? — испугался юноша.

— По-моему, я вывихнул ногу.

Сопровождаемый двумя десятками соплеменников, вождь Морери приблизился к незадачливым землянам, произнес короткую речь и вручил пострадавшему увесистый резной посох из черного дерева.

— Спасибо,— еле слышно пробормотал растроганный Маартен, поднимаясь на ноги и осторожно опираясь на посох.

— Что он сказал? — обратился он к дремлющему Чедке.

— Вождь сообщил, что мосту было всего сто лет, и он находился в хорошем состоянии. Вождь извинился за своих предков, которые не смогли построить более прочный мост.

— Гм-м,— смущенно выдавил Маартен.

— Вождь говорит, что вы, по-видимому, очень невезучий человек,— добавил Чедка.

Возможно, он прав, подумал Маартен.

Впрочем, еще не все было потеряно. Следовало только быть предельно собранным и внимательным, чтобы не допустить промахов в дальнейшем.

Маартен выдавил жалкую улыбку, но вовремя спохватился и, сжав губы, заковылял рядом с Морери, направляясь в деревню.

В техническом отношении дюрелляне находились на низком уровне развития. Правда, колесо и рычаг они уже изобрели, но, по-видимому, этим вполне удовлетворяли свою потребность в механизации. Впрочем, они обладали зачаточными познаниями в геометрии и кое-как разбирались в астрономии.

Однако дюрелляне отличались удивительными художественными способностями. Особое развитие у них получила искусная резьба по дереву. Даже самые бедные хижины украшали редкой красоты резные барельефы.

— Как вы думаете, я могу это сфотографировать? — спросил пораженный Кросвелл.

— А почему бы и нет, — великодушно решил Маартен, восхищенно проводя рукой по громадному барельефу, вырезанному из той же черной древесины, что и его посох. Отполированная до блеска поверхность ласкала кожу.

С разрешения вождя Морери Кросвелл сфотографировал и зарисовал детали дюреллянских жилищ, хозяйственных и общественных построек, украшений храма.

Маартен бродил по деревне, с восторгом ощупывая причудливые барельефы и переговариваясь при помощи Чедки с местными жителями. Постепенно у капитана складывалось мнение об обитателях планеты.

Потенциально дюрелляне, думал Маартен, по своему интеллекту не уступают *Homo sapiens*. Низкий уровень технического развития определяется скорее особенностями их взаимоотношений с природой, нежели отсталостью и неумением. Дюреллянам, по-видимому, свойственно миролюбие, у них отсутствует агрессивность — в этом земляне им могут только позавидовать: лишь после многовековой неразберихи на Земле наконец пришли к подобным идеалам.

Этот вывод он решил положить в основу своего доклада Комиссии по Второму Контакту. Маартен надеялся, что сможет ко всему добавить, что «относительно землян у них сложилось самое благоприятное впечатление; никаких трудностей и неожиданностей не предвидится».

Закончив переговоры с вождем Морери, Чедка, казавшийся почему-то менее сонным, чем обычно, подошел к Маартену и стал что-то нашептывать ему. Маартен согласно кивнул и тихо обратился к Кросвеллу, который делал последние снимки:

— Все готово для большого представления.

— Какого представления?

— Вождь Морери устраивает грандиозный праздник в нашу честь, — потирая руки, прошептал Маартен и не без гордости добавил: — Это — событие чрезвычайной важности, знак признания и доброй воли.

Кросвелл был не столь сдержан в выражении своих чувств:

— Так это победа! Ура, контакт установлен!

Двое дюреллян, стоявшие у него за спиной, в ужасе подпрыгнули на месте и, пошатываясь, побрели прочь.

— Да, это победа,— прошептал Маартен,— если только мы будем следить за собой и не станем орать, как только что сделал это ты. Они прекрасные, душевные существа, и мы будем последними ослами, если не завоюем их доверия. Мы все-таки иногда чем-то их раздражаем — чем?..

К вечеру Маартен и Кросвелл закончили химический анализ состава дюреллянской пищи и не обнаружили в ней ничего вредного для человеческого организма. Проглотив по несколько нейтрализующих дыхание таблеток, они облачились в комбинезоны и сандалии, прошли дезинфекцию и отправились на праздник.

На первое подали какое-то угощение из зеленовато-оранжевых овощей, напоминающих на вкус тыкву. Затем вождь Морери произнес короткую речь о важности развития культурных связей. По окончании речи было подано блюдо из мяса, похожего на кроличье, после чего слово предоставили Кросвеллу.

— Только шепотом, не забудь! — приглушенно напомнил Маартен.

Кросвелл встал и начал говорить. С неменяющимся выражением лица, прибегая главным образом к жестикуляции, он тихим голосом перечислил сходные черты у народов Земли и Дюрелла.

Чедка переводил. Маартен довольно кивал. То же самое делали вождь и все собравшиеся.

Закончив вдохновенную речь, Кросвелл сел за стол. Маартен похлопал его по плечу:

— Молодец, Эд! У тебя прирожденный дар... Что случилось?

Лицо Кросвелла перекошилось от изумления:

— Посмотрите только!

Маартен обернулся. Вождь и все дюрелляне продолжали непрерывно кивать.

— Чедка! — растерянно пролепетал Маартен. — Поговорите с ними!

Эбориец задал вождю какой-то вопрос. Ответа не последовало. Морери все так же продолжал кивать.

— Эти идиотские жесты! Ты их загипнотизировал! — догадался Маартен. Он почесал в затылке и вдруг громко кашлянул. Стол задрожал. Дюрелляне мигом прекратили кивать, заморгали и стали быстро и нервозно переговариваться.

— Они говорят, что вы обладаете магической силой,— переводил Чедка.— Еще они говорят, что инопланетяне очень странные существа, и сомневаются, можно ли им доверять.

— А что считает вождь? — упавшим голосом спросил Маартен.

— Вождь говорит, что вы не такие уж плохие. Он уверяет остальных, что вы не хотели причинить им зло.

— И на том спасибо. Надо уходить, пока мы еще что-нибудь не натворили.

Он встал из-за стола. За ним поднялись Кросвелл и Чедка.

— Мы прощаемся с вами,— шепотом обратился к вождю Маартен,— и просим вашего разрешения на то, чтобы другие люди с нашей планеты могли посетить вас. Простите за ошибки, которые мы совершили,— они были вызваны только незнанием ваших обычаев.

Чедка переводил, а Маартен продолжал шептать, не проявляя никаких эмоций и держа руки по швам. Он говорил о единстве Галактики, о благах мира и сотрудничества, о налаживании обмена товарами и предметами искусства, о солидарности всех форм гуманоидной жизни во Вселенной.

Морери, все еще потрясенный пережитым, в свою очередь заверил, что землянам всегда будут рады.

В порыве чувств Кросвелл протянул ему руку. Вождь озадаченно посмотрел на нее, потом взял в свою, недоумевая, что надо делать, но в тот же миг, зашипев от боли, судорожно вырвал руку. Кожа на ладони сплошь вздулась, как при сильнейшем ожоге.

— Что случилось? — перепугался Кросвелл.

— Пот! — убитым голосом ответил Маартен и сокрушенно опустил руки.— Должно быть, он, как кислота, оказывает мгновенное действие на их организм. Надо убираться отсюда!

Дюрелляне угрожающе смыкались вокруг — в руках у некоторых появились камни и палки. Вождь, все еще корчась от боли, спорил о чем-то с соплеменниками, но земляне, не дожидаясь завершения дискуссии, с максимальной скоростью, на которую был способен Маартен, передвигавшийся вприпрыжку с помощью посоха, принялись отступать к кораблю.

Темная чаща леса была полна подозрительных звуков. Запыхавшись, астронавты достигли корабля.

Возглавлявший отступление Кросвелл споткнулся и упал, больно ударившись головой о крышку люка.

— Проклятье! — выругался он.

В то же мгновение земля вокруг корабля вздыбилась, задрожала и стала уходить из-под ног.

— Скорей в корабль! — закричал Маартен.

Едва они успели взлететь, как на месте, где только что стоял корабль, разверзлась зияющая пропасть.

— Опять эта чертова вибрация! — в сердцах выругался Кросвелл. — Надо же — такое невезение!

Маартен вздохнул и покачал головой.

— Не знаю, право, что и делать. Хотелось бы вернуться, объяснить...

— Мы и так слишком много натворили, — веско заметил Кросвелл.

— Это верно. Ошибки, сплошные трагические ошибки. Мы и начали неважно, а все, что происходило потом, только усугубляло положение.

— Дело не в том, что вы делаете. — Они никогда не слышали, чтобы Чедка говорил таким сочувственным тоном, да еще к тому же не зевая. — Это не ваша вина. Дело в том, что вы есть.

Маартен призадумался.

— Да, вы правы. Наши голоса разрушают их плану, наша мимика повергает их в ужас, наши жесты гипнотизируют, дыхание убивает, а пот вызывает ожоги. Вот несчастье!

— Чего же вы хотите? — мрачно вмешался Кросвелл. — Для них мы — ходячие химические фабрики по производству ядовитых газов и едких веществ.

— Это еще не все, — ехидно добавил Чедка. — Смотрите!

Он протянул им посох, подаренный Маартену. В верхней части посоха, там, где его касалась рука капитана, пробудившиеся после векового сна почки распустились в нежные розовые и белые цветы, изумительный аромат которых наполнил каюту запахом весенней свежести.

— Вот видите? — добавил Чедка. — В вас еще и это!

— А ведь дерево было мертвое, — размышлял Кросвелл. — Должно быть, сальные выделения...

Маартена передернуло.

— Значит, все резные украшения, барельефы, к которым мы прикасались... хижины... храм... Какой ужас!

— Да,— кивнул Кросвелл.

Маартен зажмурил глаза и попытался представить, как мертвая, иссохшая древесина превращается в буйно цветущий куст.

— Надеюсь, они правильно поймут,— убеждая самого себя, заговорил он.— Это прекрасный мирный символ. Может быть, хоть это им понравится... Хотя бы одно из того, что в нас заложено.

ГНУСНЫЙ МАКИНЧ

Слово «тайна» не имеет объективного смысла. Оно просто указывает на ограниченность ума. Ведь каждый ум можно классифицировать в порядке явлений, которые он считает таинственными... Когда тайна раскрыта и решение найдено, все восклицают: «Ну конечно, это же очевидно!» Замечу, очевидное — всегда и всем очевидно... Ординарный ум производит логическую инверсию — сначала тайна, потом ее решение. Это — логика наизуот: в действительности между тайной и решением существуют те же связи, что между пеной и пивом...

Магнус Рудольф

В Культурной миссии ему сказали:

— Его зовут Макинч; он — убийца. Это все, что мы знаем.

Магнус Рудольф отказался бы от этого дела, будь его банковский счет на обычном уровне. Но крах рекламного агентства — светящаяся реклама в межзвездной пустоте с помощью люминесцентных газов — вверг белобородого философа в положение, близкое к нищенскому.

Его первое впечатление от планеты Склеротто только усилило отвращение к предстоящей работе. Свет двух солнц — красного и голубого — вызывал раздражение. Ленивые воды океана, непроходимый хаос скал на берегу отнимали надежду даже на краткий отдых, а Склеротто-Сити, жалкий лабиринт из хижин и развалюх, не сулил никаких развлечений. И наконец, Клеммер Бозк, капеллан-директор Культурной миссии на Склеротто, встретил его без особого тепла. Более того, его, казалось, раздражал приезд Магнуса Рудольфа, будто тот проявил личную инициативу.

Они сели в старый дребезжащий автомобиль и добрались до здания миссии, венчавшего вершину голой скалы. Полумрак, царивший внутри, показался Магнусу Рудольфу раем после яркого света и уличной пыли.

Он извлек из кармана тщательно сложенный носовой платок, промокнул им лоб, изящный нос и ухоженную белую бородку. Затем вопросительно глянул на хозяина.

— Похоже, обилие света действует на меня раздражающе. Синее, красное... И потом — три разноцветные тени от каждого булыжника, от каждой былинки — это слишком.

— Я привык к этому, — безразлично ответил Клеммер Бозк, низенький человек с круглым, словно дыня, брюшком, которое выпирало из-под туники, и с розовым гладеньким личиком, как у китайского фарфорового болванчика, на котором голубели круглые глазенки и торчал мясистый короткий нос. — Я едва помню Землю.

— В туристическом справочнике, — сказал Магнус Рудольф, укладывая носовой платок в карман, — говорится о «стимулирующем и экзотическом» воздействии света. Следует думать, я не очень к нему восприимчив!

Бозк проворчал:

— Туристический справочник? Там расписано, что Склеротто-Сити — красочный, увлекательный городок, миниатюрный мирок, иллюстрирующий межпланетную демократию в действии. Тому, кто написал эту чушь, пожить бы здесь с мое!

Он пододвинул Магнусу Рудольфу плетеное кресло и налил в стакан ледяной воды. Магнус Рудольф устроился поудобнее, а Бозк буквально рухнул в кресло напротив.

— Итак, — осведомился Магнус Рудольф, — Макинч — кто это или что это?

Бозк горько усмехнулся.

— Именно это вы и должны выяснить.

Магнус лениво обвел комнату взглядом, раскурил сигару и промолчал.

— Все, что я узнал о Макинче за шесть лет, — продолжал Бозк, — можно пересказать в шесть секунд. Первое: он — хозяин всей этой навозной кучи. — Бозк ткнул пальцем в сторону города. — Второе: он — убийца,

подонок, который думает только о себе. Третье: никто, кроме самого Макинча, не знает, кто такой Макинч.

Магнус Рудольф поднялся, подошел к окну, отключил поляризацию и принялся разглядывать скопище крыш, которые дырявым разноцветным ковром стлались до самой Магнитной бухты. Его взгляд скользил по пилообразным вершинам с четкими контурами на фоне неба, затем возвращался к бухте, переходившей в океан, который не знал приливов и терялся в лиловатом тумане на горизонте.

— Мерзкое зрелище. Не понимаю, чем сюда можно завлечь туристов.

Бозк подошел к нему.

— Вы знаете, это действительно странный мир.— Он кивнул в сторону расстилавшихся внизу крыш.— Там, в этом лабиринте, живут представители самых разных разумных рас—эмигранты, беглецы и тому подобное. И как ни удивительно, они вполне приспособились к совместной жизни.

— Хм!—равнодушно буркнул Магнус Рудольф и спросил:— А этот Макинч—человек?

Бозк пожал плечами.

— Этого никто не знает. Тот, кому удастся что-нибудь разведать, немедленно умирает. Главная ставка дважды присылала первоклассных сыщиков. Оба внезапно скончались в самом центре города: один—рядом с экспортными складами, второй—в кабинете мэра.

Магнус Рудольф откашлялся.

— А... причина их смерти?

— Незвестная болезнь.—Бозк обвел взглядом лежащие внизу крыши, дороги и аркады.—Миссия старается держаться в стороне от местной политики, но в то же время, знакомя иноземцев с нашей земной культурой, мы рекламируем наш образ жизни. И иногда,—он кисло улыбнулся,—мы сталкиваемся с феноменом вроде Макинча.

— Естественно,—согласился Магнус Рудольф.—А какие формы принимают проступки Макинча?

— Коррупция,—ответил Бозк.—Самая обычная коррупция. Древняя, как мир, коррупция в лучших земных традициях. Я должен был бы вам сказать,—он снова кисло улыбнулся, глядя на Магнуса Рудольфа,—что Склеротто-Сити управляется законно избранным мэром и группой гражданской администрации. Имеются также казарма пожарных, почтовая служба, слу-

жба удаления отходов, полиция — вам вскоре предстоит с ними познакомиться!

Он хихикнул — его смех походил на скрежет ведра по каменному полу.

— По правде говоря, туристов привлекает то, как все эти существа выкручиваются, пытаюсь скопировать земной образ жизни.

Магнус Рудольф слегка наклонился вперед, его лоб прорезала глубокая складка.

— Здесь, как я вижу, ничто не выставляется напоказ — нет ни одного претенциозного здания, кроме того, что у бухты.

— Это отель для туристов «Пондишери хауз».

— Да-да. Ясно, — протянул Магнус Рудольф с отсутствующим видом. — Должен признаться, что на первый взгляд форма правления Склеротто-Сити выглядит довольно невероятно.

— Она достаточно рациональна, если вспомнить историю города, — возразил Бозк. — Лет пятьдесят назад здесь была основана колония компьютеронационалистов. Это единственное плоское место на планете. Понемногу — Склеротто лежит на границах Содружества, и здесь никто не задает нескромных вопросов — сорвиголовы со всех концов Галактики стеклись в этот городишко. Одни сумели выжить. Другие погибли.

Когда сюда прибывают неискушенные — а именно таковы туристы, — все поражает их воображение. Ступив первый раз на главную улицу, я подумал, что вижу кошмарный сон. Кнауши в бассейнах, стеножки с Портмара, жители тау Блинецов, армадиллы с Карнеги-12, желтые птицы, зиксы и даже альдебаранцы, не говоря уж о нескольких антропоидных расах. Как им удастся ужиться, не разорвав друг друга в клочья, — этот вопрос меня мучает до сих пор.

— Наверно, это трудность скорее видимая, чем истинная, — заметил Магнус Рудольф.

Бозк искоса посмотрел на него и поджал губы.

— Проживи вы здесь столь же долго, как я...

Он снова перевел взгляд на Склеротто-Сити.

— Эта пыль, этот запах, эта... — Он никак не мог подобрать нужного слова.

— Во всяком случае здесь живут лишь разумные существа, — заключил Магнус Рудольф. — Еще несколько вопросов. Первый. Каким образом Макинч получает мзду?

Бозк снова сел в кресло и откинулся на спинку.

— Похоже, он запускает руку прямо в муниципальную кассу. Муниципальные сборы поступают наличными, деньги приносят в мэрию, где они запираются в сейф. Макинч открывает сейф, когда считает нужным, берет сколько хочет и снова закрывает его.

— А что говорят на это граждане?

— Возмущение относится к разряду эмоций,— саркастически промолвил Бозк.— Бóльшая часть населения — негуманоиды, а потому лишены эмоций.

— Значит, возмущение испытывает только людская часть населения?

— Люди... они боятся.

Магнус Рудольф погладил бородку.

— Иными словами,— продолжил Бозк.— Весь импорт-экспорт проходит через руки муниципального кооператива. Там-то налоги и выдирают.

— Почему бы сейф не перенести в другое место? Почему не поставить возле него охрану?

— Предыдущий мэр попытался это сделать. Охранники были найдены мертвыми. Они скончались от неизвестной болезни.

— По всей видимости,— сказал Магнус Рудольф,— Макинч — один из муниципальных администраторов. Именно они подвержены наибольшему искушению.

— Совершенно согласен с вами. Но кто из них?

— Сколько их?

— Так... Почтарь — многоножка с Портмара. Брандмайор — человек; начальник полиции — с Сириуса-5; главный мусорщик... черт, забыл его имя. Уроженец планеты Оригэ-1012.

— Голеспод?

— Он самый. Единственный в городе. Затем директор муниципального склада, он же сборщик налогов — муравей с тау Блинецов и, наконец, последний, но отнюдь не самая мелкая сошка — мэр. Его зовут Жужу-Жижи. Так по крайней мере мои уши воспринимают эти звуки. Это — желтая птица.

— Ясенько...

Они помолчали.

— И что же вы обо всем этом думаете? — спросил Бозк.

— Задача состоит из ряда любопытных моментов,— милостиво снизошел Магнус Рудольф.— А пока я хотел бы прогуляться по городу.

Бозк посмотрел на часы:

— Когда вы будете готовы?

— Переоденусь — и сразу двинемся, если вы не возражаете.

— Еще одно, — угрюмо сказал Бозк. — Поймите меня правильно. В ту самую секунду, как вы зададите первый же вопрос о Макинче, ему это станет известно, и он постарается вас устранить.

— Культурная миссия платит мне достаточно, чтобы пойти на подобный риск, — заявил Магнус Рудольф. — Я, если можно так выразиться, рыцарь Апокалипсиса. Моя шпага — логика, мой щит — бдительность. А кроме того, я буду носить фильтр для дыхательных путей и поливать себя антисептиком.

Он любовно погладил свою бородку.

— Более того, предосторожности ради я возьму с собой портативный излучатель для уничтожения спор.

— Он говорит — рыцарь, скорее — черепаха! — пробормотал тихо Бозк. — Итак, когда вас ждать? — спросил он громко.

— Будьте любезны показать мне апартаменты, я буду в вашем распоряжении через полчаса.

— Это все, что осталось от основателей, — с угрюмо-торжествующим видом сказал Бозк.

Магнус Рудольф окинул взглядом запущенное, кубической формы здание. Вдоль стен протянулись пылевые дюны, дверной проем зиял провалом.

— А ведь это самое прочное здание Склеротто! — усмехнулся Бозк.

— Чудо, что Макинч не обосновался в нем! — заметил Магнус Рудольф.

— В настоящее время здесь находится муниципальная свалка. Кабинет главного мусорщика как раз позади. Это одна из туристических достопримечательностей. Кстати, вы здесь инкогнито?

— Нет, — ответил Магнус Рудольф. — Не думаю. К тому же не вижу необходимости прибегать к хитростям.

— Вольному воля. — Бозк выпрыгнул из машины. Он с саркастической улыбкой наблюдал, как Магнус Рудольф не спеша выбрался из автомобиля, затем надел ослепительно сверкавшую противосолнечную каску, фильтр и черные очки.

Они с трудом двинулись вперед, увязая в грязи, словно в сугробах, и поднимая синие и красные пылевые облака, которые сотнями оттенков переливались в лучах солнца.

Магнус Рудольф наклонил голову. Бозк усмехнулся.

— Запашок? А правильнее сказать — вонища!

— В самом деле, — кивнул Магнус Рудольф. — К кому мы идем?

— К самому главному мусорщику, к голесподу. Он не собирает отбросы — граждане сами доставляют их ему, его дело — поглощать.

Они обогнули бывшее здание церкви, и Магнус Рудольф увидел, что разрушенная задняя стена открывает доступ воздуху и свету, но в то же время предохраняет обитателя сих владений от прямых солнечных лучей. Здешний владыка, голеспод, оказался упругой громадиной, похожей на ската, но туловище его было помассивнее и потолще. Оно держалось на множестве коротеньких бесцветных ножек. Во лбу голеспода красовался невыразительный молочно-голубой глаз. Под глазом извивались гибкие щупальца. Существо лежало в болоте полужидкого гнилья — кухонных отбросов, рыбьих внутренностей и других органических отходов.

— Ему платят за уничтожение отбросов, — сказал Бозк. — А зарплату он целиком, если по отношению к нему можно так выразиться, кладет в карман, поскольку и столуется, и спит в одном и том же месте — здесь, на свалке.

Послышался ритмичный шелест шагов. Из-за угла древней каменной церкви показалось змееподобное существо, как бы подвешенное на тридцати членистых хитиновых лапках.

— Почтарь, — сообщил Бозк. — Многоножки прекрасно справляются с этой работой.

У нитеобразного существа было тускло поблескивающее медного цвета тело. На плоском личике гусеницы выступал небольшой ротовой клюв, обрамленный четырьмя угольно-черными глазами. Под брюхом болталась коробка с письмами и маленькими пакетиками. Почтарь схватил один из пакетов и пронзительно свистнул. Голеспод заворчал, приподнял переднюю часть тела и, откинув назад щупальца, открыл черное брюхо с огромным ртом.

Почтарь изловчился и забросил пакет прямо в пасть, а затем, равнодушно взглянув на Бозка и Маг-

нуса Рудольфа, изящно извернулся дугой и удалился. Голеспод всхрипнул, пискнул и еще глубже зарылся в гнилье, наблюдая за гостями, которые не спускали с него глаз.

— Он понимает человеческую речь? — спросил Магнус Рудольф.

Бозк кивнул.

— Не подходите слишком близко. У него бешеный характер.

Магнус Рудольф сделал несколько осторожных шагов и заглянул прямо в молочно-голубой глаз.

— Я пытаюсь идентифицировать преступника по имени Макинч. Можете ли вы мне помочь?

По телу голеспода прошла судорога, и откуда-то снизу донеслось яростное урчание. Глаз буквально вылез из орбиты. Бозк насторожился.

— Он предлагает вам обратиться подобра-поздорову, и поскорее.

Магнус Рудольф отмахнулся:

— Значит, вы не можете мне помочь?

Помоечник рассвирепел, отпрыгнул назад, поднял голову и выплюнул струю зловонной жидкости. Магнус Рудольф ловко отскочил в сторону, но несколько вонючих капель все же попало на тунику.

Бозк с ухмылкой следил, как он оттирает пятна носовым платком.

— Со временем отмоется, — успокоил он сыщика.

— Хм! — в тоне Магнуса Рудольфа чувствовалась неуверенность.

По колену в пыли они добрались до машины.

— Теперь я подвезу вас на экспортный склад, — сказал Бозк. — Он находится почти в центре города, а оттуда можно пройти пешком. Тогда вы лучше поймете, что представляет собой наш город.

По обеим сторонам улицы жались друг к другу хижины и лавчонки из сланца и высушенных водорослей. Перед ними ключом била жизнь. Чумазные детишки в лохмотьях играли с бесформенными антроподами Капеллы, юными армадиллами с Карнеги-12, с марсианскими лягушатами.

Сотни крохотных многоножек с Портмара сновали под ногами, словно ящерицы; большая их часть со временем погибнет от «руки» собственных родителей по причинам, которые люди даже не старались понять. Желтые птицы, похожие на страусов и покрытые

мягкой золотистой чешуей, небрежно шествовали среди толпы, задрав головы и вращая громадными глазами. Население Склеротто-Сити вышагивало, как на параде чудовищ, порожденных пьяным бредом алкоголика.

В лавочках по обе стороны улицы были выложены скромные товары — корзины, кастрюли и тысячи других домашних принадлежностей, употребление которых было ведомо лишь продавцу и покупателю. Кое-где продавалось то, что можно было назвать пищей: фрукты и консервы для людей, твердые коричневые капсулы для желтых птиц, красные червеподобные штуковины для альдебаранцев. То там, то тут встречались небольшие группы туристов, в основном землян, которые глазели по сторонам, болтали, жестикулировали, смеялись...

Боэк остановил машину рядом со строением из гофрированного металла, и они снова ступили на пыльную мостовую.

Склад гудел от негромкого бормотания. По нему бродили многочисленные туристы, они покупали безделушки — фигурки из камня, ткани с затейливым рисунком, жемчужинки, которые образовывались в брюхе кнаушей, духи из водорослей, статуэтки, крохотные шаровидные аквариумы с микроскопической линзой, которая позволяла рассмотреть морские пейзажи, населенные инфузориями, крохотными губками, кораллами, осьминогами, бесчисленными рыбками. В задней части склада высились горы тюков с самыми разными сухими водорослями, а также мешки с солями редких металлов.

— А вот и директор склада. — Боэк указал пальцем на муравья ростом в полчеловека, прочно стоящего на шести лапах. У существа были добрые собачьи глаза, серая шелковистая шерстка, довольно короткий и плотный торс.

— Вас представить? Он понимает человеческую речь и говорит сам. Мозг у него — как вычислительная машина.

Приняв молчание Магнуса Рудольфа за согласие, Боэк протиснулся к уроженцу тау Близнецов.

— Я не знаю, как вас и познакомить, — радостным тоном сообщил Боэк (Магнус Рудольф уже заметил, что его гид, словно в пальто, рядится в тогу приветливости при встрече с ответственными лицами города), — поскольку господин директор не имеет имени.

— На моей планете,— сказал муравей, однотонно гудя,— обитателей различают по частоте звуков, как вы это называете. Так звучит моя...

Из двух щек у основания головы послышалось верещание.

— Позвольте представить вам Магнуса Рудольфа, посланного сюда дирекцией миссии.

— Я пытаюсь идентифицировать преступника, известного под именем Макинч,— заговорил Магнус Рудольф.— Вы мне можете помочь?

— Сожалею,— тем же ровным тоном ответило насекомое.— Слышал это имя. Знаю о кражах. Не знаю, кто он.

Магнус Рудольф поклонился.

— Теперь я отведу вас к брандмайору,— сказал Бозк.

Вся одежда брандмайора, громадного голубоглазого негра с шевелюрой цвета старой бронзы, состояла из одних пунцовых шаровар. Бозк и Магнус Рудольф отыскивали его на каланче в районе центральной площади. Он приветственно кивнул Бозку.

— Джо, познакомся с моим другом с Земли,— начал Бозк.— Мистер Магнус Рудольф, представляю вам мистера Джо Бертрана, главу наших пожарников.

Брандмайор, не скрывая удивления, переводил взгляд с одного гостя на другого.

— Очень рад,— наконец вымолвил он, пожав протянутые руки.— Мне сдается, что я уже слышал ваше имя.

— У меня неординарное имя,— доверительно сообщил Магнус Рудольф,— но, думаю, в Содружестве встречаются и другие Рудольфы.

Бозк поглядывал на них, нервно переступая с ноги на ногу, потом вздохнул и отвел глаза в сторону.

— Но не очень-то много Магнусов Рудольфов! — воскликнул брандмайор.

— Весьма мало,— согласился гость.

— Смею также предположить, что вы ищете Макинча?

— Именно так. Вы можете мне помочь?

— Я ничего о нем не знаю. И не желаю слышать. Так полезнее для здоровья!

Магнус Рудольф покачал головой.

— Понятно. И все же благодарю вас.

Бозк ткнул пухлым пальцем в сторону высокого здания, возведенного из водорослевых панелей, укрепленных на каркасе из побелевших костей.

— Это — мэрия, — сказал он. — Мэр живет на самой верхотуре, где ему легче — ха! ха! — хранить муниципальные деньги.

— Каковы его функции? — спросил Магнус Рудольф, осторожно стряхивая пыль с туники.

— Он встречает корабли с туристами и разгуливает по городу в красной шапочке. Он же исполняет функции судьи, распоряжается муниципальными фондами и платит служащим. Лично я считаю, что у него маловато серого вещества, чтобы быть Макинчем.

— Мне хочется осмотреть сейф, с которым столь беззастенчиво обращается Макинч, — сказал Магнус Рудольф.

Они толкнули легкую скрипучую дверь и оказались в длинном низком зале. Старые, выдавшие виды стены проели ящерицы, и сквозь дыры внутрь проникали двухцветные лучи света, отчего пол казался испещренным синей и красной мозаикой. Массивный сейф, древний металлический короб с кнопчным замком, выступал из стены напротив.

Из отверстия в потолке выглянула плоская головка со смешным красным клювиком и длинная шея, покрытая желтыми чешуйками. На вошедших уставился пурпурный глаз. Вслед за шеей показалось стройное тело — птица мягко приземлилась на гибкие ноги.

— Здравствуйте, господин мэр, — сердечно проворковал Бозк. — Позвольте представить вам посланца Главной ставки мистера Рудольфа.

Затем он повернулся к Магнусу Рудольфу:

— Наш мэр, Жужу-Жижи.

— Восхищен, — пронзительно проверещал мэр. — Хотите получить мой автограф?

— Конечно, — ответил Магнус Рудольф. — Буду безмерно рад.

Мэр сунул голову между ногами и достал из набедренной сумки карточку с непонятными Магнусу Рудольфу письменами.

— Это — мое имя, начертанное знаками моей родной планеты. Грубо говоря, оно значит — «чарующая вибрация».

— Благодарю вас, — улыбнулся Магнус Рудольф. — Я сохраню это как сувенир из Склеротто.

Кстати, я прибыл сюда, чтобы арестовать существо, известное под именем Макинч.—Мэр издал пронзительный вопль и быстро взад-вперед закачал головой.—И полагаю, что вы можете оказать мне содействие.

Шея мэра описала в воздухе серию зигзагообразных движений.

— Нет, нет и нет! — тоненьким голоском сообщил он.— Я ничего не знаю, я — мэр.

Бозк поглядел на Магнуса Рудольфа, и тот кивнул.

— Ну что же, господин мэр, тогда мы покинем вас,—заспешил Бозк.—Я зашел, чтобы представить своего друга.

— Восхищен,—хрипло прокаркал мэр. Затем напрыгнул, подпрыгнул и исчез в отверстии в потолке.

Они прошли еще с сотню метров, щурясь от красного и синего света, и подошли к тюрьме, длинному барaku из сланца. Двери камер выходили прямо на улицу. За решетками виднелись печальная головка желтой птицы, безмятежное лицо антропоида с Капеллы и человека, который проводил взглядом Бозка и Магнуса Рудольфа, а потом лениво сплюнул, подняв фонтанчик пыли.

— Что они натворили? — поинтересовался Магнус Рудольф.

— Человек украл материал для крыши, желтая птица напала на юную стоножку с Портмара, а про капеллана ничего не знаю. Начальник полиции, тип с Сириуса-5, живет позади тюрьмы.

Кабинет начальника полиции был огромной палаткой из брезента, а сам начальник — чудовищных размеров амфибией в форме торпеды. Его плавники заканчивались длинной бахромой, черная кожа блестела, и от нее исходил неприятный сладковатый запах. Голову его, как корона, венчал ряд глубоко посаженных, круглых, словно жемчужины, глаз.

Когда Бозк и Магнус Рудольф, усталые, вспотевшие и грязные, завернули за угол барака, он, дрожа и покачиваясь, приподнялся на пружинистых плавниках и скрестил два из них на груди. Там, где находилась бахрома, появились слова — белые буквы на черном фоне.

— Здравствуйте, мистер Бозк. Здравствуйте, господин.

— Хэлло, Фриц! — ответил Бозк.— Я проходил мимо. Показываю другу город.

Амфибия уселась на корытообразное сиденье. Плавник коснулся груди, первая фраза исчезла, и появилась другая.

— Чем могу быть полезен?

— Я пытаюсь найти Макинча,— ответил Магнус Рудольф.— Вы мне можете помочь?

Плавники вздрогнули и тут же коснулись торса.

— Я ничего не знаю. Но окажу вам официальное содействие, когда понадобится.

Магнус Рудольф кивнул и медленно отвернулся.

— Я вас поставлю в известность, если что-нибудь разужнаю.

— А теперь,— сказал Бозк, откашлявшись, чтобы прочистить забитое пылью горло,— остается почта.— Он повернулся и посмотрел в сторону экспортных складов.— Думаю, мы быстрее доберемся пешком, чем на машине.

Магнус Рудольф поднял глаза к двум солнцам, сиявшим в аквамаринном небе.

— К вечеру не бывает свежее?

— Чуть-чуть,— ответил Бозк, решительно шагая вперед.— Надо вернуться в миссию до наступления сумерек. Мне всегда не по себе, когда наступает ночь. Особенно теперь, с этим Макинчем.

Он поджал губы.

Дорожка между развалюхами вывела их к морю. Вокруг кипела жизнь во всех ее формах. Через двери и окна можно было видеть неподвижные массивные фигуры, быстрые мятущиеся тени.

За землянами следили глаза дюжины невозмутимых скатов, до их ушей доносились неведомые звуки, их ноздри щекотали самые невероятные запахи.

Все вокруг покраснело—голубое солнце склонялось к горизонту. Когда они приблизились к почте, лачуге из сланца, прилепившейся к зданию космопорта, оно зашло.

Если Магнус Рудольф рассчитывал, что почтарь, многоножка с Портмара, проявит энтузиазм по поводу его миссии, то он был разочарован. Они застали служителя связи за разбором почты—стоя на половине ножек, второй половиной он раскладывал письма по ящикам.

Пока Бозк представлял ему Магнуса Рудольфа, почтарь приостановил разбор корреспонденции и впе-

рил в детектива ничего не выражающий взгляд (Магнус Рудольф уже начал привыкать к этому), затем на прямой вопрос гостя сообщил, что по поводу личности Макинча не знает ничего.

Магнус Рудольф кинул взгляд на Бозка и сказал:

— Извините меня, мистер Бозк, но я хотел бы задать господину почтарю парочку конфиденциальных вопросов.

— Пожалуйста.— Бозк отошел в сторону.

Магнус Рудольф освободился через несколько минут.

— Мне хотелось знать, какую корреспонденцию получают муниципальные служащие и не подметил ли он что-нибудь необычное, что могло бы мне помочь в поисках.

— Он оказал вам помощь?

— Еще бы.

Они прошли вдоль набережной, где на якорях стояли громадные баржи с водорослями, затем вернулись к экспортному складу. Когда они добрались до машины, красное солнце висело совсем низко. Кровавый свет рядил город в пурпурные одежды, скрадывая нищету и грязь. Всю дорогу до миссии они не перекинулись ни словом.

Когда они вылезли из машины, Магнус Рудольф повернулся к Бозку.

— У вас есть микроскоп?

— Целых три,— сухо ответил Бозк.— Оптический, электронный и гамма-бета.

— Дайте мне один из них на сегодняшний вечер,— попросил Магнус Рудольф.

— Пожалуйста.

— Думаю, завтра мы решим это дело тем или иным способом.

Бозк с любопытством глянул на гостя.

— Вы знаете, кто Макинч?

— Это стало мне очевидным почти сразу же,— ответил Магнус Рудольф,— ведь я все же располагаю некоторыми знаниями.

Бозк сжал челюсти.

— Будь я на вашем месте, я непременно запер бы свою дверь на ночь. Кто бы он ни был, ясно одно: Макинч — убийца,— процедил он.

Магнус Рудольф согласно кивнул.

— Думаю, вы правы.

В этот период года ночи в Склеротто были длинными — целых четырнадцать часов, а потому Магнус Рудольф встал, принял ванну и облачился в чистенькую бело-голубую тунику еще до зари.

Из окон гостиной он долго любовался ярко-синим сиянием, разлившимся по всему небосводу и предвосхищавшим восход солнца.

Сзади слышались шаги, он обернулся и увидел Клеммера Бозка, который, склонив голову набок, глядел на него. Его голубые глаза сверкали от любопытства.

— Как спалось? — приветствовал его Бозк.

— Отлично, — ответил Магнус Рудольф. — Надеюсь, вы тоже неплохо выспались.

Бозк проворчал что-то нечленораздельное, а потом добавил:

— Вы готовы завтракать?

— Давным-давно, — кивнул Магнус Рудольф и последовал за хозяином в столовую. Бозк велел единственной служанке миссии принести завтрак.

Во время еды оба молчали. Синий цвет зари становился все ярче. Выпив кофе, Магнус Рудольф откинулся на спинку кресла и раскурил сигару.

— Вы по-прежнему считаете, что закончите дело сегодня? — спросил Бозк.

— Да, — не замедлил ответить Магнус Рудольф. — Думаю, это вполне возможно.

— Вы знаете, кто Макинч?..

— Без тени сомнения.

— И вы можете это доказать?

Магнус Рудольф выпустил колечко дыма, которое поплыло вверх, сверкая в первых лучах сапфирового солнца.

— В какой-то мере да.

— Вы не очень уверены в себе.

— Видите ли, у меня зреет замысел, как покончить с делом побыстрее.

— Ах так! — Бозк не скрывал сарказма, постукивая пальцами по столу.

— Мне хотелось бы, чтобы мэр... этот, как его... Жужу? Собрал сегодня во второй половине дня совет. В мэрии. Там мы и обсудим дело Макинча.

По дороге в мэрию Бозк заявил:

— Все это пахнет дешевой мелодрамой.

— Возможно, возможно,— загадочно откликнулся Магнус Рудольф.— А может быть, и драмой.

Бозк схватил его за руку.

— Вы уверены?..

— Ни в чем нельзя быть уверенным абсолютно,— философски промолвил Магнус Рудольф.— Даже во вращении этой планеты вокруг своей оси. А самым непредсказуемым явлением, по моим наблюдениям, является продолжительность жизни.

Бозк замолчал и уставился куда-то вдаль.

Они вошли в мэрию, постояли несколько минут в прихожей, давая глазам привыкнуть к полумраку. Вскоре стали различимы по сторонам предметы, испещренные красными и синими солнечными зайчиками.

— Мусорщик уже здесь,— пробормотал Магнус Рудольф, поднося руку к носу.— Я ощущаю его присутствие.

Они вошли в центральный зал. Мэр в красной шапочке набекрень торжественно расхаживал по кругу, образованному мусорщиком-голесподом, почтарем-многоножкой, пожарником Джо Бертраном, директором склада—уроженцем тау Близнецов и начальником полиции—черной амфибией.

— Господа,— начал Магнус Рудольф,— я недолго задержу вас. Как известно, я провел следствие по поводу существа, известного под именем Макинч.

Аудитория зашевелилась, и по залу разнесся шум—зашуршали, поблескивая, лапки многоножки-почтаря, на эластичной коже начальника полиции заиграли желваки, хрустнула шея мэра. Приглушенно зашвистел скат-голеспод, закашлялся негр-пожарник.

Директор склада, муравей с тау Близнецов, взял слово и произнес своим бесцветным голосом:

— Почему мы здесь собрались? Изложите ваши намерения яснее.

Магнус Рудольф безмятежно погладил бородку и по очереди оглядел каждое существо.

— Я установил личность Макинча. Подсчитал, во сколько он обходится ежедневно Склеротто. И могу доказать, что это существо — убийца, во всяком случае оно пыталось убить меня. Да-да, меня, Магнуса Рудольфа!—Магнус Рудольф говорил с необычайной торжественностью.

Снова началось движение, послышались самые разные звуки, словно каждое существо стремилось уйти в тайники собственного тела.

Магнус Рудольф продолжил:

— Поскольку вы представляете местную власть, мне хотелось бы выслушать ваше мнение о том, что мне надлежит делать далее. Господин мэ́р, у вас есть какие-либо предложения?

Желтая птица яростно закрутила шеей и издала ряд пронзительных неразборчивых звуков. Затем ее голова застыла, и пурпурный глаз с хитрым блеском воззрился на Магнуса Рудольфа.

— Макинч может всех нас убить!

Боэк прочистил глотку и нехотя проворчал:

— Вы полагаете, что поступили здраво, собрав...

Пожарник Джо Бертран прервал его:

— Мне эта киношка надоела! У нас есть тюрьма. У нас есть уголовный кодекс. Осудим его за проступки. Если он вор, засадим его в тюрюгу. Если убийца и его можно подвергнуть ментальной хирургии, сделаем ему операцию. Ежели нет, казним!

Магнус Рудольф кивнул.

— Я могу доказать, что Макинч — вор. Несколько лет тюрьмы — хорошее наказание. У вас есть чистенькая тюрьма со спороубивающими фильтрами, обязательными гигиеническими ваннами и свежей пищей...

— Почему вас так заботит гигиена тюрьмы? — подозрительно осведомился директор склада.

— Потому что туда посадят Макинча, — торжественно возвестил Магнус Рудольф. — Его вакцинируют и иммунизируют, он будет жить в совершенно стерильных условиях. Именно от этого Макинч будет испытывать такие муки, по сравнению с которыми смерть — ничто. А теперь...

Он обвел взглядом присутствующих, застывших в немом любопытстве.

— Так кто же Макинч?

В этот момент вскинулся мусорщик. Он принял почти вертикальное положение, открыв бледное брюхо и двойной ряд бесцветных коротеньких ножек. Его тело свела судорога, оно выгнулось назад.

— Пригнитесь! — закричал Боэк, когда голеспод стал выплевывать во все стороны липкие струи жидкости.

Из утробы мусорщика донеслось раскатистое урчание.

— Теперь они все умрут, все...

— Тихо! — сухо проговорил Магнус Рудольф. — Тихо, всем молчать! Прощу вас, господин мэ́р!

Испуганные крики желтой птицы стали тише.

— Вы все вне опасности,— продолжал Магнус Рудольф, хладнокровно вытирая лицо и не сводя глаз со вздыбившегося голеспода.— Ультразвуковой вибратор под полом, облучатель Гехтмана под потолком. Они заработали, как только мы вошли в этот зал. Бактерии яда Макинча погибли, как только вылетели из его глотки, если не раньше.

Голеспод присвистнул, рухнул на пол и засеменял прямо к двери—его ножки работали как поршни. Начальник полиции, словно морская черепаха, ныряющая в волны, бросился вперед и рухнул прямо на плоскую дрожащую спину голеспода. Его плавники впились в плоть беглеца. Голеспод взвыл, перевернулся на спину, охватил амфибию ножками и напрягся. Джо Бертран подскочил к сцепившимся и ткнул кулаком в голубой глаз. Многоножка с Портмара оказался в самой гуще схватки и своими лапками стал одну за другой разжимать лапки голеспода, спасая задыхающегося начальника полиции. Мэр прыгнул в потолочное отверстие и тут же вернулся, размахивая топориком...

Бозк, покачиваясь, доковылял до машины. Магнус Рудольф выбросил бело-голубую тунику в канаву и пошел к нему.

Бозк судорожно сжимал руль, на нем не было лица.

— Они разорвали его в клочья,— прошептал он.

— Весьма унижительный спектакль.— Магнус Рудольф ощупывал бородку.— Гнусное дельце, иначе не скажешь.

Бозк укоризненно посмотрел на него.

— Никогда не поверю, что вы не предусмотрели такого исхода!

— Дружище, неплохо вернуться домой и принять ванну,— тихо ответил Магнус Рудольф.— Думаю, чистые одежды позволят нам оценить происшедшее в истинном свете.

За обедом напротив Магнуса Рудольфа восседал совершенно иной Клеммер Бозк. Он едва замечал, что лежит у него на тарелке. Магнус Рудольф ел деликатно, однако не отказывал себе ни в чем. На нем снова была безупречно чистая одежда, его ухоженная борода белым руном струилась по тунике.

— Но как,— пробормотал Бозк,— как вы узнали, что Макинчем был мусорщик?

— Все очень просто.— Магнус Рудольф небрежно взмахнул вилкой.— Безупречная логическая цепочка. Теория и немного справочного материала...

— Да-да,— буркнул себе под нос Бозк,— чуть логики, чуть ума...

Губы Магнуса Рудольфа едва приметно дрогнули.

— Если говорить конкретно, моя мысль шла следующим путем. Макинч занимается коррупцией, ворует, похищает значительные суммы денег. Что он делает с добычей? Ничего такого, что могло бы быть заметно постороннему взгляду, иначе он сразу же обнаружит себя. Исходя из того, что Макинч тратил все свои деньги или часть их — предположение, которое вскоре превратилось в уверенность,— я оценил каждого из муниципальных служащих, логически бывших на подозрении, с точки зрения существа его расы.

Взять Джо Бертрانا, пожарника. По вышеуказанным соображениям он чист как стеклышко, поскольку живет скромно и без трат.

Теперь мэр. В чем суть удовольствия для желтой птицы? Я узнал, что у желтых птиц понятие удовольствия связано с неким цветком, запах которого их одурманивает и возбуждает. Ничего подобного в Склеротто нет. Мэр ведет скромный образ жизни.

Затем директор склада, муравей с тау Близнецов. Запросы этих существ очень невелики. Слова «роскошь» и «отдых» не имеют даже эквивалентов в их языке. Именно поэтому я был готов оставить его вне подозрений. Но узнал от почтаря, что тот покупает ежемесячно некоторое количество книг — это его единственная слабость. Однако стоимость этих книг вполне укладывается в рамки его оклада. На время я отбросил мысль о муравье.

Начальник полиции — случай особый. Это — амфибия, привыкшая к образу жизни моллюска. На его родной планете повышенная влажность, она покрыта болотами. Можно считать чудом, что он еще остается в живых здесь, на Склеротто.

Заинтересовал меня и почтарь, многоножка с Портмара. Его понятие роскоши — огромный бассейн горячего масла и крохотные зверьки, выдрессированные для массажа кожи, после которого она становится песочно-желтой. Кожа почтаря имеет кирпично-крас-

ный цвет и покрыта наростами — несомненный признак бедности и равнодушия к туалету.

И наконец мусорщик. Человеческая реакция на его образ жизни — отвращение и презрение. Мы не можем заставить себя поверить в то, что копающееся в отбросах существо наделено тончайшими ощущениями. Однако мне известно, что голесподы с успехом поддерживают весьма хрупкое и тонкое внутреннее равновесие. Они поглощают органические вещества, которые подвергают брожению в ряде своих желудков, используя различные бактерии. Таким образом они получают спирты, окисление которых снабжает их энергией.

Главное в том, что для голесподов состав и качество органического сырья не имеет никакого значения: это могут быть бытовые отходы, продукты разложения белка, трупы. В дело идет все, все годится. Они получают удовольствие не от того, что поглощают, а от выработанных организмом веществ, но здесь особую и весьма важную роль играет микрофлора в их желудках.

За тысячелетия голесподы стали первоклассными бактериологами. Они выделили миллионы различных типов бактерий, вывели новые виды, каждый из которых создает свое, ни на что не похожее чувственное ощущение. Самые ценные виды культивировать трудно, отсюда их цена.

Когда я узнал все это, то понял, что мусорщик и есть Макинч. Он считал себя весьма удачливым дельцом: с одной стороны, он буквально купался в неограниченном количестве органических веществ, с другой — он мог себе позволить приобретение смесей самых редкостных и самых дорогих бактерий.

Почтарь сообщил мне, что голеспод получал с каждым кораблем, прибывающим в Склеротто, небольшой пакетик — бактерии родной планеты, а некоторые из них стоили баснословно дорого.

Магнус Рудольф откинулся в кресле и пригубил кофе, глядя поверх чашки на бледного хозяина. Боек нервно передернулся.

— А как он убил двух сыщиков? — спросил он. — Вы ведь сказали, что он пытался сделать это и с вами.

— Помните, он плюнул в меня? Вернувшись в миссию, я рассмотрел пятно под микроскопом. Это был толстый слой мертвых бактерий. Я не смог определить их вид. К счастью, мои предосторожности не были

излишними.— Он отпил глоток кофе и затянулся сигарой.— Теперь по поводу гонорара. Надеюсь, вы получили инструкции?

Бозк тяжело встал, направился к столу и вернулся с чеком.

— Благодарю вас.— Магнус Рудольф бросил беглый взгляд на сумму, спрятал чек и задумался, постукивая пальцами по столу.— Итак, Склеротто-Сити остался без мусорщика...

— И никаких шансов отыскать нового,— нахмурился Бозк.— В городе будет вонять пуще прежнего.

Магнус Рудольф любовно поглаживал бородку, устремив взгляд вдаль.

— Нет... Доходы едва соизмеримы с усилиями...

— Что вы хотите сказать? — Бозк округлил глаза от удивления.

Магнус Рудольф вышел из задумчивости и холодно посмотрел на грызущего ногти Бозка.

— Ваши затруднения заставили меня пораскинуть мозгами.

— И что же?

— Чтобы заработать деньги,— наставительно сказал Магнус Рудольф,— следует предложить нечто такое, что покупатель согласен оплатить. Очевидная истина, не так ли? Но не все так просто. Очень многие заняты тем, что продают совершенно бесполезные предметы и услуги. Поэтому и преуспевают не часто.

— Вы правы,— согласился Бозк.— Но какая здесь связь со сбором мусора? Вы претендуете на это место? Если да, могу замолвить за вас словечко.

Магнус Рудольф посмотрел на него с укоризной.

— Просто я подумал, что Ориге-1012 кишит голесподами, каждый из которых готов купить привилегию на занятие этой работой.— Он вздохнул и покачал головой.— Доходы от разового найма не стоят даже усилий, а вот помещение капитала в создание мусорной службы в рамках всего Содружества может принести немалые барыши!

КОСА

И вдруг дорога кончилась. Самая обычная дорога, она сбегала себе в долину, как ей положено, — меж голых каменистых склонов и зеленых дубов, а затем вдоль бескрайнего пшеничного поля, одиноко раскинувшегося под солнцем. Она поднималась к маленькому белому дому, который стоял на краю поля, и тут просто-напросто исчезала, как будто сделала свое дело и теперь в ней не было больше надобности.

Все это, впрочем, было не так уж и важно, потому что как раз здесь иссякли последние капли бензина. Дрю Эриксон нажал на тормоз, остановил ветхий автомобиль и остался сидеть в нем, молчаливо разглядывая свои большие грубые руки — руки фермера.

Не меняя положения, Молли заговорила из своего уголка, где прикорнула у него под боком:

— Мы, верно, не туда свернули на распустье.

Дрю кивнул.

Губы Молли были такими же бесцветными, как и лицо. Но на влажной от пота коже они выделялись сухой полоской. Голос у нее был ровный, невыразительный.

— Дрю, — сказала она, — Дрю, что же нам теперь делать?

Дрю разглядывал свои руки. Руки фермера, из которых сухой, вечно голодный ветер, что никогда не может насытиться доброй, плодородной землей, выдул ферму.

Дети, спавшие сзади, проснулись и выкарабкались из пыльного беспорядка узлов, перин, одеял и подушек. Их головы появились над спинкой сиденья.

— Почему мы остановились, пап? Мы сейчас будем есть, да? Пап, мы ужас как хотим есть. Нам можно сейчас поесть, папа, можно, а?

Дрю закрыл глаза. Ему было противно глядеть на свои руки.

Пальцы Молли легли на его запястье. Очень легко, очень мягко.

— Дрю, может, в этом доме для нас найдут что-нибудь поесть?

У него побелели губы.

— Милостыню, значит, просить? — отрезал он. — До сих пор никто из нас никогда не побирался. И не будет.

Молли сжала ему руку. Он повернулся и поглядел ей в глаза. Он увидел, как смотрят на него Сюзи и маленький Дрю. У него медленно обмякли мускулы, лицо опало, сделалось пустым и каким-то бесформенным — как вещь, которую колошматили слишком крепко и слишком долго. Он вылез из машины и неуверенно, словно был нездоров или плохо видел, пошел по дорожке к дому.

Дверь стояла незапертой. Дрю постучал три раза. Внутри было тихо, и белая оконная занавеска подрагивала в тяжелом раскаленном воздухе.

Он понял это еще на пороге — понял, что в доме смерть. То была тишина смерти.

Он прошел через небольшую прихожую и маленькую чистую гостиную. Он ни о чем не думал: просто не мог. Он искал кухню чутьем, как животное.

И тогда, заглянув в открытую дверь, он увидел тело.

Старик лежал на чистой белой постели. Он умер не так давно: его лицо еще не утратило светлой умиротворенности последнего покоя. Он, наверное, знал, что умирает, потому что на нем был воскресный костюм — старая черная пара, опрятная и выглаженная, и чистая белая рубашка с черным галстуком.

У кровати, прислоненная к стене, стояла коса. В руках старика был зажат свежий пшеничный колос. Спелый колос, золотой и тяжелый.

Дрю на цыпочках вошел в спальню. Его пробрал холодок. Он стянул пропыленную мятую шляпу и остановился возле кровати, глядя на старика.

На подушке в изголовье лежала бумага. Должно быть, для того, чтобы кто-то ее прочел. Скорее всего просьба похоронить или вызвать родственников. Наморщив лоб, Дрю принялся читать, шевеля бледными, пересохшими губами.

«Тому, кто стоит у моего смертного ложа.

Будучи в здравом рассудке и твердой памяти и не имея, согласно условию, никого в целом мире, я, Джон Бур, передаю и завещаю эту ферму со всем к ней относящимся первому пришедшему сюда человеку независимо от его имени и происхождения. Ферма и пшеничное поле—его; а также коса и обязанности, ею предопределяемые. Пусть он берет все это свободно и с чистой совестью—и помнит, что я, Джон Бур, только передаю, но не предопределяю. К чему приложил руку и печать 3-го дня апреля месяца 1938 года. Подписано: Джон Бур. Kyrie eleison!» *

Дрю прошел назад через весь дом и остановился в дверях.

— Молли,—позвал он,—иди-ка сюда! А вы, дети, сидите в машине.

Молли вошла. Он повел ее в спальню. Она прочитала завещание, посмотрела на косу, на пшеничное поле, волнующееся за окном под горячим ветром. Ее бледное лицо посуровело, она прикусила губу и прижалась к мужу.

— Все это слишком хорошо, чтобы можно было поверить. Наверняка здесь что-то не так.

Дрю сказал:

— Нам повезло, только и всего. У нас будет работа, будет еда, будет крыша над головой—спасаться от непогоды.

Он дотронулся до косы. Она мерцала, как полумесяц. На лезвии были выбиты слова: «Мой хозяин—хозяин мира». Тогда они ему еще ничего не говорили.

— Дрю, зачем,—спросила Молли, не отводя глаз от сведенных в кулак пальцев старика,—зачем он так крепко вцепился в этот колос?

Но тут дети подняли на крыльце возню, нарушив гнетущее молчание. У Молли подступил комок к горлу.

Они остались жить в доме. Они похоронили старика на холме и прочитали над ним молитву, а затем спустились вниз, и прибрали в комнатах, и разгрузили машину, и поели, потому что на кухне было вдоволь

---

* Господи, помилуй! (Греч.)

еды; и первые три дня они ничего не делали, только приводили в порядок дом, и смотрели на поле, и спали в удобных, мягких постелях. Они удивленно глядели друг на друга и не могли понять, что же это такое происходит: едят они теперь каждый день, а для Дрю нашлись даже сигары, так что каждый день он выкуривает по одной перед сном.

За домом стоял небольшой коровник, а в нем — бык и три коровы; еще они обнаружили родник под большими деревьями, что давали прохладу. Над родником была сооружена кладовка, где хранились запасы говядины, бекона, свинины и баранины. Семья человек в двадцать могла бы кормиться этим год, два, а то и все три. Там стояли еще маслобойка, ларь с сырами и большие металлические бидоны для молока.

На четвертый день Дрю Эриксон проснулся рано утром и посмотрел на косу. Он знал, что ему пора приниматься за дело, потому что пшеница в бескрайнем поле давно поспела. Он видел это собственными глазами и не собирался отлынивать от работы. Хватит, он и так пробездельничал целых три дня. Как только повеяло свежим рассветным холодком, он поднялся, взял косу и, закинув ее на плечо, отправился в поле. Он поудобнее взялся за рукоять, опустил косу, размахнулся...

Поле было очень большое. Слишком большое, чтобы с ним мог управиться один человек. И однако же, до Дрю с ним управлялся один человек.

После первого дня работы он вернулся домой, спокойно неся косу на плече, но лицо у него было озадаченное. Ему никогда не приходилось иметь дело с таким странным пшеничным полем. Пшеница поспевала на нем отдельными участками, каждый сам по себе. Не положено пшенице так вести себя. Молли он об этом не сказал. Он не сказал ей про поле и всего остального. Того, например, что пшеница начинает гнить уже через пару часов после того, как ее сожнешь. Такого пшенице тоже делать не положено. Впрочем, все это мало его беспокоило: еды и без того было вдоволь.

Наутро пшеница, которую накануне он оставил гнить на земле, лопнула, пустила крохотные корешки и дала маленькие зеленые побеги — она родилась заново.

Дрю Эриксон поскреб подбородок. Ему очень хотелось знать, почему, зачем и как все это выходит и ка-

кой ему от этого прок, если он не может ее продать. Днем он раза два поднимался на холм, к могиле, в тайной надежде узнать там что-нибудь про поле. Он глядел сверху и видел, как много земли ему принадлежит. Поле простиралось на три мили по направлению к горам и было около двух миль шириной. На одних участках пшеница пускала ростки, на других стояла золотой, на третьих была еще зеленая, а на четвертых лежала, только что сжатая его рукой. Но старик так ничего ему и не сказал, ведь он лежал теперь глубоко, под грудой камней. Могила была погружена в свет, ветер и тишину. И Дрю Эриксон отправился назад в поле, чтобы, снedaемый любопытством, снова взяться за косу. Работа доставляла ему удовольствие: она казалась нужной. Он бы не ответил, почему именно, но так ему казалось. Очень, очень нужной.

Он просто не мог позволить пшенице остаться небранной. Каждый день поспевал новый участок, и, прикинув вслух, ни к кому, собственно, не обращаясь, он произнес:

— Если десять лет кряду жать пшеницу, как только она поспевает, то и тогда мне, пожалуй, не выйдет дважды работать на одном и том же участке. Такое большое поле, будь оно неладно.— Он покачал головой.— И вызревает пшеница как-то хитро. Ровнехонько столько, чтобы я за день сумел управиться со спелым участком и оставить одну зелень. А наутро как пить дать уже новый участок готов...

Жать пшеницу, когда она тут же превращалась в гнилье, было до обидного бестолковым делом. В конце недели он решил несколько дней не ходить в поле.

Он пролежал в постели дольше обычного, прислушиваясь к тишине в доме, и эта тишина вовсе не походила на тишину смерти. Такая тишина могла быть только там, где живут хорошо и счастливо.

Он встал, оделся и не торопясь позавтракал. Он не собирался идти работать. Он вышел, чтобы подоить коров, выкурил на крыльце сигарку, послонялся по двору, а потом вернулся в дом и спросил у Молли, зачем это он выходил.

— Подоить коров,— сказала она.

— Ну конечно,— сказал он и снова пошел во двор.

Коровы уже ждали, когда их подоят, и он подоил

их, а бидоны поставил в кладовку, что над родником, но в мыслях у него было совсем другое. Пшеница. Коса.

Все утро он просидел на заднем крыльце, скручивая сигарки. Он сделал игрушечную лодку для малыша и еще одну для Сюзи, потом сбил немного масла и слил пахтанье, но голова у него разламывалась от одной сверлящей мысли. Когда пришло время полдничать, ему не хотелось есть. Он все смотрел на пшеницу, как она склоняется, волнуется и ходит рябью под ветром. Руки непроизвольно сгибались, пальцы сжимали воображаемую рукоять и ныли, когда он вновь сидел на крыльце, положив ладони на колени. Подушечки пальцев зудели и горели. Он встал, вытер ладони о штаны, сел, попытался свернуть еще одну сигарку, но ничего не вышло, и он, чертыхнувшись, отбросил табак и бумагу. Он чувствовал себя так, словно у него отрезали третью руку или укоротили две настоящих.

Он слышал, как в поле колосья шепчутся с ветром.

До часу дня он слонялся во дворе и по дому, прикидывал, не выкопать ли оросительную канаву, но на самом деле все время думал о пшенице — какая она спелая и как она ждет, чтобы ее убрали.

— Да пропади она пропадом!

Он решительно направился в спальню и снял косу со стены, где она висела на деревянных кольшках. Постоял, сжимая ее в руках. Теперь ему стало спокойно. Ладони перестали зудеть, голова уже не болела. Ему возвратили третью руку, и он снова был самим собой.

Это превратилось в инстинкт. Такой же загадочный, как молния, что бьет, но боли не причиняет. Он должен жать каждый день. Пшеницу необходимо жать. Почему? Необходимо — и все тут. Он засмеялся, чувствуя рукоять косы в своих могучих руках. Затем, насвистывая, отправился в поле, где его ждала созревшая пшеница, и сделал то, что требовалось. Он подумал, что немного свихнулся. Черт возьми, ведь в этом пшеничном поле нет ничего необычного, правда? Почти ничего.

Дни бежали с размеренностью послушных лошадок.

Работа стала для Дрю Эриксона сухой болью, голодом и жизненной необходимостью. Он начал кое о чем догадываться.

Однажды Сюзи и малыш с радостным смехом добрались до косы и принялись с ней играть, пока отец завтракал на кухне. Он услышал их возню, вышел и отобрал косу. Кричать он на них не кричал, однако вид у него при этом был очень встревоженный. После этого он запирал косу всякий раз, как возвращался с поля.

Он выходил косить каждое утро, не пропуская ни дня.

Вверх. Вниз. Вверх, вниз и в сторону. И снова — вверх, вниз и в сторону. Он резал пшеницу. Вверх. Вниз.

Вверх.

Думай о старике и о колосе в его руках.

Вниз.

Думай о бесплодной земле, на которой растет пшеница.

Вверх.

Думай о том, как она растет, как непонятно чередуются спелые и зеленые участки.

Вниз.

Думай о...

Высокой желтой волной легла под ноги подкошенная пшеница. Небо сделалось черным. Дрю Эриксон выронил косу и согнулся, прижав к животу руки. В глазах стояла тьма, все вокруг бешено завертелось.

— Я кого-то убил! — выдохнул он, давясь и хватаясь за грудь. Он упал на колени рядом с лезвием. — Сколько же это я людей порешил...

Небо кружилось, как голубая карусель на сельской ярмарке в Канзасе. Но без музыки. Только в ушах стоял звон.

Молли сидела за синим кухонным столом и чистила картошку, когда он вошел, спотыкаясь, волоча за собой косу.

— Молли!

Он плохо видел ее: в глазах стояли слезы.

Молли сложила руки и тихо ждала, когда он соберется с силами рассказать ей, что случилось.

— Собирай вещи, — приказал Дрю, глядя в пол.

— Зачем?

— Мы уезжаем, — сказал он тусклым голосом.

— Уезжаем? — спросила она.

— Тот старик. Знаешь, что он здесь делал? Это все пшеница, Молли, и коса. Каждый раз, когда загоняешь косу в пшеницу, умирает тысяча людей. Ты подрезаешь их и...

Молли поднялась, положила нож и отодвинула картошку в сторону. В голосе ее звучало понимание.

— Мы долго ездили и мало ели, пока не попали сюда в прошлом месяце, а ты каждый день работал и устал...

— Я слышу голоса, грустные голоса там, в поле. В пшенице,— сказал он.— Они шепчут, чтобы я перестал. Просят не убивать их.

— Дрю!

Он не слышал ее.

— Пшеница растет по-дурному, по-дикому, словно она свихнулась. Я тебе не говорил. Но с ней что-то недоброе.

Она внимательно на него посмотрела. Его глаза глядели без мысли, как синие стекляшки.

— Думаешь, я тронулся?— спросил он.— Погоди, это еще не все. О господи, Молли, помоги мне: я только что убил свою мать!

— Перестань!— твердо сказала она.

— Я срезал колос и убил ее. Я почувствовал, что она умирает. Вот как я понял...

— Дрю!— Ее голос, злой и испуганный, хлестнул его по лицу.— Замолчи!

— Ох, Молли,— пробормотал он.

Он разжал пальцы, и коса со звоном упала на пол. Она подняла ее и грубо сунула в угол.

— Десять лет я живу с тобой,— сказала она.— На обед у нас частенько бывали одна только пыль да молитвы. И вот привалило такое счастье, а ты не можешь с ним справиться!

Она принесла из гостиной Библию и начала листать книгу. Страницы шелестели, как колосья под тихим ветром.

— Садись и слушай,— сказала она.

Снаружи донесся смех — дети играли у дома в тени огромного дуба.

Она читала, время от времени поднимая глаза, чтобы следить за выражением его лица.

После этого она каждый день читала ему из Библии. А в среду через неделю Дрю отправился в город на почту — узнать, нет ли для него чего в окошке «До востребования». Его ждало письмо.

Домой он вернулся постаревшим лет на двести.

Он протянул Молли письмо и бесстрастным срывающимся голосом рассказал его содержание:

— Мать умерла... в час дня во вторник... от сердца...

Он ничего не добавил, сказал только:

— Отведи детей в машину и собери еды на дорогу. Мы уезжаем в Калифорнию.

— Дрю...— сказала Молли, не выпуская письма из рук.

— Ты сама знаешь,— сказал он,— что на этой земле пшеница должна родиться худо. А посмотри, какой она вырастает. Я тебе еще не все рассказал. Она поспевает участками, каждый день понемногу. Нехорошо это. Когда я срезаю ее, она гниет! А уже на другое утро дает ростки, снова начинает расти. На той неделе, когда я во вторник жал хлеб, я все равно что себя по телу полоснул. Услышал—кто-то вскрикнул. Совсем как... А сегодня вот письмо.

— Мы остаемся здесь,— сказала она.

— Молли!

— Мы остаемся здесь, где у нас есть верный кусок хлеба и кров, где мы наверняка проживем по-человечески, и проживем долго. Я не собираюсь больше морить детей голодом, слышишь? Ни за что!

За окнами голубело небо. Солнце заглянуло в комнату. Спокойное лицо Молли одной стороной было в тени, но освещенный глаз блеснул яркой синевой. Четыре или пять капель успели медленно набежать на кончике кухонного крана, вырасти, переливаясь на солнце, и оборваться, прежде чем Дрю вздохнул. Вздохнул глубоко, безнадежно, устало. Он кивнул, не поднимая глаз.

— Хорошо,— сказал он.— Мы остаемся.

Он нерешительно поднял косу. На металле лезвия неожиданно ярко вспыхнули слова: «Мой хозяин—хозяин мира!»

— Мы остаемся...

Утром он пошел проведать старика. Из самой середины могильного холмика тянулся одинокий молодой росток пшеницы—тот самый колос, что старик

держал в руках несколько недель назад, только народившийся заново.

Он поговорил со стариком, но ответа не получил.

— Ты всю жизнь проработал в поле, потому что так было надо, и однажды натолкнулся на колос собственной жизни. Ты его срезал. Пошел домой, надел воскресный костюм, сердце остановилось, и ты умер. Так оно и было, правда? И ты передал землю мне, а когда я умру, я должен буду передать ее кому-то еще.

В голосе Дрю зазвучал страх.

— Сколько времени все это тянется? И никто в целом свете не знает про поле и для чего оно — только тот, у кого в руках коса?..

Он вдруг ощутил себя глубоким старцем. Долина показалась ему древней, как мумия, потаенной, высохшей, призрачной и могущественной. Когда индейцы плясали в прериях, оно уже было здесь, это поле. То же небо, тот же ветер, та же пшеница. А до индейцев? Какой-нибудь доисторический человек, жестокий и волосатый, крадучись выходил резать пшеницу грубой деревянной косой...

Дрю вернулся к работе. Вверх, вниз. Вверх, вниз. Помешанный на мысли, что владеет *этой* косой. Он сам, лично! Понимание нахлынуло на него сумасшедшей, всесокрушающей волной — сила и ужас одновременно.

Вверх! Мой хозяин! Вниз! Хозяин мира!

Пришлось ему примириться со своей работой, подойти к ней по-философски. Он всего лишь отработывал пищу и кров для жены и детей. После всех этих лет они имеют право на человеческое жилье и еду.

Вверх, вниз. Каждый колос — жизнь, которую он аккуратно подрезает под корень. Если все рассчитать точно — он взглянул на пшеницу, — что ж, он, Молли и дети смогут жить вечно.

Стоит найти, где растут колосья Молли, Сюзи и маленького Дрю, и он никогда их не срежет.

А затем он почувствовал, словно кто-то ему нашептал: вот они.

Прямо перед ним.

Еще взмах — и он бы напрочь скосил их.

Молли. Дрю. Сюзи. И никакой ошибки. Задрожав, он опустился на колени и принялся разглядывать колоски. Они были теплыми на ощупь.

Он даже застонал от облегчения. А если б, не догадавшись, он их срезал?! Он перевел дыхание,

встал, поднял косу, отошел от поля на безопасное расстояние и долго стоял, не сводя с него глаз.

Молли страшно удивилась, когда, вернувшись домой раньше времени, он без всякого повода поцеловал ее в щеку.

За обедом Молли спросила:

— Ты сегодня кончил раньше? А пшеница — что она, все так же гниет, как только ее срежешь?

Он кивнул и положил себе еще мяса.

Она сказала:

— Ты бы написал этим, которые занимаются сельским хозяйством, пусть приедут посмотреть на нее.

— Нет, — сказал он.

— Я же только предлагаю, — сказала она.

Его зрачки расширились.

— Мне придется остаться здесь до самой смерти. Никто, кроме меня, не сумеет сладить с этой пшеницей. Откуда им знать, где надо жать, а где не надо. Они, чего доброго, еще начнут жать не на тех участках.

— Какие это «не те участки»?

— А никакие, — ответил он, медленно прожевывая кусок. — Неважно — какие.

Он в сердцах стукнул вилкой о стол.

— Кто знает, что им может прийти в голову! Этим молодчикам из правительственного отдела! А ну как им придет в голову перепахать все поле!

Молли кивнула.

— Как раз то, что нужно, — сказала она. — А потом снова засеять его хорошим зерном.

Он даже не доел обеда.

— Никакому правительству я писать не собираюсь и никому не позволю работать в поле. Как я сказал, так и будет! — заявил он и выскочил из комнаты, с треском хлопнув дверью.

Он обогнул то место, где жизни его жены и детей росли под солнцем, и пошел косить на дальний конец поля, где, как он знал, это было для них безопасно.

Но работа ему разонравилась. Через час он узнал, что принес смерть трем своим старым добрым друзьям в Миссури. Он прочел их имена на срезанных колосьях и уже не мог продолжать работу.

Он запер косу в кладовку, а ключ спрятал подале: хватит с него, он покончил с жатвой раз и навсегда.

Вечером он сидел на парадном крыльце, курил трубку и рассказывал детям сказки, чтобы послушать, как они смеются. Но они почти не смеялись. Они выглядели усталыми, чуждыми, какими-то далекими — словно и не его.

Молли жаловалась на головную боль, без дела бродила по дому, рано легла спать и крепко уснула. Это тоже было странно. Обычно она любила посидеть допоздна — и язык у нее работал без устали.

В лунном свете поле было как море, подернутое рябью.

Оно нуждалось в жатве. Отдельные участки требовалось убрать немедленно. Дрю Эриксон сидел, тихо сглатывая набегающую слюну, и старался на них не глядеть.

Что станет с миром, если он никогда больше не выйдет в поле? Что станет с теми, кто уже созрел для смерти, кто ждет пришествия косы?

Поживем — увидим.

Молли тихо дышала, когда он задул лампу и улегся в постель. Уснуть он не мог. Он слышал ветер в пшенице, его руки тосковали по работе.

В полночь он очнулся и увидел, что идет по полю с косой в руках. Идет в полусне, как лунатик, идет и боится. Он не помнил, как открыл кладовку и взял косу. Но вот он здесь, идет при луне, раздвигая пшеницу.

Среди колосьев встречалось много старых, уставших, жаждущих сна. Долгого, безмятежного, безлунного сна.

Коса завладела им, приросла к ладоням, толкала вперед.

С большим трудом ему удалось от нее избавиться. Он бросил ее на землю, отбежал подале в пшеницу и упал на колени.

— Не хочу больше убивать, — молил он. — Если я буду косить, мне придется убить Молли и детей. Не требуй от меня этого!

Одни только звезды сияли на небе.

За спиной у него послышался глухой, неясный звук.

Что-то похожее на живое существо с красными руками взметнулось над холмом к небу, лизнув звезды. В лицо Дрю пахнул ветер. Он принес с собой искры, густой чадный запах пожара.

Дом!

Всклипывая, Дрю медленно, безнадежно поднялся на ноги, не сводя глаз с большого пожара.

Белый домик и деревья вокруг тонули в сплошном яростном вихре ревущего огня. Волны раскаленного воздуха перекатывались через холм, и, сбегая с холма, Дрю плыл в них, барахтался, уходил в них с головой.

Когда он добежал, в доме не осталось ни одной черепицы, ни единой доски или половицы, на которых не плясало бы пламя. От огня шли звон, треск и шуршание.

Изнутри не доносилось пронзительных криков, никто не бегал и не кричал снаружи.

— Молли! Сюзи! Дрю! — завопил он.

Ответа не было. Он подбежал так близко, что его брови закурчавились, а кожа, казалось, начинает сползать от жара, как горящая бумага, превращаясь в плотные хрустящие завитки.

— Молли! Сюзи!

Тем временем огонь радостно пожирал свою пищу. Дрю раз десять обежал вокруг дома, пытаясь проникнуть внутрь. Потом сел, подставив тело опаляющему жару, и прождал до тех пор, пока с грохотом не рухнули стены, взметнув тучи искр, пока не обвалились последние балки, погребая полы под слоем оплавленной штукатурки и обугленной дранки, пока само пламя не задохнулось наконец в густом дыму. Медленно начиналось утро нового дня, и ничего не осталось, кроме подернутых пеплом углей да едко тлеющих головешек.

Не замечая жара, который шел от развалин, Дрю ступил на пепелище. Было еще слишком темно, и он не мог толком разглядеть что к чему. У горла на потной коже играли красные блики. Он стоял, как чужак, попавший в новую необычную страну. Здесь — кухня. Обуглившиеся столы, стулья, железная печка, шкафы. Здесь — прихожая. Здесь — гостиная, а вот здесь была их спальня, где...

Где все еще была жива Молли!

Она спала среди рухнувших балок и докрасна раскаленных матрасных пружин и железных прутьев.

Она спала как ни в чем не бывало. Маленькие белые руки, вытянутые вдоль тела, усыпаны искрами. Лицо дышало безмятежностью сна, хотя на одной из щек тлела планка.

Дрю застыл, не веря собственным глазам. Посреди дымящихся остатков спальни она лежала на мерцающей постели из углей — на коже ни царапинки, грудь опускается и поднимается, вбирая воздух.

— Молли!

Жива и спит после пожара, после того, как обвалились стены, как на нее обрушился потолок и все кругом было объято пламенем.

У него на ботинках дымилась кожа, пока он пробирався сквозь курящиеся развалины. Он мог бы сжечь подошвы и не заметить...

— Молли...

Он склонился над ней. Она не шевельнулась и не услышала. Не заговорила в ответ. Она не умирала, но и не жила. Она просто лежала там, где лежала, и огонь окружал ее, но не тронул, не причинил ей никакого вреда. Полотняная ночная рубашка была цела, хотя и припорошена пеплом. Каштановые волосы, как по подушке, разметались по куче раскаленных углей.

Он коснулся ее щеки — она была прохладной. Прохладной в этом адовом пекле! Губы, тронутые улыбкой, подрагивали от едва заметного дыхания.

И дети были тут же. Под дымной пеленой он различил в золе две маленькие фигурки, разбросавшиеся во сне.

Он перенес всех троих на край поля.

— Молли, Молли, проснись! Дети, дети, проснитесь!

Они дышали и не двигались. Они не просыпались.

— Дети, проснитесь! Ваша мама...

Умерла? Нет, не умерла. Но...

Он тряс детей, словно те были во всем виноваты. Они не обращали внимания — им снились сны. Он опустил их на землю и застыл над ними, а лицо его было изрезано морщинами.

Он знал, почему они спали, когда бушевал пожар, и все еще спят. Он знал, почему Молли так и будет лежать перед ним и никогда больше не захочет рассмеяться.

Могущество косы и пшеницы.

Их жизнь, которой еще вчера, 30 мая 1938 года, пришел срок, была продлена по той простой причине,

что он отказался косить пшеницу. Им полагалось погибнуть во время пожара. Именно так и должно было быть. Но он не работал в поле, и поэтому ничто не могло причинить им вреда. Дом сгорел и рухнул, а они продолжали существовать, остановленные на полпути, не мертвые и не живые. Ожидая своего часа. И во всем мире тысячи таких же, как они,— жертвы несчастных случаев, пожаров, болезней, самоубийств — спали в ожидании — так же, как спала Молли и дети. Бессильные жить, бессильные умереть. Только потому, что кто-то испугался жать спелую пшеницу. Только потому, что один-единственный человек решил не работать косой, никогда больше не брать этой косы в руки.

Он посмотрел на детей. Работа должна исполняться все время, изо дня в день, непрерывно и безостановочно: он должен косить всегда, косить вечно, вечно, вечно.

Что ж, подумал он. Что ж. Пойду косить.

Он не сказал им ни слова на прощанье. Он повернулся (в нем медленно закипала злоба), взял косу и пошел в поле — сначала быстрым шагом, потом побежал, потом понесся длинными упругими скачками. Колосья били его по ногам, а он, одержимый, неистовый, мучился жаждой работы. Он с криком продирался сквозь густую пшеницу и вдруг остановился.

— Молли! — выкрикнул он и взмахнул косой.

— Сюзи! — выкрикнул он. — Дрю! — И взмахнул еще раз.

Раздался чей-то вопль. Он даже не обернулся взглянуть на пожарище.

А потом, захлебываясь от рыданий, он снова и снова взмахивал косой и резал налево и направо, налево и направо, налево и направо. И еще, и еще, и еще. Выкашивая огромные клинья в зеленой пшенице и в спелой пшенице, не выбирая и не заботясь, ругаясь, еще и еще, проклиная, содрогаясь от хохота, и лезвие взлетало, сияя на солнце, и шло вниз с поющим свистом!

Вниз!

Взрывы бомб потрясли Москву, Лондон, Токио.

Коса взлетала и опускалась как безумная.

И задымили печи Бельзена и Бухенвальда.

Коса пела, вся в малиновой росе.

И вырастали грибы, извергая слепящие солнца на пески Невады, Хиросиму, Бикини, вырастали грибы все выше и выше.

Пшеница плакала, осыпаясь на землю зеленым дождем.

Корея, Индокитай, Египет. Заволновалась Индия, дрогнула Азия, глубокой ночью проснулась Африка...

А лезвие продолжало взлетать, крушить, резать с бешенством человека, у которого отняли — и отняли столько, что ему уже нет дела до того, как он обходится с человечеством.

Всего в нескольких милях от главной магистрали, если спуститься по каменистой дороге, которая никуда не ведет, всего в нескольких милях от шоссе, забитого машинами, несущимися в Калифорнию.

Иногда — раз в несколько лет — какой-нибудь ветхий автомобиль свернет с шоссе; остановится, запаренный, в тупике у обугленных остатков маленького белого дома, и водитель захочет спросить дорогу у фермера, который бешено, непрерывно, как одержимый, днем и ночью работает в бескрайнем пшеничном поле.

Но водитель не дожидется ни помощи, ни ответа. После всех этих долгих лет фермер в поле все еще слишком занят, занят тем, что подрезает и крошит зеленую пшеницу вместо спелой.

Дрю Эриксон все косит, и сон так ни разу и не смежил ему веки, и в глазах его пляшет белый огонь безумия, а он все косит и косит.

ЛЯГУШАЧЬЯ ЗАВОДЬ

Что бы там ни говорил мистер Томпсон, день для ловли лягушек и рыбы выдался отменный. Вокруг утреннего солнца был двойной ободок, так что погода обещала быть ясной. Мама еще спала, когда я встала. Отыскав кусок зачерствевшего пирога, который мама спрятала накануне вечером, я схватила болотные сапоги и сетку и побежала к ручью. Мне и впрямь следовало уносить ноги побыстрее. Они считают, что мне вообще нельзя спускаться к ручью — мол, там, внизу, опасно.

Глупости, просто нужно знать, как себя вести. Держись подальше от розовых разводов на воде — и ничего с тобой не случится.

Я далеко обошла владения Бакстеров. Наверное, папа прав — там что-то неладно. Доктора Бакстера давно уже не видели на поселковой сходке, и папа думает, что какие-нибудь больные могли вселиться к Бакстерам и выжить их.

Я пробралась сквозь заросли ежевики к опушке, где растут молодые деревья. Был чудесный солнечный день, с севера дул славный, душистый ветерок — в том направлении на сотни миль нет ни одного города.

По дороге я наловила цикад, крупных таких, с длинными крыльями, — отличная наживка для шипастой рыбы, что водится на отмели. Нужно только прицепить их к сетке и опустить ее в воду. Шипастая рыба на них так и набрасывается! Правда, мистер Томпсон говорит, что есть ее вредно. Тоже мне знаток нашелся: я-то ее ем — и хоть бы хны!

Я направилась прямо к лощине Гнилой Колоды. Там есть отличная заводь и галечная отмель. Если не зевать, лягушек можно наловить видимо-невидимо. Они любят прятаться под лопнувшим трубопроводом, в пене. В последний раз я наловила не меньше десятка.

Для начала я прошла вдоль берега, глядя в воду, — надо же знать, что там есть. Вода была спокойная, да и пены собралось не ахти сколько. Правда, рыбы тоже не было, так что я присела на теплую гальку, съела пирог и натянула сапоги. У них длинные голенища, и папа велит мне всегда натягивать их до самого верха. Э, меня это давно не волнует — можно подумать, помру я от капли воды!

Немного погодя я со всеми предосторожностями вошла в воду — тихо-тихо, чтобы не спугнуть лягушек. Пробралась на середину ручья и принялась их высматривать. Сетка так и осталась у меня за поясом — не для лягушек она.

Только я притаилась в ручье, как вдруг ни с того ни с сего с обрыва летит куча камней и травы, а следом — этот парень из города и все норовит по дороге за кусты уцепиться. Труба его задержала — он так о нее и шмякнулся, но воду всю перебаламутил.

Через минуту-другую он стал подниматься, да долго так — все молотил руками вокруг и тянулся назад, к трубе. Всех лягушек распугал. До того я обозлилась, что заорала:

— Эй, мистер, может, хватит?!

Черт возьми, ну и реакция! Он устоял на обрыве, завертелся, будто его окликнули из Службы инфекционных заболеваний или чего-то вроде, глаза помутнели, и весь затрясся. Прежде чем он успел шлепнуться еще раз, я крикнула:

— Да это я, мистер, внизу, в ручье.

Он поменял положение, для верности ухватившись за трубу. Я подождала, пока он устроится понадежней, и сказала:

— Так вы мне всех лягушек распугаете.

— Лягушек распугаю! — взвыл он, словно лягушки были какими-то чудовищами.

— Ну да. Хочу поймать несколько штук. Можете вы хоть минуту посидеть спокойно?

Мне было видно, что он задумался. Наконец он опять тихо так опустился на трубу, будто дух из него выпустили, и действительно спокойно сказал:

— А почему бы и нет?

И, откинув голову назад, закрыл глаза.

Пока он спал, я поймала трех лягушек, больших и жирных. Прodelа прутик им через глотки и опустила трепыхаться в ручей, чтобы не сдохли. Я уже почти поймала четвертую, когда парень проснулся.

— Послушай,— заорал он,— где это я?

— В лошине Гнилой Колоды.

— А где это?

И охота же ему глотку драть! Пусть подойдет поближе, чтобы не орать так.

— От разговора шуму меньше. Может, я все-таки поймаю лягушек, если мы не будем кричать.

Он оттолкнулся от трубы и поплелся по берегу, спихивая грязь и камни в воду.

— Привет,— сказала я, когда он подошел поближе.

— Здравствуй.

Он все еще ужасно нервничал, и вокруг глаз у него были забавные круги, чем-то похожие на черепаший панцирь.

— Как тебя зовут?

Он изо всех сил старался казаться дружелюбным, и хоть мистер Томпсон зудит без конца, что на свете нет дружелюбных незнакомцев, уж кого-кого, а этого парня я наверняка обведу вокруг пальца.

— Алтия,— сказала я вежливо, как учила мама.— Но друзья зовут меня Торни. А вас?

— Гм,— он оглянулся, потом снова посмотрел на меня.— Стэнл Стэн. Зови меня просто Стэн.

Видно было, что он врет. Даже соврать толком не умел. Но я сказала, что конечно же его зовут Стэн, а потом подождала, не скажет ли он еще чего-нибудь.

— Тебе здесь нравится? — спросил он.

— Ага. Я часто сюда хожу.

— Значит, живешь недалеко?

Дурацкий вопрос. Вот уж истинно — горожанин он и есть горожанин. Может, он думает, что у нас в деревне подземка ходит? А он все поглядывал на трубу, словно ждал, что оттуда выскочит куча народу.

— Да, у Бакстеров.

Вранье, конечно, но он первый начал, а потом папа говорит, чтобы я никому не рассказывала, где живу,— на всякий случай.

— А где это?

Он сделал вид, будто и не интересуется вовсе, вроде наплевать ему, где дом Бакстеров,— просто хотел ласы поточить с кем-нибудь. Я показала за спину и сказала, что, если идти по дороге, до Бакстеров будет с милню.

— А много народу там живет?

— Не очень. Человек шесть-семь. Собираетесь переселяться, мистер?

Тут он рассмеялся тем пронзительным смехом, который похож на всхлипывания. Мой брат Дэви всегда так плачет. Нехорошо, когда шестилетний ребенок так пищит. А уж такой, как этот Стэн — или как его там, — и вовсе никуда не годится.

— Что здесь смешного, мистер?

Я бы ушла и оставила его, да заметила, что он почти вляпался в зеленую жижу, которая течет из трубопровода и выносится на берег, поэтому немного громче сказала:

— А вам бы лучше уйти отсюда.

Он сразу замолчал, а потом спросил:

— Откуда? Почему?

Ох, ну и нервный же тип!

— Отсюда, — я показала на лужу, чтобы попугать его. — Эта штука вредная. Она может обжечь, если вы к ней не привыкли.

Конечно, это не совсем так. Некоторые вообще не могут к ней привыкнуть, но меня она никогда не обжигала, даже в первый раз. Как говорит мистер Томпсон, это значит, что селективные мутации адаптируются к новым условиям окружающей среды. Мистер Томпсон думает, раз он генетик, так уж и знает все на свете.

Стэн так рванулся прочь от зеленой жижи, словно та вот-вот готова была вцепиться в него.

— Что это?

— Не знаю. Просто грязь, которая течет из трубы. Два года назад в Санта-Розе взорвалась насосная станция, труба лопнула, и из нее стала сочиться эта зелень. — Я пожала плечами. — Она не вредная, только старайтесь до нее не дотрагиваться.

Похоже, Стэн опять готов был рассмеяться, и я выпалила:

— Спорить готова — вы из Санта-Розы, верно?

— Из Санта-Розы? А почему ты так думаешь?

Точно, он и в самом деле начинал нервничать, стоило только спросить его о чем-нибудь.

— Да так. Санта-Роза — первый крупный город отсюда на юг. Я и подумала, что вы скорее всего могли прийти оттуда по главному северному шоссе.

Он закивал.

— Да, да, конечно. Именно так.

Потом посмотрел на меня, опять расслабив пальцы. «Слава богу», — с облегчением подумала я.

— Извини, Торни. Сам не думал, что могу так нервничать.

— Пустяки,— ответила я.

Мне не хотелось опять заводить его.

Стэн отошел назад и следил за мной, пока я высматривала лягушек. Потом он спросил:

— А здесь никому на ферме работники не требуются, ты не знаешь?

Я ответила, что не знаю.

— Может, есть школа, где нужны учителя? Думаю, я мог бы кое-чему научить ребят. У вас ведь не так уж много хороших учителей?

Нашел чем хвастать!

— Мой папа преподает в старших классах. Может, он сумеет помочь вам подыскать работу.

Нам-то учителя не требовались, но если Стэн смыслит в преподавании, глядишь, он пригодится и для чего-нибудь другого.

— Ты здесь родилась?

Стэн рассматривал лощину с таким видом, будто не понимал, как здесь вообще можно родиться.

— Нет. Там, в Дэвисе.

Это было местечко, где папа занимался вирусологией растений до того, как он, и Бакстеры, и Томпсоны, и Вейнрайты, и Омендсены, и Левентали купили здешний участок.

— На ферме?

— Да, что-то вроде этого.

Послушать, как он говорит, можно подумать, что родиться на ферме — все равно что спасти морские водоросли или полететь на Луну.

— Я всегда мечтал жить в деревне. Может, теперь наконец-то удастся.

Он поплелся по берегу к песчаной прогалине напротив отмели и сел. Господи, ну и странный же он!

— Там змеи,— сказала я как можно мягче.

Конечно, он тут же взвился, визжа, как поросенок миссис Вейнрайт.

— Да не тронут они вас. Просто поглядывайте по сторонам. Змеи кусаются, только если их разозлишь.

Раз уж он так скачет вверх-вниз, лягушек мне точно не видать как своих ушей. Не иначе придется терпеть его разговоры.

— Есть на этом берегу хоть одно безопасное место? — спросил он.

— Конечно,— улыбнулась я.— Как раз там, где вы сидели. Просто будьте начеку. Змеи здесь два фута длиной и такого красноватого цвета. Как иголки на соснах.— Я показала вверх на обрыв.— Вот как на этой.

— Боже правый! А давно это с иголками?

Я пробралась на глубокое место.

— Лет пять-шесть. Это все смог.

— Смог? Здесь нет никакого смога.

— У него же нет ни цвета, ни запаха. Мистер Томпсон говорит, что он везде, просто не разберешь, есть он или уже исчез. Но деревья-то знают. Поэтому они так и перекрашиваются.

— Но они погибнут,— сказал он очень печально.

— Не исключено. А может, изменится.

— Но как? Это ужасно.

— Сосны — те выдерживают, а почти все секвойи к югу от Наварро-Ривер давным-давно погибли. То есть многие деревья еще стоят,— торопливо пояснила я, заметив, что он опять меня не понимает,— но они уже неживые. А здешние сосны — они еще не погибли, а может, и погибать не собираются.

В его глазах мелькнула догадка, и я поняла, что проболталась. Я изо всех сил постаралась исправить свой промах.

— Нас учат этому в школе. Говорят, что мы должны будем как-то справляться с этими напастями, когда вырастем. Мистер Томпсон рассказывает нам о биологии.

Последнее по крайней мере было правдой.

— Биология? В твоем возрасте?

Этот разговор все-таки меня доконает!

— Послушайте, мистер, мне пятнадцать лет, а этого вполне достаточно, чтобы смыслить в биологии. И в химии тоже. Если отсюда далеко до Санта-Розы, это не значит, что мы здесь не умеем читать и все такое прочее.

Я разозлилась не на шутку. Конечно, ростом я не вышла, но, черт подери, в наши дни коротышек полным-полно.

— Я не хотел тебя обидеть. Просто меня удивило, что у вас здесь такие хорошие школы.

Ну совсем он не умеет врать, этот Стэн!

— А чему учат там, откуда вы пришли?

Я знала, что от этого вопроса Стэн опять полезет на стенку, но уж очень мне хотелось поставить его на место.

— Ничему интересному. Истории, языку, изобразительному искусству. И почти ничему о том, как выжить. Вот, например, когда в прошлом семестре некоторые ученики попросили администрацию ввести такие дисциплины, как лесное хозяйство, изготовление корзин и прививка черенков, администрация вызвала службу, и начался бунт. Один из службы,— Стэн как-то странно облизнул губы,— попал в засаду, и его повесили на фонарном столбе вниз головой.

— Паршиво,— сказала я.

Действительно, дело дрянь. Впервые я поняла, как плохо стало в городах.

Стэн все улыбался, рассказывая, что они сделали с этим парнем из службы. Слушать его было противно, хотя Стэн и старался выбирать слова. Он сказал, что в последний раз эту штуку проделали во время столкновений белых с неграми.

И этот парень хотел преподавать в наших школах! Он сказал, что на собственной шкуре испытал, что это такое, когда всюду полно людей, и мог бы внести свой вклад в наше общество. Я прямо-таки видела, как застывает папино лицо от того, что говорил Стэн. А тот все долдонил, что, по его разумению, для людей самое главное — понять общину, и его объяснения здорово смахивали на что-то религиозное. И, поверите, мне стало страшно.

— Пятнадцать — это слишком много,— продолжал он.— У тебя есть братья или сестры помоложе?

Я постаралась ответить похитрее.

— Два брата. И сестра.

Я умолчала, что Джемми уже занимается исследованиями, а Дейви ничего не делает. Или что Лайза готовилась обосноваться в соседнем поселке, чтобы в наших семьях не было слишком уж много кровосмешения.

— Старше или моложе?

— Старше главным образом.

Вот я и опять соврала. По крайней мере это у меня получалось неплохо. Ему и в голову не пришло спрашивать о них дальше.

— Очень жаль. Мы должны изменить то, что происходит. Военное положение, обыски без ордеров, конфискации... Это ужасно, Торни, ужасно.

Не иначе как он думал, что мы здесь ничего не слышим и не видим. Он все говорил, как плохо, когда

езде солдаты и какие они делают ужасные вещи. Я знала и это, и многое другое. Знала о бандах, которые убивают людей ради грабежа, и о клубах убийц, которые убивают ради развлечения. Черт возьми, Жюль Левенталь когда-то служил психиатром в клинике и немало порассказал нам о том, как ведет себя толпа и сколько людей доставляют беспокойство остальным.

— А как обстоят дела севернее? — спросил Стэн.

— Неплохо. В округе Гумбольдта все нормально, а в районе Клама-Ривер народу уже много.

Мне совсем не хотелось, чтобы такой тип, как Стэн, оставался у нас. Я подумала, что, если наговорить ему про жите на севере, глядишь, он туда и подастся. Но он еще не пришел в себя и все кивал — ни дать ни взять тот чокнутый проповедник, который несколько лет назад хотел, чтобы мы все отдали души за господа бога.

— Правда, это страна секвой, так что через несколько лет и у них могут быть неприятности.

Он уставился на меня тяжелым взглядом:

— Торни, а ты смогла бы объяснить, как добраться до округа Гумбольдта?

Дурак он и есть дурак, уж можете мне поверить. Ему бы просто топать по старой дороге 101 — вот и все. А этот псих даже на карту не взглянул. А может, и взглянул, да старался загнать меня в ловушку, только меня голыми руками не возьмешь.

— Можно и дальше идти по главному шоссе, — я старалась, чтоб мой голос звучал искренне. — Но там, впереди, могут быть люди из службы — знаете, возле Юкии или Виллитса. Лучше бы свернуть к побережью и идти дальше вдоль берега.

«Ну вот, — подумала я. — Это его должно пронять. Он и так уже достаточно психовал».

— Да, да. Это лучше всего. Там Юрека, а это океанский порт, и будет связь...

Стэн распиная в том же духе еще минут пять. Он, видите ли, хотел организовать нападение на общину, чтобы защитить людей, но ради другой общины. Он твердил о правах, говорил, откуда ему известно, чего люди хотят на самом деле, что он изменит все, чтобы они это получили. Он сказал, будто знает, что для них самое лучшее. Ух, жаль, мистер Левенталь не мог его послушать.

— Ну а что же ты? Ты ведь должна быть в школе, верно?

— Не-а,— протянула я.— У нас занятия всего два раза в неделю. Остальное время мы свободны.

Интересно, стоило ли говорить ему так много. Пожалуй, мы не должны особенно распространяться насчет школы.

— Но ты же зря теряешь время, неужели тебе это непонятно?

Стэн присел на берегу, похожий на тощего кролика, который сидит на корточках.

— Сейчас тебе самое время изучать философию политики. Ты должна узнать, как функционирует общество. Это очень важно.

— Я знаю, как функционирует общество,— сказала я.

В конце концов это известно всем ребятам, которые учились у мистера Вейнрайта. Да и сами Вейнрайты переехали сюда вместе с нами отчасти из-за того, что политиканам из Сакраменто не нравилось, как мистер Вейнрайт учил о том, как *они* функционировали. А они были обществом.

— Да не то общество, надменно возразил он и на мгновение напомнил мне мистера Томпсона, когда тот бывал чем-то недоволен.— Я имею в виду города, населенные центры.

Он все говорил и говорил, когда я увидела двух лягушек, которые ползли по дну. Я посмотрела, куда они ползут, а потом нагнулась над ними, задержав дыхание, едва лицо коснулось воды. Мне удалось поймать одну, а вторая удрала.

— Тратишь время на ловлю лягушек,— съязвил Стэн.

— А что? Они очень вкусные. Мама начиняет их маслом и жарит.

— Ты хочешь сказать, что вы их едите? — побледнев, пискнул он.

— Конечно. Это же мясо, разве не так?

Я пробралась к пруту с насаженными лягушками и прибавила новую. Стэн поерзал, подергался, но вскоре успокоился.

— Лягушки...— пробормотал он,— все же как вы можете есть лягушек?

— Очень просто.

Вряд ли он поверил, будто мы едим лягушек. Но для верности я дотянулась и схватила прут

с лягушками.— Видите? Вот эта,— я ткнула большим пальцем в живот лягушки,— жирнущая. Самый что ни на есть лакомый кусочек.

— И ты видишь их под водой?

Я повернулась и взглянула на него. Он стоял на противоположном берегу выпрямившись, и в его глазах был прежний страх.

— Конечно. Надо же видеть, что ты хочешь поймать.

— Но в этой воде...

— А, просто я не открываю глаз так, как это делаете вы,— сказала я как бы между прочим.— Я за ними охочусь вот с этим.— И я мигнула мембранами.

У Стэна был такой вид, точно он проглотил саламандру.

— Что это было? — испуганно спросил он.

— Мигательная перепонка — меня так и проектировали с самого начала.

— Мутанты,— завопил он,— уже!

Он попятился, стараясь выкарабкаться на берег и не отрывая от меня взгляда, будто я оборотень какой. Он скользил и спотыкался, пока не взобрался наверх, а потом умчался прочь — было слышно, как он ломился сквозь кустарник, шуму от него было больше, чем от стада оленей.

Когда он исчез, на прогалине было полно листьев, сучьев и гальки, и я поняла, что сегодня ни лягушек, ни рыбы мне уже не поймать. Я взяла низку с лягушками, сняла сапоги и направилась домой. Конечно, мама будет недовольна, но я надеялась, что мой улов смягчит ее гнев. Наверное, следует рассказать им о Стэне. Они не любят, когда здесь появляются посторонние.

И в самом деле, дома мне учинили хорошенький разнос. Самое смешное — их больше всего разозлило, что я показала Стэну свои мембраны. Есть о чем говорить, какая-то крохотная кожная заслонка, которую нам закодировал мистер Томпсон. Паршивый кусочек лишней кожицы возле глаз!

А послушать, как мистер Томпсон говорит об этом,— можно подумать, он перевернул всю Вселенную!

ДУРНОЙ ПРИМЕР

С некоторыми весьма щепетильными заданиями могут справиться только роботы — заданиями такого порядка, что их выполнение нельзя поручить ни одному человеческому существу...

Тобиас, сильно пошатываясь, брел по улице и размышлял о своей нелегкой жизни.

В карманах у него было пусто, и бармен Джо выдворил его из кабачка «Веселое ущелье», не дав как следует промочить горло, и теперь ему одна дорога — в пустую лачугу, которую он называл своим домом, а случись с ним что-нибудь, ни у кого даже не дрогнет сердце. И все потому, думал он, охваченный хмельной жалостью к себе, что он — бездельник и горький пьяница; просто диву даешься, как его вообще терпит город.

Смеркалось, но на улице еще былолюдно, и Тобиас про себя отметил, как старательно обходят его взглядом прохожие.

Так и должно быть, сказал он себе. Раз не хотят смотреть на него, значит, все в порядке. Им незачем его разглядывать. Пусть огворачиваются, если им так спокойнее.

Тобиас был позором города. Постыдным пятном на его репутации. Тяжким крестом его жителей. Социальным злом. Тобиас был дурным примером. И таких, как он, здесь больше не было, потому что на маленькие городки всегда приходилось только по одному отщепенцу — даже двоим уже негде было развернуться.

Выписывая вензеля, Тобиас в унылом одиночестве плелся по тротуару. Вдруг он увидел, что впереди, на углу, стоит Элмер Кларк, городской полицейский.

Стоит и смотрит в его сторону. Но Тобиас не заподозрил в этом никакого подвоха. Элмер — славный парень. Элмер соображает, что к чему. Тобиас остановился, немного подобрался, приосанился, затем нацелился на угол, где его поджидал Элмер, и без особых отклонений от курса поплыл в ту сторону. И прибыл к месту назначения.

— Тоуб, — сказал ему Элмер, — не подвезти ли тебя? Тут неподалеку моя машина.

Тобиас выпрямился с жалким достоинством забулдыги.

— Ни боже мой, — запротестовал он, джентльмен с головы до пят. — Не по мне это — доставлять вам столько хлопот. Премного благодарен.

Элмер улыбнулся.

— Ладно, ладно, успокойся. Но ты уверен, что доберешься до дома на своих двоих?

— О чем речь! — ответил Тобиас и припустил дальше.

Поначалу ему везло. Он благополучно протопал несколько кварталов.

Но на углу Третьей и Кленовой с ним приключилась беда. Споткнувшись, он растянулся во весь рост на тротуаре перед самым носом у миссис Фробишер, которая стояла на крыльце своего дома, откуда ей было отлично видно, как он шлепнулся. Он не сомневался, что завтра же она не преминет расписать это позорное зрелище всем членам Дамского благотворительного общества. А те, презрительно поджав губы, будут потихоньку кудахтать между собой, мня себя святей святых. Ведь миссис Фробишер была для них образцом добродетели. Муж ее — банкир, а сын — лучший игрок Милвилской футбольной команды, которая рассчитывала занять первое место в чемпионате, организованном Спортивной ассоциацией. Не удивительно, что это воспринималось всеми со смешанным чувством изумления и гордости: прошло немало лет с тех пор, как Милвилская футбольная команда в последний раз завоевала кубок ассоциации.

Тобиас поднялся на ноги, суетливо и неловко стряхнул с себя пыль и вырулил на угол Третьей и Дубовой, где уселся на низкую каменную ограду, которая тянулась перед фасадом баптистской церкви. Он знал, что пастор, выйдя из своего кабинета в полуподвале, непременно его увидит. А пастору, сказал он себе, это

очень даже на пользу. Может, такая картина выведет его наконец из себя.

Тобиаса беспокоило, что в последнее время пастор относится к нему чересчур благодушно. Слишком уж гладко идут сейчас у пастора дела, и похоже, что он начинает обрывать жирком самодовольства: жена у него — председатель местного отделения Общества Дочерей Американской Революции, а у длинноногой дочки обнаружились недюжинные музыкальные способности.

Тобиас терпеливо сидел на ограде в ожидании пастора, как вдруг услышал шарканье чьих-то ног. Уже порядком стемнело, и, только когда прохожий приблизился, он разглядел, что это школьный уборщик Энди Донновэн.

Тобиас мысленно пристыдил себя. По такому характерному шарканью он должен был сразу догадаться, кто идет.

— Добрый вечер, Энди,— сказал он.— Что новенького?

Энди остановился и взглянул на него в упор. Пригладил свои поникшие усы и сплюнул на тротуар с таким видом, что, окажись поблизости посторонний наблюдатель, он расценил бы это как выражение глубочайшего отвращения.

— Если ты поджидаешь мистера Хэлворсена,— сказал Энди,— то попусту тратишь время. Его нет в городе.

— А я и не знал,— смутился Тобиас.

— Ты уже достаточно сегодня накуролесил,— ядовито сказал Энди.— Отправляйся-ка домой. Меня тут миссис Фробишер остановила, когда я недавно проходил мимо. Так вот, она считает, что нам необходимо наконец взяться за тебя всерьез.

— Миссис Фробишер — старая сплетница,— провоочал Тобиас, с трудом удерживаясь на ногах.

— Этого у нее не отнимешь,— согласился Энди.— Но женщина она порядочная.

Он внезапно повернулся и шаркал прочь, и казалось, будто передвигается он чуть быстрее, чем обычно.

Тобиас, покачиваясь, но, пожалуй, не так заметно, как раньше, заковылял в ту же сторону, что и Энди, мучимый сомнениями и горьким чувством обиды.

Потому что он считал себя жертвой несправедливости.

Ну разве справедливо, что ему выпало быть таким вот пропойцей, когда из него могло бы получиться нечто совершенно иное? Когда по складу своей личности — этому сложному комплексу эмоций и желаний — он неудержимо стремился к чему-то другому?

Не для него — быть совестью этого городка, думал Тобиас. Он достоин лучшей участи, создан для более высокого призвания, мрачно икая, убеждал он себя.

Расстояние между домами постепенно увеличивалось, и они попадались все реже; тротуар кончился, и Тобиас, спотыкаясь, потащился по неасфальтированной дороге к своей лачуге, которая приютилась на самом краю города.

Она стояла на холмике над болотом, вблизи того места, где дорогу, по которой он сейчас шел, пересекало 49-е шоссе, и Тобиас подумал, что жить там — сущая благодать. Частенько он сиживал перед домиком, наблюдая за проносящимися мимо машинами.

Но в этот час на дороге было пустынно, над далекой рощицей всходила луна, и ее свет постепенно превращал сельский пейзаж в серебристо-черную гравюру.

Он продолжал свой путь, бесшумно погружая ноги в дорожную пыль, и порой до него доносился вскрик растревоженной птицы, а в воздухе тянуло дымком сжигаемых осенних листьев.

Какая здесь красота, подумал Тобиас, какая красота, но как же тут одиноко! Ну и что с того, черт побери? Он ведь всегда был одинок.

Издаലെка послышался рев двигателя мчавшейся на большой скорости машины, и он про себя недобрым словом помянул таких вот отчаянных водителей.

Спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, Тобиас ковылял по пыльной дороге, и теперь ему уже стали видны быстро приближающиеся с востока огоньки.

Он все шел и шел, не спуская взгляда с этих огоньков. Когда машина подлетела к перекрестку, неожиданно взвизгнули тормоза, машина круто свернула на дорогу, по которой он двигался, и в глаза ему ударил свет фар.

В тот же миг луч света, взметнувшись, вонзился в небо, вычертил на нем дугу, и, когда с пронзительным скрипом трущейся об асфальт резины машину

занесло, Тобиас увидел неяркое сияние задних фонарей. Медленно, как бы с натугой, машина заваливалась набок, опрокидываясь в придорожную канаву.

Тобиас вдруг осознал, что бежит, бежит сломя голову на мгновенно окрепших ногах.

Впереди него машина рухнула набок, с раздирающим уши скрежетом проехала по асфальту и легко, даже как-то плавно соскользнула в канаву.

Раздался негромкий всплеск воды, машина уперлась в противоположную стенку канавы и теперь лежала неподвижно, только все еще вертелись колеса.

Тобиас спрыгнул с дороги и, бросившись к дверце машины, обеими руками стал яростно дергать за ручку. Однако дверца заупрямилась: она стонала, скрипела, но упорно не желала уступать. Он рванул что было мочи, и дверца приоткрылась — этак на дюйм. Тогда он нагнулся, запустил пальцы в образовавшуюся щель и сразу почувствовал едкий запах горячей изоляции. Тут он понял, что времени осталось в обрез. И еще до него вдруг дошло, что по ту сторону дверцы, точно в ловушке, отчаянно бьется живое существо.

Помогая ему, кто-то нажимал на дверцу изнутри; Тобиас медленно распрямился, не переставая изо всех сил тянуть на себя ручку, и наконец дверца с большой неохотой поддалась.

Из машины послышались тихие, жалобные всхлипывания, а запах горячей изоляции усилился, и Тобиас заметил, что под капотом мечутся огненные языки.

Раздался щелчок, дверца приоткрылась пошире, и ее снова заклинило, но теперь размер отверстия уже позволил Тобиасу нырнуть внутрь машины; он схватил чью-то руку, поднатужился, рванул к себе и вытащил из машины мужчину.

— Там она,— задыхаясь, проговорил мужчина.— Там еще она...

Но Тобиас, не дослушав, уже шарил наугад в темном чреве машины; к запаху горячей изоляции прибавился клубами повалившийся дым, а под капотом ослепительным красным пятном разливалось пламя.

Он нащупал что-то живое, мягкое и сопротивляющееся, изловчился и вытащил из машины ослабевшую, перепуганную насмерть девушку.

— Скорей отсюда! — закричал Тобиас и с такой силой толкнул мужчину, что тот, отлетев от машины, упал и уже ползком выбрался из канавы на дорогу.

Тобиас, подхватив на руки девушку, прыгнул вслед за ним, а позади него на воздух взлетела объятая пламенем машина.

То и дело спотыкаясь, они устремились прочь, подгоняемые жаром горящей машины. Немного погодя мужчина высвободил девушку из рук Тобиаса и поставил ее на ноги. Судя по всему, она была цела и невредима, если не считать ранки на лбу у корней волос, из которой темной струйкой бежала по лицу кровь.

К ним уже спешили люди. Где-то вдали хлопали двери домов, слышались взволнованные крики, а они, трое, слегка оглушенные, остановились в нерешительности посреди дороги.

И только теперь Тобиас всмотрелся в лица своих спутников. Он увидел, что мужчина — это Рэнди Фробшер, кумир футбольных болельщиков, а девушка — Бэтти Хэлворсен, музицирующая дочка баптистского священника.

Бегущие по дороге люди были уже совсем близко, а столб пламени над горящей машиной стал пониже. «Мне здесь больше делать нечего, — подумал Тобиас, — пора уносить ноги». Ибо он допустил непозволительную ошибку, сказал он себе. Нарушил запрет.

Он резко повернулся, втянул голову в плечи и быстро, только что не бегом, направился назад, к перекрестку. Ему показалось, будто Рэнди что-то крикнул вдогонку, но он даже не обернулся, еще поддав шагу, чтобы как можно скорее очутиться подальше от места катастрофы.

Миновав перекресток, он сошел с дороги и стал взбираться по тропинке к своей развалюхе, одиноко торчавшей на вершине холма над болотом.

И он забылся настолько, что перестал спотыкаться.

Впрочем, сейчас это не имело значения: вокруг не было ни души.

Охваченный паникой, Тобиас буквально трясся от ужаса. Ведь этим поступком он мог все испортить, мог свести на нет всю свою работу.

Что-то белело в изъеденном ржавчиной помятом почтовом ящике, висевшем рядом с дверью, и Тобиас очень удивился — он крайне редко получал что-либо по почте.

Он вынул из ящика письмо и вошел в дом. Ощупью отыскал лампу, зажег ее и опустился на шаткий стул, стоявший у стола посреди комнаты.

«Теперь я хозяин своего времени,— подумал он,— и могу распоряжаться им по собственному желанию».

Его рабочий день закончился—хотя формально это было не совсем точно, потому что с большей ли, меньшей ли нагрузкой, а работал он всегда.

Он встал, снял с себя обтрепанный пиджак, повесил его на спинку стула и расстегнул рубашку, обнажив безволосую грудь. Он нащупал на груди панель, нажал на нее, и под его пальцами она скользнула в сторону. За панелью скрывалась ниша. Подойдя к раковиннику, он извлек из этой ниши контейнер и выплеснул в раковину выпитое днем пиво. Потом вернул контейнер на место, задвинул панель и застегнул рубашку.

Он позволил себе не дышать.

И с облегчением стал самим собой.

Тобиас неподвижно сидел на стуле, выключив свой мозг, стирая из памяти минувший день. Спустя некоторое время он начал его осторожно оживлять и создал другой мозг—мозг, настроенный на ту его личную жизнь, в которой он не был ни опустившимся пропойцей, ни совестью городка, ни дурным примером.

Но в этот вечер ему не удалось полностью забыть пережитое за день, и к горлу снова подкатил комок—знакомый мучительный комок обиды за то, что его используют как средство защиты человеческих существ, населяющих этот городок, от свойственных людям пороков.

Дело в том, что в любом маленьком городке или деревне мог ужитья только один подонок: по какому-то необъяснимому закону человеческого общества двоим или более уже было тесно. Тут безобразничал Старый Билл, там—Старый Чарли или Старый Тоуб. Сущее наказание для жителей, которые с отвращением терпели это отребье как неизбежное зло. И по тому же закону, по которому на каждое небольшое поселение приходилось не более одного такого отщепенца, этот единственный был всегда.

Но если взять робота, робота-гуманоида Первого класса, которого без тщательного осмотра не отличишь от человека,—если взять такого робота и поручить ему разыгрывать из себя городского пьяницу или

городского придурка, этот закон социологии удавалось обойти. И человекоподобный робот в роли опустившегося пьянчужки приносил огромную пользу. Пьяница робот избавлял городок, в котором жил, от пьяницы человека, снимал лишнее позорное пятно с человеческого рода, а вытесненный таким роботом потенциальный алкоголик поневоле становился вполне приемлемым членом общества. Быть может, этот человек и не являл собой образец порядочности, но по крайней мере он держался в рамках приличия.

Для человека быть беспробудным пьяницей ужасно, а для робота это все равно что раз плюнуть. Потому что у роботов нет души. Роботы были не в счет.

И хуже всего, подумал Тобиас, что эту роль ты должен играть постоянно: ни малейших отступлений, никаких передышек, если не считать кратких периодов, как вот сейчас, когда ты твердо уверен, что тебя никто не видит...

Но сегодня вечером он на несколько минут вышел из образа. Его вынудили обстоятельства. На карту были поставлены две человеческие жизни, и иначе поступить он не мог.

Впрочем, сказал он себе, не исключено, что еще все обойдется. Те бедняги были в таком состоянии, что, вероятно, даже не заметили, кто их спас. Потрясенные происшедшим, они могли его не узнать.

Но весь ужас в том, вдруг понял он, что это его не устраивало: он страстно желал, чтобы его узнали. Ибо в структуре его личности появилось нечто человеческое, и это нечто неудержимо стремилось проявить себя вовне, жаждало признания, которое возвысило бы его над тем опустившимся забулдыгой, каким он был в глазах людей.

Но это же нечестно, осудил он себя. Такие помыслы недостойны робота. Он ведь посягает на традиции.

Тобиас заставил себя сидеть спокойно, не дыша, не двигаясь, и попытался собраться с мыслями — уже не актерствуя, не таясь от самого себя, глядя правде в лицо.

Ему было бы куда легче, думал он, если б он не чувствовал, что способен на большее, если б роль дурного примера для жителей Милвила была для него пределом, исчерпывала все его возможности.

А ведь раньше так и было, вспомнил он. Именно так обстояли дела в то время, когда он завербовался

на эту работу и подписал контракт. Но сейчас это уже пройденный этап. Он созрел для выполнения более сложных заданий.

Потому что он повзрослел, как, мало-помалу меняясь, загадочным образом постепенно взрослеют роботы.

Никуда не годится, что он обязан нести такую службу, в то время как теперь ему по силам задания более сложные, а таких ведь найдется немало. Но тут ничего не исправишь. Положение у него безвыходное. Обратиться за помощью не к кому. Самовольно оставить свой пост невозможно.

Ведь для того чтобы он не работал впустую, существовало правило, по которому только один-единственный человек, обязанный хранить это в строжайшей тайне, знал о том, что он робот. Все остальные должны были принимать его за человека. В противном случае его труд потерял бы всякий смысл. Как бездельник и пьяница человек он избавлял жителей городка от вульгарного порока; как никудышный, паршивый пьяница робот он не стоил бы ни гроша.

Поэтому все оставались в неведении, даже муниципалитет, который, надо полагать, без большой охоты платит ежегодный членский взнос Обществу Прогресса и Совершенствования Человеческого Рода, не зная, на что идут эти деньги, но тем не менее не решаясь уклониться от платежа. Ибо не каждый муниципалитет был удостоен чести пользоваться особыми услугами ОПСЧР. Стоило не уплатить взнос, и наверняка Милвилу пришлось бы ждать да ждать, пока ему посчастливилось бы снова попасть в члены этого Общества.

Вот он и застрял здесь, подумал Тобиас, связанный по рукам и ногам десятилетним контрактом, о существовании которого город и не догадывается, но это не меняет дела.

Он знал, что ему не с кем даже посоветоваться. Не было человека, которому он мог бы все выложить начистоту, ибо, как только он кому-нибудь откроется, вся его работа пойдет насмарку, он бессовестно подведет город. А на такое не решится ни один робот. Это же непорочно.

Он пытался логически обосновать причину такой неодолимой тяги к точному выполнению предписанного, причину своей неспособности нарушить

обязательства, зафиксированные в контракте. Но логика тут ни при чем—все это существовало в нем само по себе. Так уж устроены роботы; это один из множества факторов, сочетанием которых определяется их поведение.

Итак, выхода у него не было. По условиям контракта ему предстояло еще десять лет пить горькую, в непотребном виде слоняться по улицам, играть роль одуревшего от каждодневного пьянства, опустившегося человека, для которого все на свете—трин-трава. И он должен ломать эту омедию, чтобы подобным выродком не стал кто-нибудь из горожан.

Но как же обидно разминаться на такие мелочи, зная, что ты способен выполнять более квалифицированную работу, зная, что твой нынешний разряд дает тебе право заняться творческим трудом на благо общества.

Он положил на стол руку и услышал, как под ней что-то зашуршало.

Письмо. Он совсем забыл про письмо.

Он взглянул на конверт, увидел, что на нем нет обратного адреса, и сразу смекнул, от кого оно.

Вынув из конверта сложенный пополам листок бумаги, он убедился, что чутье его не обмануло. Вверху страницы, над текстом, стоял штамп Общества Прогресса и Совершенствования Человеческого Рода.

В письме было написано следующее:

«Дорогой коллега!

Вам будет приятно узнать, что на основе последнего анализа Ваших способностей установлено, что в настоящее время Вы более всего подходите для исполнения обязанностей координатора и экспедитора при организующейся колонии людей на одной из осваиваемых планет. Мы уверены, что, заняв такую должность, Вы принесете большую пользу, и готовы при отсутствии каких-либо иных соображений предоставить Вам эту работу немедленно.

Однако нам известно, что еще не истек срок заключенного Вами ранее контракта и, быть может, в данный момент Вы считаете неудобным поставить вопрос о переходе на другую работу.

Если ситуация изменится, будьте любезны незамедлительно дать нам знать».

Под письмом стояла неразборчивая подпись.

Тобиас старательно сложил листок и сунул его в карман.

И ему отчетливо представилось, как там, на другой планете, где солнцем зовут другую звезду, он помогает первым поселенцам основать колонию, трудится вместе с колонистами, но не как робот, а как человек, настоящий человек, полноправный член общества.

Совершенно новая работа, новые люди, новая обстановка.

И он перестал бы наконец играть эту отвратительную роль. Никаких трагедий, никаких комедий. Никакого паясничанья. Со всем этим было бы раз и навсегда покончено.

Он поднялся со стула и зашагал взад-вперед по комнате.

Как все нескладно, подумал он. Почему он должен торчать здесь еще десять лет? Он же ничего не должен этому городку — его ничто здесь не держит... разве только обязательство по контракту, которое священо и нерушимо. Священно и нерушимо для робота.

И получается, что он намертво прикован к этой крошечной точке на карте Земли, тогда как мог бы стать одним из тех, кто сеет меж далеких звезд семена человеческой цивилизации.

Поселенцев было бы совсем немного. Уже давно отказались от организации многолюдных колоний — они себя не оправдали. Теперь для освоения новых планет посылали небольшие группы людей, связанных старой дружбой и общими интересами.

Тобиас подумал, что такие поселенцы скорее напоминали фермеров, чем колонистов. Попытать счастья в космосе отправлялись люди, близко знавшие друг друга на Земле. Даже кое-какие деревушки посылали на другие планеты маленькие отряды своих жителей, подобно тому как в глубокой древности общины отправляли с Востока на дикий неосвоенный Запад караваны фурунов.

И он тоже стал бы одним из этих отважных искателей приключений, если б смог нарушить условия контракта, если б смог сбежать из этого городка, избавиться от этой бездарной, унижительной работы.

Но этот путь для него закрыт. Ему оставалось лишь пережить горечь полного крушения надежд.

Раздался стук в дверь, и, пораженный, он замер на месте: в его дверь никто не стучался уже много лет. Стук в дверь, сказал он себе, может означать только надвигающуюся беду. Может означать только то, что там, на дороге, его узнали — а он уже начал привыкать к мысли, что ему все-таки удастся выйти сухим из воды.

Тобиас медленно подошел к двери и отворил ее. Их было четверо: местный банкир Герман Фробишер, миссис Хэлворсен, супруга баптистского священника, Бад Эндерсон, тренер футбольной команды, и Крис Лэмберт, редактор Милвилского еженедельника.

И по их виду он сразу понял, что дела его плохи — неприятность настолько серьезна, что от нее не спастись. Лица вошедших выражали искреннюю преданность и благодарность с оттенком некоторой неловкости, какую испытывают люди, когда осознают свою ошибку и дают себе слово разбиться в лепешку, чтобы ее исправить.

Фробишер так решительно, с таким преувеличенным дружелюбием протянул Тобиасу свою пухлую руку, что впору было расхохотаться.

— Тоуб,—сказал он,—уж не знаю, как вас благодарить. Я не нахожу слов, чтобы выразить, как мы глубоко тронуты вашим сегодняшним поступком.

Тобиас попытался отделаться быстрым рукопожатием, но банкир в аффекте стиснул его руку и не желал отпускать.

— А потом взяли да сбежали! — заверещала миссис Хэлворсен. — Нет чтобы подождать и показать всем, какой вы замечательный человек. Хоть убей, не пойму, что на вас нашло.

— Дело-то пустяшное,—промямлил Тобиас.

Банкир наконец выпустил его руку, и ею тут же завладел тренер, словно только и ждал, когда ему предоставится такая возможность.

— Благодаря вам Рэнди жив и в форме,—заговорил он. — Завтра ведь игра на кубок, а нам без него хоть не выходи на поле.

— Мне нужна ваша фотография, Тоуб,—сказал редактор. — У вас найдется фотография? Хотя, что я — откуда ей у вас быть? Ничего, мы завтра же вас сфотографируем.

— Но первым делом,—сказал банкир,—мы переселим вас из этой халупы.

— Из этой халупы? — переспросил Тобиас, испугавшись уже не на шутку. — Мистер Фробишер, так это ж мой дом!

— Нет, уже не ваш, баста! — взвизгнула миссис Хэлворсен. — Мы позаботимся о том, чтобы дать вам возможность исправиться. Такого шанса вам еще в жизни не выпадало. Мы намерены обратиться в АОБА.

— АОБА? — в отчаянии повторил за ней Тобиас.

— Анонимное Общество по Борьбе с Алкоголизмом, — чопорно пояснила супруга пастора. — Оно поможет вам излечиться от пьянства.

— А что, если Тоуб вовсе не хочет стать трезвенником? — предположил редактор.

Миссис Хэлворсен раздраженно скрипнула зубами.

— Он хочет, — заявила она. — Нет человека, который бы...

— Да будет вам, — вмешался Фробишер. — Не все сразу. Мы обсудим это с Тоубом завтра.

— Ага, — обрадовался Тобиас и потянул на себя дверь, — отложим наш разговор до завтра.

— Э, нет, так не годится, — сказал банкир. — Вы сейчас пойдете со мной. Жена ждет вас к ужину, для вас приготовлена комната, и, пока все не уладится, вы поживете у нас.

— Чего ж тут особенно улаживать? — запротестовал Тобиас.

— Как это чего? — возмутилась миссис Хэлворсен. — Наш город палец о палец не ударил, чтобы хоть как-нибудь вам помочь. Мы всегда держались в стороне, спокойно наблюдая, как вы чуть ли не на четвереньках тащитесь мимо. А это очень дурно. Я серьезно поговорю с мистером Хэлворсеном.

Банкир дружески обнял Тобиаса за плечи.

— Пойдемте, Тоуб, — сказал он. — Мы у вас в неоплатном долгу и сделаем для вас все, что в наших силах.

Он лежал на кровати, застеленной белоснежной хрустящей простыней, и такой же простыней был укрыт, а когда все уснули, он вынужден был тайком пробраться в уборную и спустить в унитаз всю пищу, которую его заставили съесть за ужином.

Не нужны ему белоснежные простыни. Ему вообще не нужна кровать. В его развалюхе, правда, стояла

кровать, но только для отвода глаз. А здесь — лежи среди белых простынь, да еще Фробишер заставил его принять ванну, что, между прочим, было для него весьма кстати, но как же он из-за этого разволновался!

Жизнь изгажена, думал Тобиас. Работа спущена в канализационную трубу. Он все испортил, да так по-глупому! И теперь он уже не отправится с горсткой отважных осваивать новую планету; даже тогда, когда он окончательно развяжется со своей нынешней работой, у него не будет никаких шансов на что-либо действительно стоящее. Ему поручат еще одну занюханную работенку, он будет вкалывать еще двадцать лет и, возможно, снова промахнется — уж если есть в тебе слабинка, от нее никуда не денешься.

А такая слабинка в нем была. Он убедился в этом сегодня вечером.

Но с другой стороны, что ему оставалось делать? Неужели он должен был прошмыгнуть мимо, допустить, чтобы те двое погибли в горящей машине?

Он лежал на чистой белой простыне, смотрел на струившийся из окна в комнату чистый, белый свет луны и задавал себе вопрос, на который не мог ответить.

Правда, у него еще оставалась одна надежда, и, чем больше он думал, тем радужней смотрел в будущее; мало-помалу на душе у него становилось легче.

Еще можно все переиграть, говорил он себе; нужно только снова надраться до чертиков, вернее, притвориться пьяным, ибо он ведь никогда не бывал пьян по-настоящему. И тогда он так разгуляется, что его подвиги войдут в историю городка. В его власти непоправимо опозорить себя. Он может демонстративно, по-хамски отказаться от предоставленной ему возможности стать порядочным. Он может всем этим достойным людям с их добрыми намерениями отпустить такую звонкую оплеуху, что покажется им во сто крат отвратительней, чем прежде.

Он лежал и мысленно рисовал себе, как это будет выглядеть. Идея была отличная, и он обязательно претворит ее в жизнь... но, пожалуй, есть смысл заняться этим немного погодя.

Такая хулиганская выходка произведет большее впечатление, если он слегка повременит, этак с недельку будет разыгрывать из себя тихоню. Тогда его грехопадение ударит их похлеще. Пусть-ка понежатся в лучах собственной добродетели, вкусят высшую радость, считая, что вытащили его из грязи и наставили

на путь истинный; пусть окрепнет их надежда — и вот тогда-то он, издевательски хохоча, пьяный в дым, спотыкаясь, потащится обратно в свою лачугу над болотом.

И все уладится. Он снова включится в работу, а пользы от него будет даже больше, чем до этого происшествия.

Через одну-две недели. А может, и позже...

И вдруг он словно прозрел: его поразила одна мысль. Он попытался прогнать ее, но она, четкая и ясная, не уходила.

Он понял, что лжет самому себе.

Он не хотел опять стать таким, каким был до сегодняшнего вечера.

С ним же случилось именно то, о чем он мечтал, признался он себе. Он давно мечтал завоевать уважение своих сограждан, расположить их к себе, почувствовать наконец внутреннюю удовлетворенность.

После ужина Фробишер завел разговор о том, что ему, Тобиасу, необходимо устроиться на какую-нибудь постоянную работу, заняться честным трудом. И сейчас, лежа в постели, он понял, как истосковался по такой работе, как жаждет стать скромным, уважаемым гражданином Милвила.

Но он знал, что этому не бывать, что обстановка сложилась хуже некуда. Ведь он уже не просто портач, а предатель, причем полностью это осознавший.

Какая ирония судьбы: выходит, что провал работы был его заветной мечтой, а теперь, когда эта мечта осуществилась, он все равно остается в проигрыше.

Будь он человеком, он бы заплакал.

Но плакать он не умел. Напрягшись всем телом, он лежал на белоснежной накрахмаленной простыне, а в окно лился белоснежный и словно тоже подкрахмаленный лунный свет.

Он нуждался в чьей-нибудь помощи. Первый раз в жизни он испытывал потребность в дружеской поддержке.

Было лишь одно место, куда он мог обратиться, — но только в самом крайнем случае.

Почти бесшумно Тобиас натянул на себя одежду, выскользнул из двери и на цыпочках спустился по лестнице.

Пройдя обычным шагом квартал, он решил, что теперь уже можно не осторожничать, и помчался во

весь дух, гонимый страхом, который летел за ним по пятам, точно обезумевший всадник.

Завтра матч, тот самый решающий матч, в котором покажет класс игры спасенный им Рэнди Фробисер, и, должно быть, Энди Донновэн работает сегодня допоздна, чтобы освободить себе завтрашний день и пойти на стадион.

Интересно, который сейчас час, подумал Тобиас, и у него мелькнула мысль, что, вероятно, уже очень поздно. Но Энди наверняка еще возится с уборкой — не может быть, чтобы он ушел.

Оказавшись у цели, Тобиас взбежал по извилистой дорожке к темному, с расплывчатыми очертаниями зданию школы. Ему вдруг пришло в голову, что он уйдет из школы ни с чем, что бежал так сюда зря, и он почувствовал внезапную слабость.

Но в этот миг он заметил свет в одном из окон полуподвала — в окне кладовой и понял, что все в порядке.

Дверь была заперта, и он забарабанил по ней кулаком, потом, немного подождав, постучал еще раз.

Наконец он услышал, как кто-то, шаркая подошвами, медленно поднимается по лестнице, а спустя одну-две минуты за дверным стеклом замаячила колеблющаяся тень.

Раздался звон перебираемых ключей, щелкнул замок, и дверь открылась.

Чья-то рука быстро втащила его в дом. Дверь за ним захлопнулась.

— Тоуб! — воскликнул Энди Донновэн. — Как хорошо, что ты пришел.

— Энди, я такого натворил!..

— Знаю, — прервал его Энди. — Мне уже все известно.

— Я не мог допустить, чтобы они погибли. Я не мог оставить их без помощи. Это было бы не по-человечески.

— Это было бы в порядке вещей, — сказал Энди. — Ты же не человек.

Он первым стал спускаться по лестнице, держась за перила и устало шаркая ногами.

Со всех сторон их обступила гулкая тишина опустевшего здания, и Тобиас почувствовал, как непередаваемо жутко в школе в ночное время.

Войдя в кладовую, уборщик сел на какой-то пустой ящик и указал роботу на другой.

Но Тобиас остался стоять. Ему не терпелось поскорей исправить положение.

— Энди,— заговорил он,— я все продумал. Я напьюсь страшным образом и...

Энди покачал головой.

— Это ничего не даст,— сказал он.— Ты неожиданно для всех совершил доброе дело, стал в их глазах героем. И, помня об этом, горожане будут тебе все прощать. Что бы ты ни вытворял, какого бы ни строил из себя пакостника, они никогда не забудут, что ты для них сделал.

— Так, значит...— произнес Тобиас с оттенком вопроса.

— Ты прогорел,— сказал Энди.— Здесь от тебя уже не будет никакой пользы.

Он замолчал, пристально глядя на вконец расстроенного робота.

— Ты прекрасно справлялся со своей работой,— снова заговорил Энди.— Пора тебе об этом сказать. Трудился ты на совесть, не щадя сил. И благотворно повлиял на город. Ни один из жителей не решился стать таким подонком, как ты, таким презренным и отвратительным...

— Энди,— страдальчески проговорил Тобиас,— перестань увешивать меня медалями.

— Мне хочется подбодрить тебя,— сказал Энди.

И тут, несмотря на все свое отчаяние, Тобиас почувствовал, что его разбирает смех — неуместный, пугающий смех от мысли, которая внезапно пришла ему в голову.

И этот смех становился все неудержимее — Тобиас смеялся над горожанами: каково бы им пришлось, узнай они, что своими добродетелями обязаны двум таким ничтожествам — школьному уборщику с шаркающей походкой и мерзкому пропойце.

Сам он, как робот, в такой ситуации, пожалуй, мало что значил. А вот человек... Выбор пал не на банкира, не на коммерсанта или пастора, а на уборщика — мойщика окон, полотера, истопника. Это ему доверили тайну, он был назначен связным. Он был самым важным лицом в Милвиле.

Но горожане никогда не узнают ни о своем долге, ни о своем унижении. Они будут свысока относиться

к уборщику. Будут терпеть пьяницу — вернее, того, кто займет его место.

Потому что с пьяницей покончено. Он прогорел. Так сказал Энди Донновэн.

Тобиас инстинктивно почувствовал, что кроме него и Энди в кладовой есть кто-то еще.

Он стремительно повернулся на каблуках и увидел перед собой незнакомца.

Тот был молод, элегантен и с виду малый не промах. У него были черные, гладко зачесанные волосы, а в его облике было что-то хищное, и от этого при взгляде на него становилось не по себе.

— Твоя замена, — слегка усмехнувшись, сказал Энди. — Уж он-то отпетый негодяй, можешь мне поверить.

— Но по нему не скажешь...

— Пусть его внешность не вводит тебя в заблуждение, — предостерег Энди. — Он куда хуже тебя. Это последнее изобретение. Он гнуснее всех своих предшественников. Тебя здесь никогда так не презирали, как будут презирать его. Его возненавидят от всей души, и нравственность жителей Милвила повысится до такого уровня, о каком раньше и не мечтали. Они будут из кожи вон лезть, чтобы не походить на него, и все до одного станут честными — даже Фробишер.

— Ничего не понимаю, — растерянно пролепетал Тобиас.

— Он откроет в городе контору, как раз под стать такому вот молодому энергичному бизнесмену. Страхование, разного рода сделки купли, продажи и найма движимой и недвижимой собственности, залоговые операции — короче, все, на чем он сможет нажиться. Не нарушив ни единого закона, он обдерет их как липку. Жестокость он замаскирует ханжеством. С обаятельной искренней улыбкой он будет обворовывать всех и каждого, свято чтя при этом букву закона. Он не постесняется пойти на любую низость, не побрезгует самой подлой уловкой.

— Ну разве ж так можно?! — вскричал Тобиас. — Да, я был пьяницей, но по крайней мере я вел себя честно.

— Наш долг — заботиться о благе всего человечества, — торжественно заявил Энди. — Позор для Мил-

вила, если в нем когда-либо объявится такой человек, как он.

— Вам видней,—сказал Тобиас.— Я умываю руки. А что будет со мной?

— Пока ничего,—ответил Энди.— Ты вернешься к Фробишеру и подчинишься естественному ходу событий. Поступи на работу, которую он для тебя подыщет, и живи тихо-мирно, как порядочный, достойный уважения гражданин Милвила.

Тобиас похолодел.

— Ты хочешь сказать, что вы меня окончательно списали? Что я вам больше не нужен? Но я же старался изо всех сил! А сегодня вечером мне просто нельзя было поступить по-другому. Вы не можете так вот запросто вышвырнуть меня вон!

Энди покачал головой.

— Придется открыть тебе один секрет. Лучше б ты узнал об этом чуток попозже, но... Видишь ли, в городе поговаривают о том, чтобы послать часть жителей в космос осваивать одну из недавно открытых планет.

Тобиас выпрямился и настороженно замер: в нем было вспыхнула надежда, но сразу же померкла.

— А я тут при чем?—сказал он.— Не пошлют же они такого пьяницу, как я.

— Теперь ты для них хуже чем пьяница,—сказал Энди.— Намного хуже. Когда ты был обыкновенным забулдыгой, ты был весь как на ладони. Они наперечет знали все твои художества. Они всегда ясно представляли, чего от тебя можно ждать. А бросив пить, ты спутаешь им карты. Они будут неусыпно следить за тобой, попытаются угадать, какой ты им можешь преподнести сюрприз. Ты лишишь их покоя, и они изведутся от сомнений в правильности занятой ими позиции. Ты обременишь их совесть, станешь причиной постоянной нервозности, и они будут пребывать в вечном страхе, что в один прекрасный день ты так или иначе докажешь, какого они свалили дурака.

— С таким настроением они никогда не включат меня в число будущих колонистов,—произнес Тобиас, распрощавшись с последней тенью надежды.

— Ошибаешься,—возразил Энди.— Я уверен, что ты полетишь в космос вместе с остальными. Добропорядочные и слабонервные жители Милвила не упустят такой случай, чтобы от тебя избавиться.

ЗЕМЛЯНЕ

В дверь упорно продолжали стучать.

Миссис Ттт рывком открыла.

— Что вам?

— Вы говорите по-английски!

Человек, стоявший на пороге, не мог скрыть своего удивления.

— Говорю, как могу,— ответила женщина.

— Да ведь это настоящий английский!

Человек был в комбинезоне. За ним стояли еще трое, запыхавшиеся, грязные, улыбающиеся.

— Что вам нужно? — снова потребовала миссис Ттт.

— Вы — марсианка? — человек широко улыбался. — Хотя, что я, откуда вам знать это слово. Так говорят у нас, на Земле. — Он кивком указал на своих товарищей. — Мы с Земли. Позвольте представиться — капитан Уильямс. Час назад мы посадили ракету на Марсе. Мы — это Вторая экспедиция. Была еще Первая, но о ней ничего не известно. Что бы ни было, но мы здесь. А вы первая марсианка, которую мы встретили.

— Марсианка? — брови женщины удивленно взлетели вверх.

— Я хочу сказать, вы живете на четвертой от Солнца планете. Ведь так?

— Без вас знаю, — огрызнулась она, окидывая их взглядом.

— А мы, — капитан прижал к груди короткопалую розовую руку, — мы с Земли. Верно, ребята?

— Верно, — хором откликнулись те.

— Это планета Тирр, — сказала женщина, — если уж вас интересует, как она на самом деле называется.

— Тирр, Тирр. — Капитан неуверенно засмеялся. — Отличное название. Но скажите, милая, где вы научились так хорошо говорить по-английски?

— Я не говорю, я думаю,— ответила женщина.— Телепатия. До свидания.

И она захлопнула дверь.

Не прошло и минуты, как этот ужасный тип снова колотил в нее.

Миссис Ттт открыла:

— Что еще?

Человек стоял на том же месте. Он все еще улыбался, но вид у него был явно обескураженный. Он протянул к ней руки:

— Мне кажется, вы не поняли...

— Чего не поняла?— раздраженно сказала женщина.

Он оторопел:

— Мы с Земли, понимаете?

— Мне не до вас. Дел по горло— надо стряпать, убирать, шить. Если вы к мистеру Ттт, он наверху, в своем кабинете.

— Хорошо,— неуверенно произнес человек с Земли.— Позвольте тогда поговорить с мистером Ттт.

— Он занят.

Женщина в сердцах хлопнула дверью.

На сей раз в дверь стучали непозволительно громко.

— Послушайте!— воскликнул землянин, и, как только женщина снова открыла дверь, буквально перепрыгнул через порог, словно боялся дать ей опомниться.— Разве так принимают гостей?

— О мой чистый пол!— взвизгнула женщина.— В грязных башмаках! Ступайте вон отсюда! Потрудились бы ноги вытереть.

Человек в растерянности посмотрел на свои грязные ботинки.

— Какие пустяки,— наконец промолвил он.— Разве сейчас до этого! Прежде всего нам надо отпраздновать...

Он посмотрел на женщину таким долгим взглядом, будто не сомневался, что теперь-то она все поймет.

— Если в духовке подгорят хрустальные булочки, я не знаю, что с вами сделаю. Огрею поленом, вот что!— И она метнулась в кухню, к раскаленной маленькой плите.

Когда она вернулась, лицо ее было красным и лоснилось от пота. Глаза у женщины были пронзительно-желтые, кожа матово-смуглой, а сама она, тоненькая

и юркая, напоминала насекомое. Голос резкий, металлически-звонкий.

— Подождите здесь. Я посмотрю, сможет ли мистер Ттт уделить вам минутку. Какое, вы сказали, у вас к нему дело?

Человек чертыхнулся так, словно его ударили молотком по пальцу.

— Скажите ему, что мы прилетели с Земли! Что такого еще не бывало!..

— Чего не бывало? Хорошо, хорошо,— она успокаивающе подняла смуглую руку.— Я сейчас вернусь.

Звук ее быстрых, drobных шагов отозвался эхом в глубине каменного дома.

За окном безбрежно синело знойное марсианское небо, неподвижное, как глубокие воды тропического моря. Марсианская пустыня напоминала доисторический грязевой вулкан, в котором что-то вспухало и булькало. Над пустыней дрожал и переливался раскаленный воздух. Невдалеке, на пригорке, лежала ракета, и цепочка четких следов вела от нее к дверям каменного дома.

Наверху послышался шум спорящих голосов. Стоявшие внизу переглянулись. Томясь ожиданием, они переминались с ноги на ногу, не знали, куда девать руки, и то и дело поправляли пояса комбинезонов. Наверху мужской голос что-то крикнул, ему ответил женский голос. Прошло пятнадцать минут. Космонавты то заходили в кухню, то снова возвращались в прихожую.

— Сигареты есть?— спросил один из них.

Кто-то достал пачку, и они закурили, медленно пуская в воздух струйки белесого дыма. Они снова одернули комбинезоны, поправили воротнички. Сверху по-прежнему доносились голоса: то глухой, бубнящий, то звонкий.

Командир посмотрел на часы:

— Двадцать пять минут. Интересно, о чем это они там?

Он подошел к окну и выглянул.

— Жара-то какая,— сказал кто-то из космонавтов.

— Угу,— лениво подтвердил другой разморенным от духоты голосом.

Беседа наверху перешла в однообразное бормотание, а затем наступила тишина. В доме словно вымерло. Космонавты слышали лишь собственное дыхание.

В полном безмолвии прошел час.

— Надеюсь, наш визит не причинил неприятностей,— сказал командир и заглянул в гостиную.

Миссис Ттт была там и поливала цветы, растущие в центре комнаты.

— Так и знала, что забуду,— воскликнула она, увидев капитана, и вернулась в кухню.— Все время было такое чувство, будто что-то забыла. Извините.— Она протянула ему узкий клочок бумаги.— Мистер Ттт очень занят.— Она снова хлопотала у плиты.— Все равно вам нужен мистер Ааа, а совсем не мистер Ттт, поэтому отнесите эту записку на соседнюю ферму, ту, что у голубого канала, и мистер Ааа все вам объяснит.

— Нам ничего не надо объяснять,— запротестовал капитан и обиженно надул толстые губы.— Что объяснять, все ясно.

— Вы получили записку? Что еще вам нужно? — возмутилась миссис Ттт и не пожелала больше разговаривать.

— Ну что ж,— вздохнул капитан, все еще не веря, как мальчишка, который смотрит на рождественскую елку без игрушек.— Пошли, ребята.

Они вышли навстречу знойному безмолвию марсианского дня.

Спустя полчаса мистер Ааа, который сидел наверху в своей библиотеке и лениво потягивал синее пламя из металлической пилалы, услышал голоса на дорожке перед домом. Высунувшись из окна, он увидел четырех мужчин в комбинезонах. Задрав головы и щурясь от солнца, они смотрели на него.

— Мистер Ааа?

— Он самый.

— Нас послал к вам мистер Ттт,— крикнул капитан.

— Зачем? Что это ему взбрело в голову?

— Он очень занят.

— Подумать только! — язвительно воскликнул мистер Ааа.— Он занят, а я, видите ли, нет. Он, должно быть, считает, что мне больше делать нечего, как развлекать тех, с кем он сам не пожелал возиться.

— Это не так уж важно,— крикнул капитан.

— Для кого не важно, а для меня важно. Я должен прочесть уйму книг, но мистер Ттт не привык

считаться с другими. Это уже не впервые. Не размахивайте руками, сэр. И извольте выслушать, что вам говорят. Я привык, чтобы меня слушали. Так что будьте любезны выслушать, в противном случае я вообще не стану с вами разговаривать.

Четверо землян, раскрыв рты от удивления, неловко топтались на месте, а у капитана даже блеснули слезинки в глазах и на лбу вздулись жилы.

— Итак,—назидательным тоном продолжал мистер Ааа,—вы считаете, что мистер Ттт имеет полное право вести себя подобным образом?

Четверо безмолвно взирали на него, изнывая от жары.

— Мы с Земли! — крикнул капитан.

— Я же считаю это верхом невоспитанности,—бубнил свое мистер Ааа.

— Ракета. Мы на ней прилетели. Она там!

— Уже не в первый раз мистер Ттт позволяет себе такое, слышите!

— Мы прилетели издалека, с самой Земли!

— Ба, как это мне сразу не пришло в голову! Позвоню ему и выложу все как есть.

— Нас всего четверо: я и три космонавта, весь экипаж.

— Да, да, позвоню. Прямо сейчас же, не откладывая.

— Земля. Ракета. Люди. Космический полет. Открытый космос...

— Позвоню и задам хорошенькую взбучку! — крикнул мистер Ааа и исчез — точь-в-точь марионетка в кукольном театре.

С минуту слышалась перебранка по какому-то аппарату. Капитан и его товарищи с тоской поглядывали на ракету, лежавшую на пригорке. Она казалась такой красивой, родной и желанной.

Наконец мистер Ааа снова появился в окне. Он сиял:

— Вот, вызвал его на дуэль, черт побери! На дуэль!

— Мистер Ааа...— начал было снова капитан тихим голосом.

— Я пристрелю его, и дело с концом, слышите!

— Мистер Ааа, мы покрыли расстояние в шестьдесят миллионов миль...

Мистер Ааа словно впервые увидел капитана.

— Позвольте, откуда вы?

Белоснежные зубы капитана блеснули в радостной улыбке.

— Ну вот, теперь пойдет настоящий разговор, ребята,— торопливо шепнул он своим товарищам.— Мы пролетели шестьдесят миллионов миль! Мы с Земли!— крикнул он мистеру Ааа.

Тот равнодушно зевнул.

— Положим, в это время года до нее не более пятидесяти миллионов миль.— Он взял в руки какое-то устрашающего вида оружие.— Мне пора. А вашу дурацкую записку, хотя не знаю, что хорошего из этого выйдет, отнесите в городок Иопр, вон за тем холмом, и спросите мистера Иии. Он именно тот, кто вам нужен. А вовсе не мистер Ттт, этот болван, каких мало. Уж я постараюсь разделаться с ним. А что до меня, то увольте, ничем не могу помочь. Не мой профиль.

— Какой профиль!— взмолился капитан.— Разве нужен какой-то профиль, чтобы по-хорошему встретить гостей с Земли?

— Не будьте идиотом. Это всякий может,— воскликнул мистер Ааа и спустился вниз.— Прощайте!— крикнул он и поскакал по дорожке — ни дать ни взять взбесившийся кронцикуль.

Четверо землян остолбенело глядели ему вслед.

— Все же мы найдем того, кто захочет нас выслухать,— наконец промолвил капитан.

— Может, лучше уйти, а потом вернуться,— удрученным голосом произнес кто-то из космонавтов.— Может, стоит взлететь и снова сесть. Дать им время подготовиться к встрече.

— Может, и так. Мысль неплохая,— устало промолвил капитан.

Маленький городок казался необычайно оживленным. Его жители то и дело вбегали в дома и снова выбегали, на ходу приветствуя друг друга. Лица их скрывали маски — золотые, голубые, даже темно-красные для пущего разнообразия, маски с серебряным ртом и бронзовыми бровями, улыбающиеся и хмурые, что кому по нраву.

Космонавты, порядком уставшие и взмокшие от жары, остановили на улице девочку и спросили, где найти дом мистера Иии.

— Вон там,— кивком указала она.

Капитан, не в силах скрыть переполнявших его чувств, опустился на колено, привлек к себе девочку и, заглянув в ее безмятежное личико, вдруг сказал:

— Милое дитя, позволь мне поговорить с тобой.

Он посадил девочку на колено и взял ее смуглые маленькие руки в свои широкие ладони, словно приготовился рассказать ей сказку, какие рассказывают детям на ночь. Он, казалось, мысленно предвкушал, какой она будет интересной, во всех своих подробностях и мельчайших деталях.

— Послушай, как это было, малышка. Полгода назад на Марс прилетела ракета. На ней был человек, звали его Йорк, а с ним его помощник. Что было дальше, никто не знает. Может, они разбились. Прилетели они на ракете, так же как мы. Видела бы ты нашу ракету! Она во какая большая! Так вот, мы — это Вторая экспедиция, а та была Первая. А прилетели мы с самой Земли...

Девочка высвободила руку и опустила на лицо маску. Маска выражала полное равнодушие. А затем, пока капитан продолжал свой рассказ, она вынула золотого игрушечного паука и бросила его на тротуар. Паук тут же послушно взобрался ей на колено, а девочка сквозь прорези в маске наблюдала за ним.

Капитан легонько тряхнул ее, чтобы не отвлекалась.

— Мы — земляне,— сказал он.— Ты веришь мне?

— Да.— Девочка искоса поглядывала, как шевелятся в пыли ее босые пальцы.

— Отлично.— Капитан легонько ущипнул ее за руку — то ли в шутку, то ли от досады, потому что хотел, чтобы она не отвлекалась, а смотрела только на него.— Мы сами построили эту ракету. Ты мне веришь?

— Да.— Девочка засунула палец в нос.

— Понимаешь... Нет, так дело не пойдет. Вынь пальчик из носа, малышка. Я командир ракеты, и...

— ...до этого никто еще не отправлялся в космос на такой большой ракете...— зажмурив глаза, произнесла девочка.

— Прекрасно! Позволь, откуда ты это знаешь?

— Телепатия! — Девочка вытерла палец о коленку.

— Неужели тебе совсем не интересно?...— воскликнул капитан.— Разве ты не рада?

— Идите лучше к мистеру Иии.— Девочка снова бросила на землю игрушку.— Он с удовольствием поговорит с вами.

И она убежала. За ней послушно последовал паук.

Капитан так и остался сидеть на корточках, открыв рот и протянув вслед девочке руки. На глаза навернулись слезы, и он беспомощно перевел взгляд на свои пустые руки. Его спутники молчали, уставившись на собственные тени. Затем в сердцах все трое сплюнули на каменные плиты тротуара...

Мистер Иии сам открыл дверь. Он торопится на лекцию, в его распоряжении всего одна минута, и если они ненадолго, то могут войти и изложить свою просьбу, только покороче.

— Всего лишь немного внимания,— начал усталый, с воспаленными глазами капитан.— Мы прилетели с Земли, на ракете, нас четверо — командир корабля и трое членов экипажа. Мы устали, голодны, нуждаемся в отдыхе. Если кто-нибудь вручит нам ключи от вашего города или что-нибудь в этом роде, символическое, пожмет руки, крикнет: «Ура! Поздравляем, ребята!» — этого будет вполне достаточно...

Мистер Иии был высокий, тощий, меланхолического вида человек. За толстыми синими линзами прятались желтые глаза. Он наклонился над письменным столом и стал перебирать бумаги, будто искал что-то, то и дело пристально и изучающе поглядывая на гостей.

— Вот досада, боюсь, у меня нет с собой бланков.— Он пошарил в ящиках.— Куда я их сунул? — Он на мгновение задумался.— Они должны быть где-то здесь, где-то здесь. А, вот они! Пожалуйста,— он быстрым движением протянул капитану какие-то листки.— Их следует подписать.

— Неужели нельзя без дурацких формальностей!

Мистер Иии вперил в капитана неподвижный, стеклянный взгляд:

— Вы утверждаете, что прибыли с Земли, не так ли? Тогда придется подписать.

Капитан поставил свою подпись.

— И они тоже? — спросил он, указывая на членов экипажа.

Мистер Иии бросил взгляд на капитана, потом на трех космонавтов и вдруг разразился издевательским смехом:

— *Они?* Вот потеха! Великолепно! *Они* тоже! — Слезы текли по его щекам, он даже хлопнул себя по

колену от восторга. Корчась от смеха, толчками вылетавшего из его широко открытого рта, мистер Иии согнулся вдвое и ухватился за край стола.— *Они тоже!*

Космонавты в недоумении нахмурились.

— Что тут смешного?

— *Они тоже?*— еле перевел дух обессилевший от смеха мистер Иии.— Обязательно расскажу мистеру Ххх. Чертовски смешно!— И все еще смеясь, он принялся изучать подписанные капитаном бумаги.— Как будто все в порядке.— Он удовлетворенно кивнул головой.— Даже согласие на эвтаназию, если понадобится.— И, довольный, хихикнул.

— На что?

— А, пустяки. У меня есть для вас приятный сюрприз. Вот вам ключ.

Капитан даже покраснел от удовольствия.

— Это такая честь...

— Не от города, болван!— вдруг сердито оборвал его мистер Иии.— Всего лишь от Дома. Пройдете по коридору прямо, до большой двери. Откроете ее этим ключом, и не забудьте хорошенько захлопнуть за собой. Там и переночуете. А утром я пришлю к вам мистера Ххх.

Капитан нерешительно взял ключ, но так и остался стоять, опустив голову и уставившись в пол. Его ребята стояли молча, чувствуя, как силы покидают их, энтузиазм улетучился, и не осталось ничего, кроме чувства опустошенности.

— Это что еще такое? В чем дело?— возмутился мистер Иии. Он подбежал к капитану и, изогнувшись, попытался заглянуть ему в лицо.— Чего еще вам нужно? Ну?

— Было бы неплохо...— пробормотал капитан.— Я хочу сказать, если бы вы вот...— он совсем растерялся и умолк.— Мы чертовски много работали, проделали такой путь, было бы неплохо хотя бы пожать нам руки, сказать: «Отлично, ребята!» Как вы думаете, а?..— голос его прервался.

Мистер Иии деревянно выбросил вперед руку:

— Поздравляю!— На губах была ледяная усмешка.— Поздравляю!— вновь повторил он, а затем повернулся к ним спиной.— Мне пора. Не забудьте ключ.

И словно их не было, словно они растаяли в воздухе или провалились сквозь пол, мистер Иии забежал по комнате, засовывая в портативный чемоданчик ка-

кие-то бумаги. Прошло не менее пяти минут, но он ни разу не взглянул на угрюмо поникшую четверку пришельцев с Земли. Они стояли понутив головы, чувствуя, как подкашиваются от усталости ноги, а свет меркнет в глазах. Наконец, сосредоточенно разглядывая ногти, мистер Иии выбежал из дома...

Спотыкаясь, они поплелись вразброд по тускло освещенному коридору. День угасал. Они остановились перед широкой дверью из черного серебра и открыли ее серебряным ключом. Войдя, они плотно прикрыли за собой дверь.

Они очутились в просторном, залитом солнцем зале, где группками стояли или сидели у столов мужчины и женщины и о чем-то беседовали.

Звук захлопнувшейся двери заставил их обернуться и посмотреть на вошедших.

Один из марсиан вышел вперед и поклонился.

— Я мистер Ууу,— промолвил он.

— Капитан Джонатан Уильямс из Нью-Йорка, Земля,— сдержанно представился капитан.

Боже, что тут началось!

Своды зала загудели от криков и приветственных возгласов. Возбужденная толпа, что-то выкрикивая и размахивая руками, опрокидывая и сдвигая столы и тесня друг друга, устремилась навстречу космонавтам, окружила их и подняла на руки. Шесть раз их пронесли по залу с песнями, танцами, бурными изъяснениями восторга, совершив шесть чудесных кругов почета.

Гости с Земли были столь ошеломлены таким приемом, что лишь после второго круга пришли в себя и поняли, что происходит. Они засмеялись и тоже начали кричать, обращаясь друг к другу.

— Вот это здорово! Давно бы так!

— Вот так прием, ребята! Ура, ура! Здорово-то как!

Они озорно перемигивались, радостно взмахивали руками.

— Гип-гип!

— Ура! — подхватила толпа.

Наконец их посадили за стол. Шум понемногу утих.

Капитан чуть не плакал от счастья.

— Благодарю вас! Это было здорово! Еще как здорово!

— Расскажите нам о себе,— попросил мистер Ууу. Капитан откашлялся и начал.

Толпа охала и ахала, слушая его рассказ. Наконец он представил им экипаж ракеты, и каждый из космонавтов произнес маленькую речь, теряясь и краснея от грома аплодисментов.

Мистер Ууу хлопнул капитана по плечу.

— Не представляете, как я вам рад. Я ведь тоже с Земли.

— Как же так?..

— У нас здесь многие с Земли.

— У вас? С Земли?— капитан оторопел.— Разве это возможно? Вы тоже прилетели на ракете? Разве и раньше были межпланетные полеты?— капитан не мог скрыть своего разочарования.— Откуда вы... Я хочу сказать, из какой страны?

— Туизрол. Я телепортировался сюда много лет назад.

— Туизрол,— капитан с трудом выговорил странное слово.— Я не знаю такой страны. А что значит телепортироваться?

— Миссис Ррр тоже с Земли. Не так ли, миссис Ррр?

Миссис Ррр утвердительно кивнула и засмеялась странным смехом.

— И мистер Ввв, и мистер Ккк, и мистер Ююю.

— А я с Юпитера,— заявил какой-то марсианин, кокетливо оправляя одежду.

— Я с Сатурна,— хитро блеснув глазами, сказал другой.

— Юпитер, Сатурн,— растерянно повторял капитан.

В зале снова воцарилась тишина. Снова все разбрелись, стояли группками и беседовали или же сидели за странно пустыми банкетными столами. Желтые глаза горели, на лица легли тени. Капитан только сейчас заметил, что в зале нет окон, и яркий свет, казалось, излучают сами стены. И всего лишь одна дверь. Лицо капитана дрогнуло.

— Странно. Где на Земле такая страна — Туизрол? Далеко ли от Америки?

— Что такое Америка?

— Как, вы не слышали об Америке? Ведь вы сказали, что с Земли? И ничего не знаете об Америке?

Мистер Ууу с достоинством выпрямился.

— Земля — это безбрежные моря. Одни моря и ничего больше. Суши нет. Я с Земли, я знаю.

— Погодите, — капитан отпрянул от него. — Вы похожи на марсианина! Желтые глаза, смуглая кожа...

— Земля — сплошные джунгли, — гордо изрекла миссис Ррр. — Я из страны Орри на Земле, страны серебряной культуры!

Капитан перевел взгляд с миссис Ррр на мистера Ууу, потом на мистера Ввв и мистера Ззз, на мистеров Ннн, Ггг и других. Он видел, как вспыхивают и гаснут их желтые глаза, как расширяются и сужаются зрачки. Его проняла дрожь. Наконец он повернулся и мрачно посмотрел на своих спутников.

— Знаете, что все это значит?

— Что, капитан?

— Это не торжественная встреча и не банкет в нашу честь, — устало произнес капитан. — А они не представители властей города. Это отнюдь не веселая пирушка с приятным сюрпризом. Обратите внимание на их глаза, вслушайтесь в их речи!

Дыхание замерло в груди. В замкнутом пространстве комнаты, в наступившей тишине, казалось, был слышен шорох напряженных взглядов.

— Теперь я понимаю... — донесся откуда-то издалика голос капитана, — зачем нам совали эти бумажки, почему каждый спешил отделаться и спроводить нас к другому, пока наконец мы не попали к мистеру Иии. А он дал нам ключ и послал сюда... открыть дверь и хорошенько захлопнуть за собой. Вот мы и здесь...

— Где, капитан?

— В сумасшедшем доме, — прервавшимся голосом произнес капитан.

Наступила ночь. В большом зале, едва освещенном невидимыми светильниками, было тихо. Четверо землян сидели за столом, понуро сдвинув головы, и шепотом беседовали. На полу вповалку спали мужчины и женщины. В темных углах кто-то беспокойно ворочался, размахивал во сне руками. Каждые полчаса кто-нибудь из космонавтов подходил к двери и дергал за ручку.

— Заперта, сэр. И, как видно, накрепко.

— Выходит, они приняли нас за сумасшедших?

— Выходит, так. Поэтому они не торопились с торжественной встречей, а только слушали, что мы говорим, и считали, что все это бред, рецидивы

психопатического синдрома.— Капитан указал на темные фигуры на полу.— Параноики, все до одного. Но как встречали! Мне было показалось...— глаза его вспыхнули и снова погасли,— показалось, что все это настоящее. Все эти приветствия, песни, речи. Неплохо было, пока было, а?

— Долго они продержат нас здесь, сэр?

— Пока не удостоятся, что мы не психи.

— Это совсем нетрудно, сэр.

— Будем надеяться.

— Похоже, вы не очень уверены, сэр?

— Да. Посмотрите-ка вон в тот угол.

В углу на корточках сидел мужчина. Уста его изрыгали синеватое пламя, которое постепенно принимало округлые формы и наконец превратилось в миниатюрную фигурку обнаженной женщины. Увеличиваясь, она поплыла в воздухе в ореоле синего тумана, что-то шепча и горестно вздыхая.

Капитан молча указал на противоположный угол. Там стояла женщина, с которой на их глазах начали происходить неожиданные и странные вещи. Вдруг она очутилась внутри прозрачной стеклянной колонны, затем колонна исчезла, и женщина обратилась в золотую статую, потом в деревянный, гладко отполированный посох и наконец снова стала сама собой.

В полночь в зале вспыхивали фиолетовые огни, блуждали, причудливо меняли форму. Ибо полночь — это самое время для чертовщины и всяких превращений.

— Колдуны, бесовская сила,— прошептал кто-то из землян.

— Нет, бред помешанных, галлюцинации. Они передают нам свои бредовые видения, и мы видим то же, что и они. Телепатическая связь. Самовнушение.

— Это вас тревожит, сэр?

— Да. Если галлюцинации здесь всем кажутся реальностью, если они поражают воображение настолько, что начинаешь им верить, тогда не мудрено, что они приняли нас за сумасшедших. Если этот тип запросто лепит женщин из огня, а эта леди может превратиться в стеклянный столб, тогда нормальному марсианину может показаться, что ракета — это тоже плод нашего с вами больного воображения.

— О!..— возглас отчаяния вырвался из груди космонавтов.

Вокруг них вспыхивали, разгорались и гасли синие огни. Из уст спящих мужчин выскакивали красные чертенята, женщины превращались в скользких, маслянисто поблескивающих змей. Пахло хищными зверями и ползучими гадами.

А когда наступило утро, их снова окружали бодрые, веселые, вполне нормальные люди. Словно и не было болотных огней и всякой чертовщины. Командир и его экипаж стояли у двери и ждали, когда ее откроют.

Мистер Ххх заставил себя ждать. Он появился часа через четыре. У них закралась нехорошая мысль: прежде чем войти, он по меньшей мере часа три торчал под дверью и через потайной глазок наблюдал за ними. Он пригласил их в свой кабинет.

Это был общительный, улыбающийся человек, если верить его маске, ибо на ней была не одна, а целых три улыбки. Но голос, долетавший из-под маски, исключал всякую мысль об улыбках. Это был голос врача-психиатра.

— На что жалуетесь?

— Вы приняли нас за сумасшедших, но, поверьте, это ошибка,— сказал капитан.

— Наоборот, я не считаю *всех* сумасшедшими.— Он ткнул в капитана тоненькой палочкой, напоминавшей дирижерскую.— Отнюдь нет. Только вас, сэр. Все остальные — это вторичная галлюцинация.

Капитан хлопнул себя по колену.

— Ах, вон оно что! Вот почему мистер Иии так развеселился, когда я спросил, нужно ли всем подписывать бумаги!

— О да, мистер Иии мне рассказывал.— Из улыбающегося рта маски вылетел хохоток.— Неплохая шутка. Так на чем я остановился? Да, вторичная галлюцинация. Ко мне приходят дамы, утверждающие, что у них из ушей лезут змеи. После курса лечения все проходит.

— Мы готовы подвергнуться лечению. Приступайте!

Мистер Ххх был удивлен.

— Невероятно. Не так уж многие дают согласие. Лечение тяжелое. Радикальные меры, понимаете?

— Я вам сказал: начинайте! И вы убедитесь, что мы здоровы.

— Позвольте ваши бумаги проверить, все ли по форме.— Он просмотрел бумаги.— Так, прекрасно

Вам известно, что в вашем случае требуется специальное «лечение». Все, кого вы здесь видели,— это обычные случаи. Но когда болезнь принимает формы первичных, вторичных, слуховых, вкусовых и обонятельных галлюцинаций, которые к тому же сопровождаются осязательно-зрительными, тут без эвтаназии не обойтись.

Капитан не выдержал.

— Послушайте! — завопил он. — До каких пор это будет продолжаться! Хватит! Начинайте ваш осмотр, стучите по коленке, слушайте сердце, заставляйте нас прыгать и вертеться, задавайте ваши дурацкие вопросы!

— Говорите все, что хотите. Это ваше право.

Взбешенный капитан проговорил не менее часа. Психиатр слушал, не перебивая.

— Невероятно,— то и дело бормотал он себе под нос. — Чертовски детализированное описание бредовых видений. Впервые в моей практике.

— Черт побери, мы в конце концов можем показать вам нашу ракету! — уже кричал капитан.

— Не возражаю взглянуть на нее. Вы можете сделать это прямо здесь?

— Конечно. Она в вашей картотеке на букву «Р».

Мистер Ххх с самым серьезным видом полез в картотеку, затем разочарованно произнес «тэк-с» и медленно задвинул ящик.

— Вам вздумалось пошутить? Там нет никакой ракеты.

— Разумеется, нет, идиот вы эдакий! Я действительно пошутил. Скажите, у сумасшедших есть чувство юмора?

— Да, встречаются довольно странные случаи его проявления. А теперь ведите меня к вашей ракете. Я хочу на нее поглядеть.

Был полдень. Пока они дошли до ракеты, жара стала нестерпимой.

— Это и есть ракета?

Психиатр обошел ее, постучал по корпусу. Ракета издала приглушенный звук.

— Можно войти? — хитро спросил он.

— Входите.

Мистер Ххх исчез в ракете и долго не появлялся.

— Никогда еще не попадал в такой дурацкий переплет.— Капитан сжевал целую сигару, пока ждал.— Только бы мне добраться обратно до Земли. Я бы сказал им, что Марс не стоит того, чтобы с ним возиться. Одни тупые невежды, да еще подозрительны до идиотизма.

— Я так понимаю, что добрая половина населения Марса просто психи. Наверное, поэтому они ничему не верят.

— Все же чертовски досадно.

Психиатр наконец вылез из ракеты, пробыв в ней добрых полчаса. Он все облазил, обстучал, выслушал, понюхал, даже попробовал на язык.

— Ну так как, теперь верите?— воскликнул капитан так громко, словно обращался к глухому.

Психиатр закрыл глаза и почесал кончик носа.

— Небывалый в моей практике случай осязательных галлюцинаций и гипнотического внушения. Я исследовал вашу, как вы ее называете, «ракету».— Он снова постучал по обшивке ракеты.— Я слышу звук. Слуховые галлюцинации.— Он глубоко втянул в себя воздух.— Чувствую запах. Галлюцинации обоняния как результат телепатии.— Он прикоснулся губами к обшивке ракеты.— Я ощущаю ее на вкус. Вкусовая галлюцинация!

Он крепко пожал руку капитану.

— Поздравляю! Вы психопатический гений! Вы почти добились совершенства. Внушение собственных бредовых видений другому, их проецирование на чужое сознание с помощью телепатии и способность сохранять постоянную силу воздействия— все это, до сих пор по крайней мере, считалось невозможным. Наши пациенты обычно концентрируются на визуальных, в лучшем случае визуально-слуховых иллюзиях. Вам же доступен самый широкий спектр бредовых фантазий. Ваше помешательство носит удивительно законченный характер!

— Помешательство?— Капитан побледнел.

— Да, да, какой удивительный случай психопатического совершенства! Металл, резина, гравитационные системы, запасы продовольствия, одежды, топлива, оружия... болты, гайки, ложки... Я насчитал десять тысяч различных предметов и деталей на вашем корабле. Никогда не встречался с подобным совершенством воображения. Даже тени под койками, тени от

каждого предмета! Подумать только, так сконцентрировать волю! И каждая вещь, какой бы она ни была, имеет запах, форму, вкус, издает звук, если по ней постучать. Позвольте обнять вас!

Наконец он отпустил капитана и отступил на несколько шагов.

— Если я об этом напишу, это будет моя лучшая работа. Обязательно выступлю с докладом на предстоящем симпозиуме Марсианской академии! Взгляните на себя! Вам даже удалось изменить цвет глаз, вместо желтых они стали голубыми, кожа посветлела. А эти комбинезоны! И на руках у вас пять пальцев вместо шести! Биологическая трансформация в результате психической патологии. А ваши друзья...

Он вынул пистолет.

— Безднадежный случай, совершенно ясно. Прекрасный вы мой бедняга! Смерть избавит вас от страданий. Я готов выслушать ваше последнее слово.

— Остановитесь! Не стреляйте!

— Несчастный. Я избавлю вас от терзающего вас бреда, породившего и эту ракету, и ваших двойников. Чрезвычайно интересно увидеть, как ракета и ваши друзья исчезнут, как только я выстрелю в вас. Можно написать прекрасную статью о разрушении невротических иллюзий. Материалом послужит сегодняшний случай.

— Я с Земли! Меня зовут Джонатан Уильямс, а они...

— Знаю, знаю,— успокаивающе произнес мистер Ххх и выстрелил.

Пуля пронзила сердце. Капитан рухнул как подкошенный.

Из груди космонавтов вырвался крик ужаса.

Мистер Ххх смотрел и не верил своим глазам:

— Вы не исчезли! Великолепно! Галлюцинации вне субъекта еще какое-то время существуют во времени и пространстве!— Он направил дуло на космонавтов.— Я заставлю вас исчезнуть.

— Нет!— закричали космонавты.

— Проецирование слуховых галлюцинаций пациента даже после его смерти,— пояснил сам себе мистер Ххх и трижды выстрелил.

Они лежали на песке, ничуть не меняясь и не думая исчезать.

Он пнул их ногой, подошел и снова постучал по корпусу ракеты.

— Не исчезла! И они не исчезают! — Он снова выстрелил в неподвижные тела, потом в ужасе отпрянул. Маска свалилась и упала.

С маленьким личиком психиатра начало твориться что-то неладное. Челюсть отвисла, глаза остекленели, и ослабевшие пальцы выронили пистолет. Он поднял вверх руки и затоптался на месте, словно слепой, спотыкаясь о тела убитых. Рот его наполнился слюной.

— Галлюцинации, — бормотал он в ужасе. — Вкусные, зрительные, обонятельные, слуховые, осязательные... — Он беспорядочно размахивал руками, глаза вылезли из орбит, на губах выступила пена. — Прочь! — кричал он мертвецам. — Сгинь! — вопил он, обращаясь к ракете.

Он увидел, как дрожат его руки.

— Я заражен, — обезумев от ужаса, бормотал он. — Все передалось мне. Телепатия. Гипноз. Теперь я болен, я сумасшедший. Я заразился!.. Все виды галлюцинаций... — Остановившись, он начал шарить вокруг онемевшими руками, пытаясь найти выроненный пистолет. — Есть лишь один выход. Всего один. Тогда они исчезнут...

Раздался выстрел. Мистер Ххх упал.

Четыре трупа лежали рядом под слепящим солнцем. Поодаль, там, где он упал, лежал мистер Ххх.

Ракета, как была, так и осталась на пригорке.

Когда под вечер жители городка набрели на нее, они долго гадали, что бы это могло быть, но так ничего и не придумали. Поэтому продали ее перекупщику всякого хлама, и он увез ее, чтобы разобрать на части.

Всю ночь шел дождь, а утро снова выдалось теплое и ясное.

«ОСОБЫЙ СТАРАТЕЛЬСКИЙ»

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

«Только не спать», — сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры, двадцать первый день боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, переваливал через одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы легче, но здесь слишком часто приходилось объезжать крутые овраги и валуны величиною с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись по двое: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

«Но в одиночку лучше, — напомнил себе Моррисон. — Вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым».

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляроидным ветровым стеклом, плясала и зыбилась пустыня. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Это был крупный, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко стриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, сколотить себе состояние, как это делали уже многие до него. В Престо — последнем городке на рубеже пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

В Престо десяти долларов ему хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над рассказами старожилов про стаи волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Но теперь, пройдя за двадцать один день 1800 миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь и в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть; именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника слышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки замерли, и слышно было только гудение.

Моррисон выключил радио и крепко вцепился в руль обеими руками. Разжал одну руку, взглянул на часы: девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдыхать. Но не больше получаса. Где-то впереди ждет сокровище, и его нужно найти, прежде чем истощатся припасы.

Там, впереди непременно должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он напал на ее следы. А что, если он наткнется на настоящую жилу, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тридцать миль в час, и Моррисон заставил себя внимательно взглядеться в опаленную жаром желтовато-коричневую местность. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейни.

Когда он доберется до богатых залежей, то вернется на Землю; они с Джейни поженятся и купят себе ферму в океане. Хватит с него старательства. Только бы одну богатую жилу, чтобы купить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его оно вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей падают в планктонных садках, а он сам со своим верным дельфином посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула...

Моррисон почувствовал, что пескоход бросило вбок. Он очнулся, судорожно сжал руль и изо всех сил вывернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Сильно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из-под широких колес, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу.

И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился набок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отплевываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту.

Несколько мгновений Моррисон висел в воздухе. Потом пескоход рухнул на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал треск: это лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

«Самое время вздремнуть,— сказал себе Моррисон.— Но, пожалуй, лучше я сначала выясню обстановку».

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто оставалось невредимым.

«Могло быть и хуже»,— сказал себе Моррисон.

Он нагнулся и внимательно оглядел шины.

«Оно и есть хуже»,— добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Оставшейся резины не хватило бы и на детский воздушный шарик. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо. Через секунду засветился маленький видео-

экран. Он увидел длинное, угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяца назад я купил у вас пескоход «Дженерал моторс». Помните?

— Конечно, помню,— ответил Эл.— Вы тот самый парень, что поехал один по Юго-Западной тропе. Ну, как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Машина что надо. Я вот по какому делу...

— Эй,— перебил его Эдди,— что с вашим лицом?

Моррисон провел по лбу рукой—она оказалась в крови.

— Ничего особенного,— сказал он.— Я кувыркнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить,— сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то мне без них не сдвинуться с места.

— Конечно,— ответил Эдди,— только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если сейчас вы покажете мне наличные или чек, который отошлете вместе с распиской, я буду действовать.

— В данный момент,— сказал Моррисон,— у меня нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочиста.

— Облигации? Недвижимость? Хотя что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— Если вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

— Что вы хотите сказать?—спросил Моррисон.— Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры,—упрямо сказал Эдди.—Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин,—сказал Моррисон.—Неужели вы меня бросите?

— Кто это вас бросит?—возразил Эдди.—Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода, снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться,—ответил Моррисон.—Смотрите!

Он поднес аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все старатели,—сказал Эдди.—Проклятая пустыня полна таких следов.

— Но это богатое месторождение,—настаивал Моррисон.—Следы ведут прямо к залежам, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу,—ответил Эдди.—Я же всего-навсего служащий. Я не имею права телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку,—мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил деньги,—ответил Моррисон.—Я не поверну назад.

Он отключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Максу Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Максу негде взять тысячу четыреста долларов—в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину,—где уж тут помогать попавшим в беду старателям.

«Не могу я просить Макса о помощи,—решил Моррисон.—По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его следы. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон. Походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И больше ничего, кроме воды — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон собрался в путь. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода — самое драгоценное имущество, если не считать телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись вдоволь, он взвалил на плечи тюк и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над Моррисоном, как крыша из раскаленного железа. Он шел по следам золота, а по его следам шел еще кто-то.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Волки венерианской породы — маленькие, худые, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, будто в усмешке, челюстями — были одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон взгляделся и увидел рядом с первым волком еще двух.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе, футах в десяти справа от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортировку.

«Кто бы это мог мне что-то телепортировать?» — подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортировка предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным

способом доставки грузов на огромные расстояния Венеры. Телепортировать можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортировать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортровка только еще входила в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него показался хромированный робот с большой сумкой.

— А, это ты,— сказал Моррисон.

— Да, сэр,— сказал робот, окончательно высвободившись из вихря.— Уильямс-4 с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры — сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задержалась.

— К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался? — спросил робот.

— Ну да,— ответил Моррисон, забирая свои письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

— Где-то здесь было еще одно,— сказал Уильямс-4.— Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайте доброго совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

— Глупо, просто глупо,— сказал старый робот.— Если б вы повидали с мое... Сколько раз мне попадались вот такие парни — лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие.

Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями.

— Но они такие же, как и все,— продолжал Уильямс-4.— Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно после того, как с ними разделяются волки. И тогда мне приходится пересылать письма и личные вещи их возлюбленным на Землю.

— Знаю,— ответил Моррисон.— Но кое-кто остается в живых, верно?

— Конечно,— согласился робот.— Я видел, как люди сколачивали себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

— Только не я,— ответил Моррисон.— Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся.

— Ненавижу соленую воду. Но каждому — свое. Желаю удачи, молодой человек.

Робот внимательно оглядел Моррисона — вероятно, прикидывая, много ли при нем личных вещей, — и полез обратно в воздушный вихрь.

Мгновение — и он исчез. Еще мгновение — исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусбург, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-нибудь стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользование телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейни. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейни писала о фермах в Атлантическом океане, которые она рассмотрела, и о чудном местечке, что она нашла в Карибском море недалеко от Мартиники. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она посылала ему всю свою любовь и заранее поздравляла с днем рождения.

«День рождения? — спросил себя Моррисон.— Погдите, сегодня двадцать третье июля. Нет, двадцать

четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейни».

В эту ночь ему снилась Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он обнаружил, что видит во сне многие мили золотых жил, оскаливших зубы песчаных волков и «Особый старательский».

Моррисон продолжал идти по дну давно исчезнувшего озера, где камни сменились песком. Потом снова пошли камни, мрачные, скрученные, изогнутые на тысячу ладов. Красные, желтые, бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого пятнышка.

Он все шел в глубь пустыни, вдоль хаотических нагромождений камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того, как он бросил пескоход, следы золота стали настолько заметными, что породу уже можно было промывать. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход — и все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги».

На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седеющими волосами.

— «Коммунальные услуги»,— сказала она.— Чем мы можем вам помочь?

— Привет,— весело отозвался Моррисон.— Как погода в Венусборге?

— Жарко,— ответила женщина.— А у вас?

— Я даже не заметил,— улыбнулся Моррисон.— Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

— Вы нашли золотую жилу?— спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

— Конечно,— ответил Моррисон.— Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их,—беззаботно улыбаясь, он показал ей свои фляги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Это было жульничество, но ему было не до приличий.

— Ваш счет в порядке? — спросила женщина.

— Конечно, — ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице. — Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

— О, этим занимаются другие. Держите крепче флягу. Готово!

Крепко держа флягу обеими руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флягу с чарующим журчанием. Глядя на нее, Моррисон почувствовал, как его пересохший рот стал наполняться слюной.

Вдруг вода перестала течь.

— В чем дело? — спросил Моррисон.

Экран телефона померк, потом снова засветился, Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом. Перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент, отдел счетов».

— Мистер Моррисон, — сказал Рид, — ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

— Я заплачу за воду, — сказал Моррисон.

— Когда?

— Как только вернусь в Венусборг.

— Чем вы собираетесь платить?

— Золотом, — ответил Моррисон. — Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки. Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку. Еще день — и я найду золотоносную породу...

— Так думает каждый старатель на Венере, — сказал мистер Рид. — Всего один день отделяет каждого старателя от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах».

— Но в данном случае...

— «Коммунальные услуги», — продолжал мистер Рид, — не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита, мистер Моррисон. Венера — еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие приходится ввозить сюда с Земли за немыслимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая

другая на Венере, вынуждена удовлетвориться крайне малой прибылью, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему здесь не может быть кредита.

— Я все это знаю,— сказал Моррисон.— Но я же говорю вам, что мне нужен только день или два, не больше...

— Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался пескоход. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы этого не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

— Да, конечно,— устало ответил Моррисон.

— Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

— Я пока не хочу возвращаться. Я почти нашел месторождение.

— Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли каждому старателю рыскать по пустыне и снабжали его водой? Туда устремились бы десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

— Нет,— ответил Моррисон.

— Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за снабжение вас водой.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. А если вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах и будет тщетно искать работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежках и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А где он достанет деньги, чтобы вернуться на Землю? Когда он снова увидит Джейни?

— Я, пожалуй, пойду дальше,— сказал Моррисон.

— Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас,— повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скудных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун

с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих токах воздуха, ожидая, пока волки прикончат Моррисона. Потом коршуна сменила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их в свою очередь прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, он шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг, по-видимому, было золото. Но самой жилы он еще не обнаружил.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Но не услышал плеска. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он снова завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

На экране появилось круглое, озабоченное лицо Крэндолла.

— Томми,— сказал он,— на кого ты похож?

— Все в порядке,— ответил Моррисон.— Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

— Ты в этом уверен?— спросил Макс.

— Смотри сам,— сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны.— Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

— Верно, признаки золота,— неуверенно согласился Крэндолл.

— Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь!— сказал Моррисон.— Послушай, Макс, я знаю, что у тебя туго с деньгами, но хочу попросить об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы мне хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

— Не могу,— грустно ответил Крэндолл.

— Не можешь?

— Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть

от жажды, если бы мог что-нибудь сделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон.

Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы.

Остался только телефон.

— Не знаю, почему не забрали и телефон,— сказал Крэндолл.— Я должен за него за два месяца.

— Я тоже,— вставил Моррисон.

— Меня ободрали как липку,— сказал Крэндолл.— Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу питаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Ремстаатеру.

— Джиму Ремстаатеру?

— Ага. Он шел по следам золота на север, за Забытую речку. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

— Я бы поручился за него, если бы мог,— сказал Моррисон.

— И он поручился бы за тебя, если бы мог,— ответил Крэндолл.— Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

— Какая?

— Найди породу. Не просто признаки золота, а настоящее месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотиносная порода, я приведу Уилкса из «Три-Плэнет Майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

— Но это же грабеж!

— Нет, просто цена кредита на Венере,— ответил Крэндолл.— Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

— О'кей,— сказал Моррисон.— Она должна быть где-то здесь. Макс, какое сегодня число?

— Тридцать первое июля. А что?

— Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пасадене, близнецы в Лаосе, дядя Тед в Дуранго. И конечно, Джейни, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, снова упаковал телефон рядом с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над головой без конца кружили молча черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

— Я еще жив! — заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Все вокруг прыгало и плясало перед глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые фляги, выбросил все, кроме прибора для анализов, телефона и револьвера. Или он выйдет из этой пустыни победителем, или не выйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти настоящую жилу.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру у подножия утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом выгащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и щелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейни говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье, — отвечал Моррисон. — Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится снова лезть в воду.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Пристально посмотрев на перегороженный вход в пещеру, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон; на этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окаймлявших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а выдавшие виды бармены добавляли новые подробности. В восемьдесят девятом году его заказал Кэрк — большую порцию, специально для себя. Эдмондсон и Арслер отведали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие заказывали его, сидя на своих драгоценных золотых жилах. По крайней мере так говорили.

Но существует ли он на самом деле? Есть ли вообще такой коктейль — «Особый старательский»? Доживет ли Моррисон до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну, конечно! Ведь он уже почти может его разглядеть...

Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он еле-еле полз к югу, за ним по пятам шли волки, на него ложились тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где же в этой заброшенной пустыне золотоносная порода?

Где? Ему было уже почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, останавливаясь только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали грызться из-за них. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя — он слишком устал, чтобы идти дальше.

Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то совсем рядом...

— Черт возьми, — произнес Моррисон.

Небольшой овраг, куда он свалился, был сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском — внутри сверкали яркие красные и пурпурные точки.

«Проверь, — сказал себе Моррисон. — Не надо ложных тревог. Не надо миражей и обманутых надежд. Проверь».

Рукояткой револьвера он отколол кусочек камня. С виду это была золотиносная порода. Он достал свой набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и зазеленел.

— Золотиносная порода, точно! — сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага. — Эге, да я богач!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

— Макс! — заорал он. — Я нашел! Нашел настоящее месторождение!

— Меня зовут не Макс, — сказал голос по телефону.

— Что?

— Моя фамилия Бойярд, — сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

— Извините, мистер Бойярд, — сказал Моррисон, — я, наверное, не туда попал. Я звонил...

— Это неважно, куда вы звонили,— сказал мистер Бойярд.— Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

— Теперь я могу заплатить,— ухмыляясь, заявил Моррисон.

— Прекрасно,— ответил мистер Бойярд.— Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

— Подождите! — закричал Моррисон.— Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен один раз позвонить. Только один раз, чтобы...

— Ни в коем случае,— решительно ответил мистер Бойярд.— После того как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

— Но у меня деньги здесь! — сказал Моррисон.— Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

— Ладно, это не полагается, но я думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

— Согласен!

— Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

— Здесь,— ответил Моррисон.— Узнаете? Это золотonosная порода!

— Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь нам устроить. Показывает горсть камешков...

— Но это на самом деле золотonosная порода! Неужели вы не видите?

— Я деловой человек, а не ювелир,— ответил мистер Бойярд.— Я не могу отличить золотonosной породы от золототысячника.

Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался снова дозвониться до него. Телефон молчал — не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил аппарат на землю и огляделся. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. На его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Сзади послышался какой-то шорох. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Не раздумывая ни секунды, Моррисон выхватил револьвер и выстрелил, разmozжив голову зверя.

— Черт возьми,— сказал Моррисон,— я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Вокруг красными и пурпурными искрами сверкала золотоносная порода. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружились коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортировки. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятились назад.

— Как раз вовремя,— сказал Моррисон.

— Вовремя для чего?— спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

— Ну-ну, молодой человек,— произнес Уильямс-4,— ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве не советовал вернуться? Посмотрите-ка!

— Ты был совершенно прав,— сказал Моррисон.— Что мне прислал Макс Крэндолл?

— Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что сегодня ваш день рождения,— ответил Уильямс-4.— У нас на почте в таких случаях всегда бывает специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пачку писем — поздравления от Джейни, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

— И еще кое-что,— сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке.— Должно быть кое-что еще. Постойте... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешно сорвал обертку. Это был подарок от тети Мины из Нью-Джерси. Он открыл

коробку. Там были соленые конфеты — прямо из Атлантик-Сити.

— Говорят, очень вкусно, — сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо. — Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу пожелать, — это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

— погоди! — крикнул Моррисон. — Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

— Понимаю, — ответил Уильямс-4. — Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть какие-то чувства.

— Тогда помоги мне!

— Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто седьмом меня примерно о том же просил Эбнер Лэти. Его тело потом искали три года.

— Но у тебя есть аварийный телефон? — спросил Моррисон.

— Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

— Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?

— Конечно, могу, — ответил робот. — Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Макс, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать воду и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

— Я полагаю, у вас есть марка? — спросил робот.

— Нет, — ответил Моррисон. — Но я куплю ее у тебя.

— Прекрасно, — ответил робот. — Мы только что выпустили новую серию венусборгских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

— Хорошо. Очень умеренная цена. Давай одну.

— Остается решить еще вопрос об оплате.

— Вот! — сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов. Почтальон осмотрел камень и протянул его обратно:

— Извините, но я могу принять только наличные.

— Но это стоит дороже, чем тысяча марок! — сказал Моррисон. — Это же золотоносная порода!

— Очень может быть, — ответил Уильямс-4, — но я не запрограммирован на пробирный анализ. И почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

— У меня их нет.

— Очень жаль.

Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.

— Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

— Не только могу, но и должен, — грустно сказал Уильямс-4. — Я всего лишь робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей, по сути дела такой предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотоносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти страхнул было Моррисона. Но тот вцепился в него, как безумный. Дюйм за дюймом он вытащил робота из вихря, швырнул на землю и придавил его своим телом.

— Вы нарушаете работу почты, — сказал Уильямс-4.

— Это еще не все, что я собираюсь нарушить, — прорычал Моррисон. — Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через пятнадцать минут после того, как разбогател!

— У вас нет выбора.

— Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

— Это невозможно,— ответил Уильямс-4.— Я его не дам. А сами вы до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

— Возможно,— ответил Моррисон.— Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

— Что вы хотите сделать?— спросил Уильямс-4.

— Хочу посмотреть, не смогу ли я превратить тебя в металлолом без всякой механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

— Это действительно логично,— ответил робот.— У меня, конечно, нет инстинкта самосохранения. Но позвольте заметить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

— Надеюсь,— сказал Моррисон, заноса револьвер над головой.

— Кроме того,— поспешно добавил робот,— вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

Моррисон засмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми своими двумястами фунтами.

— На этот раз я не промахнусь,— пообещал Моррисон, примериваясь снова.

— Стойте!— сказал Уильямс-4.— Мой долг — охранять казенное имущество даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

— Давайте телефон,— сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

— Ясно, ясно,— сказал Крэндолл.— Ладно, попробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

— Открой!— сказал Моррисон.— Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

— Это не так просто. Ты еще не оформил права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение чего-то стоит.

— Смотри,— Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

— Похоже на правду,— заметил Крэндолл.— Но к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

— Как же нам быть? — спросил Моррисон.

— Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе Общественного Маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

— Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

— Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

— А если нет?

— Может, лучше нам об этом не говорить,— сказал Крэндолл.— Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

— За двадцать три года службы,— произнес Уильямс-4,— впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

— Знаю,— сказал Моррисон.— Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме — все же лучше, чем умереть.

— Сомневаюсь. Я и туда, знаете, ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

— Как? — переспросил ошеломленный Моррисон.

— Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

— Спасибо, Уильямс. Не знаю, как мне...

— Я просто исполняю свой долг,— сказал робот, подходя к вихрю.— Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вам почту в тюрьму.

— Меня здесь не будет,— ответил Моррисон.— Прощайте, Уильямс.

Робот исчез в вихре.

Потом исчез и вихрь.

Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Он разыскал выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы, ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплясали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы — лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова взгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив к трещине край стальной пряжки, он ударами револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара — и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар — и выступ отделился от жилы. Отломившийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким оно кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный сюда Общественный Маркшейдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

— Добрый день, сэр,— сказал Маркшейдер.— Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

— Да,— ответил Моррисон.

— А где центр вашего участка?

— Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

— Очень хорошо,— сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

— Что ты делаешь? — спросил Моррисон.

— Глубинные фотографии участка,— ответил робот.— Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

— Нет!

— Ладно, придется повозиться,— сказал робот.

Он переходил с места на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспотел бы, если бы только был на это способен.

— Все,— сказал он наконец.— Кончено. Вы дадите мне с собой образец?

— Вот он,— сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая его Маркшейдеру.— Все?

— Абсолютно все,— ответил робот.— Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал.

— Чего не предъявил?

— Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, согласно правительственному постановлению, не содержит радиоактивных веществ в количествах, превышающих пятьдесят процентов общей массы до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

— Я никогда о нем не слышал,— сказал Моррисон.

— Его сделали обязательным условием на прошлой неделе,— объяснил съемщик.— У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша обычная неограниченная заявка недействительна.

— Что же мне делать?

— Вы можете вместо нее оформить специальную ограниченную заявку,— сказал робот.— Поискового акта для нее не требуется.

— А что это значит?

— Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к правительству Венеры.

— Ладно! — заорал Моррисон.— Хорошо! Прекрасно! Это все?

— Абсолютно все,— ответил Маркшейдер.— Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

— Пришлите мне что-нибудь отбиваться от волков,— сказал Моррисон.— И еды. И послушайте, я хочу «Особый старательский».

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли оставшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился в четверти мили от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская еще большую медную выпуклость. Днище уже стояло на песке, а выпуклость все росла. Когда наконец она показалась вся, в безбрежной пустыне возвышалась гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Попросить бы мне флягу»,— говорил он себе, мучимый страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Вот наконец перед ним стоял «Особый старательский»— выше колокольни, больше дома, наполненный водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан»,— подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

ГОМЕС

Все это случилось двадцать два года назад. В одно холодное октябрьское утро я получил от редакции задание. Ничего особенного, задание как задание — встретиться с доктором Шугарменом, деканом физического факультета в нашем университете. Не помню точно, что послужило поводом — какая-то годовщина чего-то такого: первого атомного реактора, испытаний атомной бомбы или, быть может, Нагасаки. Во всяком случае в воскресной газете должен был быть разворот на эту тему.

Я нашел Шугармена в его кабинете в квадратной готической башне, венчающей скромное здание физического факультета. Он стоял возле стрельчатой арки окна, неохотно впускавшего в комнату пронзительную глубину осеннего неба. Этаким плотный толстячок с пухлыми щеками и двойным подбородком.

— Мистер Вильчек? — расплылся он. — Из «Трибюн»?

— Да, доктор Шугармен. Здравствуйте.

— Проходите, пожалуйста, садитесь. Что вас интересует?

— Доктор Шугармен, я хотел бы узнать ваше мнение по поводу наиболее серьезных проблем, связанных с атомной энергией, контролем над атомным оружием и так далее. Что, по-вашему, здесь самое важное?

В его глазах мелькнула хитринка — сейчас он постарается сразить меня.

— Образование, — изрек он и откинулся назад в кресле — переждать, пока я приду в себя от неожиданности.

Я должным образом удивился.

— Это очень интересный и новый подход к проблеме, доктор Шугармен. Расскажите, пожалуйста, подробнее.

Он был преисполнен важности.

— Я хотел бы выразить беспокойство по поводу того, что широкая публика не понимает значения последних достижений науки. Люди недооценивают меня, я имею в виду — недооценивают науку, — потому что плохо представляют себе, что такое наука. Сейчас я покажу вам кое-что в подтверждение своих слов. — Он стал копаться в бумагах и вскоре протянул мне вырванный из блокнота разлинованный и покрытый ужасными каракулями листок. — Вот это письмо, представьте себе, было послано мне.

Я с трудом разобрал написанное карандашом послание.

«12 октября

Уважаемый господин!

Хочу представить себя Вам ученому-атомщику как молодого человека 17 лет с усердием изучающего математическую физику чтобы дойти в ней до совершенства. Мое знание английского языка не есть совершенно потому что я в Нью-Йорке только один год как приехал из Пуэрто-Рико и из-за бедности папы и мамы должен мыть посуду в ресторане. Поэтому уважаемый господин простите несовершенный английский который скоро станет лучше.

Я не решаюсь отнимать ваше драгоценное ученое время но думаю вы иногда можете отдать минуту такому как я. Мне трудно рассчитать сечение поглощения нейтронов обогащенной бором стали в реакторе теорию какового я хочу разработать.

Реактор-размножитель требует для обогащенной бором стали

$$u = \frac{X}{I} + \frac{X^5}{I} + \frac{X^{10}}{I} + \frac{X^{15}}{I} + \dots,$$

по сравнению с сечением поглощения нейтронов в любом бетоне с которым я потрудился познакомиться:

$$V = \frac{X^{2/5}}{I} + \frac{X}{I} + \frac{X^2}{I} + \frac{X^3}{I} + \dots$$

Отсюда получается уравнение

$$V^5 = u \frac{I - 2u + 4u^2 + 3u^3 + u^4}{I + 3u + 4u^2 + 2u^3 + u^4},$$

означающее только четырехкратный коэффициент размножения реактора. Интуитивно я не удовлетворился такой коэффициент и отрываю ваше время для помощи где я ошибся. С самой искренней благодарностью

Х. Гомес

Закусочная «Порто Белло»

124 улица, угол авеню Св. Николаса
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк».

Я рассмеялся и посочувствовал доктору Шугармену:

— Неплохой экземплярчик. Вам еще везет, что эти типы пишут письма. А у нас они прямо являются в редакцию, и вынь им да положь самого главного. Кстати, могу ли я использовать это письмо? Нашим читателям полезно знать такие вещи.

Он подумал, а затем кивнул головой:

— Ладно, берите, только не ссылайтесь на меня. Напишите просто «известный физик» или что-нибудь в этом роде. Кстати, я считаю, что все это скорее грустно, чем смешно, но у вас свои задачи, я понимаю. Малый этот, по-видимому, чокнутый, но и он, впрочем, как и многие другие, полагает, что наука — всего лишь набор фокусов, которыми может овладеть каждый...

Он еще долго распространялся на эту тему.

Я вернулся в редакцию и за двадцать минут накал интервью. Гораздо больше времени и сил мне пришлось потратить, чтобы объяснить редактору воскресного выпуска, почему письмо Гомеса следует опубликовать на развороте, посвященном атомному юбилею. В конце концов он сдался. Письмо пришлось перепечатать, ибо пошли я его наборщикам в том виде, как оно было написано, нам не избежать бы забастовки.

В воскресенье, в четверть седьмого утра, меня разбудил бешеный стук кулаков в дверь моего номера в отеле. Еще не совсем проснувшись, я сунул ноги в тапочки, накинул халат и побрел к двери. Но те, за дверью, и не собирались ждать, пока я ее открою.

Дверь распахнулась, и в комнату ввалились администратор, редактор воскресного выпуска и еще какой-то немолодой человек с застывшим лицом в сопровождении трех решительного вида молодчиков. Администратор что-то пробормотал и поспешил ретироваться, а остальные двинулись на меня единым фронтом.

— Босс,— промямлил я,— что с-с-лучилось?

Один из решительных молодчиков стал спиной к двери, другой — к окну, третий загородил вход в ванную. Их шеф, холодный и колкий, как иней, пригвоздил меня к месту, обратившись к редактору резким начальственным тоном:

— Вы подтверждаете, что этот человек Вильчек?

Редактор молча кивнул.

— Обыскать,— бросил старик.

Молодчик, стоявший у окна, умело принялся за дело, не обращая внимания на невразумительные вопросы, которые я все еще пытался задавать редактору. Редактор старательно избегал моих глаз.

Когда обыск был закончен, старик с застывшим лицом сказал:

— Я контр-адмирал Макдональд, мистер Вильчек, заместитель начальника отдела безопасности Комиссии по атомной энергии США. Это ваша статья? — Мне в лицо полетела вырезка из газеты.

Я стал читать, спотыкаясь на каждом слове:

**АТОМНУЮ ФИЗИКУ МОЖНО РАЗГРЫЗТЬ,
КАК ОРЕШЕК, ТАК ДУМАЕТ СЕМНАДЦАТИ-
ЛЕТНИЙ МОЙЩИК ПОСУДЫ**

Письмо, полученное недавно одним известным физиком нашего города, подтверждает слова доктора Шугармена о том, что широкая публика плохо представляет себе трудности работы ученых (см. соседнюю колонку). Ниже мы публикуем это письмо вместе с «математическими выкладками».

«Уважаемый господин!

Хочу представить себя Вам ученому-атомщику как молодого человека 17 лет с усердием изучающего...»

— Да,— сказал я,— это написал я, все, кроме заголовка. А в чем, собственно, дело?

— Здесь говорится, что письмо написано жителем Нью-Йорка, однако адрес его не указан. Объясните, почему?

Я сказал, стараясь сохранять спокойствие:

— Я опустил адрес, когда перепечатал письмо, прежде чем отдать его в набор. Мы в своей газете всегда так делаем. А в чем все-таки дело, не можете ли вы мне сказать?

Адмирал пропустил мой вопрос мимо ушей.

— Вы утверждаете, что имеется оригинал письма. Где он?

Я задумался.

— Кажется, я сунул его в карман брюк. Сейчас посмотрю.

И я направился к стулу, на спинке которого висел костюм.

— Ни с места! — сказал молодчик, что стоял у дверей ванной.

Я застыл на месте, а он принялся выворачивать карманы моего костюма. Письмо Гомеса лежало во внутреннем кармашке пиджака; он протянул его адмиралу. Макдональд сравнил письмо с газетной вырезкой, затем спрятал и то, и другое у себя на груди.

— Благодарю за содействие, — холодно обратился он ко мне и редактору. — Но предупреждаю вас: все, что здесь происходило, не подлежит обсуждению и ни под каким видом не должно появляться в печати. Это вопрос государственной безопасности. До свидания.

С этими словами он направился к двери, сопровождаемый своими молодчиками. И тут мой редактор встрепенулся:

— Адмирал, все это завтра же попадет на первую страницу «Трибюн».

Адмирал побледнел. После долгого молчания он сказал:

— Надеюсь, вам известно, что наша страна в любой момент может быть вовлечена в глобальную войну. И что наши парни каждый день умирают в пограничных стычках. А все во имя того, чтобы защитить гражданское население, таких, как вы. Так неужели вам трудно держать язык за зубами, когда речь идет о государственной безопасности?

Редактор воскресного выпуска уселся на край кровати и закурил сигарету.

— Все, о чем вы говорите, мне хорошо известно, адмирал. Но мне известно также, что это свободная

страна, и, чтобы она впредь оставалась свободной, газета не обойдет молчанием такое вопиющее нарушение закона, как обыск и конфискация документов без предъявления ордера.

Адмирал сказал:

— Поверьте моему слову офицера, что вы сослужите стране плохую службу, если поместите в газете отчет об этом событии.

Редактор мягко гнул свою линию:

— Ага, поверить вашему слову офицера. Вы ворвались сюда без ордера на обыск. Разве вы не знали, что это противозаконно? А ваш молодчик был готов стрелять, когда Вильчек хотел подойти к стулу.

При этих словах я покрылся холодным потом. Адмиралу, по-моему, тоже было несладко. С видимым усилием он произнес:

— Приношу извинения за неожиданный визит и невежливое поведение. Меня оправдывает лишь важность происходящего. Могу я быть уверенным, господа, что вы будете хранить молчание?

— При одном условии,— сказал редактор.— Если «Трибюн» получит монопольное право на публикацию всех материалов, связанных с Гомесом. Заниматься этим будет мистер Вильчек, вы должны помогать ему во всем. Мы в свою очередь обязуемся ничего не печатать без вашего согласия и без одобрения цензуры вашего ведомства.

— Договорились,— неохотно согласился адмирал.

Мы с адмиралом летели в Нью-Йорк. Видно было, что все это ему очень не по душе, тем не менее он считал своим долгом рассказать мне следующее.

— Сегодня в три часа ночи мне позвонил председатель Комиссии по атомной энергии. А его перед этим разбудил доктор Монро из Комитета по науке. Доктор Монро работал допоздна и решил перед сном почитать воскресный номер «Трибюн». Ему на глаза попало письмо Гомеса, и он взорвался, как пороховой погреб. Дело в том, мистер Вильчек, что уравнение сечения поглощения нейтронов—как раз то, чем он занимается. Более того, это тщательно охраняемая государственная тайна в области атомной энергии. Каким-то образом Гомесу стало известно это уравнение.

Я почесал небритый подбородок.

— А не водите ли вы меня за нос, адмирал? Как могут три уравнения быть величайшей государственной тайной?

Адмирал колебался.

— Могу вам только сказать, что речь идет о реакторе-размножителе.

— Но ведь в письме об этом говорится в открытую. Не станете же вы утверждать, что Гомес не просто где-то раздобыл уравнения, но и кое-что в них понимает?

Адмирал мрачно ответил:

— Кто-то из наших потерял бдительность. Русские многое бы дали, чтобы увидеть эти уравнения.

И он замолчал, предоставив мне возможность гадать, пока самолет летел над Нью-Джерси, что бы все это могло значить. Наконец из кабины пилота послышалось:

— Приземляемся в Ньюарке через пять минут, сэр. Нас сажают вне очереди.

— Хорошо,— ответил адмирал,— передайте по радио, чтобы нас ждала машина гражданского образца.

— Гражданского?— удивился я.

— А какая же еще?! Для того, чтобы не привлекать ни малейшего внимания к этому Гомесу и его письму.

Мы приземлились, и вскоре впятером сидели в легкой машине, довольно скромной на вид; тем не менее это была последняя модель. От Ньюарка до испанского Гарлема в Нью-Йорке мы доехали без особых разговоров и происшествий.

Машина остановилась посреди унылого жилого квартала; «Порто Белло» оказалось магазином, в котором была еще и закусочная. Большеглазые дети сбежались к машине и набросились на нас:

— Мистер, мистер, можно я буду сторожить вашу машину?— слышалось со всех сторон.

Адмирал разразился длинной тирадой по-испански, чем несказанно удивил меня, а детей заставил разбежаться в разные стороны.

— Хиггинс,— скомандовал он,— проверьте, есть ли здесь черный ход.

Один из молодчиков вышел из машины и обогнул здание, сопровождаемый тяжелыми, безразличными взглядами женщин, сидящих на ступеньках и укутанных в черные шали. Через пять минут он вернулся и сказал, что черного хода нет.

— Внутрь войдут Вильчек и я,— распорядился адмирал.— Вы, Хиггинс, останетесь у входа и, если увидите кого-либо, кто будет пытаться спастись бегством, возьмите его. Пошли, Вильчек.

В «Порто Белло» было не более десятка столиков, и все они были заняты в этот обеденный час; посетители как по команде воззрились на нас, едва мы вошли.

— Nueva York, отдел здравоохранения, синьора,— бросил адмирал женщине, сидевшей за примитивной кассой.

— А,— сказала она с явным неудовольствием.— Por favor, non aquí*. Туда идите, кухня, понимаете?

Она подозвала хорошенькую девушку-официантку, посадила ее за кассу, а сама повела нас на кухню, темную от дыма и пара. Там был старик повар и парнишка лет шестнадцати, мывший посуду; мы все еле-еле втиснулись в крохотную комнатку. Макдональд и женщина быстро-быстро заспорили о чем-то по-испански. Адмирал хорошо исполнял свою роль. А я не спускал глаз с юнца у мойки, которому каким-то образом удалось завладеть одним из самых важных атомных секретов Соединенных Штатов Америки.

Гомесу едва ли можно было дать больше пятнадцати лет, хотя на самом деле ему было семнадцать. Он был невысокого роста, худенький и гибкий, с кожей цвета виргинского табака. Черные, блестящие, прямые волосы то и дело падали на влажный лоб. Он поминутно вытирал руки о фартук и резким движением убирал волосы со лба. Работал Гомес как заведенный: брал тарелку, опускал в воду, скреб, споласкивал, вытирал, ставил на стол — и все это с легкой улыбкой, которая, как я усвоил позже, никогда не покидала его лица, если дела шли хорошо. А по глазам было видно, что мысли его где-то далеко-далеко от закусочной «Порто Белло». Мне кажется, Гомес даже не заметил нашего появления. Вдруг мне в голову пришла совершенно сумасшедшая мысль...

Адмирал повернулся к нему.

— ¿Como se llama, chico? **

Гомес вздрогнул, на миг рука его, вытиравшая тарелку, застыла, но он тут же поставил ее на стол.

---

* Пожалуйста, это не здесь. (Исп.)

** Как тебя зовут, парень? (Исп.)

— Julio Gomes, señor. ¿Por que, por favor? ¿Que pasa? *

Он ничуть не испугался.

— Nueva York, отдел здравоохранения,— повторил адмирал,— con su permiso **.

Он взял руки Гомеса в свои и сделал вид, что изучает их, неодобрительно покачивая головой и цокая языком. Затем решительно произнес:

— Vamanos, Julio. Siemento mucho. Usted esta muy enfermo ***.

И тут заговорили все разом: женщине не понравилось вторжение в ее заведение, повар был недоволен потерей мойщика посуды.

Адмирал встретил нападение во всеоружии и не остался в долгу. Через пять минут мы при всеобщем молчании вывели Гомеса из закусочной. Миловидная девушка, сидевшая за кассой, была едва жива от страха.

— Хулио...— испуганно сказала она, когда мы проходили, но он, казалось, не слышал.

Мы ехали к Фоли-сквер. Гомес в машине сидел спокойно; на его губах играла слабая улыбка, а глаза были устремлены куда-то вдаль, за тысячи километров от нас. Адмирал восседал рядом с ним, всем своим видом показывая, что ни о каких вопросах с моей стороны не может быть и речи.

Когда мы вышли из машины у Федерального управления, Гомес удивился:

— Это... Разве это больница?

Ему никто не ответил. Мы окружили его плотным кольцом, открыли перед ним дверь лифта. Согласитесь, идти вот так, словно под конвоем, это кого угодно может вывести из равновесия—меня-то уж точно!—ведь у нас всех совесть хоть в чем-то нечиста. Но этот парнишка, казалось, не понимал ничего. Я решил про себя, что он просто чокнутый или... У меня в голове снова промелькнула шальная мысль.

На стеклянной двери было написано: «Комиссия по атомной энергии США. Отдел безопасности и разведки».

---

* Хулио Гомес, сеньор. А что, скажите, пожалуйста? Что случилось? (Исп.)

** С твоего разрешения. (Исп.)

*** Пойдешь с нами, Хулио. Грязные руки. Ты серьезно болен. (Исп.)

Когда вошел адмирал, а за ним мы, всех, кто сидел в комнате, будто громом поразило. Макдональд, согнав начальника, уселся в его кресло, Гомеса поместили напротив, на посетительское место.

И началось!

Адмирал вытащил письмо и спросил по-английски:

— Это письмо тебе знакомо?

— Si, seguro *. Я написал его на прошлой неделе. Вот смешно-то как. Значит, я не болен, как вы сказали там, да?

Казалось, он вздохнул с облегчением.

— Нет. Где ты раздобыл эти уравнения?

Гомес с гордостью ответил:

— Я их вывел.

Адмирал презрительно хмыкнул:

— Мне время дорого, парень. Откуда у тебя эти уравнения?

Гомес забеспокоился.

— Вы не имеете права говорить, что я вру,— сказал он.— Я не такой умный, как ваши знаменитые ученые, seguro, могу делать ошибки. Пусть я отнимаю время у profesor Сухар-ман, но он нет право меня арестовать.

Адмиралу вся эта история начинала надоедать.

— Ну тогда скажи, как ты вывел эти уравнения.

— Ладно,— хмуро сказал Гомес.— Вы знаете, что Оппенгеймер пять лет назад рассчитал случайное блуждание нейтрона в матричной механике, так, да? Я преобразовал эти уравнения от вида, предсказывающего траекторию, к виду, определяющему поперечное сечение, и проинтегрировал по поглощающей поверхности. Это дает ряд u и ряд V . Отсюда легко получить зависимость u — V . Не так?

Все с тем же скучающим видом адмирал спросил:

— Успели записать?

Я заметил, что один из его молодчиков стал стенографировать.

— Так точно,— сказал он.

Затем адмирал поднял трубку телефона.

— Говорит Макдональд. Мне нужен доктор Майнз из Брукхейвенской лаборатории. Срочно.— Он обратился к Гомесу:— Доктор Майнз возглавляет отдел теоретической физики в Комиссии по атомной энергии.

---

* А как же. (Исп.)

Я сейчас спрошу его, что он думает по поводу твоих уравнений. Полагаю, он сразу выведет тебя на чистую воду со всей этой болтовней. Тогда уж тебе придется признаться, откуда ты взял эти уравнения.

Гомес, казалось, совершенно перестал понимать, что от него хотят. Между тем адмирал говорил в трубку:

— Доктор Майнз? Это адмирал Макдональд из Службы безопасности. Мне хотелось бы узнать ваше мнение вот о чем.—Он нетерпеливо щелкнул пальцами, и ему подали блокнот со стенографической записью.

— Некто сказал мне, что ему удалось получить одно отношение,—и он стал медленно читать,—взяв случайное блуждание нейтрона, рассчитанное в матричной механике Оппенгеймером, преобразовав его от вида, предсказывающего траекторию, к виду, определяющему поперечное сечение, и проинтегрировав по поглощающей поверхности.

В комнате стояла тишина, я ясно слышал возбужденный голос на другом конце провода. Тем временем все лицо адмирала, от бровей до шеи, медленно наливалось кровью. Голос в трубке умолк, и после долгой паузы адмирал ответил очень медленно и мягко:

— Нет, это не Ферми и не Сцилард. Я не имею права сказать, кто. Не могли бы вы безотлагательно прибыть в Федеральное управление безопасности в Нью-Йорке? Мне... мне необходима ваша помощь.

Он устало повесил трубку и с крайне удрученным видом вышел из комнаты.

Его молодчики смотрели друг на друга с неподдельным удивлением. Один сказал:

— Пять лет я...

— Молчи,—оборвал его другой, глазами показывая на меня.

Гомес спросил с интересом:

— Что тут все-таки происходит? Странно все это, а?

— Не бойся, малыш,—успокоил его я,—похоже, что тебе удастся выпутаться.

— Молчать!—накинулся на меня охранник, и мне только и оставалось, что заткнуться.

Через некоторое время принесли кофе и бутерброды, и мы принялись за еду. А еще через какое-то время вошел адмирал в сопровождении доктора

Майнза, седовласого морщинистого янки из Коннектикута.

— Мистер Гомес,— начал Майнз с места в карьер,— адмирал сказал мне, что вы либо превосходно обученный русский шпион, либо феноменальный атомный физик-самоучка.

— Россия?! — заорал Гомес.— Он сошел с ума! Я американский гражданин Соединенных Штатов.

— Возможно,— согласился доктор Майнз.— Адмирал также сказал, что вы считаете зависимость u — V очевидной. Я бы назвал это глубоким проникновением в теорию непрерывных дробей и умножения комплексных чисел.

Гомес попытался что-то ответить, но язык его не слушался. Когда он смог наконец выговорить: «For favor, можно мне лист бумаги?» — глаза его буквально сияли.

Ему дали стопку бумаги, и пошло, и пошло...

Целых два часа Гомес и Майнз что-то непрерывно писали и говорили, говорили и писали. Майнз снял сначала пиджак, потом жилет, затем галстук. Бьюсь об заклад, что факт нашего присутствия едва ли доходил до его сознания. Что касается Гомеса, то он казался еще более отрешенным. Он не снимал пиджака, жилета и галстука. Но для него просто ничего не существовало, кроме этого скоростного обмена идеями посредством формул и кратких ясных математических терминов. Доктор Майнз вертелся в своем кресле, как юла; иногда его голос просто звенел от возбуждения. Гомес сидел тихонечко и все время что-то писал, приговаривая ровным, низким голосом и глядя прямо на доктора Майнза.

Наконец Майнз выпрямился, встал и сказал:

— Гомес, я больше ничего не соображаю, мне нужно все это обдумать.— Он схватил в охапку свою одежду и направился к выходу. Только тут до него дошло, что мы все еще находимся в комнате.

— Ну что? — спросил адмирал мрачно.

Майнз улыбнулся:

— Он, конечно, настоящий физик.

— Хиггинс, отведите его в соседнюю комнату,— распорядился адмирал.

Гомес послушно дал себя увести, словно был под гипнозом.

Доктор Майнз не преминул съехидничать:

— Уж эта мне служба безопасности!

Адмирал проскрежетал:

— Попрошу вас об этом не беспокоиться, доктор Майнз. Служба безопасности находится в моей компетенции, а не в вашей. Этот молодой человек утверждает, будто он самостоятельно вывел эти уравнения. От вас требуется лишь выразить свое мнение по данному вопросу.

Доктор Майнз мгновенно стал серьезным.

— Да,— сказал он.— Это не вызывает никаких сомнений. Более того, я вынужден признаться, что мне было совсем нелегко следовать за мыслью Гомеса.

— Понимаю.— Адмирал натянуто улыбнулся.— Но не соблаговолите ли вы объяснить, как такое могло случиться?

— Нечто подобное уже бывало, адмирал,— возразил доктор Майнз.— По-видимому, вам не приходилось слышать о Рамануйяне?

— Нет.

— Так вот. Рамануйяна родился в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году и умер в тысяча девятьсот двадцатом. Это был бедный индеец, который дважды провалился на экзаменах в колледж и в конце концов стал мелким чиновником. Он сумел стать великим ученым, пользуясь всего лишь устаревшим учебником математики. В тысяча девятьсот тринадцатом году он послал несколько своих работ одному профессору в Кембридж. Его труды получили немедленное признание, а его самого вызвали в Англию и избрали членом Королевского общества.

Адмирал с сомнением покачал головой.

— Такое случается,— продолжал Майнз.— Да-да, такое бывает. У Рамануйяны была лишь одна старая книга. А мы с вами живем в Нью-Йорке. К услугам Гомеса вся математика, какую он только может пожелать, и огромное количество незасекреченных и рассекреченных данных по ядерной физике. И конечно, гениальность. Как он прекрасно связывает все!.. Мне кажется, он имеет весьма смутное представление о том, как доказать правильность отдельных положений. Он просто видит связь между явлениями. Чрезвычайно полезная способность, можно только позавидовать. Там, где мне нужен, скажем, десяток ступеней, чтобы с огромным трудом осилить путь от одного вывода к другому, он преодолевает все расстояние одним блистательным прыжком.

— Не хотите ли вы сказать, что... что он более талантливый физик, чем вы?

— Да,— сказал доктор Майнз.— Он намного способнее меня.

С этими словами он удалился.

Адмирал долгое время неподвижно сидел за столом, что было на него совсем не похоже.

— Адмирал,— сказал я,— что будем делать?

— Что? А, это вы. Теперь все это не имеет ко мне отношения, поскольку государственной безопасности ничто не грозит. Я передам Гомеса в Комиссию по атомной энергии, чтобы его можно было использовать в интересах государства.

— Как машину?— спросил я, чувствуя отвращение.

Его ледяные глаза, словно два ствола, смотрели на меня в упор.

— Как оружие,— сказал он, не повышая голоса.

Он был прав. Разве я не знал, что мы воюющая страна? Знал, как не знать. И все знали. Налоги, нехватка жилья, похоронные извещения... Я почесал небритый подбородок, вздохнул и отошел к окну. Площадь Фоли-сквер внизу была по-воскресному безлюдной, и только вдаль шла какая-то девушка. Она дошла до конца квартала, повернулась и побрела обратно. В ее медленной, печальной походке чувствовалась безысходность.

И вдруг я вспомнил, где ее видел. Та миленькая официанточка из «Порто Белло». Наверное, она вскочила в такси и проследила, куда увозили ее Хулио. «Плохи твои дела, сестренка,— сказал я про себя.— Хулио уже не просто симпатичный паренек. Он теперь военный объект».

Быть может, мысли действительно передаются на расстояние? Казалось, она меня услышала. Прижимая к глазам крошечный платочек, она вдруг повернулась и побежала к метро.

Гомес был несовершеннолетний, поэтому контракт за него подписали родители. То, что значилось в этом документе в графе «Описание работы», не имело значения, главное — для государственного служащего он сорвал довольно большой куш.

Я тоже подписал контракт — в качестве «специалиста по информации». Думаю, что на самом деле мне

отводилась роль наполовину приятеля Гомеса, наполовину летописца, а скорее всего они хотели для собственного спокойствия не терять меня из виду.

Нас никак не называли. Ни «Операция Такая-то», или «Проект Такой-то», или там «Задача Овладения Черт-Знает-Чем-В-Клеточку» — нет, у нас была просто группа, состоящая из пяти человек, которых поместили в хороший дом из пятнадцати комнат на окраине Милфорда, штат Нью-Джерси. Наверху, в отдельной комнате с досками и мелом, заваленной книгами и техническими журналами, жил Гомес; раз в неделю его посещал доктор Майнз. Там же была троица из Службы безопасности: Хиггинс, Далхаузи и Лейцер, которые расположились внизу, спали по очереди и рыскали вокруг дома. Жил в доме и я.

Беседы с доктором Майнзом помогали мне быть в курсе событий и вести записи. Не подумайте, что я хоть сколько-нибудь разбирался в том, что все это значит. Мои знакомые военные корреспонденты рассказывали мне, какая ужасная жизнь у них была на фронте, когда в их распоряжении имелись только официальные данные. «Столько-то налетов... Жертв на 15% меньше, чем ожидалось... Решительное продвижение вперед в активном секторе, несмотря на довольно сильное сопротивление противника...» Что поймешь из такой информации?

Примерно такие же записи можно найти в моем дневнике — это единственное, что мне сообщалось. Вот образец: «По рекомендации д-ра Майнза Гомес сегодня начал работу над теоретическим обоснованием конструкции фазового реактора, который будет построен в Брукхейвенской национальной лаборатории. Ему предстоит вывести тридцать пять пар дифференциальных уравнений в частных производных... Сегодня Гомес сделал предварительное сообщение о том, что при проверке некой теоретической работы, проведенной в Лос-Аламосской лаборатории КАЭ, он обнаружил ошибочность предположения о нейтронно-спиновом характере... Д-р Майнз заявил сегодня, что Гомес, стремясь преодолеть трудности, связанные с управлением термоядерными реакциями, успешно воспользовался до сего времени неизвестным аспектом тензорного анализа Минковского...»

Однажды во время встречи с Майнзом я попытался протестовать против подобного пустомельства. Думаете,

он рассердился? Ничуть не бывало! Всего-навсего поудобней устроился в кресле и спокойно изрек:

— Вильчек, при всем моем расположении к вам должен сказать, что вам сообщается все, что вы в состоянии понять. Любые подробности означают утечку важной научной информации, которая может быть использована иностранными державами.

Пришлось поверить ему на слово. Я тщательно переписывал сообщения, которые он давал, и старался к тому же не упускать того, что могло бы заинтересовать моих читателей, когда придет время делать материал из этой заварухи. Так, я отметил успехи Гомеса в английском языке, его пристрастие к пирогам с мясом и рисовому пудингу, привычку самому убирать свою комнату, упомянул, какой он чистюля, ну прямо вылитая старая дева. «Проживешь пятнадцать лет в трущобе, Билл, и поймешь, что очень любишь чистоту и уют». Я часто видел, как доктор Майнз ходит за ним по пятам наверху, когда он подметает пол и вытирает пыль, донимая его своей математической галиматей.

Обычно Гомес работал по сорок восемь часов крыду; ел он при этом очень мало. Затем день-другой жил, как нормальный человек: спал вволю, играл в кэтч с кем-нибудь из охранников, рассказывал мне о своем детстве в Пуэрто-Рико и юности в Нью-Йорке.

— А тебе не надоело здесь? — спросил я однажды.

— Разве мне плохо? — ответил он. — Ем сытно, могу посылать деньги родителям. А что еще лучше — знаю, о чем думают большие профессора, и не должен ждать пять — десять лет этот проклятый рассекречивание.

— Разве у тебя нет девушки?

Здесь он смутился и перевел разговор на другое.

А потом случилось вот что. Приехал доктор Майнз; его шофер был похож на человека из ФБР, каковым, по-видимому, он и был. По обыкновению физик нес в руках толстенный портфель. Поздоровавшись со мной, он поднялся наверх, к Хулио.

Там, взаперти, они пробыли часов пять подряд — такого прежде не случалось. Когда доктор Майнз спустился, я, как обычно, надеялся получить от него информацию. Но он только сказал:

— Ничего серьезного. Просто обсудили некоторые его идеи. Я велел ему продолжать работу. Мы исполь-

зовали его, как бы это сказать... в качестве вычислительной машины. Заставили слегка пройтись по проблемам, которые не по зубам мне и некоторым моим коллегам.

К обеду Гомес не спустился. Ночью я проснулся от какого-то грохота наверху. Я ринулся туда прямо в пижаме.

Гомес, одетый, лежал на полу. Видимо, не подозревая о препятствии, он споткнулся о скамеечку для ног. Губы его что-то шептали, и он смотрел на меня невидящими глазами.

— Хулио, ты здоров? — спросил я, помогая ему встать на ноги.

Он поднялся медленно, как во сне, и сказал:

— ...Действительные величины функции дзета исчезают.

— Что?

Тут он наконец увидел меня и удивился:

— Как ты попал здесь наверх, Билл? Уже время обед?

— Четыре часа утра, *por dios*. По-моему, тебе давно пора быть в постели.

Он выглядел просто ужасно.

Нет, он, видите ли, не может спать, у него уйма работы. Я спустился к себе и целый час, пока не заснул, слышал, как он расхаживает взад-вперед над моей головой.

На сей раз он не уложился в сорок восемь часов. Целую неделю я приносил ему еду, и он с отсутствующим видом жевал, одновременно что-то записывая на желтой грифельной доске. Иногда я приносил обед и убирал нетронутый завтрак. У него отросла недельная щетина — не было времени поесть, побриться, поговорить.

Положение показалось мне серьезным, и я спросил Лейцера, что мы будем делать, потому что он мог связаться с Нью-Йорком по прямому проводу. Он ответил, что ему не дано никаких указаний на случай нервного истощения его подопечного.

Тогда я подумал, может, доктор Майнз как-то прореагирует, когда приедет, — скажем, позвонит врачу или велит Гомесу не надрываться. Ничуть не бывало. Он прямиком отправился наверх, а когда спустился через два часа, то сделал вид, будто меня не замечает. Но я не дал ему пройти мимо и спросил в упор:

— Ну, что скажете?

Он посмотрел мне в глаза и сказал вызывающе:

— Дела идут неплохо.

Доктор Майнз был неплохой человек. Человечный. Но он и пальцем бы не шевельнул ради того, чтобы мальчишка не заболел от переутомления. Доктор Майнз неплохо относился к людям, но по-настоящему любил только теоретическую физику.

— Есть ли необходимость так вкалывать?

Он возмущенно пожал плечами.

— Так работают многие ученые. Ньютон работал так...

— Но какой в этом смысл? Почему он не спит и не ест?

Майнз ответил:

— Вам этого не понять.

— Куда мне! Я ведь всего лишь малограмотный репортер. Просветите меня, господин специалист.

После долгого молчания он сказал уже не так сурово:

— Как бы это объяснить... Ладно, попробую. Этот паренек наверху заставляет работать свой мозг. К примеру, великий шахматист может с завязанными глазами дать сеанс одновременной игры сотне обыкновенных любителей шахмат. Так вот, все это не идет ни в какое сравнение с тем, что делает Хулио. У него в голове миллионы фактов, имеющих отношение к теоретической физике. Он перебирает их в уме, вытаскивает на свет божий один отсюда, другой оттуда, находит между ними связь с самой неожиданной стороны, выворачивает их наизнанку, ставит с ног на голову, анализирует, сравнивает с общепринятой теорией — и все время держит в памяти, а главное, непрестанно соизмеряет с основной целью, ради которой работает.

Я вдруг почувствовал нечто совсем необычное для репортера — смущение.

— Что вы имеете в виду?

— Мне кажется, он работает над единой теорией поля.

Очевидно, Майнз полагал, что этим все сказано. Я же всем своим видом показал, что по-прежнему остаюсь в неведении.

Он задумался.

— Право, не знаю, как объяснить это неспециалисту. Не обижайтесь, Вильчек. Ну, попытаюсь. Вы, ве-

роятно, знаете, что математика развивается волнообразно, прокладывая дорогу прикладным наукам. Ну, например, в средние века сильно продвинулась вперед алгебра, что повлекло за собой расцвет мореплавания, землепроходства, артиллерии и т. д. Затем пришло Возрождение, а с ним математический анализ. Отсюда было недалеко до освоения пара, изобретения различных машин, электричества. Эра современной математики, начавшаяся, скажем, с тысяча восемьсот семьдесят пятого года, дала нам атомную энергию. Не исключено, что этот паренек может способствовать возникновению новой волны.

Он встал, надел шляпу.

— Минутку,— сказал я, сам удивляясь тому, что голос мне не изменяет.— А что дальше? Власть над тяготением? Власть над личностью? Транспортировка людей по радио?

Доктор Майнз вдруг показался мне старым и измученным.

— Не беспокойтесь о мальчике,— сказал он, старательно избегая моих глаз,— все будет в порядке.

И он ушел.

Вечером я принес Гомесу кусок пирога с мясом и гоголь-моголь. Он выпил немного, рассеянно поблагодарил меня и повернулся к своим листкам.

Вечером следующего дня все это неожиданно кончилось. Гомес, худой, как рикша, шатаясь, спустился на кухню. Огкинув со лба непослушные волосы, сказал: «Билл, что бы поесть?..» — и вдруг грохнулся на пол. На мой крик прибежал Лейцер, со знанием дела пощупал пульс Гомеса, подложил под него одеяло и накрыл другим.

— Это просто обморок,— сказал он.— Его нужно перенести на кровать.

Мы отнесли Гомеса наверх и уложили. Придя в себя, он пробормотал что-то по-испански, а затем, увидев нас, сказал:

— Ужасно извините, ребята. Должен был вести себя лучше.

— Сейчас дам тебе поесть,— сказал я и получил в ответ приветливую улыбку.

Он с жадностью набросился на еду, а насытившись, отвалился на подушку.

— Новое есть, Билл?

— Что новенького? Это ты должен сказать мне, что новенького. Ты кончил работу?

— Почти. Самые трудности уже сделал.

И он скатился с постели.

— Ты бы полежал еще, — попробовал настоять я.

— Со мной все в порядке, — сказал он, улыбаясь.

Я последовал за ним в его комнату. Он вошел, опустился в кресло; глаза его были прикованы к испещренной символами доске, затем он закрыл лицо руками. От улыбки не осталось и следа.

— Доктор Майнз сказал, что ты чего-то достиг.

— Si. Достиг.

— Он говорит, единая теория поля.

— Угу.

— Это хорошо или плохо? — спросил я, облизывая от волнения губы. — Я имею в виду, что из этого может выйти.

Рот мальчика неожиданно вытянулся в одну жесткую линию.

— Это не мое дело, — сказал он. — Я американский гражданин Соединенных Штатов.

И он уставился на доску, покрытую таинственными значками.

Я тоже посмотрел на доску — нет, не просто взглянул, а посмотрел внимательно — и был поражен тем, что увидел. Высшей математики я, конечно, не знаю. Но кое-что слышал о ней краем уха: ну, например, что там бывают всякие сложные формулы, состоящие из английских, греческих и еще черт знает каких букв, простых, квадратных и фигурных скобок и множества значков, кроме известных каждому плюса и минуса.

Ничего похожего на доске не было. Там были написаны варианты одного простого выражения, состоящего из пяти букв и двух символов: закорючки справа и закорючки слева.

— Что это значит?

— Это у меня получилось. — Мальчуган явно нервничал. — Если сказать словами, то значок слева означает «покрыть полем», а справа — «быть покрытым полем».

— Я спрашиваю, что это значит?

В его черных сияющих глазах появилось выражение загнанного зверя. Он промолчал.

— Здесь все выглядит очень просто. Я где-то читал, что решенная задача всегда кажется очень простой.

— Да, — сказал он едва слышно, — это очень просто, Билл. Даже слишком просто, я сказал бы. Лучше я буду держать это в голове.

И он подошел к доске и стер все, что там было написано. Моим первым движением было остановить его. Он улыбнулся очень горькой улыбкой, какой я никогда прежде не замечал у него.

— Не бойся, я не забуду,— он постучал костяшками пальцев по лбу,— не смогу забыть.

Я от всей души надеюсь, что никогда больше ни у кого не увижу такого выражения в глазах, какое было тогда у моего юного друга.

— Хулио,— сказал я потрясенно.— Почему бы тебе не уехать ненадолго? Поезжай в Нью-Йорк, погости у родителей, отвлекись, а? Они не могут держать тебя здесь насильно.

— Они предупредили меня, что я не имею права отлучаться,— сказал он неуверенно. Затем в его голосе вдруг появилось упрямство.— Ты прав, Билл. Давай поедем вместе. Я пойду одеться, а ты... ты скажи Лейцеру, что мы хотим уйти.

Я сказал Лейцеру, и тот чуть не лопнул от злости. Затем принялся нас уговаривать не уезжать, на что я ответил, что мы, кажется, не в армии и не в тюрьме. В конце концов я разошелся и начал орать, что он не имеет права держать нас взаперти и будь он проклят, если мы не уйдем. Ему ничего не оставалось, как связаться с Нью-Йорком по прямому проводу, и там они с большой неохотой вынуждены были согласиться.

Мы отправились на поезд, идущий в Нью-Йорк в 4.05. Хиггинс и Далхаузи следовали за нами на почтительном расстоянии. Гомес их не замечал, а я не считал нужным ставить его об этом в известность.

Родители Гомеса жили теперь в новехонькой трехкомнатной квартире. Мебель тоже была только что из магазина, а на чьи денежки она была приобретена, вы, конечно, понимаете. Отец и мать говорили только по-испански, а я был представлен как Билл, *mi amigo*. Они что-то пробормотали в ответ, явно стесняясь.

Заминка произошла, когда мать Гомеса принялась накрывать на стол. Гомес, запинаясь, сказал, что ему не хочется уходить, но мы уже договорились обедать в другом месте. Мать в конце концов вытянула из него, что мы идем в «Порто Белло», чтобы повидаться с Розой, и тогда все снова заулыбались. Отец сказал мне, что Роза хорошая, очень хорошая девушка.

Когда мы спускались по лестнице, а вокруг нас с криком бегала ватага мальчишек, играющих в пятнашки, Гомес с гордостью произнес:

— Не подумать, что они так мало живут в Соединенные Штаты, верно?

У подъезда я взял его под руку и решительно повернул вправо, иначе он наверняка увидел бы нашу «охрану». Зачем? Я хотел, чтобы ему было хорошо.

В «Порто Белло» было полным-полно народу, и малышка Роза конечно же сидела за кассой. В последнюю минуту Гомес чуть было не повернул обратно от страха.

— Мест нет,— пролепетал он,— пойдем куда-нибудь еще.

Я почти силой затащил его в закусочную.

— Найдем столик.

В это время от кассы донеслось:

— Хулио!

Он потупился:

— Здравствуй, Роза! Я приехал погостить.

— Я так рада тебя видеть,— ее голос прерывался от волнения.

— И я рад.— Здесь я незаметно толкнул его.— Роза, это мой друг Билл. Мы вместе работаем в Вашингтоне.

— Рад с вами познакомиться, Роза. Не хотите ли поужинать с нами? Думаю, вам найдется, о чем поговорить с Гомесом.

— Постараюсь... А вот и столик для вас. Постараюсь освободиться.

Мы сели за столик. Роза присоединилась к нам. Очевидно, ей удалось уломать хозяйку.

Мы ели *aggravé con pollo* — курицу с рисом — и еще многое другое. Постепенно они перестали смущаться и почти забыли про меня, а я, разумеется, принял это как должное. Приятная пара. Мне нравилось, как они улыбались друг другу, с какой радостью вспоминали свои походы в кино, прогулки, разговоры. В ту минуту я забыл выражение лица Гомеса, когда он повернулся ко мне от доски, покрытой слишком уж простыми формулами.

Когда подали кофе, я не выдержал и решил прервать их разговор — они уже держались за руки:

— Хулио, почему бы вам не пойти погулять? Я буду ждать тебя в отеле «Мэдисон Парк».

Я записал адрес на клочке бумаги и отдал ему.

— Я закажу тебе номер. Гуляй и ни о чем не думай.

Я похлопал его по коленке. Он посмотрел вниз, и я сунул ему четыре бумажки по двадцать долларов.

— Здорово,— сказал он.— Благодарю.

Вид у него при этом был очень смущенный. Я же чувствовал себя его отцом и благодетелем.

Я давно приметил паренька, который угрюмо сидел в углу и читал газету. Он был примерно одного роста с Хулио и такого же сложения. И спортивная куртка на нем была почти такая же, как на Хулио. На улице уже совсем стемнело.

Когда юноша встал и направился к кассе, я сказал Хулио и Розе:

— Ну, мне пора. Веселитесь.

И вышел из ресторана вместе с ним, стараясь идти рядом,— для тех, кто следил за нами.

Через квартал-другой ему это, видно, надоело, он повернулся ко мне и зарычал:

— Эй, мистер, чего тебе надо? Катись отсюда!

— Ладно, ладно,— миролюбиво ответил я и зашагал в противоположном направлении. Очень скоро я врезался в Хиггинса и Далхаузи, которые остановились как вкопанные, с открытыми от удивления ртами. Они ринулись обратно в «Порто Белло», и теперь уже я последовал за ними, чтобы убедиться, что Розы и Хулио там не было.

— Ай да молодцы,— не удержался я, хотя желание стереть меня с лица земли было ясно написано на лицах охранников.— Ничего страшного. Он пошел прогуляться со своей девушкой.

Далхаузи как-то странно всхлипнул и приказал Хиггинсу:

— Прочеси окрестности. Может, удастся их за-сечь. Я буду следить за Вильчеком.

Со мной он не желал разговаривать. Я пожал плечами, взял такси и поехал в «Мэдисон Парк», уютный старомодный отель с большими комнатами. Я всегда там останавливаюсь, если приезжаю по делам в Нью-Йорк. Я заказал два однокомнатных номера — один себе, другой, рядом,— Гомесу.

Перед сном я прогулялся по городу и выпил пару кружек пива в одной из нарочито ирландских пивных на Третей авеню. Там я побеседовал с каким-то чудак-ом, который долго доказывал мне, что у русских нет

атомной бомбы, а потому нам нужно хорошенько долбануть их промышленные центры.

Я долго не мог уснуть. Этот человек, серьезно веривший, что русские не смогут ответить ударом на удар, заставил меня задуматься. В голове роилось множество самых неприятных мыслей. Доктор Майнз, который на глазах превратился в старика, стоило мне заговорить с ним о результатах Гомеса... Затравленное выражение в глазах мальчугана... Мои собственные, где-то вычитанные или услышанные сведения о том, что атомная энергия — «это лишь малая часть энергии, заключенной в атоме...» Мое убеждение, что гений только прокладывает дорогу, а шагают по ней жалкие посредственности...

Наконец сон все-таки сморил меня. На три часа.

Поздно ночью зазвонил телефон; звонил он долго и настойчиво. Я снял трубку. Некоторое время в ней переговаривались телефонистки междугородной связи, затем до меня донесся далекий счастливый голос Гомеса:

— Билл, поздравь нас. Мы обженились!

— Поженились, а не обженились,— сонным голосом поправил я.— Ну-ка, повтори!

— Мы поженились! Я и Роза. Мы сели в поезд, потом таксист привез нас в мэрию, а сейчас мы идем в отель здесь.

— Поздравляю,— сказал я, окончательно проснувшись.— От всего сердца. Но ты ведь еще несовершеннолетний, нужно подождать...

— Не в этом штате. Здесь, если я им скажу, что мне двадцать один год, значит, так и есть.

— Ах так! Ну, еще раз поздравляю, Хулио.

— Спасибо, Билл,— послышалось в ответ.— Я звоню тебе, чтоб ты не беспокоился, когда я не приду ночевать. Мы с Розой, наверно, приедем завтра. Я позвоню тебе еще. Я храню бумажку с адресом.

— Ладно, Хулио. Всего наилучшего вам обоим. Не беспокойся ни о чем.

Я повесил трубку, хмыкнул и тут же вновь погрузился в сон.

Верите ли, все повторилось сначала. Костлявая рука адмирала Макдональда вновь решительно вытаскивала меня из постели. Было раннее солнечное нью-йоркс-

кое утро. Вчера Далхаузи безрезультатно «прочесал окрестности», испугался за последствия и позвонил высшему начальству.

— Где он? — взревел адмирал.

— Едет сюда со своей девушкой, которая сутки назад стала его женой, — отпартовал я.

— Боже милостивый, что же теперь делать? Я позабочусь о том, чтобы его призвали в армию, в части особого назначения...

— Послушайте, — не вытерпел я. — Когда вы наконец перестанете обращаться с ним, как с пешкой, которую можно безнаказанно передвигать, куда захочешь?! Вас беспокоят вопросы долга перед страной, ну и слава богу: кто-то ведь должен этим заниматься. Тем более что это ваша профессия. Но поймите же, что Гомес еще ребенок, и вы не имеете права калечить ему жизнь, используя его как машину для решения научных проблем. Конечно, я мало что в этом смыслю, я человек простой. Но вы, профессионалы, почему вы не задумываетесь над тем, что, если вы копнете слишком глубоко, все может полететь к чертовой матери?!

Он посмотрел на меня пронизывающим взглядом и ничего не ответил.

Я оделся и позвонил, чтобы мне принесли завтрак в номер. Адмирал и Далхаузи уныло ждали; в полдень Гомес позвонил.

— Хулио, поднимайся сюда.

Я, признаться, очень устал от всех этих передрыг.

Он просто впорхнул в комнату, ведя под руку раскрасневшуюся от смущения Розу. Адмирал тут же поднялся и принялся его отчитывать голосом, в котором слышалась скорее печаль, чем гнев. Он не забыл упомянуть, что Гомес плохо относится к обязанностям гражданина своей страны. Ведь его талант принадлежит Соединенным Штатам Америки. А его поведение носит совершенно безответственный характер.

— И в качестве наказания, мистер Гомес, я хочу, чтобы вы немедленно сели и записали матрицы для поля, которые вы вывели. Преступно, что вы так самоуверенно и бездумно доверяете памяти вещи, имеющие жизненно важное значение. Вот!

Карандаш и бумага полетели прямо в лицо Гомесу, который выглядел совершенно потерянным. Роза едва сдерживала слезы.

Гомес взял бумагу и карандаш и молча сел за письменный стол. Я взял Розу за руку. Бедняжка, она дрожала как осиновый лист.

— Не бойся,— сказал я.— Они ничего ему не сделают. Не имеют права.

Хулио начал писать. Затем глаза его стали совсем круглыми, он схватился за голову:

— ¡Dios mio!— воскликнул он.— ¡Esta perdido! ¡Olvidato!

Что значит: «Бог мой, я потерял это! Забыл!»

Адмирал побелел так, что бледность проступила сквозь густой загар.

— Спокойно, дружок!— голос его звучал успокаивающе.— Я не хотел пугать тебя. Отдохни немного и подумай снова. Ты не мог забыть это, с твоей-то памятью! Начни с чего-нибудь легкого. Ну, скажем, с простого биквадратного уравнения.

Гомес все смотрел на него. После долгого молчания он с трудом произнес:

— No puedo. Не могу. И это забыл. Я ни разу не вспомнил физику и математику с тех пор, как...

Он посмотрел на Розу и слегка покраснел. Роза не отрывала глаз от носков своих туфелек.

— Что делать,— сказал Гомес неожиданно охрипшим голосом.— Ни разу не вспомнил. Раньше всегда у меня в голове — математика. Но с тех пор — нет.

— Господи помилуй,— сказал адмирал.— Может ли такое случиться?

И он потянулся к телефону.

По телефону ему сообщили: да, такое бывает.

Хулио вернулся в свой испанский Гарлем и купил «Порто Белло» на заработанные деньги. Я вернулся в свою газету и купил автомобиль на то, что заплатили мне. Макдональд так и не предал дело гласности, и мой редактор мог с гордостью заявить, что однажды ему удалось провести адмирала, хотя он так и не воспользовался своим монопольным правом.

Несколько месяцев спустя я получил от Хулио и Розы открытку, извещавшую о рождении первенца: мальчик, весит шесть фунтов, назвали Франсиско в честь отца Хулио.

Я сохранил открытку и, как только мне довелось побывать в Нью-Йорке (задание редакции: Нацио-

нальная ассоциация бакалейщиков; бакалейные продукты — ходкий товар в нашем городе), зашел к ним. Хулио чуточку повзрослел и стал более уверенным в себе. Роза, увы, начала полнеть, но была по-прежнему чрезвычайно мила и все так же обожала своего Хулио. Малыш был медового цвета и очень бойкий.

Хулио непременно хотел приготовить в мою честь *aggròz con pollo* — ведь именно это блюдо мы ели в тот вечер, когда я, можно сказать, толкнул его в объятия Розы. Решено было пойти в соседнюю лавку за продуктами. Я вызвался помочь.

В лавке Хулио заказал рис, цыпленка, овощи, перец — он чуть не скупил все (многие мужья не могут остановиться, когда попадают в магазины), едва ли не пятьдесят видов продуктов, которые, по его мнению, могут в крайнем случае полежать в кладовой.

Старик хозяин, ворча, записывал стоимость покупок на пакете; потом он стал складывать доллары и центы, пересчитывая все по сто раз. Тем временем Хулио поведал мне, что «Порто Белло» процветает и что хорошо бы его расширить, прикупив магазин.

— Семнадцать долларов сорок два цента, — выдал наконец старик.

Хулио взмахнул ресницами в сторону колонки цифр, записанных на пакете.

— Должно быть семнадцать тридцать девять, — сказал он с упреком. — Сосчитайте снова.

Лавочник с трудом сосчитал.

— Семнадцать тридцать девять, правда ваша.

И он принялся заворачивать покупки.

— Хулио?! — только и вымолвил я.

Больше ни слова, ни в тот момент, ни после.

— Никому не говори, Билл, — сказал Хулио.

И подмигнул.

МИСТЕР СУПСТОУН

Окно доставки Главного почтамта на Гемлине-3, в двадцати восьми тысячах четырехстах шести световых лет во втором Квадранте по наклонению в девятнадцать градусов от Теоретического Центра галактики, было весьма небольшим и расположено ниже, чем обычно. Пилот-разведчик Хэнк Шалло, здоровенный, как бык, согнулся чуть не пополам, чтобы заглянуть в него.

— Нет ли у вас почты для...— его голос с безразличной скороговорки внезапно перешел на басовитое воркование,— для Х. Шалло, корабль «Атеперьнетуж», мисс?

— Секунду.

Неземное видение, маленькая брюнетка за окошком, отложила книгоскоп и набрала код на пульте. Что-то лязгнуло, щелкнуло, и машина выплюнула несколько конвертов.

— Пожалуйста, сэр.

Хэнк принял их, не глядя, и скомкал в огромной руке.

— Благодарю вас.— Он ослепительно улыбнулся:— Интересная книжка?

Девушка, вновь приняв прежнее положение, скользнула по нему небрежным взглядом (Хэнк так и не понял, чего в нем было больше — одобрения или безразличия) и ответила:

— Да.

Хэнк вздохнул.

— Давненько у меня не было времени почитать по-настоящему,— грустным тоном произнес он.— У пилотов-разведчиков совсем нет времени. Очень тяжело быть пилотом-разведчиком.

— Насколько я понимаю,— заметила девушка,— вы — пилот-разведчик?

— Да,— односложно молвил Хэнк, снова горько вздыхая.— И это трудная, одинокая жизнь.— Он слегка раздул грудь.— Большинству представляется блестящая судьба пионера, первооткрывателя новых земель для человечества, но увы... Опасная — да. Блестящая...— Хэнк медленно покачал головой,— нет.

— Понятно,— сказала девушка.

— Могу ли я поинтересоваться, о чем эта книга? Возможно, я решу заказать себе такую же для следующего долгого одинокого полета.

— Недурная мысль,— отозвалась девушка,— особенно если вы читаете на старофранцузском. Это сборник фабльо.

— Ах, фабльо...

— Да. Я пишу работу по произведениям, приписываемым перу Чосера, которые распространились в четырнадцатом веке после успеха «Кентерберийских рассказов». Многие из них восходят к фабльо.

— Э-э...

— Я кончаю университет, а здесь просто подрабатываю. Чем еще могу быть полезна?

— Собственно, мне ничего не надо,— потупился Хэнк.— Возможно, мы еще встретимся.

Он вышел, сунув нераспечатанные письма в карман, и отправился в город. Там зашел в первую попавшуюся библиотеку и потребовал книгу по фабльо, торопливо добавив:

— На современном языке, разумеется...

Библиотечная машина зашумела и выдала книгоскоп с катушкой. Хэнк удобно уселся в кресле и поднес проектор к глазам. «**ФРАНЦУЗСКИЕ СКАЗКИ ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ**»,— прочитал он и хмыкнул. Так вот что такое фабльо... Первая сказка называлась «Похлебка из камней». Хэнк прочитал ее, сунул книгоскоп в карман и вернулся на Главный почтамт, где, скрючившись, заглянул в окошко выдачи.

— Привет! — игриво бросил он.

— Привет, солдафон,— холодно отозвалась брюнетка.

— Солдафон? — изумленно переспросил Хэнк.— Нет, нет. Я пилот-разведчик.

— Не заливайте! — презрительно сказала девушка. У Хэнка создалось впечатление, что ее мнение о нем почему-то внезапно ухудшилось.— Впрочем,

вы, верно, по-другому и не умеете... Плохо же вы обо мне думаете, если решили, что купите своей дешевой ложью. Да, мой дядя был пилотом-разведчиком, и я никем больше так не восхищалась. Но вынюхивать...

— Секундочку! — взмолился Хэнк. — Ваш дядя был пилотом-разведчиком? Как его имя?

— Чен Гремиджер. И он погиб геройски при исполнении служебных обязанностей...

— Я знал Чена Гремиджера!

— О, получайте это письмо и убирайтесь отсюда!

Она ударила по клавише на пульте, схватила выскользившее письмо и швырнула его в Хэнка, затем повернулась и исчезла из поля зрения.

Хэнк обеспокоенно подобрал письмо. Это был весьма официального вида пакет, разукрашенный марками, штампами и гербовыми печатями, адресованный: «Гемлин-3, до востребования, майору Х. Шалло».

— Подождите! — заорал Хэнк, просунув голову в окошко. — Понимаете, я числюсь в резерве...

Но комната за окном была пуста.

С понурым видом Хэнк побрел на свой небольшой, но мощный разведывательный корабль «Атеперьне-туж». Сидя в кресле в крошечной рубке, одновременно служившей ему спальней, он сорвал печати с пакета, достал его содержимое и пробежал глазами начало:

«В соответствии с решением штаб-квартиры Дальних Космических Полетов, Ки Уэст, Земля (см. приложение)...»

Хэнк взял вышеупомянутое приложение. Оно оказалось служебной запиской от Джанифы Вилльямс, одного из директоров ДКП, с таким завуалированным едким остроумием, что лишь Хэнк мог почувствовать его укусы. «Сколь опасна женщина, — подумал он, — считающая, что ее отвергли. Опаснее змеи!»

Хэнк вовсе не пренебрег Джанифой Вилльямс, когда его отозвали на Землю для фотографирования на рекламные плакаты, — в ту пору разворачивалась кампания по вербовке пилотов-разведчиков. Он бы никогда не пренебрег столь великолепным образчиком женственности, воплощенной в блондинке.

Просто он не собирался менять свой корабль на кабинетную работу. Джанифа не смогла этого понять. Хэнк вздохнул. Теперь, в служебной записке, Джанифа писала, что, поскольку Х. Шалло, П-Р 349275, уже проявил способность к неортодоксальным и высокоэффективным действиям (еще один укол по поводу захвата Хэнком первого представителя Юнарко — чужой цивилизации, встреченной человечеством), штаб-квартира ДКП рекомендует его для выполнения задания Военного Ведомства.

Хэнк вернулся к приказам военных властей и только тут осознал всю остроту зубок Джанифы. В документе сообщалось, что с некой недавно заселенной планеты Корона, Квадрант два, наклонение... и т. д. и т. п., доложили о создавшемся чрезвычайном положении и потребовали немедленной помощи ГС (Генерального Советника). По следующим соображениям (далее полстраницы занимало перечисление весьма туманных соображений) Военное Ведомство полагает ситуацию не столь серьезной, как кажется местным властям. А так как в настоящий момент незанятых квалифицированных ГС нет, решено временно наделить майора Х. Шалло полномочиями Генерального Советника и направить его на Корону для урегулирования ситуации. И т. д. и т. п.

Хэнк вздохнул. Он-то знал, почему ГС (Гений Совершенства, как еще расшифровывали эту аббревиатуру) вечно не хватает. Чтобы получить это звание, необходимо выполнить пять докторских работ в не связанных между собой областях и пройти трехгодичный курс специальной подготовки. ГС получали к пятидесяти годам. В шестьдесят — семьдесят лет они становились бесценными и буквально творили чудеса и в том же возрасте вынуждены были оставлять свою деятельность и уходить на пенсию.

«Можешь ли ты творить чудеса? — спросил себя Хэнк. — Нет. Можешь ли ты отказаться от задания? Нет. Виновна ли в этом Джанифа? Да». Внезапно воспламененный мыслью о том, как обрадуется Джанифа его провалу, Хэнк резко выпрямился в кресле. Он ей покажет! Покажет?..

Хэнк встал и внимательно посмотрел на себя в зеркало. Что и говорить, с Генеральным Советником сходства мало. Он выглядел слишком... здоровым, скажем так.

Хэнк на миг задумался, а затем нырнул в ящик с одеждой, выудил оттуда слегка помятый цилиндр из аксессуаров иллюзиониста (когда-то он увлекался фокусами) и, напялив его на голову, повернулся к зеркалу.

Эффект был потрясающий. Цилиндр времен Авраама Линкольна в сочетании с внешностью громаы создавал впечатление поистине невероятное.

— Ор-ригинально...— выдохнул Хэнк и для завершения картины зажал под мышкой книгу французских сказок.— Фабльо,— скрипуче объявил он своему отражению.— Моя узкая специализация. Да. Супстоун. Генри Авраам Супстоун *. Что? Ну разумеется, друг мой! Уж и не помню, сколько лет я ГС. Так в чем же ваша проблема? Ха-ха! Ерунда. Дайте-ка мне...

«А почему бы и нет?»— подумал Хэнк, готовя корабль к отлету. Разве в Военном Ведомстве не считают, что местные власти на Короне переоценили серьезность положения? Возможно, там вообще нечего делать.

Он ввел координаты Короны в блок памяти Библиотеки, расположился поудобнее и взял мажорный аккорд на издававшей виды гитаре.

«Я лишь простой странник!..»— душераздирающим, но исполненным решимости голосом орал он в звуконепроницаемой каюте корабля.

К моменту прибытия на Корону Хэнк прочитал все сказки. Больше всего ему понравилась первая— «Похлебка из камней». Кроме того, при помощи Библиотеки он разузнал все, что мог, о методах работы ГС и о самой планете Корона. Увы, на сей раз менторский тон информирующей Библиотеки не оказывал успокоительного действия. Единственной пользой, которую могла извлечь для себя такая сравнительно необразованная личность, как Хэнк, было безграничное уважение, питаемое людьми к ГС. Генеральный Советник, разъяснила Библиотека, всегда обязан поддерживать веру в свою способность справиться с любой задачей. Хэнк постарался это запомнить.

Еще один отрезвляющий факт привлек к себе его внимание. Корона находилась на границе владений Земли и Юнарко. Официально— и не только офици-

---

* Soupstone — похлебка из камней. (Прим. перев.)

ально — народы Земли и Юнарко поддерживали мирные отношения — с тех пор, как Хэнк доставил на Землю полоненного юнарко и искусные лингвисты совладали с языком чужака. Да иначе и быть не могло. Только последний идиот мог не уважать суверенитета уже заселенных миров или допустить открытое столкновение. Развязав межзвездную войну, обе расы лишь уничтожили бы себя, так ничего и не решив.

С другой стороны, существовали иные формы конкуренции, без применения оружия. Обе цивилизации интересовались одним типом планет. Если люди будут вынуждены отказаться от Короны и ею завладеют юнарко, то результат будет равнозначен проигранной битве. Добровольная сдача планеты может натолкнуть чужаков на опасные идеи и перейти в губительную привычку.

Хэнк был поглощен этой проблемой, когда раздался звонок и заговорила Библиотека:

— Посадка произведена. Нас встречают.

— Ага!.. — Хэнк вскочил, напялил цилиндр и зажал под мышкой сборник сказок.

Напустив на себя важный вид, он открыл люк и спустился по лесенке. Его поджидал мускулистый, легко одетый молодой человек. Расстегнутая рубашка демонстрировала загорелую шею и волосатую грудь. Голубые глаза под копной каштановых волос оценивающе смерили ширину плеч гостя. Хэнку был знаком этот взгляд. А все потому, что для кое-каких драчливых индивидов Хэнк олицетворял собой ходячий вызов. Вероятно, причина крылась в его комплекции... Хэнк поспешил развеять неблагоприятное впечатление, произведенное его внешностью, и попытался добродушно улыбнуться.

Такое поведение обескуражило молодого человека.

— Вы ГС?! — рявкнул он, потрясенный до глубины души.

— Э-э... Он самый! — выпалил Хэнк. — Хэнк Аврам Супстоун. Генеральный Советник с многолетним стажем. Фабльо. Моя специализация. Если желаете взглянуть на документы...

— Черт с ними! — гаркнул молодой человек, глубоко раня Хэнка, изготовившего по пути убедительный комплект фальшивых удостоверений. — Меня зовут Джо Блэйн. Идемте, вот мой слайдер.

Они прошли к мощной открытой машине на воздушной подушке. Такими экипажами обычно

пользовались жители недавно заселенных планет — они предназначались для пересеченной местности. Мотор взревел, выплюнув облако ядовитого дыма, и пошла отвратительная вонь какого-то растительного дистиллята, используемого в качестве топлива. Экипаж судорожно рванулся с места и понесся к виднеющимся вдали зданиям. Хэнк отчаянно вцепился в сиденье.

— Итак, вы — ГС? — выкрикнул Джо Блэйн, когда они оставили позади выжженную поверхность посадочного поля и оказались на неровной поверхности вспаханного поля. Дорог на Короне явно еще не было. Скорость достигла ста двадцати километров в час.

— Совершенно верно! — заорал в ответ Хэнк, продолжая улыбаться, несмотря на ветер, и придерживая одной рукой цилиндр.

— В таком случае о спаджиях вам все известно?

— Э... абсолютно все! Занимаюсь ими не один год!

Джо оторвался от руля и изумленно оглянулся. Хэнк сглотнул и расплылся в улыбке, надеясь, что его ошибка, где бы он ее ни допустил, будет сочтена шуткой. Джо не улыбнулся в ответ. И Хэнк решил про себя по возвращении на корабль непременно узнать, что такое спаджии.

— Н-да? — протянул Джо. — А как насчет юнарко?

— О, превосходно! — обрадованно гаркнул Хэнк, обретя почву под ногами. — Между прочим, я — первый человек, который встретился с одним из них... — Он осекся, увидев пораженный взгляд поселенца, и тут же сообразил, что уж на границе-то каждому известно, что первым с юнарко столкнулся пилот-разведчик (естественно!). — Если можно так выразиться! — торопливо добавил Хэнк, снова широко ухмыляясь.

Теперь во взгляде Джо Блэйна сквозило явное недоверие. До самой остановки у какого-то трехэтажного здания, напоминающего официальное учреждение, он не проронил ни слова.

— Сюда, — коротко бросил Джо Блэйн, провел Хэнка по крутой лестнице на третий этаж и открыл внутреннюю дверь пустой приемной.

В кабинете находилось несколько человек разных возрастов, одетых так же просто, как Блэйн.

— Вот и вы! Рад приветствовать вас, мистер... э... — воскликнул низенький кругленький мужчина, бросаясь навстречу.

— Супстоун. Хэнк Авраам Супстоун,— представился Хэнк.

— Я — временный глава Планетного комитета Джеральд Бар. Позвольте представить вам: Уильям Грэссом, Арви Тилт, Джейк Блокин... и, наконец, моя дочь, временный секретарь нашего Временного комитета Ева Бар.

— Страшно рад! — заюлил Хэнк при виде молодой, хорошенькой блондинки с улыбчивым лицом и стройной фигурой, подчеркнутой облегающим желтым комбинезоном.

— Это я рада — познакомиться с настоящим Генеральным Советником! — возразила она. — Мы не ожидали, что вы окажетесь таким молодым, мистер Супстоун.

— Не так уж он молод, — раздался сзади неприятный голос Джо Блэйна. — Годами изучал спаджии. Сам мне так сказал.

— Джо! — Ева бросила на молодого поселенца сердитый взгляд.

— В самом деле, Джо, — укоризненно заметил Джеральд Бар. — Ты, должно быть, ошибся.

— Нет, не ошибся.

— Джо! — Ева повысила голос.

— Нечего твердить мне «Джо, Джо»! Говорю вам, как было. Кроме того, он заявил, что первым среди людей встретился с юнарко. Пожалуй, нам все-таки стоит взглянуть на его документы, что бы вы там ни болтали о приличии и манерах.

— Разумеется, нет! — рявкнул отец Евы. — Мне совершенно ясно, что он тебя разыгрывал, Джо.

— Ха-ха! Да, — торопливо вставил Хэнк. — Немного пошутить, разрядить напряжение и все такое... — Он снова хохотнул, дружески толкнув локтем Бара.

Джеральд Бар засмеялся. Люди вокруг него засмеялись. Ева громко и заливисто смеялась, и в ее серебристом голосе проскальзывали нотки презрения, когда она кидала взгляд на Джо. Джо не смеялся.

— Ха-ха! Ну хватит, — успокоился Бар, — давайте перейдем к делу. Мы гарантируем вам единодушную помощь. Единодушную! Вы не найдете на Короне никого, кто отказал бы вам в поддержке. Пятнадцать тысяч душ в вашем полном распоряжении, мистер Супстоун.

— Благодарю вас.

Хэнк с удовольствием включил в это число Еву Бар, но тут же взял себя в руки, уселся за ближайший стол и сосредоточенно нахмурился.

— Ну, так в чем же ваша проблема?

Все разом загалдели.

— Тихо! — крикнул Джеральд Бар.

Шум прекратился, и толстенький временный глава Временного комитета продолжил:

— Наши спаджии сгнивают прежде, чем мы успеваем извлечь из них сок. Это культура Юнарко, и мы не знаем, как правильно с ней обходиться, а эксперт с Юнарко, которого они прислали, не может или не хочет ничего объяснить. Люди думают, что они попросту собираются выжить нас и занять планету. Никто не желает быть членом Комитета или его постоянным председателем. Никто не знает, как справляться с делами, никто не хочет брать на себя ответственность. Первый Банк Короны только что закрылся. Дистиллят сока спаджий стоит больших денег, но, так как мы его не вывозим, нам не дают кредита. Межпланетные транспортные корабли вот-вот отправятся восвояси пустые и никогда больше к нам...

— Достаточно.

Хэнк остановил поток слов царственным движением руки. Он лихорадочно вспоминал все, что вычитал о ГС в Библиотеке своего корабля. Колонисты благоговейно замерли.

— Мне ясно, — важно изрек Хэнк, — что нужно ознакомиться с положением. Да, я произведу обследование.

По комнате пронесся вздох облегчения. Хэнк снова поднял руку.

— Мне необходимо изучить все лично. Во-первых... — он на миг задумался, — я бы осмотрел одну из спаджиевых ферм. — Его взгляд блуждал, пока не остановился на Еве Бар. — Если бы меня кто-нибудь мог сопровождать...

— Я с удовольствием покажу вам, — вызвалась Ева.

— Нет! — сказал Джо.

— Уж позволь мне...

— Ну, ну, — проворковал Хэнк, поднимаясь. Он взял со стола катушку французских фабль в книгоскопе, сунул книгоскоп в карман и подошел к уставившимся друг на друга молодым людям. — Не надо ссо-

риться...— Он участливо опустил свою волосатую руку на мягкое плечо Евы.

— Убери лапы!— взревел Джо и замахнулся кулаком.

Хэнк выпустил плечо девушки и в испуге отпрянул, при этом неловко оступившись и наваливаясь прямо на Джо. Одна из его заплетающихся ног прижала левую ногу Джо к полу, а другая с налету ткнулась в его колено. Джо повалился назад; Хэнк, судорожно в него вцепившийся, совершенно случайно, пытаясь сохранить равновесие, тремя сжатыми пальцами левой руки ударил Джо в живот, под грудную кость, а кулак его правой руки по чистому совпадению совместился с ухом Джо в тот момент, когда Джо с грохотом ударился головой о пол.

Все сгрудились над Хэнком, принося извинения, помогли ему подняться и заботливо усадили в кресло. Забытое тело Джо Блэйна осталось лежать на полу.

— Воды...— выдохнул Хэнк, откинув голову в нежные руки Евы. Принесли воды. Он немного отпил и слабо улыбнулся.

Джо Блэйн начал проявлять признаки жизни. Он зашевелился, открыл глаза и попытался сесть.

— Что сс-случ-чилось?..— запинаясь, пробормотал он.

— Ох, Джо!— воскликнула Ева, внезапно обратив внимание на молодого человека. Она устремилась к нему и вдруг застыла, гневно сверкнув глазами:— И ты еще спрашиваешь! Как смел ты поднять руку на мистера Супстоуна! Поделом тебе, что ты споткнулся и упал!

— Мы запрем его, мистер Супстоун!— прорычал Джеральд Бар.

— Нет, нет...— проговорил Хэнк, с трудом поднимаясь на ноги.— Неожиданный всплеск... нельзя винить. Нужен каждый человек.— Он повернулся к Еве:— Пора идти. Если вы не откажетесь показать мне...

— Разумеется!— с чувством заявила Ева, кинув убийственный взгляд на Джо.— Обопритесь на меня, мистер Супстоун. Так вам будет легче.

И они вышли.

— Ненавижу Джо Блэйна!— кричала Ева немного позже, когда они неслись к выбранной ею ферме.— Я просто терпеть его не могу!

— Неужели? — проорал в ответ Хэнк, одной рукой придерживая цилиндр, а другой ухватившись за поручень машины. Вероятно, езда на полной скорости через все препятствия вошла на Короне в привычку. Хэнк подпрыгнул, когда машина налетела на слишком крупный для воздушной подушки камень. Они мчались со скоростью сто шестьдесят километров в час.

— Да! — продолжала Ева. — Не выношу самоуверенных типов! С такими способностями — и не желает их использовать! Ведь просили его стать вместо моего отца временным председателем Комитета, а он только спрашивает в ответ: кто же был им в прошлом году? Вы видели когда-нибудь такого эгоиста?!

— Ну... э... — замямлил Хэнк.

— И я тоже! Это отвратительно — ведь он такой умный! Пять лет учился астроагрономии; один из первых пробовал выращивать спаджии, когда у нас появились семена. Это было после первого соглашения с Юнарко в прошлом году...

Она внезапно замолчала.

— Но зачем я это вам рассказываю? Вы ведь все прекрасно знаете.

— Что вы, что вы! — искренне запротестовал Хэнк. — Я всегда слушаю очень внимательно. Глядишь, и узнаешь что-нибудь новое.

— О! — воскликнула Ева. — Если бы у Джо была хоть десятая часть вашей непредубежденности! Вашего здравомыслия! Вашего... Вот мы и приехали!

— Куда? — изумился Хэнк.

Но они уже проскочили поле зеленых растений с налитыми соком плодами, чрезвычайно напоминающими огромный виноград, и резко затормозили у фермы. Хэнк неуверенно ступил на твердую почву и побрел за Евой в дом, представляющий собой нечто среднее между амбаром и теплицей. Там, в помещении, представляющем собой нечто среднее между кухней и лабораторией, они нашли гномообразного старика, аккуратно переливавшего зеленую жидкость из большой мензурки в маленькую. Тут же стояло устройство, определенно смахивающее на перегонный аппарат.

— Джошуа, — начала Ева, — это мистер Супстоун...

Гном немедленно оставил свое занятие и принялся прыгать вокруг них, гневно потрясая кулаками.

— Знаю! Знаю! — закричал он надтреснутым голосом. — Генеральный Советник! Твой папаша прожуж-

жал о нем все уши. Так вот, мне он не нужен! Мне нужен грузовик. Ты меня слышишь?

— Джошуа! — строго произнесла Ева. — Пока мистер Супстоун не разберется, грузовиков не будет. Да и все равно твоя очередь только во вторник.

— Во вторник! — завизжал Джошуа. — У снадзий нет календаря! Разве я могу попросить их до вторника не созреть?! — Он схватил маленькую мензурку с зеленой жидкостью и без предупреждения сунул ее под нос Хэнку: — Попробуйте!

В маленькой мензурке жидкости было немного, на самом дне. Хэнк покорно принял сосуд, взболтнул и выпил одним глотком, отодвинув пальцем в сторону какую-то никчемную пипетку, легкомысленно позабытую старикашкой.

Жидкость оказалась превосходной на вкус. Хэнк сглотнул и вдруг заметил, что Ева и Джошуа застыли и уставились на него с диким ужасом. Он открыл рот, чтобы поинтересоваться, что случилось, и тут небо его запылало, пищевод раскалился добела, а в животе разорвалась ядерная бомба.

«Отравили!» — мелькнула мысль. Хэнк открыл рот, чтобы попросить воды, но голос ему не повиновался, связки словно парализовало. Глаза его заматались по комнате в поисках воды и остановились на пустой пивной бутылке возле перегонного аппарата. Он сделал слабое движение в том направлении.

— Пива... — наконец хрипло выдавил он, судорожно дернувшись. Джошуа очнулся, пересек комнату, достал из холодильника бутылку пива, открыл и, не говоря ни слова, поднес Хэнку. Хэнк опрокинул ее над открытым ртом. Как все пилоты-разведчики, он привык пить пиво глотками: глоток — и бутылка пуста. Но никогда еще ему не приходилось пить пиво с такой благодарностью. Пожар внутри утих.

— Что ж, — заговорил Хэнк, а потом моргнул и снова замолчал, потому что по комнате разлилось золотое сияние и пол закачался. Хэнк еле подавил внезапное желание запеть.

— Очень хорошо, — произнес он, с крайней осторожностью передавая Джошуа мензурку и бутылку.

— Должно быть... — хмыкнул Джошуа и многозначительно посмотрел на Еву. — Мне кажется, вы уже готовы решить все наши проблемы, не так ли, мистер Супстоун?

— Абсолют... абс... да,— ответил Хэнк, внезапно почувствовав влечение к односложным словам. И, тщательно выговаривая, добавил:— Вы не получаете вовремя грузовики?

— Мои зрелые спаджии гниют на корню, вот что!— мгновенно распалился Джошуа.— А если убирать незрелые, то они портятся в хранилище. Вот вы попробовали этот суперконцентрат бренди— да ведь здесь целое состояние гибнет! А я ничего не могу поделать, потому что они не дают мне грузовиков когда следует.

— Ясно,— осторожно произнес Хэнк непослушным голосом.— Секрет Юнарко...

— Секрет?! Это они вам в городе наболтали?— вскричал Джошуа.— Сорванные незрелыми, спаджии не дозревают— вот в чем секрет! Грузовики должны приходить, когда нужно,— вот в чем секрет!.. И что вы намерены предпринять?

— Наладим,— сказал Хэнк.

— Как?— ехидно поинтересовался Джошуа.— Нельзя ли сообщить мне?

— ГС-прием.— Хэнк боролся с икотой и цедил слова сквозь стиснутые зубы.— Супстоуновский метод. Сам разработал. Невозможно объяснить.— Золотое сияние становилось нестерпимо ярким, а пол раскачивался так, будто хотел свалить Хэнка с ног.— Подайте доклад о перебоях с транспортом. Доставить мне. До свидания. Идем, Ева.

Не дожидаясь ответа девушки, он повернулся, вышел за дверь и, даже не упав— настолько был осторожен,— сумел занять свое место в машине. С другой стороны села Ева, рядом с ней стоял Джошуа.

— Джош...— Слова давались Хэнку с трудом.— Чтоб завтра доклад...

— Будет,— доплыл сквозь золотой туман голос Джошуа.

Хэнк уселся поплотнее и нахлобучил на лоб цилиндр.

— Думаю. Не беспокоить,— пробормотал он, наклоняясь к Еве.

Уже из совершенно непрозрачной золотой мглы донесся рокот Джошуа.

— Эквивалент половины литра бренди,— говорил тот.— Одним залпом. И запил пивом. Ты последи за ним.

— Еще чего! — ответил голос Евы. — Откуда мы знаем, как думает ГС? Может, это часть того самого супстоуновского метода!

«Чудсная девшка...» — подумал Хэнк и почувствовал, как машина тронулась. Он сомкнул веки, расслабился и позволил захлестнуть себя золотым волнам.

После этого он смутно ощущал несколько остановок. Человек, каким-то образом связанный с транспортом, размахивал кулаками и орал что-то насчет хранилищ. Человек, связанный с хранилищами, стучал по столу и ревел про банковскую систему. И был еще один человек, разводящий пухлыми руками, который жаловался на отсутствие твердой власти и планирования. За этим последовал длительный период полного забытья и наконец дурной сон о юнарко, пытающемся с ним заговорить.

Хэнк проснулся и обнаружил, что это не сон. Над ним, что-то лопоча, склонилось толстошее, безволосое, лишенное подбородка создание. Из черного ящика на колесиках звучал перевод.

Хэнк тряхнул головой, и тут до него дошло, что он сидит на койке, непонятным образом очутившись в том самом кабинете, где вчера встретился с отцом Евы и прочими — если только это было вчера. В окна врывались лучи утреннего солнца. В таком освещении юнарко со своими щупальцеобразными конечностями казался особенно несимпатичным. Хэнк привычно сжал голову руками, но через секунду выпрямился.

— Никакого похмелья! — изумился он и уставился на юнарко: — А ты кто такой?

— Я ваш... — забубнил черный ящик и сделал паузу, — помощатель.

— Кто-кто? — переспросил Хэнк.

— ...Помогальник? Небольшой ассистент?.. — Ящик заткнулся. Юнарко молча протянул фильмоскоп. Хэнк поднес его к глазам и увидел письмо:

«ОТДЕЛ НАДЗОРА

III-K., Вашингтон, ОК, Земля.

Всем, кого это может касаться.

В связи с тем что советники по культуре и управлению приравняются Юнарко к советникам по военным вопросам и их присутствие на планете, известной под названием Корона, является тем

самым оскорблением для колоний Юнарко, уже наличествующих в данном звездном секторе, выше-названные советники не допускаются на выше-названную планету, а их функции выполняет представитель Юнарко, назначенный на Корону в интересах сотрудничества.

Население Короны обязано оказывать всяческую помощь и почет подателю настоящего письма, представителю Юнарко.

Исполнитель: 5763
ГС, III-K.».

Письмо скрепляла незабываемая тройная печать ГС. Хэнк опустил фильмоскоп и задумчиво посмотрел на чужака.

— Ага! — сказал Хэнк. — О-го-го! Помогальник... чего ж ты сразу не объяснил? Ладно, ладно, не обращай внимания, — торопливо добавил он. — Ну уж коли ты здесь, хотелось бы мне знать, что ты думаешь по поводу неудач со спаджиями?

— Человеческой расе, — монотонно затарахтел ящик, — не хватает одной вещи, для которой нет слова в вашем языке. Это такое качество духа, без которого успех во спаджиеводстве немислим. Следовательно, вас ждет провал. Люди, возвращайтесь домой.

— Вот как?.. Мне почему-то казалось, что ты так и скажешь. Теперь все ясно.

Хэнк поднялся и покотил черный ящик к выходу; юнарко вынужден был следовать за ним.

— Оставьте ваши координаты моей секретарше. Я вас вызову, — любезно попрощался Хэнк, открыл дверь и вытолкнул ящик и его хозяина. При этом он заметил, что в приемной за столом с бумагами сидит Ева, а на нее яростно уставился Джо Блэйн.

— А, моя утренняя почта! — широко улыбаясь, воскликнул Хэнк. — Доброе утро, Джо. Ева, зайдите ко мне... Сейчас, одну минуту, Джо. Счастливо, э... помогальник. Надеюсь, мы с вами как-нибудь поужинаем... Пожалуйста, Ева.

— Ну, что тут было? — нетерпеливо спросил он, закрыв дверь.

— Пришли все доклады, которые вы просили подготовить. Возможно, мне не следовало впускать юнарко? Но у него было это письмо, и он действительно нам очень помогает. Открыл курсы глубокого дыхания

и еженедельно дает в городе концерт инопланетной музыки.

— Неужели? — ахнул Хэнк.

— Да-да. Чтобы развить в нас необходимый дух для выращивания спаджий. Он нам помогает,— обескураженно продолжала Ева,— а дела идут все хуже и хуже. Ох уж этот Джо!

— А что такое?

— Вы представляете...— возмущенно затараторила Ева.— Он всерьез сомневается, что вы настоящий ГС. Говорит, что ни один человек, посвятивший свою жизнь наукам, не мог бы так его уложить. И вовсе вы его не уложили. А когда я ему об этом сказала, он совсем обезумел и не стал со мной разговаривать. Послал на Землю запрос относительно вас. Он говорит, ему должны сообщить всю правду! А если вы и в самом деле не тот, за кого себя выдаете, по его словам, каждый будет только рад помочь ему вздернуть самозванца на фонаре после всех наших мучений.

— Да? — криво улыбаясь, сказал Хэнк.

— Да. Я объяснила ему, как все глупо, что подобным запросом он лишь подорвет к нам доверие. Да и ответ придет не раньше одиннадцати часов вечера. Но,— вздохнула Ева,— надо знать Джо. Ему хоть... Что случилось?

— Одиннадцать... то есть я хотел спросить,— лихорадочно забормотал Хэнк,— который час?

— Скоро полдень.

— О-о! — простонал Хэнк в лучшей супстоуновской манере.

— В чем дело? — встревожилась Ева.

— Совершенно забыл! Мне же к утру надо быть на Гемлине-3. Просто вылетело из головы! — казнил Хэнк, вытирая лоб.

— А наши беды? — вскричала Ева.

— Конечно, конечно... Но ГС нужен всем. Нельзя быть эгоистами, разве не так?

И он снова вытер лоб.

Глаза Евы наполнились слезами.

— У других людей,— смущенно продолжал Хэнк,— тоже есть проблемы.

Ева начала всхлипывать.

— Ну, естественно, я вам запланирую кое-что... Наставлю, так сказать, на путь истинный... Я имел в виду, что не могу все сделать за вас. Просто дам указания... А выполнять вы будете сами.

— О, благодарю вас! — воскликнула Ева, лучезарно улыбнувшись, обвила шею Хэнка руками и поцеловала его. — Вы все наладите перед отлетом? — Она снова поцеловала его. — Да? Да?

— Положитесь на меня. Абсолютно... Куда же вы? — спросил Хэнк, переводя дух.

— Сообщить Джо. Это его кое-чему научит. Ох, вам что-нибудь нужно?

— Нужно? Конечно, мне... — Хэнк замолчал, с трудом взяв себя в руки. — Мне нужен завтрак — бэкон и яйца, если у вас найдется. И побольше черного кофе. Пришлите сюда, в кабинет. Кроме того, мне понадобится абстрактер. У вас есть абстрактер?

— Вычислительное устройство, делающее выдержки из письменных материалов? По-моему, есть.

— Отлично. И пожалуйста, побудьте в приемной. Никаких посетителей, кроме тех, кого я сам буду вызывать. Ясно?

— Ясно! — воскликнула Ева и радостно выпорхнула из кабинета.

Когда дверь за ней закрылась, Хэнк тяжело вздохнул, посмотрел на кипу бумаг в руке и сел за письменный стол. Он взял первый доклад — от Джошуа, жаловавшегося на плохую работу транспорта, — и попробовал прочесть. Доклад был полон терминами типа «полупериод созревания» и «кислотно-почвенный рацион», и Хэнк все еще сражался с текстом, когда Ева принесла завтрак и абстрактер.

Он загрузил бумаги в абстрактер и накинудся на еду. Хэнк только разделался с завтраком и налил себе третью чашку кофе, как появились результаты. Первое же заключение — по докладу Джошуа — имело для него не больше смысла, чем сам доклад.

Хэнк включил селектор.

— Ева, не могли бы вы позвать ко мне вашего отца?

Через пятнадцать минут явился Джеральд Бар. Не говоря ни слова, Хэнк протянул ему заключение абстрактера по докладу Джошуа.

— Ну, — бодро сказал он, когда тот прочитал, — какой вы можете сделать вывод?

— Э... — неуверенно проговорил Бар, — я-то сам не фермер, но... В общем мне кажется, нам необходим

диспетчер, который координировал бы работу транспорта и отправлял грузовики, куда нужно в данный момент. Человек, который разбирался бы и в организации перевозок, и в спаджиеводстве.

— Превосходно! — одобрил Хэнк. — Вы сразу постигли самую суть. Я, собственно, и не сомневался, но, разумеется, должен был проверить.

— Разумеется, — потупился Бар, слегка покраснев от удовольствия.

— Я, конечно, могу справиться сам, — продолжал Хэнк, — но, как вам уже, вероятно, сказала Ева, у меня мало времени. Поэтому мне необходим помощник. Кого вы можете рекомендовать?

— Джек Уолленс! — воскликнул Бар. — Он фермер, но на Земле был экспедитором.

— Отлично! — обрадовался Хэнк. — Вызовите его сюда.

Немного погодя пришел Джек Уолленс — худощавый загорелый мужчина лет тридцати пяти с серьезными глазами. Хэнк передал ему бумагу.

— Не выйдет, — сказал Джек, прочитав заключение. — Откуда взять столько грузовиков?..

— Вот и я об этом подумал! — одобрительно кивнул Хэнк и повернулся к Бару: — Поздравляю, у вас замечательные люди. Вы ни на йоту не преувеличиваете их достоинств. Ну, — вкрадчиво проговорил он, снова обращаясь к Джеку, — предположим, что этот вопрос задали *вам*. Где бы вы достали грузовики? — И он выжидательно склонился над столом. Бар так же напряженно подался вперед.

Оказавшись на перекрестии двух пар глаз, Джек Уолленс машинально поправил воротник.

— Ну... — он замялся, — можно брать их, чередуя дни, у городских служб...

— Вот! — откинувшись на спинку стула, воскликнул Хэнк тоном человека, который услышал то, что ожидал услышать. — Да, совершенно верно!

— Верно! — энергично подхватил Джеральд Бар, но глаза у него слегка округлились.

— Так, — обратился Хэнк к Уолленсу. — Вы, разумеется, знаете, с кем вам пришлось бы работать?

— С Гербом Колайти? Мы всегда вместе. Ему известно, что на Земле я был экспедитором.

— Безусловно. Ева, — сказал Хэнк, включив селектор, — свяжитесь, пожалуйста, с Гербом и попросите

его прийти сюда. А? Колайти, естественно. Герб Колайти. Я, должно быть, невнятно говорю... И пусть поспешит.— Он отпустил кнопку селектора и повернулся к Уолленсу: — Как только придет Герб, вы с ним засядете за план. Отныне вы оба возглавляете Отдел Транспортировки.— Он торжественно пожал Уолленсу руку.— Поздравляю!

После чего повернулся к Джеральду Бару и пожал руку и ему.

— Не могу выразить,— провозгласил Хэнк,— как приятно видеть, с какой легкостью ваши сотрудники подхватывают все мои идеи.— Он замолчал и взял из кипы бумаг следующее заключение.— Теперь разберемся с банковским кредитом...

Весь день и вечер обитатели Короны вливались и выливались из кабинета Хэнка. Наконец, когда громадная яркая луна озарила планету серебристым светом, бурный поток сузился до ручейка, а вскоре вовсе иссяк.

— Уф,— в изнеможении простонал Хэнк и страдальчески улыбнулся над краем двадцать третьей чашки кофе Еве и ее отцу, которые только и остались в кабинете.— Полагаю, с восходом солнца вы увидите, что все ваши беды кончились... э... так или иначе. Выполняя мои указания, помощники, которых я назначил и проинструктировал, вполне могут справиться с задачами.

— Это потрясающе, мистер Супстоун! — выпалил Джеральд Бар. Он весь день бегал по разным поручениям и только что вернулся с последнего задания.— Наблюдать ГС за работой — это... это поразительно! И как вы все удерживаете в голове — с одного взгляда узнаете нужного человека, определяете место... — Ему не хватило слов, и он просто восхищенно покачал головой.

— О да! — подхватила Ева, восторженно глядя на Хэнка.— И всего лишь за один день! А мы бились над всем этим с тех самых пор, как начали разводить спаджи! Это... это... грандиозно! Право же, это выше человеческих сил!

— Ну что вы,— потупился Хэнк.

— Нет, мистер Супстоун,— твердо сказал Бар.— Ева права. Позвольте и мне сказать. Наблюдая сегод-

ня за вашей работой, я буквально чувствовал, как вы излучаете какие-то флюиды, какую-то огромную энергию, сразу ставящую все на свои места.

— Пожалуйста, прошу вас...— Хэнк протестующе поднял руку и поднялся.— Мой долг, всего лишь мой долг. Ну, как ни жаль покидать ваш очаровательный мир...

— Но мы не можем позволить вам уехать просто так.— Джеральд Бар вскочил и бросился наперерез Хэнку, устремившемуся к двери, улице, космопорту и открытому космосу.— Мы хотели выразить свою благодарность... маленький сюрприз... Банкет в вашу честь.

— Банкет?— Хэнк метнул взгляд на часы. Стрелки приближались к десяти. Он сделал слабую попытку вырваться от Бара.— Я не могу. Нет... нет...

— Да, да,— раздался голос с порога. Подняв глаза, Хэнк увидел Джо Блэйна с чрезвычайно знакомым книгоскопом. Вместе с ним вошли двое крепких молодых колонистов. Из-за их спин выглядывал юнарко.— Мы настаиваем, не так ли, ребята?

Ребята ухмыльнулись и закивали.

— Джо, где ты был?— потребовала Ева.— И какое отношение вы имеете к банкету?

— Подожди, увидишь,— мрачно пообещал Джо и вперился взглядом в Хэнка.— Вы же не думаете отказаться?

— Теперь, пожалуй, нет,— решил Хэнк.— Определенно нет.

Спускаясь на улицу, Хэнк оказался между двумя молодыми людьми, а при посадке в слайдеры его каким-то образом отрезали от Евы и ее отца.

Они помчались к большому ярко освещенному зданию.

— О! — заискивающе обратился Хэнк к одному из молодых людей, указывая на приборную доску.— Машина без ключа! Я вижу, вы здесь доверяете друг другу?

— Мы — да,— прорычал молодой человек.— Не было еще на Короне нечестного человека. До сих пор. Но ведь все когда-нибудь случается в первый раз, верно, Гарри?

— Верно,— подтвердил Гарри, вертя в руках кусок веревки с завязанной петлей.— Все.— Он сунул палец в петлю и выразительно затянул.

Машины остановились у освещенного здания. Хэн-ка окружили и буквально внесли на второй этаж, в большое помещение с длинным обеденным столом, накрытым человек на двадцать. Почти все уже ждали и, увидев вошедших, поднялись и зааплодировали Хэнку.

— Речь! Речь!

Когда Хэнк, не переставая раскланиваться, занял свое место на дальнем конце стола, все снова зааплодировали.

— Э... друзья мои,— начал Хэнк, из последних сил изобразив на лице ослепительную улыбку.— Хотя я и не привык...

— Достаточно!— раздался громкий голос Джо Блэйна с другого конца стола. Все обернулись к нему. Он держал над головой книгоскоп.— Прежде чем продолжить банкет, я бы хотел сообщить кое-что про вашего почетного гостя. Так вот, этот книгоскоп я нашел у него в кармане прошлой ночью, когда он, мертвецки пьяный...

— Джо!— крикнула Ева.— Это неправда! И потом, ты украл...

— Неужели?! «Кто украл доброе имя—ничего не украл», кажется, так говорится у Шекспира или у кого-то там еще? Я с самого начала не доверял этому Супстоуну, но вы были так уверены, что это долгожданный ГС и панацея от всех бед!

Он обвел присутствующих горящим взглядом.

— Вы вели себя подобно сопливым детишкам, нуждающимся в няньке! Вы палец о палец не ударили, поэтому пришлось действовать мне. Я отправил запрос на личность этого Супстоуна, но он узнал об этом,— Джо метнул взгляд на Еву,— и собирался смыться до получения ответа. И мне пришлось обходиться подручными средствами. Да, я рылся в его вещах и кое-что нашел. Например, этот книгоскоп... Вы знаете, что это?!—гневно закричал он.— Всего лишь сборник французских сказок! Вы, вероятно, думали, что это какой-нибудь теоретический трактат,— точно так же, как вы думаете, что он решил все проблемы, заставив вас называть друг друга опытными специалистами! Так вот, это сборник сказок,— и вы знаете, как называется первая? «Похлебка из камней»!

Люди за столом ошеломленно загалдели и повернулись к Хэнку. Тот улыбнулся и снисходительно пожал плечами.

— Хотите знать, о чем эта сказка? Я вам расскажу,— продолжал Джо.— О том, как цыгане — средневековый бродячий народ — странствовали по Франции в самый разгар великого голода. Люди прятали свои ничтожные крохи, чтобы их не ограбили... — Джо перевел дух и бросил испепеляющий взгляд на тот конец стола, где сидел Хэнк. — Так вот, цыгане собрали крестьян, пообещав им приготовить похлебку из камней. Из самых обычных камней. Вскипятили воду в большом котле, чтобы хватило на всех, потом попробовали и сказали, что нужно добавить соли. Один крестьянин пошел и принес соль из спрятанных запасов. Потом понадобился сельдерей для аромата, и другой крестьянин выкопал свой сельдерей. Затем они попросили репу... и так далее.

Джо обвел сидящих яростным взглядом.

— Вы уже догадались. Вскоре в супе было все, вплоть до мяса. И все принесли сами крестьяне. Ну, как вам нравится наш мистер Супстоун?

Он замолчал, но сидящие за столом лишь тупо смотрели на него.

— Неужели не ясно?! — закричал Джо. — Все, что сделал ваш Супстоун, этот фиктивный ГС, — заставил вас сформулировать трудности и назвать друг друга наилучшими людьми, способными с ними справиться!

— Но, Джо!.. — воскликнула Ева. — Он помог...

— Ничего он не помог! — зарычал Джо, поворачиваясь к ней. — В таком случае мы могли бы обойтись сами! Ну что толку, если поставить перед человеком задачу и заявить, что он отвечает за ее решение?! Должен найтись знаток, который подскажет, как решить, чтобы тот не стоял сложа руки! Если бы этот тип был настоящим Генеральным Советником, он все бы сделал самостоятельно и остался бы до конца, пока не взлетят танкеры с соком спелых спаджий!

Джо перевел дух и угрожающе потряс книгоскопом.

— Но он не настоящий ГС! Он ничего не умеет — поэтому и сматывается. А то, что он сматывается, лишь подтверждает, что он мошенник!

Джо стукнул кулаком по столу, и книгоскоп в его руке разлетелся вдребезги. Все глаза устремились на Хэнка, который укоризненно покачал головой и начал пробираться к двери.

— Мистер Супстоун! — взмолилась Ева. — Это ведь неправда! Вернитесь! Докажите ему!

Хэнк ускорил шаги. Сзади него поднялась волна тревожного ропота. Он продолжал двигаться, ни на кого не обращая внимания. Дверь была совсем рядом.

— Стой! — внезапно раздался голос Джо. — Не выпускайте его! После такого обмана...

Но Хэнк уже перестал красться и сломя голову ринулся вон. Подгоняемый нарастающим ревом пого-ни, он пробежал по коридору, вылетел на улицу и вскочил в слайдер без ключа, на котором приехал.

Хэнк выжал полный газ, и его голова чуть не сорвалась с плеч, когда машина рванулась с места и с бешеной скоростью понеслась по улице. Он оглянулся и увидел, как выскочившие из здания фигурки бегут к слайдерам. Через секунду они уже мчались следом.

Сам Хэнк считал свою скорость самоубийственной, но, заметив, что погоня приближается, вспомнил, что подобное передвижение здесь в порядке вещей.

Он едва успел вскочить в «Атеперьнетуж» и захлопнуть люк, как в надежный корпус корабля застучали пули — оставшиеся с носом преследователи палили из ручного оружия.

Вспотевший, задыхающийся, но счастливый, Хэнк нажал кнопку старта.

Десять часов спустя, благополучно вернувшись на Гемлин-3, отдохнув, приняв ванну, переодевшись, Хэнк снова подошел к окну доставки Главного почтамта, откуда начались все его неприятности. Все та же маленькая брюнетка в окошке брезгливо искривила верхнюю губу.

— А, это вы! — произнесла она.

— Мне сообщили на корабль, — смиренно пробормотал Хэнк, — что здесь для меня послание. Видео и звуковое.

— Да. — Она фыркнула. — Можете посмотреть его на том экране. Или дать вам ленту, — она снова фыркнула, — чтобы вы могли уединиться?

— Нет, нет, — Хэнк заискивающе улыбнулся. — Я бы предпочел посмотреть здесь.

— Но ведь тогда и я увижу...

— О, пожалуйста. Буду только рад, — он опять льстиво улыбнулся, но попытка наладить контакт бы-

ла пресечена новой гримаской хорошеньких губ,— если вы посмотрите вместе со мной.

Последние слова он едва пролепетал.

— Превосходно. Распишитесь, пожалуйста.— Девушка сунула Хэнку квитанцию, на которой он расписался, развернула экран поудобнее, так, чтобы было видно обоим, и нажала на кнопку.

На экране появилось лицо Джо Блэйна. Джо пристально посмотрел на Хэнка и оскалился.

— Как вы понимаете, пришел ответ на мой запрос. Поэтому я сумел вас разыскать.

Хэнк украдкой взглянул на брюнетку, но та достала пилочку и казалась всецело поглощенной своими ногтями.

— ...Во всяком случае,— продолжало изрыгать слова изображение Джо Блэйна,— новая правительственная комиссия Короны, которая оплачивает этот разговор, поручила мне принести официальные извинения. Надо признать,— сквозь зубы выдавил Джо,— что вы были дьявольски умны!

Брюнетка презрительно фыркнула. Хэнк вздохнул.

— Только сегодня утром, собравшись на экстренное совещание,— продолжал Джо,— мы обнаружили, что вы действительно все наладили. Каждый был на своем месте и умел выполнять свою часть общей работы. И разумеется, оставался я...

Краешком глаза Хэнк заметил, как пилочка замедлила движение и заморгали ресницы.

— ...Весьма неглупо было с вашей стороны заставить меня быть подозрительным,— цедил Джо.— Вы понимали, что если уж я возьмусь за то, чтобы выгнать вас с планеты, то не смогу бросить все на произвол судьбы. Итак, сейчас я председатель Комитета, юнарко упаковал свою музыку и убрался домой, и мы все,— слова давались ему с явным трудом,— хотим извиниться и поблагодарить вас...

Кто-то невидимый на экране, очевидно, что-то ему сказал, потому что Джо оглянулся и снова повернулся к камере.

— Ах да,— выдавил он с фальшивой улыбкой.— Ева настоятельно приглашает вас навестить нас, если окажетесь поблизости от Короны.— Ему снова подсказали.— Да, и Ева еще хочет передать вам, что вы самый лучший ГС в мире!

Скрежеща зубами, Джо исчез с экрана.

Хэнк задумчиво покачал головой и медленно повернулся к окошку, пока не встретился взглядом с парой устремленных на него карих глаз.

— Так! — произнесла девушка. — Теперь вы еще и ГС!

— Ну как вам сказать, — обворожительно улыбнулся Хэнк. — В некотором роде.

— А мне вы вроде бы говорили, что пилот-разведчик...

— Э... да... Если бы мы позавтракали вместе, я бы постарался объяснить...

— Если думаете, что сумеете обмануть меня... — Свирепый блеск в карих глазах на миг погас, но тут же появился вновь. — Если вы ГС, то должны были бы все знать о фабльо!.. По какой теме вы специализируетесь?

— По спаджиям, — ответил Хэнк.

— Сп... спаджиям?

— Фрукт внеземного происхождения, очень ценный. Основная трудность заключается в своевременной доставке зрелых плодов с полей... Впрочем, — остановил он себя, — не стоит вдаваться в подробности и докучать вам...

Хэнк тяжело вздохнул и замолчал. Карие глаза смотрели на него выжидающе. Он снова печально вздохнул и повернулся к выходу. Но не успел он сделать и трех шагов, как сзади неуверенно прозвучал слабый голос:

— Мистер... мистер Шалло... Вернитесь...

Нежная всепрощающая улыбка легла на лицо Хэнка. Он повернулся и направился назад.

ПОСЫЛЬНЫЙ

— Добрый день, да, я Мальком Блин, это я утром звонил вам из деревни... Можно войти? Я вас не отрываю?... Спасибо. Сейчас я вам все расскажу, и, если вы — тот человек, из-за которого я ношусь по всей стране, дело пахнет миллионами... Нет-нет, я ничего вам не собираюсь продавать... Никаких золотых приисков, атомных двигателей внутреннего сгорания и прочего. Вообще-то я торговец, всю жизнь им был и прекрасно понимаю, что выгляжу как торговец с головы до пят. Но сегодня я ничего не продаю. Сегодня я покупаю. Если, конечно, у вас есть то, что мне нужно. То, о чем говорил посыльный... Да послушайте, я не псих какой-нибудь. Сядьте и дайте мне сказать до конца. Это не обычный посыльный. И вообще он такой же посыльный, как Эйнштейн — бухгалтер. Сейчас вы все поймете... Держите сигару. Вот моя визитная карточка. «Краски для Малярных Работ Малькольма Блина. Любая Краска в Любом Количестве в Любое Место в Любое Время». Само собой, под «любым местом» подразумевается только континентальная часть страны, но звучит красиво. Реклама! Так вот, я свое дело знаю. Я смогу продать с прибылью все что угодно. Новую технологию, услуги, какую-нибудь техническую штуковину... Народ валом повалит. У меня в кабинете на стене есть даже цитата из Эмерсона. Слышали, наверно: «Если человек может написать книгу лучше других, прочесть лучше проповедь или сделать мышеловку лучше, чем его сосед, то пусть он хоть в лесу живет, люди протопчут к его дому тропинку». Железный закон! А я — тот самый парень, что заставляет их пробивать тропу. Я знаю, как это делается, и хочу, чтобы вы сразу это поняли. Если у вас есть то, что мне нужно, мы сможем такое

дело провернуть!.. Нет-нет, у меня все дома... Вы вообще-то чем занимаетесь? Цыплят выращиваете? Ну ладно. Слушайте...

Было это пять недель назад, в среду. К нам как раз поступил срочный заказ. Время—одиннадцать часов, а к полудню надо доставить триста галлонов белой краски в Нью-Джерси на стройку одной крупной подрядческой фирмы, с которой я давно хотел завязать прочные отношения. Я, естественно, был на складе. Накачивал Хеннесси—он у меня за старшего,—чтобы тот накачал своих людей. Канистры с краской грузили и отвозили с такой же молниеносной быстротой, с какой в банке вам отвечают отказом на просьбу об отсрочке платежа. Короче, все бегают, суетятся, и тут Хеннесси ехидно так говорит:

— Мальчишки-то, посыльного, что-то долго нет. Наверно, ему уже надоело.

Человек десять прервали работу и засмеялись. Мол, начальник, шутит, значит, положено смеяться.

— С каких это пор у нас новый посыльный?—спрашиваю я Хеннесси.—По-моему, до сегодняшнего дня я здесь принимал на работу и увольнял. Каждый, кто поступает вновь, должен быть зарегистрирован. А то, что ни день, то новые... Ты слышал про законы о детском труде? Хочешь, чтобы у меня были неприятности? Сколько ему лет?

— Откуда мне знать, мистер Блин,—отвечает Хеннесси.—Они все выглядят одинаково. Девять, может, десять, а может, и все одиннадцать. Худой такой, но не дохлый и одет не бедно.

— Нечего ему здесь делать. А то еще прицепятся к нам из Совета по образованию или из профсоюза. Хватит с меня двух водителей-идиотов, которые по карте Пенсильвании доставляют груз в Нью-Джерси...

Хеннесси начал оправдываться.

— Я его не нанимал, ей-богу. Он пришел с утра и начал ныть, что, мол, хочет «начать с самого низа» и «показать себя», знает, что, мол, «далеко пойдет», чувствует, мол, что «сможет выбиться в люди», и ему, мол, «нужен только шанс». Я ему сказал, что у нас дела идут туго и мы бы даже самого Александра Грейэма Белла не взяли сейчас на должность телеграфиста, но он согласился работать за бесплатно. Всё, что ему, мол, нужно,—это «ступенька на лестнице к успеху», и дальше в таком же духе.

— И что?

— Ну, я сделал вид, что раздумываю, потом говорю: «Ладно, дам тебе шанс. Поработаешь посыльным». Вручил ему пустую банку и приказал срочно найти краску, зеленую в оранжевый горошек. Пошутил, значит. А он схватил банку — и бегом. Парни тут чуть не померли от смеха. Я думаю, он больше не вернется.

— Да уж, смешнее некуда. Как в тот раз, когда ты запер Вейлена в душевой и подсунул туда бомбу-вонючку. Кстати, если фирма не получит краску вовремя, я вас с Вейленом местами поменяю — вот тогда совсем смешно будет!

Хеннесси вытер руки о комбинезон, собрался было что-то ответить, но передумал и начал орать на грузчиков так, что у всех уши завяли. Шутки дурацкие он любит, наверно, еще с тех пор, когда первый раз надул в пеленки, но одно могу сказать: парни при нем работают как положено.

И тут как раз входит этот паренек.

— Эй, смотрите, Эрнест вернулся! — крикнул кто-то.

Работа опять остановилась. Запыхавшись, мальчишка подбежал к нам и поставил на пол перед Хеннесси банку с краской.

Одет мальчишка был в белую рубашку, латаные вельветовые брюки и высокие шнурованные ботинки. Должен сказать, я такого вельвета раньше никогда не видел, да и материала, из которого была сшита рубашка, — тоже. Тонкий и, похоже, действительно дорогой материал, вроде как металлом отливает, просто уж и не знаю, как иначе описать.

— Я рад, что ты вернулся, малыш, — сказал Хеннесси. — Мне как раз срочно понадобилась левосторонняя малярная кисть. Сбегай-ка разыщи. Только обязательно левостороннюю.

Двое или трое грузчиков осторожно засмеялись. Мальчишка побежал к выходу, но в дверях остановился и обернулся к нам.

— Я постараюсь, сэр, — сказал он, и мне почудилось, будто в голосе у него зазвучала флейта. — Но краска... Я не мог найти зеленую в оранжевый горошек. Только в красный. Надеюсь, она тоже подойдет.

И убежал.

Секунду было тихо, потом всех как прорвало. Грузчики стояли, держа в руках банки с краской,

и неудержимо гоготали, захлебываясь ядовитыми репликами в адрес Хеннесси.

— Как он тебя, а?..

— В красный горошек!..

— «Надеюсь, тоже подойдет!..»

— Ну и влип же ты!

Хеннесси стоял, в ярости сжав кулаки, раздумывая, на кого бы наброситься, потом заметил банку с краской, размахнулся ногой, чтобы ударить по ней, но промахнулся, задев только самый край, и растянулся на полу. Хохот стал еще громче, но, когда он поднялся на ноги, все мгновенно успокоилось и бросились грузить машину. Желающих привлечь к себе внимание Хеннесси, когда он в таком настроении, не было.

Все еще посмеиваясь, я наклонился над банкой. Хотел посмотреть, что мальчишка туда налил. В банке было что-то прозрачное с бурыми точками. Явно не краска. Но тут я заметил лужицу рядом с банкой — и чуть не задохнулся. Это действительно была краска. *Зеленая в красный горошек!*

Я даже не успел засомневаться: такого же цвета пятно было на стенке банки. Где этот мальчишка, этот посыльный, этот Эрнест, мог достать такую краску?!

Я всегда чую, что можно хорошо продать. В этом мне не откажешь. Нюхом чую! Кому-нибудь в другом конце города ночью приснится что-нибудь такое, на чем можно заработать, — я учую. Такую краску с руками оторвут! Промышленники, дизайнеры, декораторы, просто чудаки, которые любят возиться с красками на своих участках... Это же золотое дно!

Но надо действовать быстро!

Подхватив банку за проволочную ручку, я старательно затер ногой разлитую лужицу, которая, к счастью, успела смешаться с пылью на полу, и вышел на улицу. Хеннесси стоял около грузовика и следил за погрузкой.

Я подошел к нему.

— Как мальчишку-то зовут? Эрнест?

— Да, — пробурчал он, — фамилии он не соизволил сообщить. И вот что я вам скажу: если этот умник здесь еще раз появится...

— Ладно, ладно. У меня дела. Проследи тут без меня за погрузкой.

И я двинулся в ту же сторону, куда убежал мальчишка.

Хеннесси, надо полагать, заметил банку с краской у меня в руке. Наверно, подумал, на кой черт мне понадобился этот мальчишка? Я еще, помнится, сказал себе: «Пусть думает. Оставим Хеннесси любопытство, а сами возьмем прибыль!»

Через три квартала я увидел его в конце улицы, ведущей к парку, и бросился догонять. Мальчишка остановился напротив скобяной лавки, задумался на секунду, потом зашел внутрь. К тому времени, когда он вышел, я уже был рядом. Некоторое время мы шли бок о бок. Вид у него был удрученный, и он не сразу меня заметил.

Странная на нем была одежда. Даже старомодные шнурованные ботинки были сделаны из какого-то непонятного материала. Я такого никогда раньше не видел, но готов поклясться, что это не кожа.

— Что, не нашел? — спросил я сочувственно.

Мальчишка вздрогнул, но, очевидно, признал меня.

— Нет, не нашел. Продавец сказал, что у них как раз сейчас нет левосторонних кисточек. И про краску то же самое говорили. Как у вас все-таки неэффективно распределяют промышленные товары...

Я сразу заметил, с какой серьезностью он это произнес. Ну и парень!

Я остановился и почесал в затылке. То ли сразу его спросить, где он краску такую взял, то ли дать выговориться? Может, сам проболтается, как это с большинством людей бывает?

Он вдруг побледнел и тут же покраснел. Не люблю таких неженков. Он ведь ростом чуть ли не с меня вымахал, а голос тоненький — прямо сопрано какое-то. Но это было еще ладно. А вот если парень так краснеет, значит, его в школе по-настоящему не дразнили.

— Послушай, Эрнест, — начал я и положил руку ему на плечо. Этак по-отцовски. — Я...

Он отскочил назад, словно я его консервным ножом по шее пощекотал. И опять покраснел! Ну прямо как невеста, которая уже пожила в свое удовольствие, а перед алтарем краснеет как маков цвет, чтобы убедить будущую свекровь, что ничего такого не было.

— Не надо этого делать! — говорит. А сам весь трясется.

«Ну,—думаю,—лучше переменить тему».

— Костюмчик у тебя неплохой. Откуда? — неназойливо так говорю, бдительность его ослабляю.

Он самодовольно оглядел себя.

— А, это из школьной пьесы. Правда, немного не соответствует этой эпохе, но я думал...— Он замылся, словно выдал какой-то секрет. Что-то здесь было не так.

— А где ты живешь? — быстро спросил я.

— В Бруксе,— так же быстро ответил он.

Явно что-то не так.

— Где-где? — переспросил я.

— Ну, в этом, знаете, Бруксе... Вернее, в Бруклине...

Я задумался, потер рукой подбородок, и тут мальчишка опять весь затрясся.

— Ну пожалуйста,— произнес он своим тоненьким голоском.— Зачем вы все время скингируете?

— Зачем я что?

— Скингируете. Ну, касаетесь тела руками. Даже на людях. Плеваться и икать — тоже плохие привычки, и большинство из вас этого не делают. Но все, абсолютно все всегда скингируют.

Я сделал глубокий вдох и пообещал ему больше не скингировать. Однако, как говорится, если хочешь узнать чужие карты, надо начинать ходить самому.

— Послушай, Эрнест, я хочу с тобой поговорить... Короче, меня зовут Малькольм Блин, и я...

Его глаза округлились:

— О-о-о! Нувориш-грабитель! Хозяин складов...

— Чего? — переспросил я.

— Вы же владелец «Красок для Малярных Работ». Я видел вашу фамилию на вывеске.— Тут он кивнул сам себе.— Я все книжки приключенческие перечитал. Дюма... Нет, не Дюма... Элджер, Синклер, Капон. «Шестнадцать торговцев» Капона — вот это книжка! Пять раз читал. Но вы Капона еще не знаете. Его книгу опубликовали только в...

— Когда?

— В этом... Ну ладно, вам я могу все рассказать. Вы один из главных здесь, владелец склада. Дело в том, что я совсем не отсюда.

— В самом деле? А откуда же?

У меня-то на этот счет были свои соображения. Наверно, из тех богатеньких сынков, что переусерд-

ствовали с учением, а может, беженец какой, если судить по его худобе и акценту.

— Из будущего. Мне вообще-то сюда еще нельзя. Может быть, меня даже понизят за это на целую степень ответственности. Но я просто должен был увидеть нуворишей-грабителей собственными глазами. Это так все интересно... Я хотел увидеть, как создают компании, разоряют конкурентов, «загоняют в угол»...

«Ну-ну, из будущего, значит,— подумал я.— Тоже мне, экономист в вельветовых штанах!.. Вельветовых?..»

— Стой, стой. Из будущего, говоришь?

— Да, по вашему календарю... Сейчас соображу... В этой части планеты это будет... Из 6130-го года. Ой нет—это другой календарь. По вашему это будет 2369-й год нашей эры. Или 2370-й? Нет, все-таки, я думаю, из 2369-го.

Я обрадовался, что он наконец решил этот вопрос. Тут же ему об этом сказал, и он меня вежливо поблагодарил. И все это время я думал: если мальчишка врет или просто чокнутый, откуда он тогда взял краску в горошек? Одежду эту? Что-то я не слышал, чтобы у нас такую делали. Надо бы спросить...

— Эта краска... тоже из будущего? Я хочу сказать—тоже из твоего времени?

— Ну да. В магазинах нигде не было, а мне так хотелось себя проявить. Этот Хеннесси тоже «воротила», да? Вот я и отправился к себе, попробовал по спирилликсу и нашел.

— Спирилликс? Это еще что?

— Это такой круглый узикон, ну вы знаете, такой... Ваш американский ученый Венцеслаус изобрел его примерно в это время. Да, точно, это было в ваше время. Я еще, помню, читал, у него были трудности с финансированием. Или это было в другом веке? Нет, в ваше время! Или...

Он опять задумался и принялся рассуждать сам с собой.

— Ладно,—остановил я его,—плюс-минус сто лет—какая разница? Ты мне лучше скажи, как эту краску делают? И из чего?

— Как делают?—Он начертил носком ботинка маленький круг на земле и уставился на него.—Из плавиковой кислоты... Трижды бластированной. На упаковке не было указано сколько, но я думаю, ее бластируют трижды, и получается...

— Хорошо, подожди. Что значит бластируют и почему трижды?

Мальчишка весело рассмеялся, показав полный рот безукоризненных белых зубов.

— О, я еще этого не знаю. Это все относится к технологии дежекторного процесса Шмутца, а я его буду проходить только через две степени ответственности. А может, даже не буду, если у меня будет хорошо получаться самовыражение. Самовыражаться мне нравится больше, чем учиться... У меня еще два часа есть. Но...

Он продолжал что-то говорить про то, как он хочет кого-то там убедить, чтобы ему разрешили больше самовыражаться, а я в это время напряженно думал. И пока ничего хорошего в голову не приходило. Краски этой много не достанешь. Единственная надежда — произвести анализ образца, который у меня был, но эта чертовщина насчет плавиковой кислоты и какого-то тройного бластирования... Темное дело.

Сами подумайте. Люди знакомы со сталью уже давно. Но вот взять, например, образец хорошей закаленной стали с одного из заводов Гэри или Питтсбурга и подсунуть его какому-нибудь средневековому алхимику. Даже если дать ему современную лабораторию и объяснить, как пользоваться оборудованием, он вряд ли много поймет. Может, он и определит, что это сталь, и даже сумеет сказать, сколько в ней примесей углерода, марганца, серы, фосфора или кремния. Если, конечно, кто-нибудь перед этим расскажет ему о современной химии. Но вот как сталь приобрела свои свойства, откуда взялись ее упругость и высокая прочность — этого бедняга сказать не сможет. А расскажешь ему про термообработку или про отжиг углерода — он только рот будет раскрывать, как рыба на рыночном прилавке.

Или взять стекловолокно. Про стекло знали еще древние египтяне. Но попробуй покажи им кусок такой блестящей ткани и скажи, что это стекло. Ведь посмотрят как на психа.

Короче, у меня есть только краска. Всего одна банка, та самая, которую я держу своей потной рукой за проволочную ручку. Ясно, это мне ничего не даст, но я не я буду, если что-нибудь не придумаю.

Стоит тут перед тобой такой вот мальчишка-посильный, а на самом деле — величайшая, небывалая

возможность разбогатеть. Ни один бизнесмен в здравом уме от такой возможности не откажется.

И я, признаюсь, тоже жаден. Но только до денег. Вот я и подумал, как бы мне превратить этот невероятный случай в кучу зеленых бумажек с множеством нулей. Мальчишка ничего не должен заподозрить или догадаться, что я собираюсь его использовать. Торговец я или нет? Я просто должен его перехитрить и заставить работать на себя с максимальной отдачей.

С беззаботным видом я двинулся в ту же сторону, куда шел Эрнест. Он догнал меня, и мы пошли рядом.

— А где твоя машина времени, Эрнест?

— Машина времени? — Его худенькое личико искажилось в удивленной гримаске. — У меня нет никакой... А, понял, вы имеете в виду хронодром. Надо же такое сказать — машина времени!.. Я установил себе совсем маленький хронодром. Мой отец работает на главном хронодроме, который используют для экспедиций, но на этот раз я хотел попробовать один, без надзора. Мне так хотелось увидеть все самому: как бедные, но целеустремленные разносчики газет поднимаются к вершинам богатства. Или великих смелых нуворишей-грабителей — таких, как вы, а если повезет — настоящих «воротил экономики»! Или вдруг бы я попал в какую-нибудь интригу, например в настоящую биржевую махинацию, когда миллионы мелких вкладчиков теряют деньги и «идут по ветру»! Или «по миру»?

— По миру. А где ты установил этот свой хронодром?

— Не «где», а «когда». Сразу после школы. Мне все равно сейчас положено заниматься самовыражением, так что большой разницы это не делает. Но я надеюсь успеть вовремя, до того как Цензор-Хранитель...

— Конечно, успеешь. Не беспокойся. А можно мне воспользоваться твоим хронодромом?

Мальчишка весело засмеялся, словно я сказал какую-то глупость.

— У вас не получится. Ни тренировки, ни даже второй степени ответственности. И дестабилизироваться вы не умеете. Я рад, что скоро возвращаться, хотя мне тут понравилось. Все-таки здорово! Настоящего нувориша-грабителя встретил!

Я порылся в карманах и закурил «нувориш-грабительскую» сигарету.

— Я думаю, ты и левостороннюю кисть там, у себя, найдешь без особого труда?

— Не знаю, может быть, и нет. Я никогда про такие не слышал.

— Послушай, а у вас там есть какая-нибудь штука, чтобы видеть будущее? — спросил я, стряхивая пепел на дорогу.

— Вращательный дистрингулятор? Есть. На главном хронодроме. Только я еще не знаю, как он работает. Для этого нужно иметь шестую или седьмую степень ответственности — с четвертой туда и близко не подпустят.

И здесь неудача! Конечно, я мог бы убедить мальчишку притащить еще пару банок краски. Но если анализ ничего не даст и современными методами ее изготовить нельзя, какой смысл? Другое дело — какой-нибудь прибор, что-то совершенно новое, что можно не только продать за большие деньги, но и самому воспользоваться. Взять, например, эту штуковину, через которую можно видеть будущее, — я бы на ней сам миллионы сделал: предсказывал бы результаты выборов, первые места на скачках... Неплохо бы иметь такую штуку. Этот самый вращательный дистрингулятор. Но мальчишка не может ее добыть! Плохо!

— А как насчет книг? Химия? Физика? Промышленные методы? У тебя есть что-нибудь такое дома?

— Я живу не в доме. И учусь не по книгам. По крайней мере не физику с химией. У нас для этого есть гипнотическое обучение. Вот вчера шесть часов просидел под гипнозом — экзамены скоро...

Я потихоньку закипал. Целые миллионы долларов уплывают из рук, а я ничего не могу сделать. Парень уже домой собирается, все увидел, что хотел (даже «настоящего живого нувориша-грабителя»), а теперь домой — самовыражаться! Должна же быть хоть какая-нибудь зацепка...

— А где твой хронодром? Я имею в виду, где он здесь выходит, у нас?

— В Центральном парке. За большим камнем.

— В Центральном парке, говоришь? Не возражаешь, если я посмотрю, как ты к себе отправишься?

Он не возражал. Мы протопали в западную часть парка, потом свернули на узенькую тропинку. Я отломил от дерева сухую ветку и стегнул себя по ноге. Просто необходимо что-то придумать до того, как он

смотается к себе. Банка с краской уже здорово действовала мне на нервы. Она была в общем-то не тяжелая, но, если это все, что я получу с этого дела?.. А вдруг еще и анализ ничего не даст?..

Надо, чтобы мальчишка говорил, говорил... Что-нибудь да подвернется.

— А какое у вас правительство? Демократия? Монархия?

Мальчишка залился радостным смехом, и я еле удержался, чтобы не задать ему трепку. Я тут, можно сказать, состояние теряю, а он забавляется, словно я клоун.

— Демократия! Вы имеете в виду политическое значение этого слова, да? Это у вас тут разные нездоровые личности, политические группировки... Мы прошли эту стадию еще до того, как я родился. А последний президент — его не так давно собрали — по-моему, был реверсибилистом. Так что можно сказать, что мы живем при реверсибилизме. Впрочем, еще не завершено.

Очень ценно! Сразу все так понятно стало... Я уже дошел до такого состояния, что готов был схватиться буквально за любую идею. А Эрнест тем временем продолжал болтать про какие-то непонятные вещи с произносимыми названиями, которые творят невероятные дела. Я тихо ругался про себя.

— ...Получу пятую степень ответственности. Потом экзамены, очень трудные. Даже тенденсор не всегда помогает.

Я встрепнулся.

— Что это за тенденсор? Что он делает?

— Анализирует тенденции. Тенденции и ситуации в развитии. На самом деле это статистический анализатор, портативный и очень удобный. Но примитивный. Я по нему узнаю вопросы, которые будут на экзамене. У вас такого нет. У вас, как я помню, в школьном воспитании бытует множество суеверий, и считается, что молодежь не должна предвидеть вопросы, которые ставит постоянное изменение окружающего мира или просто личное любопытство их инструкторов. Пришли!

Рядом, на вершине невысокого холма, проглядывали из-за деревьев серые бесформенные обломки скал, и даже на расстоянии я заметил слабое голубое свечение за самым большим камнем.

Эрнест свернул с тропинки и стал взбираться на холм. Я бросился за ним. Времени оставалось в обрез. Этот тенденсор... Может быть, он-то мне и нужен!

— Послушай, Эрнест,— спросил я, догнав его около большого камня,— а как этот твой тенденсор работает?

— О, все очень просто. Вводишь в него факты — у него обычная клавиатура,— а он их анализирует и выдает наиболее возможный результат или предсказывает тенденцию развития событий. Еще у него встроенный источник питания... Ну ладно, мистер Блин, до свидания!

И он двинулся к голубому туману в том месте, где он был наиболее плотным. Я обхватил его рукой и дернул к себе.

— Опять вы скингируете! — завизжал мальчишка.

— Извини, малыш. В последний раз. Что ты скажешь, если я тебе покажу действительно крупную аферу? Хочешь увидеть напоследок, как я прибираю к рукам международную корпорацию? Я эту махинацию уже давно задумал, будет крупная игра на повышение. Уолл-стрит ничего не подозревает, потому что у меня свой человек на Чикагской бирже. Я потороплю это дело, сегодня займусь специально, чтобы ты увидел, как работает настоящий нувориш-грабитель. Только вот с твоим тенденсором я бы провернул это дело наверняка гораздо быстрее. Вот это было бы зрелище! Сотни банков прогорают, я «загоняю в угол» производство каучука, золотой стандарт падает, мелкие вкладчики «идут по миру»! Все сам увидишь, своими глазами! А если притащишь мне тенденсор, я даже разрешу тебе руководить «накоплением капитала»!

Глаза у парнишки заблестели как новенькие десятицентовики.

— Ух ты! Вот это здорово! Подумать только! Самому участвовать в такой финансовой битве! Но ведь рискованно... Если Цензор-Хранитель подведет итоги и узнает, что я отсутствовал так долго... Или моя наставница поймает меня во время незаконного использования хронодрома...

Но я ведь вам говорил, что я свое дело знаю. Что-то, а людей убеждать я умею.

— Ну, как хочешь.— Я отвернулся и затоптал сигарету.— Я просто хотел дать тебе шанс, потому что ты такой замечательный парень, неглупый. Думал, ты

далеко пойдешь. Но у нас, нуворишей-грабителей, тоже, знаешь ли, есть своя гордость. Не каждому посылному я бы доверил такое важное дело, как накопление капитала.

И я сделал вид, будто ухожу.

— Ой, мистер Блин,—мальчишка остановил меня,—я очень ценю ваше предложение. Только вот рискованно. Но... «опасность—это дыхание жизни для вас», так ведь? Ладно, я принесу тенденсор И мы вместе распотрошим рынок. Только вы без меня не начинайте.

— Хорошо, но ты поторопись. До захода солнца нужно еще много успеть. Двигай.—Я поставил банку с краской в траву и скрестил руки. Потом взмахнул веткой, словно этой штуковиной, ну, которую короли-то все таскают,—скипетром.

Он кивнул, повернулся и побежал к голубому туману за камнями. Коснувшись его, он сначала стал весь голубой, затем исчез. Какие возможности открываются! Вы ведь понимаете, о чем я. Этот тенденсор... Если все, что сказал мальчишка,—правда, то его действительно можно использовать именно так, как я наобещал Эрнесту. Можно предсказывать движение биржевого курса: вниз, вверх, хоть в сторону! Предвидеть финансовые циклы, развитие отраслей промышленности. Предрекать войны, перемирия, выпуск акций... Все, что нужно,—это запихать в машинку факты, например финансовые новости из любой ежедневной газеты, а затем грести деньги лопатой. Ну, теперь можно будет развернуться!

Я запрокинул голову и подмигнул кроне дерева.

Честное слово, я чувствовал себя словно пьяный. Должно быть, я и в самом деле опьянел от предвкушения успеха. Я потерял хватку, перестал думать. А этого нельзя допускать ни на секунду. Никогда!

Подойдя к голубому облаку, я потрогал его рукой—как каменная стена. Мальчишка не соврал, действительно—без подготовки мне туда не попасть...

«Ну и ладно,—подумал я.—Хороший все-таки парнишка, Эрнест. И имя у него красивое. Эрнест. И все замечательно».

Туман расступился, оттуда выскочил Эрнест. В руках он держал продолговатый серый ящик с целой кучей белых клавиш, как у счетной машинки. Я выхватил ящик у него из рук.

— Как он работает?

— Моя наставница... Она меня заметила,— задыхаясь от бега, произнес мальчишка.— Окликнула меня... Надеюсь... она не видела... что я побежал к хронодрому... Первый раз не послушался... Незаконное использование хронодрома...

— Ладно, успокойся,— прервал я его,— нехорошо, конечно. А как он работает?

— Клавиши. Надо печатать факты. Как на древней... как на ваших пишущих машинках. А результаты появятся вот здесь, на маленьком экране.

— Да, экран маловат. И потребуются чертова уйма времени, чтобы напечатать пару страниц финансовых новостей. И еще биржевой курс... У вас что, нет ничего лучше? Чтобы можно было показать машине страницу — а она тебе сразу выдаст ответ.

Эрнест задумался.

— А, вы имеете в виду *открытый* тенденсор. У моей наставницы такой есть. Но это только для взрослых. Мне его не дадут, пока я не получу седьмую степень ответственности. И то, если у меня будет хорошо с самовыражением...

Опять он с этим своим самовыражением!

— Но это именно то, что нам нужно, Эрнест. Давай-ка слетай к себе и прихвати тенденсор своей наставницы.

Мальчишка остоленел от страха. Глядя на его лицо, можно было подумать, что я приказал ему застрелить президента. Того самого, что они недавно изготовили.

— Но я же сказал! Тенденсор не мой. Это моей наставницы...

— Ты хочешь руководить накоплением капитала или нет? Хочешь увидеть самую грандиозную из всех когда-либо проведенных на Уолл-стрите операций? Банки прогорают, мелкие вкладчики... и все такое... Хочешь? Тогда дуй к своей наставнице...

— Это вы обо мне говорите? — раздался чистый высокий голос.

Эрнест резко обернулся.

— Моя наставница! — пискнул он испуганной флейтой.

Около самого голубого облака стояла маленькая старушка в чудаковатой зеленой одежде. Она печально улыбнулась Эрнесту и, качая головой, взглянула на меня с явным неодобрением.

— Я надеюсь, ты уже понял, Эрнест, что этот период «необычайных приключений» на самом деле весьма уродлив и населен множеством недостойных личностей... Однако мы заждались, ты слишком надолго дестабилизировался — пора возвращаться.

— Вы хотите сказать... Цензоры-Хранители знали про мой незаконный хронодром с самого начала? И мне позволили?..

— Ну конечно. Мы очень довольны твоими успехами в самовыражении и поэтому решили сделать для тебя исключение. Твои искаженные, слишком романтические представления об этой сложной эпохе нуждались в исправлении, и поэтому мы решили дать тебе возможность самому убедиться, сколь жестока и несправедлива порой она была. Без этого ты не смог бы получить пятую степень ответственности. А теперь пойдем.

Тут я решил, что настало время и мне поучаствовать в разговоре. Вдвоем они звучали как дуэт флейтистов. Ну и голоса!

— Подождите-ка, не исчезайте. Со мной-то как?

Старушка остановила недобрый взгляд своих голубых глаз на мне.

— Боюсь, что никак. Что же касается различных предметов, которые вы незаконно получили из нашей эпохи,— Эрнест, право же, не следовало заходить так далеко,— то мы их забираем.

— Я так не думаю,— сказал я и схватил Эрнеста за плечи. Он начал вырываться, но я держал его крепко и занес над его головой ветку.— Если вы не сделаете, что я прикажу, мальчишке будет плохо. Я... я его всего заскингирую!

Затем на меня напало вдохновение, и я понес:

— Я его в бараний рог согну. Я ему все кости переломую.

— Что вы от меня хотите?— спокойно спросила старушка своим тоненьким голоском.

— Ваш тенденсор. Который без клавиш.

— Я скоро вернусь.— Она повернулась, издав своим зеленым одеянием легкий звон, и исчезла в голубом тумане хронодрома.

Вот так просто все оказалось! Ничего лучше я за всю свою жизнь не проворачивал. И почти без труда. Мальчишка дергался и дрожал, но я держал его крепко. Я не мог позволить ему убежать от меня, нет,

сэр,—ведь это было все равно, что своими руками отдать чужому мешок с деньгами.

Затем туман задрожал, и из него появилась старушка. В руках она держала какую-то круглую черную штуку с рукояткой в середине.

— Ну так-то лучше...— начал я, и в этот момент она повернула рукоятку.

Все. Я застыл. Я не мог пошевелить даже волоском в носу и чувствовал себя, как надгробный камень на собственной могиле. Мальчишка метнулся в сторону, подобрал с земли выпавший из моих рук маленький тендensor и побежал к старушке. Она подняла руку и снова обратилась к Эрнесту:

— Видишь, Эрнест, совершенно типичное поведение. Эгоизм, жестокость, бездушие. Алчность при полном отсутствии социального...

Взмах руки, и они оба исчезли в голубом тумане. Через мгновение сияние померкло. Я бросился вперед, но за камнями было пусто.

Все пропало... Хотя нет!

Банка с краской все еще стояла под деревом, где я ее оставил. Я усмехнулся и протянул к ней руку. Внезапно сверкнуло голубым, тоненький голосок произнес: «Извините. Оп!»—и банка исчезла. Я резко обернулся—никого.

В последующие полчаса я чуть не рехнулся. Сколько я мог всего заполучить! Сколько вопросов мог задать и не задал! Сколько получить информации! Информации, на которой я сделал бы миллионы!

Информация! И тут я вспомнил. Мальчишка говорил, что какой-то Венцеслаус изобрел этот самый спирилликс примерно в наше время. И, мол, у него были трудности с финансированием. Я понятия не имею, что это за штука: может быть, она карточки опускает в ящик для голосования, может, дает возможность чесать левой рукой левое плечо. Но я сразу решил: что бы это ни было, найду изобретателя и вложу в это дело весь свой капитал до последнего цента. Все, что я знаю, это что спирилликс что-то делает. И делает хорошо.

Я вернулся в контору и нанял частных детективов. Ведь ясно, что только по телефонным справочникам моего Венцеслауса не найти. Вполне возможно, что у него вообще нет телефона. Может быть, он даже не назвал свой прибор спирилликсом, и это название придумали позже.

Конечно, я не рассказывал детективам подробностей, просто дал задание разыскать мне по всей стране людей с фамилией Венцеслаус или похожей на нее. И сам со всеми разговариваю. Естественно, каждый раз приходится пересказывать всю эту историю, чтобы прочувствовали. Вдруг тот, кто этот спирилликс изобрел, признает его в моем пересказе.

Вот поэтому я к вам и пришел, мистер Венцилотс. Приходится опрашивать всех с похожей фамилией. Может, я не расслышал или потом фамилию изменили...

Теперь вы все знаете. Подумайте, мистер Венцилотс. Вы, кроме цыплят, чем-нибудь еще занимаетесь?.. Может, вы что-нибудь изобрели? Нет, я думаю, самодельная мышеловка — это немного не то. Может, вы книгу написали?.. Нет? А не собираетесь?.. Может, разрабатываете новую социальную или экономическую теорию? Этот спирилликс может оказаться чем угодно. Не разрабатываете?.. Ну ладно, я пойду. У вас случайно нет родственников, которые балуются с инструментами? Нет?.. Мне еще многих надо обойти. Вы себе не представляете, сколько в стране Венцеслаусов и похожих... Хотя постойте... Говорите, изобрели новую мышеловку?.. Держите еще сигару. Давайте присядем. Эта ваша мышеловка, что она делает?.. Мышей ловит... Это понятно. А как именно она работает?

НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ПРОСЧЕТ

Натан Френч был чистым математиком. Он работал в лаборатории, оседлавшей калифорнийский холм на самом берегу океана, но его кабинету окна не досталось. И понятно почему: в то время как лаборатория зарабатывала на исследованиях по водородной бомбе, Натан корпел над уравнениями, которые позволяли сэкономить горючее при посылке человека на Луну. А когда лаборатория добилась выгодного контракта по программе лунных исследований, Натан углубился в проблему борьбы с загрязнением воздуха.

Внешне Натан совсем не напоминал математика. Он был высокого роста, костлявый, любил играть в гандбол, когда волновался, немного шепелявил, а лицом напоминал лошадь. Во всем, что не касалось математики, он был чист и наивен. Если им овладевала новая идея, он начинал часто шуриться, что отнюдь не свидетельствовало о повышенной нервной или излишнем самомнении, — как ни в чем не бывало он продолжал скалить лошадиные зубы в доброй улыбке.

В тот день, когда лаборатория заключила свой первый контракт на исследования по изучению загрязнения воздуха (с правительством штата Калифорния), истинные интересы Натана, естественно, занесли его совсем в другую сторону.

— Пожалуй, не исключено, — заявил он шефу лаборатории, доброму старику Манигриндеру, — что существует возможность предсказывать землетрясения.

Манигриндер помигал сквозь толстые бифокальные очки и добродушно ответил:

— Ну что же, Натан, дружище, думайте. Вы ведь знаете, что мне всегда интересно наблюдать, как человек познает свою Вселенную.

Не успел Натан покинуть роскошный кабинет шефа, как тот извлек свое пузатенькое тело из мягкого плюшевого кресла и подошел к окну. Кстати, в его кабинете было два окна: одно позволяло любоваться прекрасной панорамой Тихого океана, другое выходило на автомобильную стоянку, так что Манигриндер всегда знал, кто из его сотрудников опоздал на работу.

За стоянкой автомобилей (между прочим, большинство машин были далеко не новыми, так как последние несколько лет дела лаборатории шли не блестяще) частично скрытый эвкалиптами и поросший зеленой травой находился на удивление прямой обрыв высотой фута в четыре. Он тянулся, подобно вытянутой ступеньке, во всю длину лабораторного корпуса и дальше, за заброшенную, покрытую розовой штукатуркой церковь, что стояла на самой вершине холма. Этот поросший травой вал носил название разлома Сан-Андреас.

Манигриндер нередко глазел на разлом из своего окна, мысленно репетируя, что будет делать, когда начнется землетрясение. Нет, он не трусил, просто отличался предусмотрительностью. Как-то раз подземный толчок случился в самый разгар совещания. Манигриндер пулей выскочил в окно, пронесся через автомобильную стоянку и оказался по ту сторону разлома (на его восточной, безопасной стороне), прежде чем люди, вдвое его моложе, успели подняться на ноги. Сотрудники лаборатории еще долго обсуждали необыкновенную подвижность косолапого толстячка.

С той поры минул ровно год. Машин на стоянке прибавилось, появились и новые. Загрязнение воздуха стало модной темой, особенно после ужасных смогов в Сан-Клементе. К тому же лаборатории удалось заполучить несколько небольших, не требующих особых усилий контрактов от ВВС, а между тем стоимость их была раз в шесть выше, чем лаборатория получала от исследований загрязнения воздуха.

Манигриндер откинулся в мягком кресле, стараясь придать своему лицу заинтересованный и в то же время независимый вид — сделать это было нелегко, потому что ему никогда не удавалось уследить за ходом мыслей Натана, когда тот излагал суть своей работы.

— ...Проще · прошлого,— шепелявил Натан.— Представим прогрессию с обратным знаком.

От волнения математик захлебывался словами и лихорадочно чиркал уравнения на ярко-красной доске. Желтый мелок в его руке то и дело издавал душераздирающие звуки.

— Все понятно?— Натан наконец остановился и уставился на доску, сплошь покрытую неразборчивыми цифрами и символами. Его окружало облачко желтой пыли.

— Ага,— глубокомысленно ответил Манигриндер.— Следовательно, ваш вывод...

— Яснее ясного,— сказал Натан.— Если мы располагаем основными данными, то сможем не только предсказать, когда начнется землетрясение и где оно будет, но и определить его силу.

Глаза Манигриндера сузились.

— Вы в этом уверены?

— Я консультировался с геофизиками из Калифорнийского технологического. Они согласились с моей теорией.

— Так, так,— Манигриндер постучал пухлыми пальчиками по столу.— Я, разумеется, понимаю, что это не входит в ваши непосредственные интересы, но скажите, Натан, вы и в самом деле можете предсказывать землетрясения? Или это все только теория?

— Конечно, могу.— Губы Натана раздвинулись в широкую улыбку, которая могла бы соперничать с улыбкой Фернанделя.— К примеру, то, что произойдет в следующий четверг.

— В следующий четверг?

— Вот именно. В следующий четверг будет очень сильное землетрясение.

— А где?

— У нас, здесь. Вдоль разлома.

— Вдоль...— Манигриндер подавился глотком воздуха.

Натан небрежно подбросил к потолку желтый мелок, но подхватить не успел, и мел упал на ковер.

Манигриндер, цветом чуть бледнее мелка, с трудом спросил:

— Так вы говорите, сильное землетрясение?

— Угу.

— Это... это ребята из Технологического считали?

— Нет, я сам. Они-то не согласились. Талдычат, будто я не учитываю гамма-фактор в уравнении четырнадцатого порядка. Приходится проверять расчеты на компьютере.

Пухлые щечки Манигриндера слегка порозовели.

— Ага... понятно. Значит, так: получите данные компьютера и сразу ко мне.

— Разумеется.

На следующее утро, когда Манигриндер таился за шторой у окна, наблюдая за тем, как подъезжают к стоянке машины, зазвенел телефон. Манигриндер доподлинно знал, что его секретарша провела бурную ночь и потому запаздывает. Недовольный, что его оторвали от дела, Манигриндер подошел к столу и поднял трубку.

Звонил Натан.

— Компьютер согласен с ребятами из Технологического. Но я убежден, что в программе допущен небольшой просчет. Нельзя полностью полагаться на компьютеры, они не лучше людей, что всучивают им информацию.

— Ясно,— сказал Манигриндер.— Продолжайте проверку.

Положив трубку, он хихикнул:

— Старина Натан силен в теории, но, когда дело доходит до реального мира, он сущий ребенок.

И все-таки, когда наконец явилась секретарша, принесла ему утренний кофе, таблетку от головной боли и ласково укусила за ушко, он задумчиво произнес:

— Может, мне все-таки следует поговорить с теми банкирами из Нью-Йорка...

— Но ты же сам говорил, что теперь, когда дела пошли лучше, лаборатории их деньги не нужны.

— И все же...— Манигриндер задумчиво наклонил лысую голову.— Договорись-ка о встрече с ними в следующий четверг. Я улетаю в среду вечером и останусь в Нью-Йорке на уик-энд.

— Как?— изумилась секретарша.— Но ты же обещал, что мы...

— Ну-ну... сначала дело, а все остальное можно отложить. А ты закажи билет на вечерний самолет в пятницу. Встретимся в гостинице.

— Ах,— улыбнулась секретарша,— ты такой лапочка!

Звонок Натана застал Мэтта Клаймбера в тот момент, когда он вернулся со званого обеда в Пентагоне.

Клаймбер работал с Натаном несколько лет назад. Он начинал как программист и первое время обслуживал Натана. За два года он вырос до заведующего сектором и стал прямым начальником математика. Правда, начальником он числился только на бумаге — никому еще не удавалось командовать Натаном. Как только Манигриндер понял, что в один прекрасный день Клаймбер его подсидит, шеф лаборатории устроил молодого карьериста на государственную службу в Вашингтоне, что могло принести начинающему администратору только пользу.

— Привет, Натан, — закричал Клаймбер, — сколько еще карандашей исписал?

Он покосился на настольный календарь. Во второй половине дня ему предстояло посетить три межведомственные конференции и провести два внутренних совещания.

— Сбавь скорость, — сказал Клаймбер, сохраняя дружеский тон, но вместе с тем уныло хмурясь. — Ты же знаешь, что простому человеку не угнаться, когда ты летишь на перекладных.

Прошло полчаса. Клаймбер сидел, откинувшись в кресле и положив ноги на стол. Узел его галстука был распушен, верхняя пуговица сорочки расстегнута. Два первых совещания в календаре он уже вычеркнул.

— Итак, давай подытожим, Натан, — сказал наконец Клаймбер. — По твоим расчетам, вдоль разлома Сан-Андреас в следующий четверг в два тридцать пополудни должно произойти сильное землетрясение. Но ребята из Технологического и твой собственный компьютер с тобой не согласны.

Еще через десять минут Клаймбер сказал:

— Ладно, ладно... Конечно, я помню, как мы путали в программе. Но и тебе случалось делать ошибки. Слушай, Натан, продолжай проверку. Если убедишься, что ошибается компьютер, а не ты, звони мне немедленно. В случае необходимости я доберусь до самого президента. Договорились? Отлично. Будем держать связь.

Усталым движением он бросил телефонную трубку на рычаг и опустил ноги на пол.

«Старина Натан, кажется, окончательно свихнулся. В следующий четверг... Надо же... в следующий четверг...»

Клаймбер полистал календарь. Так и есть — в следующий четверг у него совещание в отделении фирмы «Боинг» в Сиэтле, к северу от эпицентра.

«При сильном землетрясении все чертово Западное побережье может ухнуть в Тихий океан. Так что... Не сходи с ума. Ясное дело, Натан спятил. И все же... Интересно, как далеко к северу тянется этот разлом?»

Он протянул руку и нажал кнопку селектора.

— Слушаю, мистер Клаймбер, — послышался голос секретарши.

— На следующий четверг у меня назначено совещание в фирме «Боинг» по поводу сверхзвуковых транспортных... — Клаймбер нерешительно замолчал, но после некоторого колебания бросил: — Отменить!

Вообще-то Натан Френч был человеком непьющим, но в следующий вторник он направился из лаборатории напрямик в маленький уютный бар, что расположился на уступе над самым океаном.

День выдался на удивление спокойный, так что к одинокому посетителю было приковано внимание не только озабоченного бармена, но и вызывающе накрашенной девицы, которая в этот ранний час была одета в длинное черное платье с глубоким вырезом. От нее нестерпимо пахло дешевыми духами.

— Черт побери, — пробормотал бармен. — В жизни торговли не шла так вяло, как вчера и сегодня.

Он ежился за стойкой, не зная, чем себя занять. Единственный грязный бокал во всем заведении находился в руках Натана, и тот не намеревался с ним расставаться, потому что любил сосать оставшиеся на дне кубики льда.

— Это точно, — сказала девица. — Если и дальше так пойдет, к концу недели я могу удалиться в монастырь.

Натан в разговор не вступал. Рот его был полон льдинками, которые он задумчиво грыз, наполняя хрустом все помещение. Он все еще силился понять, почему же они с компьютером не сошлись на уравнении четырнадцатого порядка. Все остальное превосходно сходилось: время, место и даже сила землетрясения по шкале Рихтера. Но вектор, направление толчка... Кто-то не разобрался в составленной им программе. Другого объяснения не было.

— Курс акций на бирже так упал, что их можно бесплатно подбирать,— мрачно заявил бармен.— Мой маклер уверяет, что «Боинг» собирается уволить половину рабочих. Всю программу по строительству сверхзвуковых транспортов сворачивают. Даже лабораторию на нашем холме покупает какой-то банк с Восточного побережья.

Бармен грустно покачал головой.

Девушка уселась рядом с Натаном и оперлась локтями о стойку, так что стал виден ее лифчик. Улыбнувшись, она сказала:

— Как насчет того, чтобы встряхнуться, парень? А то, боюсь, совсем забуду ремесло.

Хрустнув последним кубиком льда, Натан вежливо ответил:

— Простите, пожалуйста. Но мне надо еще разок проверить программу компьютера.

В четверг утром Натан окончательно расстроился. Не говоря уже о том, что компьютер продолжал упорствовать в своем заблуждении, на работу не вышел ни один из программистов... Ясно, что кто-то из них, а может, и все вместе? — сознательно саботировал его программу. Но зачем?

Он долго бродил по коридорам и кабинетам, разыскивая программиста, хотя бы самого завалящего, но лаборатория словно вымерла. Лишь жалкая кучка сотрудников явилась на работу, но, пошептавшись с испуганным видом в кафетерии над чашкой кофе, они поодиночке скрылись в сторону автомобильной стоянки, залезли в свои машины и укатили.

Шагая по коридору, Натан неожиданно нос к носу столкнулся с одним из физиков, человеком новым, из сектора, с которым Натану раньше не приходилось иметь дела.

— Извините,— быстро произнес физик и метнулся к выходу.

— Погодите! — Натан схватил его за рукав.— Вы умеете программировать?

— А? Нет, не умею!

— Куда же все запропастились? — удивился Натан, не выпуская физика.— Может, сегодня какой-нибудь национальный праздник?

— Господи, разве вы не слышали? — воскликнул физик, вытаращив глаза.— Сегодня во второй полови-

не дня ожидается землетрясение. Вся чертова Калифорния свалится в море!

— А, вот вы о чем...

Но физик, высвободившись из цепкой руки Натана, уже бежал к выходу. У двери он, не останавливаясь, крикнул:

— Выбирайтесь отсюда, пока можете! Держитесь к востоку от разлома! Все дороги уже забиты машинами!

Натан нахмурился.

«Еще осталось не меньше часа,— сказал он сам себе.— И я по-прежнему утверждаю, что компьютер ошибся. Кстати, любопытно было бы посчитать, какой силы будет приливная волна в Тихом океане, если в него сползет штат Калифорния?»

Натан не замечал, что рассуждает вслух. Собеседников у него не было.

Если не считать компьютера.

Он сидел у компьютера, все еще борясь с упрямыми уравнениями, когда произошел первый толчок. Вначале он был трудноуловим и схож с отдаленным раскатом грома. Затем комната начала дрожать, грохот усилился.

Натан взглянул на часы. Два часа тридцать две минуты пополудни.

— Я же говорил! — торжествующе сказал он компьютеру. — Видишь? И я теперь уверен, что все остальные мои расчеты тоже были правильными. Включая уравнения четырнадцатого порядка.

Путешествие Натана к выходу можно было сравнить с прогулкой по палубе парохода, попавшего в жестокий шторм. Пол и стены здания конвульсивно вздрагивали. Натан с трудом удерживался на ногах, и время от времени ему приходилось совершать балетные антраша.

Пока он не вырвался наружу, ему не приходило в голову, что он может погибнуть. Небо потемнело, земля вздымалась, рев стихии оглушал. Яростный ураган нес густую пыль, добавляя свой бешеный гнев к мучительным стонам земли.

В нескольких футах ничего нельзя было разобрать. Ветер валил с ног, пыль засыпала глаза, и Натан не мог взять в толк, куда ему бежать. Он знал, что одна из сторон разлома означает спасение, но какая именно?

Библейской силы молния ослепительным мечом разорвала тучи, и в тот же миг на Натана обрушился оглушительный грохот грома. Казалось, небеса разверзлись. Могучая взрывная волна бросила Натана на землю, и он потерял сознание. Его последней мыслью было: «Все-таки я оказался прав, а компьютер ошибся!»

Когда Натан пришел в себя, вокруг царил странная тишина. Солнце тускло светило сквозь пелену серых облаков. Ветер стих. Натан с трудом поднялся на ноги и огляделся. Здание лаборатории уцелело. Сам же Натан стоял посреди автомобильной стоянки. Единственной машиной на стоянке была его собственная. Она была покрыта густым слоем пыли.

За стоянкой, там, где раньше росли эвкалипты, теперь был обрыв, откуда вниз все еще срывались камни и комья земли и исчезали в покрытом пеной океане.

Натан доковылял до обрыва и устоял на безбрежный водный простор. Он каким-то образом догадался, что там, на востоке, ближайшей к нему землей была Европа.

— Чертов сын! — выругал он себя с неожиданной яростью. — Прав-то оказался компьютер.

СИНЯЯ БУТЫЛКА

Столбики солнечных часов лежали, поваленные, на белой гальке. Птицы, парившие когда-то в воздухе, теперь летели в древних небесах песка и камней, их песни смолкли. По дну умерших морей широкими реками струилась пыль, и, когда ветер приказывал ей вновь воссоздать древнюю трагедию потопа, она вытекала из чаши моря и затопляла землю. Города, как мозаикой, были выложены молчанием, временем остановленным и сохраненным, резервуарами и фонтанами памяти тишины.

Марс был мертв.

Вдруг в бесконечном безмолвии, где-то очень далеко, возникло жужжание насекомого; сперва еле слышное, оно стало расти среди светло-коричневых холмов, заполнило пронизанный солнцем воздух, и наконец широкая бетонированная дорога завибрировала, и в дряхлых городах, шепча, посыпалась пыль.

Жужжание оборвалось.

В мерцании и тишине полудня Альберт Бек и Леонард Крэйг смотрели из старого автомобиля-вездехода на мертвый город, неподвижный под их взглядом, но ждавший их крика:

— Привет!

Стеклянная башня дрогнула и пролилась бесшумным потоком пыли.

— Отзовитесь!

И рухнула другая.

Здания разваливались одно за другим, послушные зовущему их к смерти голосу Бека. Высеченные из камня звери с огромными крыльями дружно срывались с высоты, падали вниз и вдребезги разбивали

плиты дворов и фонтаны. Откликаясь на зов Бека, они стонали, переворачивались, с треском вставали на дыбы, а потом, словно приняв решение, бросались вниз, рассекая воздух, с пустыми глазами и застывшими гримасами ртов, и вдруг их острые, вечно голодные зубы шrapнелю рассыпались по каменным плитам.

Бек ждал. Башни больше не рушились.

— Теперь идти не опасно.

Даже не шевельнувшись, Крэйг спросил:

— Все за тем же?

Бек кивнул.

— За этой проклятой Бутылкой! — воскликнул Крэйг. — Не понимаю. Почему все за ней гоняются?

Бек вылез из машины.

— Кому удавалось ее найти, — ответил он, — те потом не рассказывали, не объясняли. Но — она очень древняя. Как пустыня, как умершие моря — и в ней может оказаться *все*. Так рассказывает легенда. А уж раз может оказаться *все*... ты готов на все, только бы ее найти.

— Ты, но не я, — сказал Крэйг. Губы его оставались почти неподвижными, в щелочках полузакрытых глаз поблескивала чуть заметно искорка смеха. Он лениво потянулся. — Я просто решил проехаться. Лучше сидеть с тобой в машине, чем изнывать от жары.

На вездеход старой-престарой конструкции Бек наткнулся месяцем раньше, еще до того, как к нему присоединился Крэйг. Машина была частью мусора, оставшегося на планете после Первого Индустриального Вторжения, которое кончилось, когда люди двинулись дальше, к звездам. Бек привел в порядок двигатель и стал разъезжать по мертвым городам, по землям лентяев и бродяг, мечтателей и бездельников — всех тех, кто застрял на задворках космоса, кого, как его или Крэйга, никакая работа никогда особенно не прельщала и для кого Марс поэтому оказался самым лучшим местом во Вселенной.

— Синюю Бутылку марсиане сделали пять, может, и десять тысяч лет назад, — сказал Бек. — Она из их собственного, марсианского, стекла — и ее все теряют и находят, теряют и находят.

Бек не отрывал взгляда от мерцающего знойного марева над развалинами. «Всю жизнь,— думал он,— я ничего не делал и не сделал ни вот столечко. Другие, лучшие, чем я, свершали в это время многое: улетали на Меркурий, Венеру, а то и вообще из Солнечной системы. Но не я. Однако Синяя Бутылка может *все изменить*».

Он повернулся и пошел прочь от вездехода.

Крэйг тоже вылез и, быстро догнав Бека, пошел рядом.

— Сколько ты охотишься за ней, лет десять? — спросил он. — Ты дергаешься во сне, тебя подбрасывает, а днем ты все время потеешь. Тебе так хочется разыскать эту чертову Бутылку, а ведь ты даже не знаешь, что в ней. Ты ненормальный, Бек.

— Заткнись,— огрызнулся Бек, ударом ноги отбрасывая с дороги камешки.

Они вошли в руины и зашагали по трещинам, прорезавшим каменные плиты хрупкими очертаниями марсианских зверей, и эти давно вымершие создания появлялись и исчезали от самых легких вздохов ветерка, передвигавшего безмолвную пыль.

— Подожди,— сказал Бек.

Он сложил ладони рупором и закричал во весь голос:

— Отзовитесь!

— ...витесь! — отозвалось эхо, и снова рухнули башни. Исчезли колонны и фонтаны. Таковы были эти города. Иногда стоило сказать слово, и падала башня, прекрасная, как симфония. Смотришь, и будто кантата Баха рассыпается у тебя на глазах.

Еще мгновение — и прах похоронен в прахе. Пыль осела. И только два здания остались стоять, как прежде.

Бек кивнул другу и двинулся вперед.

Они начали поиски.

Крэйг поднял глаза и, чуть заметно улыбаясь, сказал:

— А вдруг в этой Бутылке маленькая женщина, сложенная гармошкой? Ну как складная чашка или как японский цветок — ставишь его в воду, и он распускается.

— Женщина мне не нужна.

— А может быть, как раз и нужна. Может быть, настоящей женщины, такой, чтобы тебя любила, у тебя никогда не было, и ты втайне надеешься, что именно ее ты и найдешь в этой Бутылке.— Крэйг задумчиво пожевал губами.— Или, может, в ней что-нибудь из твоего детства. Все завязано в маленький платочек — озеро, дерево, на которое ты лазил, зеленая трава, река. Что ты на это скажешь?

Взгляд Бека остановился на какой-то далекой-далекой точке.

— Иногда мне кажется... да, почти это, что-то очень близкое. Прошлые... жизнь на Земле. Не знаю.

Крэйг кивнул:

— Что в Бутылке — зависит, может быть, от того, кто в нее посмотрит. Вот если бы в ней оказалось чуточку виски...

— Ищи, не ленись,— сказал Бек.

Семь комнат были полны сверкания и блеска; от самого пола до потолочных балок громоздились на полках бочонки, кувшины, бутылки, вазы из красного, розового, желтого, фиолетового и черного стекла. Бек разбивал сосуды один за другим, убирал с дороги раз навсегда, чтобы ему не пришлось их перебирать и пересматривать заново.

Он покончил с одной комнатой и сейчас стоял, готовый вторгнуться в следующую. Сделать это он почти боялся. Боялся, что на этот раз наконец найдет Синюю Бутылку, что поиски закончатся и из его жизни уйдет смысл. Лишь после того, как десять лет назад он всю дорогу от Венеры к Юпитеру слушал рассказы одержимых страстью к путешествиям о Синей Бутылке, в жизни у него появилась цель. Лихорадка загла его, и с той поры он пылал. Подступись к делу правильно — и надежда найти Бутылку наполнит содержанием всю твою жизнь. Впереди у тебя лет тридцать, не меньше, если только ты не будешь, разыскивая Бутылку, лезть из кожи и не признаешься даже себе, что вовсе не Бутылка тебе нужна, а сами поиски, азарт охоты, пыль, города и бесконечный путь.

Послышалось что-то вроде приглушенного фыркания. Бек повернулся и подошел к выходящему во двор окну. Неподдалеку, едва слышно мурлыча, остановился небольшой серый мотоциклетноход. С сиденья слез полный блондин и стал оглядывать город. «Тоже ищет,—подумал Бек и вздохнул.— Нас тысячи, и мы все ищем, ищем. Но этих городов, городков и селений, рушащихся от твоего крика, тоже тысячи, и только за тысячу лет можно разобрать и просеять все, что от них осталось».

В дверном проеме появился Крэйг.

— Ну, как дела?

— Не везет.— Бек втянул носом воздух.— Никакого запаха не чувствуешь?

— Запаха?— И Крэйг посмотрел вокруг.

— Вроде... виски «бурбон».

— Ха-ха-ха!— рассмеялся Крэйг.— Да ведь это от меня.

— От тебя?!

— Только что выпил. Нашел сейчас вон в той комнате. Как обычно, расшвырял кучу бутылок, и в одной оказалось немножко «бурбона» — вот я и выпил.

Бека забила дрожь, он смотрел на Крэйга, не отрывая глаз.

— Откуда... откуда «бурбону» оказаться здесь, в марсианской бутылке?— У него похолодели руки. Он медленно шагнул вперед: — Покажи скорее мне!

— Да ведь это наверняка не...

Покажи, черт бы тебя побрал!

Бутылка из небесно-синего марсианского стекла, совсем небольшая, стояла в углу, и, когда Бек ставил ее на стол, рука его не почувствовала веса — словно бутылка, легкая и прозрачная, была соткана из воздуха.

— В ней до половины «бурбона»,— сказал Крэйг.

— Что ты выдумываешь, она пустая! — воскликнул Бек.

— Потряси ее.

Бек поднял бутылку и встряхнул.

— Слышишь, булькает?

- Нет, не слышу.
— А я слышу ясно.

Бек поставил ее назад, на стол. Солнечный свет, проникая сквозь боковое окно, остриями лучей высекал из узкого сосуда синие искры. Это была синева звезды, которую держат на ладони. Синева неглубокой океанской бухты в полдень. Синева бриллианта в лучах утренней зари.

— Это она,— выдохнул Бек.— Я знаю, что это она. Больше искать не надо. Мы нашли Синюю Бутылку.

Крэйг посмотрел на него недоверчиво:

— Нет, ты и вправду ничего в ней не видишь?

— Ничего. Но...— Бек наклонился к Бутылке и стал пристально рассматривать глубины этой вселенной из синего стекла.— Может быть, если я откупорю и выпущу наружу то, что там внутри, я узнаю наверняка.

— Я закупорил плотно. Давай открою.

Крэйг протянул к Бутылке руку.

— Прошу прощения, джентльмены,— послышалось у них за спиной.

Они обернулись и увидели полного блондина, в руке у него был пистолет. Он не смотрел на их лица, он смотрел только на Синюю Бутылку. Лицо у него расплылось в улыбке.

— Терпеть не могу прибегать к помощи оружия, но в данном случае это неизбежно — вон то произведение искусства нужно мне просто позарез. Предлагаю отдать его добровольно.

Бек почти обрадовался. Было, пожалуй, даже что-то красивое в том, как эти два события совместились во времени; в глубине души он желал себе чего-нибудь в этом роде — чтобы у него украли сокровище, когда он будет уже держать его в руках. Теперь предстояло не меньше четырех-пяти лет новых поисков, погони, борьбы, выигрышей и потерь.

— Ну так давайте же ее мне,— сказал блондин.

Он поднял пистолет.

Бек протянул ему Бутылку.

— Невероятно. Просто невероятно,— сказал полный блондин.— Так легко, что даже не верится: зашел, услышал голоса и вдруг мне дают Синюю Бутылку. Невероятно!

И он, негромко посмеиваясь, не спеша направился из комнаты к выходу, в сияние дня.

Под двумя холодными марсианскими лунами лежали скелеты и прах полночных городов. Подпрыгивая на ухабах, дребезжа, вездеход полз по разрушившейся дороге мимо этих городов, где фонтаны, гиростаты, уцелевшая мебель, картины, металлические страницы древних книг были запорошены штукатуркой, высохшими крыльями насекомых. Полз мимо городов, которые, давно перестав быть городами, стали мельчайшей пылью, а эта пыль бездумными цветами распускалась на лозах ветров то здесь, то там, то рядом, то за много миль отсюда — как песок в гигантских песочных часах, снова и снова строящий свои пирамиды. Безмолвие пропускало машину и смыкалось сразу же позади.

— Нам никогда не найти его, — сказал Крэйг. — Черт бы побрал эти дороги! Развалились от времени — сплошные ухабы и рытвины. Ему, на мотоцикле, легче, он может петлять и лавировать. А, черт!

Они резко свернули, чтобы объехать совсем плохой участок дороги. Их машина действовала как ластик: впереди ровная серая поверхность, они наезжают на нее — и из-под вековой пыли проступают золото и яркая зелень древней марсианской мозаики, которой выложена дорога.

— Подожди! — крикнул Бек и остановил машину. — Что-то мелькнуло сзади.

— Где?

Они проехали ярдов сто назад.

— Да вон же! Видишь? Это *он*.

В канаве у дороги валялся мотоцикл-дюноход, а поперек него в неудобной позе лежал блондин. Он не шевелился. Глаза его были широко открыты, и они тускло блеснули, когда Бек осветил фонариком.

— Где Бутылка? — спросил Крэйг.

Бек спрыгнул в канаву и подобрал пистолет блондина.

— Не знаю. Здесь ее не видно.

— Отчего он умер?

— И этого я не знаю.

— Машина вроде бы в порядке. Это не авария.

Бек перевернул тело.

— Ран нет. Все выглядит так, будто он просто... остановился, по собственной воле.

— Может, сердечный приступ? — предположил Крэйг. — Разволновался из-за бутылки. Отправился сюда, чтобы лучше спрятаться. Думал, все обойдется, но приступ его угробил.

— А где тогда Синяя Бутылка?

— Кто-нибудь проходил мимо. О господи, ты же знаешь, сколько народу ее ищет...

Пристально всматривались они в окружавший их мрак. Впереди, на синих холмах, в усыпанной звездами тьме, что-то двигалось.

— Вон, гляди, — показал Бек. — Три пешехода.

— Наверно, это они и...

— О боже, смотри, смотри!

Внизу, в канаве, фигура полного блондина загорела, начала таять. Глаза его были теперь как два лунных камня на дне быстрого потока. Лицо исчезало, превращалось в пламя. Волосы стали похожи на короткие нити фейерверка, они горели и плевались огнем. На глазах у Бека и Крэйга тело задымилось. Пальцы задергались в пламени. И, как будто гигантский молот ударил по стеклянной статуе, туловище рассыпалось в пыль, и она поднялась и исчезла в пылении огненных хлопьев, стала облачком тумана, и ночной ветерок унес ее по ту сторону дороги.

— Они, наверно... что-то с ним сделали, — сказал Крэйг. — Те трое... у них, видимо, какое-то новое оружие.

— Но ведь такое уже бывало, — возразил Бек. — С теми, кто находил Синюю Бутылку, так я слышал. Они исчезали. И Синяя Бутылка переходила к другим, и те тоже исчезали. — Он тряхнул головой. — Когда тело лопнуло, казалось, будто взлетел миллион светлячков...

— Попытаешься догнать?

Бек вернулся в машину. Окинул взглядом дюны, холмы праха и молчания.

— Нелегко будет, но, пожалуй, попробую. Теперь я... просто не могу иначе. — Он помолчал, а когда заговорил опять, то обращался уже не к Крэйгу: — Кажется, я знаю, что в Синей Бутылке... Наконец-то

я понял: в ней то, чего я больше всего хочу. И оно меня ждет.

— Я не поеду,— сказал Крэйг, подходя к машине, где, положив руки на колени, сидел в темноте Бек.— Не поеду гоняться за тремя вооруженными людьми. Я хочу жить, Бек, всего только жить. По мне, так этой Бутылки хоть бы на свете не было. Рисковать ради нее своей шкурой я не намерен. Но тебе желаю удачи.

— Спасибо,— сказал Бек.

И поехал за дюны.

Прохладная ночь стекала, как вода, по прозрачному колпаку вездехода.

Резко тормозя в высохших руслах мертвых рек, на рассыпях гальки в меловых потеках, Бек находил свой путь между огромных скал. Полосы света от двух марсианских лун окрашивали в желто-золотистый цвет высеченные на скалах барельефы богов и животных, лица в милую высоту, на которых вырубленные письма увековечивали марсианскую историю; невероятные лица с открытыми глазами-пещерами.

От рева мотора срывались и падали со скал камни. Части древних скульптур, золотившихся в свете лун, обрушивались каменным ливнем и исчезали в холодной, как колодезная вода, синей тьме.

Бек ехал, и рев мотора возвращал мысли его назад, ко всем ночам последних десяти лет, ночам, когда он разжигал костры на дне высохших морей и старательно, не спеша, готовил себе пищу. И, заснув, видел сны. Всегда одно и то же: будто он хочет чего-то. Но не знает, чего. В годы молодости была тяжелая жизнь на Земле, паника 2130 года, голод, разруха, беспорядки, нужда. Потом — шатание по планетам, годы без женщин, без любви, одинокие годы. Выходишь из тьмы на свет, из чрева матери в мир — и что ты находишь в нем для себя?

Ну а тот мертвый, в канаве? Не искал ли он тоже всегда чего-то необычного? Такого, чего у него не было? И что вообще есть на свете для таких, как он, Бек? Или для кого бы то ни было? Да и есть ли на свете хоть что-нибудь, к чему стоило бы стремиться?

Есть. Синяя Бутылка.

Он резко затормозил, выпрыгнул с пистолетом наготове. Начал перебегать, пригибаясь, от дюны к дюне. Впереди, на холодном песке, рядом лежали, вытянувшись, те трое. Они были с Земли, в одежде из грубой ткани, с загорелыми лицами и огрубевшими руками. Рядом с ними поблескивала в свете звезд Синяя Бутылка.

На глазах у Бека тела начали таять. Они исчезали, становясь струйками пара, каплями росы, прозрачными кристаллами. Мгновение — и от них не осталось и следа.

Когда, прилипая к его губам и щекам, повисая на ресницах, просыпался дождь пепла, Бек почувствовал холод.

Он окаменел.

Полный блондин. Мертвые, исчезающие на глазах. Крэйг говорил, это какое-то новое оружие...

Нет.

Никакое не оружие.

Просто Синяя Бутылка.

Они откупоривали ее и находили в ней то, чего больше всего желали. Все долгие, одинокие годы несчастливые, мучимые неутоленными желаниями люди открывали ее в надежде найти то, чего не нашли на планетах мироздания. И наконец находили — так же, как нашли эти трое. Теперь было понятно, почему Бутылка так быстро переходит от одного человека к другому и почему исчезают люди. Урожай снят — и вот уж мякина шевелится в ветре на песке по берегам мертвых морей. Становится пламенем, светлячками. Туманом.

Бек поднял Бутылку и на расстоянии вытянутой руки начал ее рассматривать. Его глаза ярко блеснули. Руки дрожали.

Так вот, значит, чего на самом деле хотят все люди? Это и есть их тайное желание, запрятанное так глубоко, что о нем не догадаешься? То, к чему их бессознательно тянет? Вот, значит, чего безотчетно ищет, используя для этих поисков и собственное чувство вины, каждый человек?

Он ищет смерти.

Конца сомнениям, мукам, нужде, одиночеству, безнадёжности, страху — конца всему.

Но только каждый ли?

Нет. Например, Крэйг не ищет.

Бек поднял Бутылку выше. «Как просто,— подумал он,— и как правильно. Только этого я всегда и хотел. И ничего другого. Ничего».

Пустая Бутылка была открыта и поблескивала в свете звезд синевой. Бек поднес Бутылку ко рту и сколько мог, так, чтобы заполнить легкие, втянул выходящий из нее воздух.

«Наконец-то»,— подумал он.

Напряжение мгновенно его покинуло. Телу стало удивительно прохладно, потом— удивительно тепло. Он знал, что скользит по бесконечному звездному склону вниз, во тьму, пьянящую, как вино. Теперь он плавал в синем вине, и в белом вине, и в красном. В груди у него горели свечи и крутились огненные колеса. Он почувствовал, как от него отделяются руки. Почувствовал, как улетают ноги,— вот забавно! Он засмеялся. Не переставая смеяться, закрыл глаза.

Впервые в жизни он был счастлив.

Синяя Бутылка упала на холодный песок.

Крэйг шел и насвистывал. Светало. И вдруг он увидел Бутылку— она лежала, сверкая, на белом песке, в первых розовых лучах солнца, и около нее никого не было. Когда он наклонился поднять ее, послышался жаркий шепот искр. Несколько багровых и оранжевых светлячков мелькнули в воздухе и унеслись прочь.

Было тихо-тихо.

— Черт побери!— Он посмотрел на мертвые окна города неподалеку.— Эй, Бек!

И в прах рассыпалась башня, высокая, тонкая.

— Вот твоё сокровище, Бек! Мне оно не нужно. Приходи и забирай!

— ...забирай!— откликнулось эхо, и рухнула последняя башня.

Крэйг ждал.

— Ну уж это, я вам скажу!..— не выдержал он.— Вот она, Бутылка, в руках, а старина Бек неизвестно где.

Он встряхнул синий сосуд.

Внутри что-то булькнуло.

— Пожалуйста вам! Как в тот раз. Полна «бурбона», ей-богу!

Он сделал хороший глоток, вытер рот. Опустив Бутылку и раскачивая ее, сказал:

— Столько суеты ради двух-трех глотков «бурбона»! Подожду-ка я здесь старину Бека и отдам ему эту чертову Бутылку. А пока... не выпьете ли еще, мистер Крэйг? Спасибо, не откажусь.

Лишь один звук нарушал безмолвие мертвой земли — бульканье жидкости, льющейся в пересохшее горло. Синяя Бутылка сверкала в лучах утреннего солнца.

Крэйг блаженно улыбнулся и отхлебнул снова.

СОДЕРЖАНИЕ

Роджер Желязны. МОМЕНТ БУРИ. Пер. В. Баканова	3
Фредрик Браун. КУПОЛ! Пер. М. Загота	26
Клиффорд Саймак. ДОСТОЙНЫЙ СОПЕРНИК. Пер. Ю. Логинова	34
Роберт Шекли. ЗАЦЕПКА. Пер. Н. Евдокимовой	49
Роберт Шекли. РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ! Пер. А. Санина	62
Альфред Ван-Вогт. ЧУДОВИЩЕ. Пер. Ф. Мендельсона	83
Айзек Азимов. НЕЧАЯННАЯ ПОБЕДА. Пер. Д. Жукова	104
Гордон Р. Диксон. СТРАННЫЕ КОЛОНИСТЫ. Пер. В. Казанцева	123
Роберт Шекли. ЧТО В НАС ЗАЛОЖЕНО. Пер. А. Санина	139
Дж. Венс. ГНУСНЫЙ МАКИНЧ. Пер. А. Григорьева	152
Рэй Бредбери. КОСА. Пер. Н. Купяевой	173
Челси Куинн Ярбро. ЛЯГУШАЧЬЯ ЗАВОДЬ. Пер. А. Гвозди- евского	189
Клиффорд Саймак. ДУРНОЙ ПРИМЕР. Пер. С. Василь- евой	199
Рэй Бредбери. ЗЕМЛЯНЕ. Пер. Т. Шинкарь	218
Роберт Шекли. «ОСОБЫЙ СТАРАТЕЛЬСКИЙ». Пер. А. Иорданского	236
Сирил Корнблат. ГОМЕС. Пер. Т. Хейфец	261
Гордон Р. Диксон. МИСТЕР СУПСТОУН. Пер. В. Казанцева	288
Уильям Тенн. ПОСЫЛЬНЫЙ. Пер. А. Корженевского	313
Бен Бова. НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ПРОСЧЕТ. Пер. И. Можей- ко	330
Рэй Бредбери. СИНЯЯ БУТЫЛКА. Пер. Р. Рыбкина	339

Момент бури: Зарубежная научная фантастика/Пер. с англ.; Сост. В. С. Кондратьев.— М.: Мысль, 1991.— 349, [2] с.
ISBN 5-244-00224-4

В сборник вошли произведения наиболее известных зарубежных писателей-фантастов — А. Азимова, Р. Шекли, Р. Брэдли, К. Саймака и др. В форме научно-фантастических новелл изложены гуманистические взгляды авторов на взаимоотношения человека с окружающей средой, раскрыты его творческие и индивидуальные особенности, упорство и стойкость в экстремальных ситуациях. Авторы выступают против духовного оскудения, упрощенческого отношения к окружающему миру.
Для широкого круга читателей.

Заказное

ББК 83.33

Научно-художественное издание

МОМЕНТ БУРИ

Зарубежная научная фантастика

Перевод с английского

Редактор Е. И. Потапова
Оформление художника А. Ю. Остроменцкого
Художественный редактор А. Л. Сальников
Технический редактор Т. Г. Сергеева
Корректор И. В. Шаховцева

ИБ № 4052

Сдано в набор 07.03.90. Подписано в печать 30.11.90. Формат 84 × 108 1/32.
Бумага типографская № 2. Печать высокая. Гарнитура типа «Таймс». Усл.
печатных листов 18,48. Усл. кр.-отг. 18,92. Учетно-издательских листов 19,07.
Тираж 150 000 экз. Заказ № 220. Цена 5 р.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71. Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО
«Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати.
113054, Москва, Валовая, 28.

5р.

МЫСЛЬ

